

**красное
знамя**

ВЕК
С ЛЮБИМОЙ
ГАЗЕТОЙ

ВЕК С ЛЮБИМОЙ ГАЗЕТОЙ

ВЕК
С ЛЮБИМОЙ
ГАЗЕТОЙ

ТОМСК - 2018

*Редколлегия благодарит
генерального директора ООО «Газпром трансгаз Томск»
Анатолия Ивановича ТИТОВА
за помощь в издании книги.*

ББК 76.024.711.1(2Рос-4Том)

УДК 002.2(091)(571.16)

В26

Век с любимой газетой. - Томск, 2018, 220 с.

Книга «Век с любимой газетой» о журналистах, людях одной из самых интересных профессий, неугомонных по складу души и свойствам характера, готовых ради интересов своих читателей и по заданию редактора мчаться «за туманом и за запахом тайги» хоть на край света. Это они 100 лет назад взяли на себя громадный труд - развернуть над просторами Томской губернии «Знамя революции», а затем и «Красное знамя», газету, которая, несмотря на все общественные катаклизмы революционных лет и Гражданской войны, вела неустанную редакционную работу, отражая жизнь во многих проявлениях и красках, в меру идейных установок и способностей сотрудников. Эту традицию газета продолжает и сегодня, рассказывая о самых главных событиях, происходящих в Томской области и стране.

Книга состоит из интереснейших воспоминаний журналистов и нештатных сотрудников редакции, исторических обзоров, отразивших во всей полноте события, произошедшие в стране за десятилетия существования газеты. Впервые за столетие стали известны дела и судьбы многих редакторов газеты, журналистов, вписавших яркую страницу в историю «Красного знамени». Архивные документы предоставлены Центром документации новейшей истории Томской области (Л.Н. Приль), Томской областной библиотекой им. А.С. Пушкина (Н.М. Барабанщикова). Книга прекрасно иллюстрирована. Это было нелегко сделать: полгода редакция искала снимки, обращаясь с просьбой к родственникам уже ушедших коллег, и к тем, кто сейчас находится на заслуженном отдыхе. Опубликовано то, что удалось собрать за это время. Благодарим всех краснознаменцев, приславших свои воспоминания, снимки для этой книги.

Издание рассчитано на широкий круг читателей и может стать подспорьем для ученых-историков, изучающих становление сибирской прессы, в том числе в Томской области, после Великой Октябрьской социалистической революции и в последующие годы.

Редакционная коллегия:
Н.И. Маскина, В.И. Федоров, Т.Е. Кондрацкая.

«Красное знамя» – не просто газета, а, как сейчас модно говорить, настоящий бренд. Региональные ежедневные издания с вековой историей в России можно пересчитать по пальцам. И наша томская газета – одна из них.

Безусловно, столетний кредит доверия читательской аудитории к газете объясним только одним – профессионализмом и любовью к профессии журналистов, кто все эти годы создавал «Красное знамя».

По газетным страницам можно смело изучать историю Томской области, а по именам «краснознаменцев» – томскую журналистику. Рад, что эти яркие имена собраны под одной обложкой этой книги.

Сергей ЖВАЧКИН,
губернатор Томской области.

Для многих из нас газета «Красное знамя» стала родной с детских лет. Все эти годы трудом журналистов создавалось, пожалуй, главное для любого СМИ – безупречное доверие читателей. Вы заслужили его в советские времена, сохранили в смутные годы и приумножаете сегодня.

Невозможно представить, что когда-нибудь будет иначе...

Оксана КОЗЛОВСКАЯ,
председатель Законодательной Думы
Томской области.

Вся моя жизнь связана с «Красным знаменем» – газету всегда выписывали и читали в нашей семье. Именно на ее страницах появился первый материал, связанный с моей профессиональной деятельностью. Да, наверное, и всю мою биографию можно проследить по публикациям в этом издании! И теперь на депутатской работе я нередко тоже обращаюсь в «Красное знамя», чтобы донести до жителей области важные решения, принятые Госдумой, обсудить с людьми ту или иную острую проблему, узнать их мнение. Знаю, что обратная связь обязательно сработает, и меня услышат – ведь газета по-прежнему популярна, ее читают, ее уважают.

В «Красном знамени» работают талантливые, ответственные журналисты, уважающие свою читательскую аудиторию, что особенно ценно. Вот уже почти 25 лет газету возглавляет Татьяна Кондрацкая, с которой я дружу не одно десятилетие. И ей, и всему коллективу желаю уверенно идти заданным 100 лет назад курсом.

Татьяна СОЛОМАТИНА,
депутат Государственной Думы РФ.

Мне кажется, не было бы сегодняшних СМИ, если бы не было газеты «Красное знамя».

Порядочность, честность, умение говорить правду – отличительные черты журналистов издания. Именно в этом секрет долголетия газеты. Читатели ценят «Красное знамя» за умение не только констатировать факты, но и анализировать их. Газету отличает конструктивная критика, помогающая власти решать те острые проблемы, о которых она рассказывает.

Верю, что ваш новый золотой век будет таким же ярким и плодотворным.

Иван КЛЯЙН,
мэр города Томска.

ВСЕГДА С ЛЮДЬМИ

Отношение к газете «Красное знамя», которая прошла целое столетие рядом со своими читателями, изначально строилось на взаимном уважении, доверии к печатному слову.

Это я особенно здраво почувствовала, когда мы вместе с сотрудниками Томской областной универсальной библиотеки имени А.С. Пушкина ездили по районам области, встречаясь с читателями в рамках совместного проекта «100 лет вместе», посвященного юбилею издания. Повсюду приходили люди, заинтересованные в таком разговоре, их никто специально не собирал, они шли по зову сердца, чтобы поделиться своими мыслями, высказать тревогу за судьбы школы, детей и внуков, поселка, за экологию края. Кто-то из них не хотел мириться с ущербом, наносимым лесам «черными лесорубами», безответственными хозяйственными руководителями. А самое главное – им до всего было дело. Приходили читатели с 35-40-летним стажем и более. Для них газета «Красное знамя» была и остается авторитетным печатным органом, верным другом семьи. Это с ее полос они узнают свежие новости, могут прочитать сообщение о приезде столичной знаменитости, очерк об известных томичах, статьи на самые острые темы.

Как работник Центра документации новейшей истории Томской области я хорошо знакома с содержанием номеров «Красного знамени» за минувшие десятилетия, в том числе и военных лет. В течение почти трех четвертей века, с 1917 по 1991 гг., газета «Красное знамя» была надежным рупором губернского, окружного, городского комитетов РКП(б)- ВКП(б) и Советов депутатов, а с созданием области в 1944 году – Томского обкома КПСС и облисполкома. С прекращением деятельности КПСС учредителями газеты выступил коллектив редакции. По архивным документам удалось установить фамилии всех редакторов и их заместителей за все годы существования «Красного знамени». В списке руководителей редакции более четырех десятков фамилий.

А еще я хочу сказать, что газета и в горе, и в радости всегда оставалась с людьми, своими читателями, ради которых журналисты ведут

Людмила Приль подготовила интересное выступление о газете к юбилейной выставке.

бесконечный диалог, ищут и находят все новые формы и средства общения. Да, газета не могла отразить во всей суровой полноте и реальности то, что происходило на самом деле на фронтах Великой Отечественной войны. И в силу секретности для освещения тех или иных событий, и потому, чтобы не доводить людей до паники. Но все равно те же вечерние и утренние сообщения Информбюро, которые рассказывали о положении на фронтах, создавали достаточно широкую картину событий. Именно «Красное знамя» в годы Великой Отечественной войны было единственным и главным источником информации. Несмотря на мобилизацию части сотрудников, и ограниченный тираж, журналистам редакции удавалось своевременно размещать на газетных полосах сводки Информбюро, широко освещать трудовые и боевые подвиги, сообщать имена героев, в том числе наших земляков, особо отличившихся в боях.

Газета подробно рассказывала о том, что происходило в сибирском тылу, на заводах и фабриках, на колхозных полях. Делилась ценным опытом, подсказывая, как правильно поступить в тех или иных жизненных обстоятельствах, выполняя свою организующую и направляющую миссию. Журналисты писали не только о нехватке продуктов, сколько о том, что можно сделать, где, как и за счет чего вырастить, создать, построить.

С радостью приветствую издание книги «Сто лет с «Красным знаменем». Участие в работе над ней многих журналистов, их воспоминания помогли создать объемную историческую картину. Отрадно, что свой посильный вклад в подготовку книги внесли сотрудники Центра документации новейшей истории Томской области. Впервые, как я уже сказала, удалось собрать биографии почти всех редакторов «Красного знамени». А через эти сведения хорошо и наглядно просматривается история нашей страны, со всеми перипетиями и репрессиями 30-х годов прошлого века, жестокими испытаниями на прочность в период военного времени.

Должность редактора была настолько ответственной, что многие продержались на этом посту всего несколько месяцев и даже недель. Характерный пример - судьба Николая Петровича Земского. В 1940 году он был заместителем редактора. В мае 1941-го его утвердили редактором. Но в августе газета опубликовала сводку Информбюро с мелкими огражами. Сегодня бы их просто не заметили. А тогда последствия оказались самыми тяжелыми. Невзирая на то, что информацию готовил другой человек и Земсков не имел к ней прямого отношения, ему как редактору пришлось отвечать по полной программе. Исключили из партии, сняли с должности. Осталась лишь одна возможность «искупить свою вину» - добровольно пойти на фронт. Участвуя в боях, Н. Земсков получил тяжелое ранение, инвалидность. После фронта его восстановили в рядах партии, вернули в газету. Однако над редактором по-прежнему висел дамоклов меч вероятной ошибки из-за технического сбоя в передаче информации.

Послевоенные годы стали золотым периодом становления коллектива редакции, «краснознаменной школы». 11 июля 1949 года в Томск в качестве редактора в распоряжение обкома

ВКП(б) был командирован Владимир Александрович Кузьмичев. Фронтовик, человек известный в журналистском сообществе своими блестящими работами по социологии в начале 30-х годов, жесткий руководитель, он начал тщательно подбирать кадры. Заместителем у него был тоже участник Великой Отечественной войны, гвардии майор Александр Николаевич Новоселов, который затем был назначен редактором. А с приездом в Томск нового первого секретаря обкома партии Егора Кузьмича Лигачева сложились все условия для создания широко известной томской школы журналистики.

Начиная с 30-х годов на страницах «Красного знамени» активно обсуждались проблемы Кузбасса - Урала, в Томске создавалась научная база. Связи Томска с Кузбассом укреплялись и развивались и в период послевоенного восстановления, и в 70-80-е годы, когда на территории нашей области осваивался нефтегазовый комплекс. Все это нашло самое широкое отражение на страницах «Красного знамени», ко всему имели отношение журналисты редакции. Частые командировки, встречи с людьми, строгое соблюдение принципа «краинего поля», доскональное знание обстановки на местах позволяло создавать глубокие аналитические статьи, колоритные очерки, предоставлять читателям оперативную, живую информацию из первых рук. Всё неспроста, пройдя школу «Красного знамени», стали известными писателями и поэтами Виль Липатов, Сергей Заплавный, Борис Климычев, Вадим Макшеев, Геннадий Скарлыгин. Такому обилию имен может позавидовать любая областная редакция. Настолько удачно сложились обстоятельства: пассионарный первый секретарь обкома партии Е.К. Лигачев и универсальный редактор А.Н. Новоселов.

Создание книги «Сто лет с «Красным знаменем» - дань благодарной памяти тем, кто не покладая рук трудился и продолжает работать в наши дни, выпуская газету, любимую многими тысячами томичей и жителей области. Поздравляю с творческим успехом коллектив редакции и всех, кто принимал участие в ее подготовке к печати.

Людмила ПРИЛЬ,
заместитель директора Центра документации
новейшей истории Томской области.

РОЖДЕННАЯ В «МИНУТЫ РОКОВЫЕ»

Хроника первых лет

ПЕРВЫЙ НОМЕР БУДУЩЕГО «КРАСНОГО ЗНАМЕНИ» ВЫШЕЛ 16 МАРТА 1917 ГОДА КАК «ИЗВЕСТИЯ СОВЕТА СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ ТОМСКОГО ГАРНИЗОНА». С 1 ИЮНЯ 1917 ГОДА ГАЗЕТА УЖЕ СТАЛА НОСИТЬ НАЗВАНИЕ «ЗНАМЯ РЕВОЛЮЦИИ» И БЫЛА ИЗДАНИЕМ ТОМСКОГО СОВЕТА РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ.

В марте-октябре 1917 года выступала с общенациональных позиций, с ноября 1917-го – с большевистских. Первым ее редактором был В.Д. Вегман. В 1917 году вышло 170 номеров, в 1918-м – 101. С июня 1918 по октябрь 1919 гг. газета не выходила, так как город был занят белыми. Издание «Знамени революции» возобновилось 20 декабря 1919 года, однако в январе 1920-го приостановилось, и в течение месяца выходил «Сибирский коммунист», орган Томского губревкома. С возвращением в Томск В.Д. Вегман вновь возглавил редакцию газеты и вернул прежнее название «Знамя революции». С октября 1921 года газета была переименована в «Красное знамя».

Рождение нашей газеты, столетие которой мы нынче отметили вместе со своими читателями, совпало с Февральской революцией, в результате которой рухнула самодержавная Россия. Правда, по утверждению современников, мало кто понимал, что рушится страна. Преобладали энтузиазм и уверенность, что вскоре начнется новая жизнь.

Временное правительство оказалось неспособным решать задачи государственного управления. Инфляция и рост цен зашкаливали. В деревню потянулись мешочники и карательные отряды, потому что хлеб был нужен всем. Не были решены ни рабочий, ни национальный вопросы, ни даже самый главный вопрос революции – о власти. Наряду с Временным правительством по всей России, в том числе и в Томской губернии, начинают действовать Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Именно большевики в тот момент сумели перевести все разрушительные течения в созидательное русло. И эти роковые дни переустройства мира и привычных устоев жизни нашли самое разностороннее отражение на страницах газеты «Знамя революции».

Другие в тупоруки бороды
многих русских порошок с приспособлением, лестнице яйца давали
всегда вспомогательную роль, а то и
заняться, пушкающейся яичницей посыпало
ко ей на тарелку, из
самостоятельной, но не для употребления.

Девяносто яиц берется куриное
сваренное, яичница не поддается
подготовке. Примечательно, что
яичница не требует яиц
какого-либо вида. Нуанс было вспомогательной
изкусственной яичницей, чтобы
все яйца были одинаковы в размерах, и подавались пропущенными
все яйца в пюреобразном. Техни-
чески яичница представляла

Рожденная в «минуты роковые», газета начиная с выпуска первого номера 1 июня 1917 года последовательно и достаточно широко освещает наиболее животрепещущие вопросы, отражает события, происходящие в стране, Томской губернии и Томске. Обратимся к конкретным публикациям. Из аналитического обзора Розенберга «Продовольственная разруха» даже малообразованный читатель вполне мог понять существование проблемы. «Одним из самых жгучих вопросов переживаемого времени является продовольственный, - сообщал корреспондент, - «голод не тетка», гласит пословица. Пока население не обеспечено хлебом и вообще предметами первой необходимости, новый строй, новые порядки висят в воздухе, являются воздушными замками. Старый режим пал под ударами тех, которые не име-

уйти в подполье, сделать большую временную паузу, с июня 1918-го по декабрь 1919 года, когда войсками 5-й Армии Томск был освобожден от колчаковцев.

После просмотра уцелевших номеров «Знамени революции» первоначального периода подготовлено и напечатано в «Красном знамени» в феврале-марте нынешнего года несколько обзоров: «Год рождения – 1917», «Мир хижинам, война дворцам», «Губернский Томск в трагические дни», «Таким был мир в минуты роковые...», «По убийственным волнам революций», «Октябрь 1917: от Петербурга до Томска». Газета ярко и эмоционально отражала события, происходившие в стране, Томской губернии и самом Томске, прежде всего, между двух революций – Февральской и Октябрьской. Голос народа, пробудившегося от векового сна, звучал громко и убедительно, с улиц, запруженных людьми, в каждом номере печатались репортажи, сама жизнь стучалась в стены редакции, и журналисты спешили передать многоголосие городской толпы. Все, кому это будет интересно, смогут прочитать упомянутые обзоры в нашей книге.

Однако один интереснейший период возрождения газеты оказался недостаточно освещенным. Поэтому мы очень благодарны сотрудникам ОГКУ «Центр документации новейшей истории Томской области», высокий профессионализм которых позволил ознакомиться в деталях и подробностях с деятельностью газеты «Знамя революции» сразу после ухода из Томска белогвардейских войск.

От «Знамени революции» к «Красному знамени»

Сохранились подлинник доклада Томскому революционному комитету заведующего хозяйственной частью редакции Якова Левенштейна, списочный состав сотрудников с назначенным им жалованьем, а также смета расходов и приходов за март, апрель и май 1920 года, из которой видно, в каких невероятно сложных условиях издавалась газета. И тем не менее уже 19 декабря 1919 года было выпущено около 750 телеграмм для информации населения о текущих событиях. В тот же день удалось приступить к изданию газеты «Знамя революции». 20 декабря вышел первый номер.

Обязанности редактора временно исполнял Яков Рафаилович Елькович. Правда, без увереной и твердой руки Вениамина Давидовича Вегмана начались какие-то реформации и шатания. Но

10 января 1920 года Елькович уехал, и обязанности редактора с 10 по 30 января исполнял Арнольд Генрихович Емолин. Более того, с 1 января газету переименовали, назвав «Сибирский коммунист», что вряд ли способствовало ее широкой популярности, особенно в сельской местности. Правда, с 1 февраля 1920 года постановлением парткома и ревкома газете возвратили прежнее имя «Знамя революции». А самое обнадеживающее известие – у руля снова в третий раз встал Вениамин Давидович Вегман, который сохранял взятый курс на сближение с читателями, поддерживал стремление сотрудников интереснее и глубже освещать события общественно-политической жизни страны, города Томска и сельской глубинки.

Однако подобные пертурбации не могли не повлиять на качество публикаций и общее содержание газеты. «До 26 декабря 1919 года, – отмечается в докладе, – в газете печатались всевозможные платные объявления, но с 27 декабря, согласно постановлению центра, печатание объявлений частного характера прекратилось. В то же время официальные, партийные, профессиональные и советские объявления печатались бесплатно. Считаю также нeliшним отметить, что многие отделы загромождают газету длинными и маловажными объявлениями. И, если принять во внимание ограниченный размер газеты, редакция лишается возможности помещать весь информационный и агитационный материал, который она получает».

Вызывают интерес сведения о тираже газеты и подписчиках. Ежедневный средний тираж составлял 9580 экземпляров. Причем массовые заказы, поступающие из армии и разных городов, не удовлетворялись из-за отсутствия достаточных запасов бумаги. Количество выпускаемых газет не соответствовало запросам населения. Ощущалась большая нужда во вкладных листах для потребности различных организаций и отделов, начиная с Крестьянской организации, Союза коммолодежи, Совнархоза, Совсоюзов, Наробраза и других. Вкладным листом обслуживался только партком.

Любопытна градация подписчиков. 1564 городских, из них 1059 платных, 430 кредитных, 75 бесплатных. Иногородних – 804, из них 633 платных. 54 газеты рассылаются на обмен. Для розничной продажи – 3670 экземпляров. Разным учреждениям, партийным организациям и союзом отпускается в кредит 3362 газеты.

«Первое время газета печаталась на бумаге Сибирского товарищества, – сообщал заведующий хозяйственной частью, – потом по ордеру

Редакция газеты «Знамя революции».

Сидят: Гойфман, В.Д. Вегман, Константинов, стоят: Несмелов, Атмакин.

ревкома мы получили со станции Томск-II бумагу, захваченную у белогвардейцев. Для хранения наняли каменную кладовую, куда поместили также бумагу, купленную в разное время в количестве 361 пуда по 500-700 рублей за пуд. Но этих запасов уже не осталось. Поэтому с 17 марта газета должна печататься на бумаге полиграфического отдела, который считает нам пуд по 1600 рублей. На какое время газета будет обеспечена бумагой, определить не можем, так как снабжение всех учреждений и предприятий лежит на полиграфическом отделе. Приобретение бумаги сепаратно, помимо полиграфического отдела не разрешается. Нелишне заметить, что газета должна иметь неприкосновенный запас бумаги, ибо только в этом случае будет обеспечен нормальный ее выход.

Должен еще указать, что на нашей бумаге сотрудники выпустили два номера стенной газеты Сиброста «Красный перезвон» в количестве 7000 экземпляров и пять выпусков телеграмм. При сем прилагаю смету расходов и хочу заметить, что дефицит вызван дороговизной и отсутствием главного дохода буржуазных газет – платных объявлений. Каждый номер обходится нам 4 рубля 87 копеек, а продаем его по 1 рубль 60 копеек и 2 рубля...»

С огромным трудом редакция сводила концы с концами. Ее издателями являлись Томский

уревком и партком, но за идеиную сторону газеты всецело ответственным был и оставался редактор В.Д. Вегман, член парткома. На своем ответственном посту он оставался до 24 июня 1920 года.

Все сколько-нибудь существенные вопросы в те годы решались на заседаниях парткома. Сохранился протокол № 13 заседания парткома от 29 января 1920 года. Гоникман предложил увеличить тираж газеты «Красный перезвон» и превратить ее из стенной в обыкновенную, а тираж газеты «Сибирский коммунист» сократить. Свое предложение он мотивировал тем, что «Сибирский коммунист» использует непопулярный для деревни язык и освещает вопросы, мало затрагивающие интересы сельских жителей. Так, на рядовом заседании парткома возникла большая опасность для судьбы газеты «Знамя революции», а впоследствии и «Красного знамени». Однако вовремя вмешался В.Д. Вегман и предложил газету «Красный перезвон» совершенно закрыть, а в газете «Сибирский коммунист» третью страницу предоставлять целиком специальным отделам. Более того, газету «Сибирский коммунист» переименовать в «Знамя революции». Свое резонное предложение Вениамин Давидович мотивировал тем, что выпуск двух газет для Томска обременителен, для этого не хватает сил и бумаги. А переименование объяснил тем, что более 270 номеров газеты «Знамя

революции» выпущено в Томске в 1917-1918 годах именно под таким названием. Печатное издание было и остается идейным руководителем томского пролетариата.

В результате газета «Красный перезвон» была закрыта. А на следующем заседании парткома 30 января 1920 года было принято предложение тов. Вегмана о переименовании газеты «Сибирский коммунист» в «Знамя революции».

Неподдельный интерес вызывает смета расходов по изданию газеты «Знамя революции» за март, апрель и май 1920 года. Жалованье сотрудникам распределялось вполне справедливо. Вениамин Вегман как редактор получал 2640 руб. в месяц, секретарь Георгий Гоберман – 2424, зав. отделом хроники Григорий Бакулев – 2316, репортеры Маркел Атмакин, Сергей Белокуров-Панкратов и Лев Абрамович – 1260, машинистка-регистратор Любовь Любарская – 1116. Не в накладе оставались и служащие. Зав. хозяйственной частью Яков Левенштейн – 2100, его заместитель Вера Димант – 1860, бухгалтер Люциан Масловский – 1560, кассир Леокадия Анишевская, конторщица Нина Кудряшева – 1260. Высоко ценился труд корректоров. Борис Несмелов – 2600, Александра Мануйлова – 1386 руб. Существенные суммы предусматривались на построчную оплату сотрудникам. На выпускаемый номер – 2010 рублей, на месяц – 50250, квартал – 150750 рублей. То есть репортеры, хроники и все пишущие журналисты могли удвоить свою ставку за счет полученного гонорара и по зарплате почти сравняться с редактором. Самыми низкооплачиваемыми были разносчики газет, получавшие по 500 рублей, хотя на этих самоотверженных людей ложился большой и опасный ночной труд по доставке газет в домашние почтовые ящики читателей. Каждый из этих 25 работников постоянно рисковал быть ограбленным, избитым или искусанным собаками. Подробнее с рассказом об их работе можно ознакомиться в обзоре «Наш музей изумительных людей» за 1927 год.

Неплохо знали свои служебные обязанности автор обстоятельного доклада Яков Левенштейн и составитель сметы расходов бухгалтер Люциан Масловский. Расписано и предусмотрено все, вплоть до продажи конторой 20 экземпляров газеты в день по 2 рубля. Стоимость рассылки 500 экземпляров газеты городским и иногородним подписчикам, а также рассылка 3645 экземпляров в кредит разным лицам и учреждениям. Предусматривался расход средств

на печать, набор, фальцовку, помещение, угар стереотипного материала, скрипидар для смывки набора, налоги, очистку ям, воду, освещение, побелку дома, телефон и другие траты, которые составляли 15 тысяч рублей на один номер и 375 тысяч за месяц. После знакомства с этой нехитрой бухгалтерией становится понятно, насколько неимоверно трудно было сводить концы с концами нашим самоотверженным коллегам на заре существования редакции еще в статусе «Знамени революции».

Дефицит от издания газеты превышал 868 тысяч рублей в месяц, а за три месяца – уже 2 млн 605 тысяч рублей. Напомним, что себестоимость номера составляла 4 рубля 87 копеек, а продать дороже двух рублей не представлялось возможным. Пресекалась любая инициатива заработать с помощью рекламы и объявлений. И тем не менее газета продолжала жить, а ее сотрудники, наши героические коллеги, творить.

Именно архивы и, конечно, томские краеведы и писатели сохранили колорит и общественно-бытовую обстановку первых месяцев после освобождения от белогвардейцев губернского города Томска. Вот что пишет об этом в романе «Прощаль» почетный гражданин Томска, наш замечательный поэт и писатель Борис Климычев: «Пришла весна 1920 года. Штабеля трупов на крутом берегу Ушайки горели теперь денно и нощно, насыщая округу смрадом и заглушая запахи клейких тополиных и березовых почек и вербных шишечек, которые сияли над водой как малые свечки, и была надежда, что все мертвое сгорит дотла, а все живое восторжествует...».

Тела сотен и тысяч томичей, погибших страшной и голодной зимой 1920 года от тифа и других болезней следовало незамедлительно прибрать, чтобы не допустить с приходом теплых дней еще более губительной эпидемии. Похоронить такую массу людей было невозможно. Вот почему новые власти организовали такой стихийный крематорий под открытым небом. А редакция «Знамя революции», несмотря на все общественные катаклизмы, вызванные пронесшейся над Россией революцией и еще не затихшей Гражданской войной, продолжала неустанную, хоть камни с неба падай, работу, отражая жизнь в меру своих способностей и идейных установок, во многих ее проявлениях и красках.

В 1920-21 годах в «Знамени революции» сменилось... девять (!) редакторов, что кос-

венно подтверждало крайне тяжелую, но просто экстремальную обстановку и в жизни, и в самой редакции. В. Вегмана сменил Константин Михайлович Молотов-Эйсмонт. Пробыв на своем посту до 1 сентября 1920 года, он уехал в отпуск, а затем на учебу. Вместо него по три недели и месяц газету возглавляли Андрей Андреевич Константинов и Г. Соболевский, а также секретарь редакции Георгий Гоберман. К. Молотов-Эйсмонт вернулся в редакцию 23 ноября 1920 года и проработал до 19 июля 1921 года. Некоторое время руководство редакцией осуществляла коллегия, а со 2 августа на должность редактора был назначен Лев Наумович Канцельсон. Это на его долю выпала честь подписать первый номер газеты «Красное знамя», вышедший в свет 1 октября 1921 года. Полтора месяца, до 17 ноября 1921 года, газету подписывал Василий Николаевич Стуков, затем до марта 1924 года редактором оставался Л. Канцельсон. В редакционную коллегию в этот период входили Барышев, Раиса Азарх...

Просматривая первые номера газеты «Красное знамя», обратил внимание на статью Раисы Азарх «К пересмотру и чистке рядов партии». Этот автор и в дальнейшем выделялся броскими заголовками и горячими призываами к действию, острыми корреспонденциями, фельетонами, важными первополосными выступлениями о съезде Советов, о продналоге, крестьянском вопросе и снежных заносах, о классовых боях на Западе. Поэтому читатели газеты того сурового времени едва ли удивились, узнав, что в ноябре 1921 года решением губернского комитета партии Р. Азарх утвердили редактором «Красного знамени».

Однако оказалось, что Раиса Азарх впервые появилась в Томске 20 декабря 1919 года, когда части 5-й Армии вступили в город. В этот день после длительного перерыва, вызванного присутствием колчаковцев и иностранных интервентов, вышла газета «Знамя революции», боевой орган томской большевистской организации. Белогвардейцы отступили под натиском бойцов 5-й Армии, оставив улицы, заваленные промерзшими трупами. Как председатель комиссии по ликвидации эпидемии сыпного тифа, Р. Азарх проявила выдающийся организаторский талант и личное мужество. С председателем прибыл санитарный поезд, состоящий из 150 врачей и 300 фельдшеров и медсестер. Капля в море, возможно, десятая часть медицинского персонала, необходимого, чтобы

спасать больных на огромной территории Томской губернии. Но, как известно, томичи во все времена и эпохи умели проявить свои лучшие человеческие качества. Сотни добровольцев отклинулись на призыв ухаживать за больными в госпиталях и больницах, невзирая на опасность заразиться смертельной болезнью. Газета «Знамя революции» также много сделала для организации всенародной борьбы за спасение тысяч жизней своих земляков. Как пример: шапка через всю полосу крупным шрифтом буквально звала на подвиг, объявляя: «ТИФ – КОЛЧАК ВНУТРЕННИЙ!»

Какие главные темы обсуждались на страницах «Красного знамени» холодной зимой 1921-22 годов? В каждом номере призывы о помощи голодающим Поволжья и других губерний европейской части России. Масштабы беды были невероятными. Пострадали самые хлебородные губернии по среднему течению Волги. Голод охватил больше десятка губерний с населением свыше 30 миллионов человек, в том числе шесть миллионов детей.

Под заголовком «Наш голод – Антанте лакомства» газета сообщает читателям: «Наш голод снова раздразнил аппетиты всемирных захватчиков. Желая взять Россию измором, они, как глава английского правительства Ллойд-Джордж, составили «дьявольский план». Суть его в том, чтобы признать царские долги. Советской власти дороже всякого золота жизнь рабочих и крестьян, ей важнее всего спасти крестьянские хозяйства... Но буржуазия оттягивает помочь голодающим под всякими предлогами. Безнравственна и цинична реакция СМИ сытых стран Европы на страшную трагедию миллионов голодающих Поволжья. «Да так ли уж силен голод в России? – спрашивает французская газета «Голуа». – Его Ленин выдумал. В Одессе достаточно пирожных. Ленин под видом помощи хочет завязать отношения с капиталистическими странами, взять заграницу на узочку...».

А новый редактор почти в каждом номере газеты выдавал «информационные снаряды» для решения неотложных задач: «Удесите нажим», «Продналог – это минимальное количество хлеба, – разъясняет автор, – которое нужно республике, чтобы прокормиться до нового урожая... Каждый пуд учтен, распределен... К ответу всех срывающих продналог, на золотую доску крестьянские хозяйства, выполнившие свой долг перед революцией...».

В 1967 году к 50-летию выхода первого номера «Красного знамени» с Раисой Азарх встретился в Москве наш специальный корреспондент Аркадий Брускин. Она подарила редакционной библиотеке книгу «Дорога чести» с таким автографом: «Моей родной редакции «Красное знамя» от ее бывшего редактора и автора этой книги о великом народе Испании, о сражениях за свободу, об интернациональном братстве. Раиса Азарх».

В труднейшие для жизни страны 20-е годы «Красное знамя» не оставалось в стороне от главных исторических событий, отражая жизнь во всем многообразии перемен, активно проходивших как в деревне, так и в городе. Шапки, заголовки, статьи, фельетоны, текущие и экстренные сообщения рабкоров и селькоров, штатных журналистов были подчинены главной цели – строительству новой жизни, развитию идей советской власти.

Историки отмечают, что до 1930 года ре-пресии были многочисленными, но не массовыми. Ликвидировали остатки партий, существовавших до 1917 года, уничтожалась внутрипартийная оппозиция. С 1930 года началась так называемая «кулацкая операция». Сотни тысяч семей с детьми и стариками в короткие сроки насильственно перемещали с родных сел и угодий в места необжитые, суровые, северные. Жизнь оставшихся односельчан строго регламентировалась, единоличные хозяйства объединялись в коммуны и колхозы. В процесс переустройства деревни были вовлечены десятки миллионов человек.

Под удар попадали и сотрудники газеты «Красное знамя». Одна из таких громких историй связана с крупным партийным работником, секретарем Томского окружкома ВКП(б) Исааком Нусиновым, отвечавшим за коллективизацию в нашем крае. Он прекрасно знал содержание директивы о мероприятиях по ликвидации кулачества как класса на территориях, переходящих к сплошной колхозизации, но не захотел делать это слепо, бездумно, лишь для «галочки». И в результате решился на отчаянный, поистине безрассудный шаг – написал и отправил письмо Сталину совершенно самоубийственного содержания, с резкой критикой генеральной линии партии по этому вопросу.

«Положение рабочего с каждым днем ухудшается, - спорил секретарь, - расценки снижаются, и будут снижаться. Что же получается?

Мы уничтожим кулака и его материальную базу, а заменить не сумеем... Денег, материальной базы и на колхозы, и на индустриализацию нам не хватает... Мы обогнали материальные предпосылки. Политика авантюрист может привести к гибели, нужен отбой, Иосиф Виссарионович, не переоценивайте себя, спуститесь к массам, прислушайтесь к их голосу...».

Пострадали не только сотрудники газеты «Красное знамя», но и те рядовые члены партии, кто поддержал искренний, человеческий порыв партийного секретаря, решившего, что имеет полное моральное право на свое мнение и участие в дискуссии. На страницах «Красного знамени» началось настояще шельмование Нусинова и «нусиновщины», поскольку таким клеймом незаслуженно стали обозначать деятельность партийных и советских работников, не во всем согласных с основной линией партийного и государственного строительства Советского Союза.

Николай Евдокимович Степанов возглавлял газету с марта по 21 октября 1930 года. Еще раньше, 12 октября, был уволен его заместитель Алексей Арсентьевич Панкрушин, а затем вместе с редактором исключен из партии. Их защитников Зельманова и Семыкина исключили из комсомола. 14 ноября 1930 года ячейка ВКП(б) при издательстве «Красное знамя» заслушала доклад о внутрипартийном положении и последних решениях о газете «Красное знамя». Общее собрание безоговорочно одобрило все мероприятия горкома и горКК, направленные на искоренение нусиновского наследия в работе газеты.

Для быстрой перестройки работы в редакцию направлено три ответственных работника и новый заместитель редактора Николай Александрович Тарабыкин. Редакторские дела с 7 января 1931 года принял Сергей Григорьевич Тихонов, позднее погибший на фронте в июле 1942 года.

С ленты газетных полос

Тридцатые годы стали для сотрудников редакции, как и для жителей области, да и всей страны, временем невиданных, просто адских испытаний. Именно 1930 год будет всегда памятным не только тем, что вслед за коллективизацией началась планомерная «кулацкая операция», но и порождением внесудебных органов – «троек», созданных по приказу ОГПУ № 44/2. Число потенциальных жертв росло в геометри-

ческой прогрессии, а следовательно, пропустить десятки, а затем и сотни тысяч человек через обычную судебную машину не представлялось возможным. «Тройки» же решали вопрос быстро, эффективно и жестоко, причем без излишних формальностей.

Газета «Красное знамя», вынужденная строго держать твердый политический партийный курс, регулярно публиковала на своих полосах материалы на темы коллективизации, создания на селе колхозов и коммун, ликвидации кулакства как класса и антирелигиозной борьбы. Корреспонденты газеты внимательно следили за тем, что происходило в деревне. Однако тех, кто допускал перегибы, подвергали самой жесткой и нeliцеприятной критике. Характерна острыя публикация в № 34 от 11 февраля под заголовком «Уполномоченный Мариинского Рика Малков раскулачил... середняков». «Председатель т. Герасимов спал и видел, - пишет корреспондент, - как он пустит кулака «в одних штанах по улице». При благосклонном участии секретаря райкома партии актив решил «раскулачить район за 24 часа». В четыре дня более 200 семей были пущены голыми по улице... Вместо изъятия только скота и средств производства, как сказано в постановлении правительства, забирали все, вплоть до пеленок и горшков... Это безобразие переходит в прямую контрреволюцию. Виновные в таких «операциях» должны понести самое жесткое на-

казание... Эти ретивые чиновники вооружают кулака, отталкивая к нему в союзники середняка. Раскулачивание по-мариински – политический авантюризм, голое администрирование...».

В газетных публикациях пыл горячей политической борьбы передавался остро, отражая настроение и атмосферу в обществе. Ярость масс возникала не только под влиянием пропаганды и требований выполнять партийные установки. Критиковали даже работников суда, если, по мнению активистов, кто-то из них проявлял мягкотелость.

Такое было время, и газета также являлась его безусловным заложником.

Прочитав сотни номеров газеты «Красное знамя», начинаешь представлять себе образы минувших лет, как бы слышать голоса революционных масс, крушащих устои самодержавия, призывы вождей революции, выступления рядовых участников эпохальных событий. Усилиями журналистов, их нештатных помощников непрерывно тянулась в будущее нескончаемая лента газетных полос, зеркально отражая сложные процессы в обществе, классовую борьбу, суды над троцкистами. Чего стоил, например, один из самых трагических периодов отечественной истории – репрессии 30-40-х и 50-х годов прошлого века. Но в этом лиходейном времени в памяти людской навсегда остался 1937 год – начало большого террора.

Правда, в газете он начался под фанфары и бой кремлевских курантов. Орденоносный профессор Николай Карташов в связи с Новым годом писал: «Нет ничего приятнее сознавать, что ты являешься гражданином такой прекрасной, сияющей счастьем страны... Мы любим советскую власть, свою коммунистическую партию и вождя Иосифа Виссарионовича Сталина. Мы любим свою социалистическую Родину и готовы в любую минуту отдать за нее все, вплоть до нашей жизни...».

Воодушевленные величием Стalinской Конституции, народы СССР вступали в новый 1937 год радостно, уверенно и бодро. Звенели слова популярнейшей тогда песни, едва ли не дублера гимна: «Широка страна моя родная, много в ней лесов, полей и рек, я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек...». Но воспетый рай на земле закончился после новогодней ночи. Уже в следующих номерах вступает в свои права суровая проза повседневной жизни.

С началом громкого политического процесса троцкистов в Москве в Томск непрерывно поступали телеграммы. Отклики, комментарии, письма публикуются в каждом номере. Заголовки один хлестче другого: «Подлейшие из подлых», «Стереть с лица земли», «Гадам не может быть пощады»... Обстановка в стране накалялась. Газета широко и всесторонне отражала этот «массовый общественный порыв». Авторы статей буквально захлебывались от лютого гнева. Главный процесс троцкистов в Москве стал мощным резонатором, вызвав многочисленные процессы на местах. «Красное знамя», не оставаясь в стороне, активно участвовало в обсуждении, публикуя обзоры под зубодробительными заголовками. Но главные людские трагедии были впереди. Еще не составлена печально знаменитая телеграмма секретарям обкомов, крайкомов и ЦК нацкомпартий, подписанная Сталиным 2 июля 1937 года и положившая начало большому террору.

На февральско-мартовском Пленуме ЦК партии Сталин закончил свою речь в адрес троцкистко-бухаринского блока ключевыми словами: «Понятно, что этих господ придется громить и корчевать беспощадно как врагов рабочего класса, как изменников нашей Родины...». Рамки «большого террора» пролегли между 5 августа 1937 и 17 ноября 1938 года. Если раньше репрессии велись против отдельных групп населения, то теперь абсолютно никто, невзирая на свой социальный статус, не мог чувствовать себя в безопасности.

В это трагическое десятилетие происходила самая частая сменяемость редакторов и замести-

телей редакторов «Красного знамени». С.Г. Тихонова 14 января 1932 года сменил Василий Петрович Босых, остававшийся на своем посту около года. Пришедший на смену Дмитрий Иванович Васильев через два месяца ушел в аспирантуру ТГУ. Всего до 9 октября 1933 года продержался в редакторском кресле Анатолий Павлович Прошляков, отбывший в распоряжение ЗапСибкрайкома. Несколько дольше других проработали Яков Михайлович Фоменко и Михаил Андреевич Михайлов. Первый - до 9 января 1935 года, второй - до 26 сентября 1936 года. Трагически оборвалась судьба заместителя Михайлова Сергея Матвеевича Калилова. Участник Великой Отечественной войны, он в составе 166-й стрелковой дивизии пропал без вести в сентябре 1941 года. Включен в список погибших фронтовиков ТПУ.

Лихая доля выпала заместителю, а затем редактору Альфреду Карловичу Ледскалдину, четырежды принимавшему в свои руки редакционный штурвал. Первый раз он проработал заместителем и исполнял обязанности редактора с августа 1936 по июнь 1937 года, а с февраля по август 1938-го был только редактором. В третий раз - еще один год, до ноября 1940-го. Четвертое «пришествие» закончилось 21 мая 1941 года перед самой войной. Надо отметить, что Альфред Карлович брал бразды правления в свои руки в самые сложные, даже мрачные периоды истории области и страны, и успешно провел редакционный корабль среди самых опасных политических рифов. Предвоенное десятилетие поочередно завершали еще три редактора: Иван Акимович Портянкин, Иван Лукич Кореневский и Наум Васильевич Брызгалов.

Ведомые своими редакторами журналисты газеты хорошо понимали, что важно освещать не только перипетии классовой борьбы, но и принятые на государственном уровне меры, направленные на повышение производительности труда и укрепление трудовой дисциплины. А после издания Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 года «Красное знамя» не жалело газетной площади для публикаций, способствовавших укреплению оборонной и хозяйственной мощи страны. Все чаще стали появляться на газетных полосах сообщения из зала суда, где выдавали должное прогульщикам и пьяницам. Важнейшим шагом в укреплении государственной дисциплины стал Указ Президиума Верховного Совета СССР об образовании Народного комиссариата Государственного контроля СССР, опубликованный в «Правде» и

напечатанный в «Красном знамени». Он был создан в целях «установления строжайшего контроля над учетом и расходованием государственных денежных средств и материальных ценностей и осуществления проверки исполнения решений правительства.

А вскоре, 2 октября 1940 года, был подписан еще один важнейший Указ Президиума Верховного Совета СССР «О государственных трудовых резервах», вызванный требованиями сурового предвоенного времени. Для расширения промышленного производства необходим был приток новой рабочей силы на шахты, рудники, транспорт, фабрики и заводы. «В распоряжении социалистического государства, - говорилось в Указе, - должны быть мощные, постоянно пополняемые государственные трудовые резервы для промышленности...». И газета на это также откликнулась.

Конечно, 30-е годы запомнились не только репрессиями. Томск уже до войны стал настоящим студенческим городом, имея семь высших учебных заведений с 16 тысячами студентов и 30 тысяч школьников. Учился каждый четвертый житель нашего города. В докладной записке Совету Народных комиссаров РСФСР секретарь Томского горкома ВКП(б) Яшков и председатель горсовета Якимов передавали на-каз студенчества и научных работников о строительстве в Томске студенческого Дома культуры. «Это назревший, жизненно необходимый вопрос, поскольку во всех вузах имеются многочисленные кружки самодеятельности по всем видам искусства, но все они ются в тесных аудиториях, развернуть студенческую самодеятельность совершенно негде...».

Газета сообщала читателям о решении бюро горкома партии и президиума городского совета просить Совет Народных комиссаров РСФСР включить в титульный список строительство студенческого Дома культуры. Это будет подлинный очаг культуры, а при нем: зрительный зал на 2500-3000 человек, кинозал на 1000-1500 зрителей, лекционные, кружковые комнаты, физкультурный зал, библиотека на 500 мест, зимний водный бассейн для тренировки пловцов... Нужны были только деньги и решение правительства. Томичи предлагали сами обеспечить стройку материалами, указывая, что в Томске есть два механизированных кирпичных завода, лесоперевалочная база «Черемошники», цементный завод в Яшкино. Прекрасная и вполне обоснованная мечта томичей опережала свое время на несколько десятилетий, но была реально выполнима. Но

вскоре грянула война и надолго похоронила этот замечательный проект.

На 8-й Томской городской партийной конференции, открывшейся 31 марта 1940 года, делегаты уделили много внимания работе газеты «Красное знамя». Отмечалось, что после критики и смены ряда руководящих работников газета улучшила освещение жизни парторганизаций. Однако редакция имеет еще мало актива, в день поступает только 15-18 рабкоровских писем, что явно недостаточно для большой городской газеты. Недостаточно освещается ход соревнования и районных слетов, которые проходят в городе. «Вот и получилось, что пивзавод получил переходящее красное знамя, занимает первенство в соревновании, а редактор А. Ледскалнин говорит, что «не буду ничего о пивзаводе писать». Как же так? В решениях XVIII съезда записано – «увеличить производство пива, виноградных вин, шампанского...», а наша редакция о пивоваренном и ликероводочном заводе никогда ни слова не промолвит...».

«Не разрешен в редакции и коренной вопрос о кадрах, которые, как известно, решают все, - сообщал делегатам редактор А. Ледскалнин. - Секретарь горкома партии тов. Хайновский при подборе людей в редакцию первым делом интересуется, сколько там платят? Но так как газетные работники получают не столь большие оклады, то и нужных людей нам не дают. Правда, горком дал нам по нашему настоянию тов. Шорникова, выпускника пединститута. Но когда Шорников узнал, что у нас платят 400, а в институте он сможет получать 1000 рублей, то стал буквально саботировать работу в редакции и ушел от нас. Я поставил вопрос перед горкомом партии. Секретарь горкома Чалдышев вызвал Шорникова и погрозил ему пальцем, сказав, что «мы заставим тебя уважать устав партии». Но дальше разговоров дело не пошло, Шорников так и не выполнил решение горкома...».

«День Победы,
как он был от нас далек...»

Наверное, не было за всю столетнюю историю газеты периода более напряженного, плотовороного и горестного, чем четыре военных года, 1418 дней и ночей Великой Отечественной войны. С первого дня сотрудники «Красного знамени» дружно и сплоченно откликнулись на призыв правительства мобилизовать все силы, оказывать повсеместный и жесткий отпор вра-

гу. Широко, последовательно, регулярно стала освещаться генеральная тема – защита Отечества, на которое подло и вероломно напал лютый враг, чтобы поработить и уничтожить народы Советского Союза.

Просматривая выпуски газет военной поры, не переставал удивляться мастерству и умению наших коллег, разместить на полосах поразительно много самой содержательной, злободневной, жгуче актуальной, интереснейшей информации о текущих событиях на фронте и в тылу. Поражали вера и неиссякаемый оптимизм каждой строки, обращенной к читателям. «Мы смело глядим опасности в лицо, - вела диалог газета. – Мы знаем, что враг, напавший на нас, силен. Мы не рассчитываем на легкую победу над фашизмом, над чужеземными ордами, вторгшимися в нашу страну, победа будет трудна и потребует от нас немало жертв. Но мы знаем также, что победим... Мы уверены в победе нашего правого дела. Но для того, чтобы победа над подлым и гнусным фашистским отребьем была достигнута с меньшими трудностями, с меньшей затратой крови, мы должны быть максимально организованы и дисциплинированы. Каждый должен быть на своем посту... Победа решается не только на фронте, но и в тылу. Отечество требует от своих граждан, чтобы все мужчины и женщины, независимо от возраста, почувствовали свою ответственность за судьбу государства. Пробил грозный, ответственный час...».

Сотрудники «Красного знамени» полностью перестроили всю свою работу, подчинив каждый ее час, каждую минуту подготовке самых «забойных» статей, корреспонденций, зарисовок о передовиках труда. Информация о событиях на фронтах Великой Отечественной войны широко и своевременно отражалась в сводках Совинформбюро, поступавших с железной регулярностью 2-3 раза в день. Уже 25 июня 1941 года в передовой «Красная Армия – родное детище советского народа» газета сообщала читателям: «Наше дело – правое дело. Это знает каждый боец Красной Армии. Ему ясны цели и задачи войны. За его плечами расстилается наша Родина, великая страна, которая не хотела участвовать в войне. Воин Красной Армии защищает Родину и свободу, и честь родного народа, жизнь и труд своей семьи. Он выполняет святой долг гражданина Советского Союза...».

С первых часов войны все редакторские тяготы, вся ответственность легла на плечи заме-

стителя, а с уходом из редакции 21 мая 1941 года Альфреда Карловича Ледскалнина, редактора Николая Петровича Земского. До того, как уйти на фронт, новый руководитель сумел сосредоточить все усилия журналистов, рабочих и сельских корреспондентов на самом главном. Вот как формировала эту цель газета: «Сила нашего удара возрастает, и будет возрастать с каждым днем. Против фашистских танков и самолетов мы выставим советские всесокрушающие танки, дальнобойные пушки, стремительные самолеты... Наши ресурсы беспредельны. Патриотизм и энтузиазм нашего народа безграничны. Его воля к победе несокрушима, его энергия неисчерпаема... Лавиной огня и металла враг будет сметен и развеян в прах. И будем всегда помнить, что каждый новый танк, самолет, пушка, каждый снаряд и пуля приближают час победы над врагом. Каждый процент сверхплановой продукции – новый удар по врагу...».

Но призывы и лозунги, даже самые громкие, зовущие, разящие, это еще не все. И это прекрасно понимал первый редактор военного времени Николай Петрович Земский. «Красное знамя» регулярно давало подборки, где выражали свои мысли и чувства простые томичи. В письме «Наша гордость» Иван Макарович и Елизавета Андреевна Бушляковы рассказали, как провожали на фронт троих сыновей: Степана, Ивана и Семена, а Роман и Александр уже давно служат в Красной Армии. «Мне 64 года, - пишет Иван Макарович, - ударник труда. Чувствую себя бодрым

и здоровым, готов в любой момент вместе с сыновьями бить врагов нашей Родины...».

Но как еще далек был тот прекрасный, великий, светлый и радостный час победы. Надо было еще прожить и пережить 1418 дней и ночей, до отказа наполненных нечеловеческими страданиями и жертвами. Потому что не было для нашей страны испытания более трагического, неимоверного и страшного, чем война, в которую ввергли нашу страну фашисты, вероломно и внезапно напав 22 июня 1941 года. Враг пришел, чтобы истребить страну, людей, память, веру, чувства. Истребить и уничтожить навсегда, на веки вечные. Проигрывать такую войну мы не имели права. Наши великие героические предки, все павшие на фронтах Великой Отечественной войны нам никогда бы этого не простили.

Почти тысяча номеров «Красного знамени» в полной мере и всесторонне отражали перипетии гигантского, общего и индивидуального, подвига народа на фронте и в тылу. Эти четыре года прошли для работников газеты «Красное знамя» нескончаемым потоком времени, когда все мысли и усилия людей направлялись к одной главной и большой цели – остановить, преодолеть и разгромить врага, вторгшегося в Советский Союз. С газетных страниц даже сквозь толщу лет зримо встают картины жесточайших боев, заново узнаешь, какими неимоверными усилиями давалась эта победа, и насколько важно было создавать и поддерживать крепчайшее, монолитное единение фронта и тыла.

Каждый номер газеты тоже «воевал», вел борьбу за умы и сердца людей. Кто мог остаться равнодушным, читая письмо фронтовика А. Андреева «Тем, кто остался в тылу»? «Мы знаем, - писал красноармеец, - ключи к победе в наших руках. От того, насколько умело, насколько искусно, насколько храбро и самоотверженно мы будем воевать, зависят все. Но вместе с нами отвечают за завтрашний день Родины и те, кто работает в тылу, кто кует огненный меч победы...». Как просто и убедительно ведет разговор мудрый русский солдат Андреев. «Немцы – без чести, без совести и без сердца. Их не убедить словами, не тронуть чувствами. Их можно свалить ударом, раздавить гусеницей... Сегодня идет бой за славную Волгу, за величественный Кавказ – немец лезет

сюда. Давайте же нам быстрее и больше мин, снарядов! Мы с вами единая семья. Без вас нам нечем бороться, нечем жить, нечем дышать... Воюем не только мы, воюете и вы, входя в цех торжественно, с открытой душой, как выходим мы на поле битвы...

Девушки! Хорошие, чудесные, милые наши девушки! Мы знаем – трудно вам сейчас, очень трудно. Какими словами выразить боль расставаний? Как рассказать о дружбе, нити которой растянуты на тысячи километров? Но нам не обойтись сейчас без ваших рук. Руки ваши, заботу, ласку мы чувствуем везде: в письме, в банке консервов, в моторах танка, в славных полушибаках, в которых не страшны любые морозы. Красноармейское вам спасибо! После войны вернемся, погладим ваши маленькие руки. После войны долюбим, допоем, догуляем. А теперь надо работать, работать и воевать ради наших будущих встреч...».

Даже сегодня, спустя четверть века, нас, людей уже XXI века, поражают сила убежденности в своей правоте, провидческая вера в грядущую победу рядового красноармейца, настоящего человека с сердцем, открытым ненависти к врагам и большой любви к людям.

«Когда мы разгромим врага, - мечтал он еще в 1942 году, - народ будет сооружать памятники своим героям. И тогда воздвигнут величественный монумент в честь русской женщины, в честь всех женщин, которые терпеливо и героически перенесли все невзгоды, все лишения и пытки войны».

И он пришел, этот праздник, и прозвучало на весь мир, быстрее молнии облетело земной шар это великое светлое радостное слово «Победа». «Красное знамя» отдало всю газетную площадь, посвятив ее грандиозному событию, чтобы экстренно рассказать своим читателям в деталях и подробностях о дне справедливости и всенародного торжества. Репортаж М. Субботина «Встреча защитников Родины» посвящен чествованию фронтовиков на станции Томск-І. Духовой оркестр исполнил гимн Советского Союза. Воинов сердечно поздравили с возвращением в родные края. Газета публикует разнообразные сообщения, и даже стихотворения, посвященные этим незабываемым минутам.

Владимир ФЕДОРОВ

«В ГОРЯЧИЙ, БОЕВОЙ МОМЕНТ...»

Вначале были солдаты

1 июня 1917 года в Томске вышел первый номер газеты «Знамя революции», органа Томского совета солдатских и рабочих депутатов. С этой даты формально ведет отсчет своей истории старейшее издание Томской области. В 1921 году газета получила новое название «Красное знамя», чтобы уже не менять его никогда.

Ну а если не формально, то у «Знамени революции» была предшественница, не какая-нибудь там дальняя родственница, седьмая вода на киселе, а прямая родительница – газета «Известия Совета солдатских депутатов Томского гарнизона», вышедшая впервые 16 марта 1917 года, то есть ровно 100 лет назад.

Но истинной матерью обеих газет, как и сотен других, возникших в ту пору в России, была Февральская революция, которая вместе со свержением самодержавия подарила российскому народу невиданную для страны роскошь – совершеннейшую свободу печати.

Как этой свободой воспользовались участники тех исторических событий и к чему она привела – разговор отдельный. Факт остается фактом. Не будь Февраля – не было бы ни «Красного знамени», ни «Знамени революции», ни «Известий солдатских депутатов»...

И, кстати, почему «солдатских»? Дело в том, что в горячем марте 17-го самой мощной революционной силой в Томске были не рабочие с крестьянами, не представители политических партий, не профсоюзы, а пресловутый «человек с ружьем». Томский военный гарнизон насчитывал 70 тысяч штыков. При «штатском» населении города чуть более 100 тысяч человек. Что делало в тыловом Томске во время мировой войны такое количество войск – не совсем понятно. Полки и батальоны располагались всюду. Казармы, разумеется, не хватало, размещались в корпусах университета и технологического института, в университетской библиотеке, других общественных зданиях.

Сразу после революции в борьбу за влияние на многочисленные солдатские массы (треть которых была неграмотной!) включились представители практически всех политических партий. В эйфории тех дней на время «подружились» большевики и меньшевики, эсеры и другие социалисты. 5 марта 1917 года был образован Совет солдатских депутатов Томского гарнизона, который возглавил меньшевик Худокормов, а его заместителем стал большевик Гольдберг. И уже 16 марта Совет обзавелся своими «Известиями» – первой советской газетой Томска.

«В горячий, боевой момент выходит первый номер наших извѣстий, - сообщала редакция га-

зеты в передовице. - Еще не остыла кровь святых жертв Великой революции, еще не улеглись боевые страсти борющихся... Вам, товарищи солдаты, принадлежит эта газета, на собранные вами копейки она издается, и только при вашем непосредственном материальном и духовном содействии она может существовать. За дело же, товарищи! Вперед!»

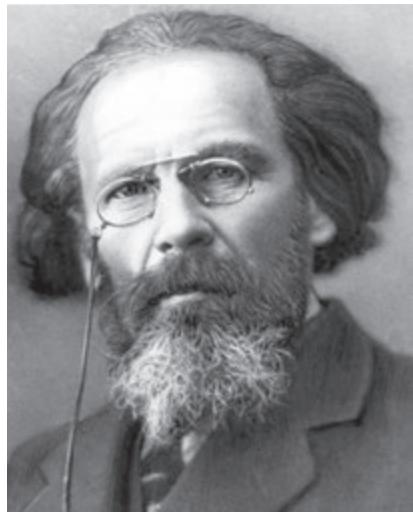
В конце марта был образован Томский Совет рабочих депутатов. Два месяца спустя, в мае 1917-го, два Совета – солдатский и рабочий – решили издавать общую газету, выходящую не два раза в неделю, как «Известия», а ежедневно. В последнем номере от 30 мая на первой полосе рядом с объявлением о начале подписки на газету «Знамя революции» (для сведения: подписная цена на один месяц составляла 1 руб. 20 коп., до конца года – 8 руб.) редакция информировала своих читателей: «С 1 июня наша газета – «Известия Солд. деп. Том. гарнизона» - прекращает свое существование, и на ее месте начнет выходить ежедневная газета – «Знамя революции»... «Известия» не умирают, а лишь перевоплощаются, меняют свое название и расширяют, в этом мы глубоко убеждены, свой круг читателей и, стало быть, свое влияние».

И 1 июня новая газета увидела свет. «Мир хижинам, война дворцам» - под таким девизом она отправится в дальний путь, сквозь череду новых революций, войн, потрясений и катализмов.

Неистовый Вениамин

Какой была газета в первые месяцы своей жизни? Разной. Была она, по знаменитой формуле Ленина, и «коллективным пропагандистом, агитатором и организатором», «горланом-главарем» (это уже Маяковский). Почти без иллюстраций, только тексты, тексты, тексты... Но при этом она была, конечно, живой и яркой, в полной мере отражающей пульс того бурного времени. Газета хоть и партийная, но средства на свое существование добывала самостоятельно, а это значит – обязана была быть интересной читателю. И рекламировать тоже! Да еще в условиях жесточайшей конкуренции (в Томске в тот период газет насчитывалось не один десяток). И поэтому рядом с объявлениями об очередном заседании какой-нибудь революционной комиссии размещались и коммерческие сообщения, и анонсы спектаклей, и стихи, и криминальная хроника. Необывательская газета боролась и за обывателя, склоняя его в свою пользу.

Газете, несомненно, повезло, на начальном этапе у ее руля находился человек выдающийся, неординарный, масштабный. Первым редактором «Знамени революции» (впрочем, как и солдатских «Известий») был профессиональный революци-

онер, большевик Вениамин Давидович Вегман. Вегман уже тогда, в 1917-м, был личностью легендарной. Леонид Левицкий, журналист-краснознаменец эпохи «развитого социализма», вспоминал, что, заканчивая обучение в университете, на экзамене ему попался билет о творчестве самых известных публицистов-большевиков. И в ряду имен Ярославского, Воровского, Луначарского и других стояло и имя Вениамина Вегмана. Придя в «Красное знамя», Левицкий с удивлением узнал, что именно Вегман был первым редактором газеты, в которой ему предстояло работать.

Социал-демократом Вегман стал еще в конце XIX века, занимался революционной работой вместе с Львом Троцким на юге Украины, с рекомендательным письмом от него уехал за границу к Плеханову, вступил в группу «Освобождение труда». Затем сблизился с окружением Ленина, стал активным корреспондентом «Искры» и других партийных газет. Одна из статей Вегмана в «Искре» была отпечатана отдельными оттисками и распространена в России в виде прокламаций. «Надежда Константиновна Крупская написала мне, что статья очень понравилась Ленину и что он просит меня чаще писать в «Искре», - вспоминал позже Вениамин Давидович.

Живя за границей и занимаясь организацией пересылки запрещенной литературы в Россию, сбором средств для партии и выполнением других «спецпоручений», Вегман успел прослушать несколько курсов в Венском университете, где познакомился с другим вольнослушателем Николаем Бухариным. В 1913 году он по поручению ЦК большевистской партии нелегально возвращается в Россию, ведет подпольную работу в Одессе. Там его летом 1914-го хватают жандармы и вскоре высылают в Нарымский край. В начале марта 1917-го в Нарыме он встречает сообщение о свержении царя и своем освобождении.

«Февральская революция освободила меня из ссылки. Приехав в Томск, я там и застрял в каче-

стве редактора: сперва «Известий Томского Совета солдатских депутатов», а затем партийно-советской газеты «Знамя революции», - писал Вегман в своей автобиографии. Редактором «Знамени» Вениамин Давидович встретил и Октябрьскую революцию, и период «триумфального шествия советской власти», как называли историки относительно мирный промежуток между Октябрьем и началом Гражданской войны.

Когда в конце мая 1918 года после чехословакского мятежа власть Советов и большевиков в Томске пала, у Вегмана была возможность «эвакуироваться» на пароходе в Тюмень вместе с другими большевистскими вождями. Но он остался и чуть было не поплатился за это жизнью. Выпуск «Знамени революции» был прекращен, но взамен изобретательный Вегман организовал издание профсоюзной газеты «Рабочее знамя». Его оппоненты из «Сибирской жизни» писали: «... г. Вегман каким-то образом оказывается членом съезда горнорабочих – по крайней мере, он там присутствует и пользуется правом голоса. Что общего между горнорабочим и бывшим редактором «Знамени»?»

Но пробыть «горнорабочим» Вениамина Вегману довелось недолго. В июле 1918 года его арестовали и в течение года держали в тюрьме. Потом его в числе 13 томских большевиков отправили в Екатеринбург для предания военному суду. Спас Вегмана, как ни странно, сыпной тиф. Он находился в больнице, когда Красная армия с ходу взяла город, расстрелять его просто не успели.

В начале 1920 года Вениамин Давидович вернулся в Томск и снова занял редакторское кресло главной томской газеты. По недоразумению она пару месяцев носила другое название – «Сибирский коммунист», Вегман вернул ей имя «Знамя революции». Но вскоре получил новое партийное задание и оставил редакторство.

Дальнейшая судьба Вениамина Вегмана была и яркой, и трагичной. Он работал руководителем Сибиспарта и Сиблита, участвовал в создании журнала «Сибирские огни», Сибирского союза писателей, Сибирской Советской энциклопедии, председательствовал в Обществе по изучению Сибири и ее производительных сил. По праву считался одним из старейших сибирских коммунистов. В 1933 году к его 60-летию его именем были названы улица в Бердске и школа в Новосибирске. Но в 1936 году он был арестован органами НКВД и вскоре погиб в тюрьме. Официальная причина: самоубийство.

В серые времена такой яркий человек, как Вегман, видимо, и не мог существовать.

Таким был первый редактор томского «Знамени». Газеты, жизнь которой дала революция, умевшая рождать героев, но и, увы, пожирать их...

Сергей НИКИФОРОВ

О ЧЕМ МЫ ТОЛЬКО НЕ ПИСАЛИ —

Мир хижинам, война дворцам

Рассказываем о главных темах газеты «Знамя революции», ярко и эмоционально отражавшей события в стране, Томской губернии и городе Томске, происходившие между двумя революциями 1917 года – Февральской и Октябрьской. Закончился вековой сон народа, все бурлит, люди буквально упиваются свободой, которую многие понимают как «все дозволено».

Вот два коротких репортажа «К урнам» и «1 мая в Томске», передающие этот нешуточный накал страстей: «Тысячная толпа народа. Кого здесь только нет? Военные, женщины, мужчины, дети, рабочие, лавочники, домовладельцы. Все спешат с заклеенными конвертами, в которых находятся списки кандидатов.

Солдаты, барышни, учащиеся предлагают избирателям красные списки – списки кандидатов-социалистов. Здесь разъясняют значение красных и черных списков. Там неграмотные избиратели, в основном прислуга и старушки, пристают к распорядителям с вопросами: «Кого выбирать? По какому списку?»

- Бабушка! – слышу я совет, – Если будешь подавать голос за черный список, то нами будут управлять богачи, кулаки, домовладельцы!

- Нет, нет, – протестует старушка, – проклятие им!

- Мне сказала хозяйка, – жалуется горничная, – нужно обязательно голосовать за лиц, напечатанных в этих списках. Эти люди защищают бедный народ, они веруют в Бога.

- У меня тоже черные списки, – перебивает прислуга, – барыня так и сказала мне: других списков не принимай... Говорят антихрист народился, ходит и народ бунтует. Учит, что Бога нет.

- Господи! – восклицает бабушка. - Помилуй нас грешных!

- Это неправда, не верьте, – уверяет бойкий солдатик. - Они вас обманывают. Именно эти черные списки, которые вам дали, и есть антихристи. Они-то сотни лет нашу кровь пьют. Мы же должны идти к урнам только с красными списками. Только наши кандидаты являются представителями бедного люда. Они, а никто другой будут защищать наши интересы!

Публика зашевелилась. Солдатика окружили, и со всех сторон потянулись руки за красными листками.

- Ишь, подлецы! Хотели народ обмануть. Спасибо тебе, солдатик, дай тебе Бог здоровья! – раздается со всех сторон.

А солдатик продолжает раздавать во все стороны красные листки, с которыми рабочий люд в надежде на лучшее будущее отправляется к урнам выбирать своих представителей».

«1 мая в Томске в нынешнем году было отпраздновано томичами самым торжественным образом. Русская революция придала этому празднику особый оттенок, из чисто пролетарского праздника он превратился в общенациональный.

Кроме армии, рабочих и социалистических организаций в празднике принимали участие все находящиеся в Томске национальные организации. И в этом обстоятельстве наиболее ярко выражена вся мощь, вся сила, все влияние революции. Малые национальности, до сих пор угнетаемые хищным царским орлом, вздохнули, наконец, свободно и вольготно.

Литовский народ, 300 лет не видавший своего национального знамени, вышел, наконец, под его сень. С национальным знаменем демонстративно шествовала часть польского населения Томска. Национальные знамена также раззвевались над головами украинцев, грузин, евреев-сионистов. Евреи-социалисты шли особо во главе с красным знаменем своей социалистической организации.

Русская революция пробудила к жизни мусульман. Все томские мусульмане приняли участие в первомайской демонстрации. Приняли участие в демонстрации военнопленные: на чужбине они праздновали свой обычный праздник труда.

Рабочие и социалистические организации вышли с красными знаменами. В демонстрации участвовал весь гарнизон со своими оркестрами, вся учащаяся молодежь. С веранды Дома Свободы (ныне Дом ученых – автор) приветствовал демонстрантов Временный комитет.

К сожалению, предательски подкравшийся дождь помешал демонстрантам собраться на митинг. Вечером же, когда погода прояснилась, на Почтамской и Соборной собралась многочисленная толпа. Выступали ораторы с разъяснением значения этого дня. Город был иллюминирован».

Практически на каждой газетной полосе регулярно публикуются открытые письма, письма-призывы с целью решить ту или иную возникшую социальную проблему. Они, по всей очевидности, оказывали определенное влияние на читателей, были написаны энергичным, сочным языком, близким к разговорной речи. Вот, например, что пишет Федор Веронин в «Открытом письме к товарищам-солдатам»: «Товарищи! Мы переживаем тяжелое время, а потому должны воздерживаться от всяких пустяков. Мы должны окончательно прекратить игру в карты и в «орла». Каждый наш грош, который мы проиграем, дорого стоит. Не

забывайте, что, играя в карты на деньги, мы разоряем не только себя, но и свою семью. Жена, быть может, продает последнюю лошадь или корову. Дома дети без куска хлеба сидят. Они надеются, что когда мы будем сыты, то сумеем защитить и укрепить нашу дорогую свободу.

Карты не развлечение, а разорение. Ищите развлечение в образовании и развитии. Читайте книги. Они откроют вам глаза. Читайте газеты, научитесь жить новой жизнью. Посещайте митинги, собрания. Там вы узнаете, что для вас полезно и что вредно. Там научитесь узнавать, где ваши враги, а где друзья, и тогда будете знать, в чьих рядах находиться.

В том, что мы народ темный, виновато прежнее правительство. Оно старалось сделать из нас безвольных, послушных слуг. Нас учили на все отвечать только словами: «точно так!», «слушаюсь!», «виноват!..»

Теперь ведь не то. Теперь наши товарищи, составляющие Совет солдатских депутатов, прилагают все старания, чтобы сделать нас грамотными. Теперь мы можем узнать, как должны жить. Должны воспользоваться свободным временем, чтобы научиться грамоте. Нельзя терять дорогое свободное время на игру в карты или орлянку».

В каждом номере, а газета не выходила только в праздничные дни, журналисты ведут диалог с читателем, высказывают просьбы, дают, в свою очередь, советы.

«Редакция просит солдат, рабочих и крестьян давать сведения обо всех событиях, происходящих в казармах, на фабриках и в деревнях...» И тут же: «Статьи должны быть написаны чернилами, а не карандашом, и на одной стороне листа. Не принятые мелкие статьи редакцией не сохраняются. По поводу не принятых статей редакция ни в какую переписку не вступает...». А выше заглавным шрифтом: «Товарищи! Рабочие! Солдаты! Крестьяне! Читайте, распространяйте и организуйте массовую подписку на нашу газету «Знамя революции».

И читатели не остаются равнодушными. Ротный представитель Иван Замотаев сообщает под рубрикой «Фонд газеты «Знамя революции»: «Мы, солдаты 3-й роты 39 сибирского стрелкового запасного полка, единогласно и чистосердечно жертвуем посильной лептой помочь газете «Знамя революции». Выражая свою искренность товарищам, работающим в газете, мы, кроме этого, всегда будем горячо стараться широко распространять газету в самые отдаленные углы деревни. От 55 жертвователей-солдат поступи-

ло 9 рублей 46 копеек. Жертвовали посильно, от 3 копеек и до рубля».

Но среди солдат находятся и отъявленные нарушители дисциплины, как Тихонов из 2-й роты 38 полка. В колонке местной хроники сообщается, при каких обстоятельствах произошло чрезвычайное происшествие в ночь с 4 на 5 июня по второму Кузнечному взвозу против дома № 20, где патруль был вынужден применить оружие. «В восемь часов вечера Тихонов принес три бутылки самосидки (самогонки), которую распивал на веранде с хозяином и владельцем дома. Около 11 часов патрульные попросили прекратить шум и игру на гармошке, на что Тихонов ответил бранью и угрозами. Около полуночи Тихонов с владельцем дома вышли на улицу и стали угрожать патрульным, стоявшим на углу. Причем владелец дома держал в руке револьвер. Через некоторое время Тихонов с криком: «Я вас, молокососов, проучу!» бросился на патруль, несмотря на требование постового остановиться. После этого один из патрульных произвел выстрел, которым Тихонов был убит наповал».

Немалый интерес вызывают сообщения под рубрикой «Из мира труда». Газета № 8 сообщает: «С первых дней революции большинство ведомств было частично парализовано в своей деятельности, и работа в них сократилась. Совершенно в другом положении оказалось почтово-телеграфное ведомство, в котором именно в эти дни почтовый и телеграфный обмен значительно усилился, и на служащих была возложена громадная и ответственная работа. За эту чрезвычайную и в крайне тяжелых условиях выполненную работу, согласно заключению министра почт и телеграфов, отпущен из средств государственного казначейства, в срочном порядке, чрезвычайный

сверхсметный кредит в размере 16 млн рублей на выдачу всем чинам почтово-телеграфного ведомства единовременного пособия по сту (сто) рублей каждому за ОСОБЫЕ ТРУДЫ, понесенные чинами при обстоятельствах революционного времени.

Нужно сказать, что это мероприятие вызвано исключительно неудовлетворительным материальным положением почтово-телеграфных служащих, большинство которых получает от 600 до 1200 рублей в год и по нынешней дороговизне терпит большие лишения.

За выдачу единовременного пособия выскажался Всероссийский съезд почтово-телеграфных служащих в Москве.

В настоящее время на службе в почтово-телеграфном ведомстве состоит 160 тысяч человек. При выдаче каждому служащему единовременного пособия в размере ста рублей потребуется 16 млн рублей ассигнациями».

С первых номеров газета защищает своих читателей. Характерна публикация в № 10 сообщения «Забытые труженики»: «На станции Тайга Томской железной дороги 40 человек рабочих нагружают уголь на паровозы. И вот эти люди всеми забыты, их жизнь ничуть не изменилась после переворота, какая была при старом режиме, такая и при новом. Раньше был 24-часовой рабочий день и теперь такой же. Рабочие говорят: «Если бы по всей ж.д. не улучшилось положение рабочих, то нам не обидно было бы. Но везде жизнь рабочих улучшилась».

Мы обращались к нашему Совету рабочих депутатов и к своему начальству, но пока ответа нет. Просим, чтобы нам установили смену по 12 часов работы, а не по 24 часа, и этого пока только и ждем».

ОН НАБИРАЛ ПЕРВЫЙ НОМЕР

Охватывает совершенно необыкновенное чувство, когда невольно приобщаешься к истории. Тем более если эта встреча связана с самым первым номером твоей газеты. Петр Федотович Гарганеев сам набрал от корки до корки первый номер «Знамени революции»... Ему сегодня 95.

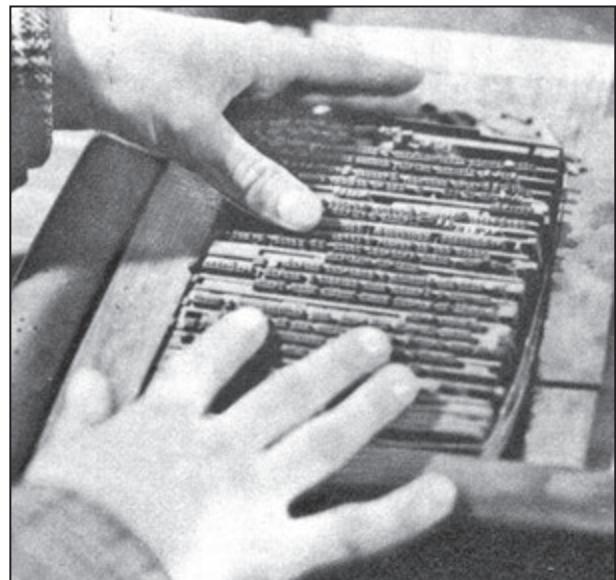
У него хорошая память на прошлое. Фамилиями он сыплет без труда - метранпаж Циберов, печатник Мецнер. А уж о том, чего сколько было установлено в типографии и на каких этажах размещалось, рассказывает так, как будто со всем этим расстался только вчера. Три плоские машины, одна ротация, четыре плоскопечатные...

В трудах праведных Петр Федотович с восемью лет. Начинал мальчиком в магазине. А в 12 судьба привела его в типографию. И пришелся он весьма кстати, так как мог починить любую деталь, выточить недостающую. В его квартире до сих пор стоит миниатюрный токарный станок, изготовленный собственными руками. А когда в 1917-м пришел черед выпустить первый номер новой газеты, ответственную операцию набора доверили ему.

Память не сохранила деталей той ночи, хотя можно представить, сколько труда было затрачено. Но осталось ощущение радости, когда взял в руки первый номер газеты.

Еще помнит Петр Федотович, что сначала тираж газеты был десять тысяч. Потом упал до пяти, но затем вновь поднялся до десяти. И связано это было не с падением популярности - газету в городе любили, а с тем, что ротацию сначала отобрали и увезли в Анжерку.

До самой Великой Отечественной Петр Федотович работал в типографии. А потом - Ленинградский фронт, ранение. Оперировал его не кто иной, как знаменитый впоследствии хирург и писатель Николай Амосов. И вот удивительно: долго еще после войны врач писал письма пациенту. Впрочем, тут больше, вероятно, было научного интереса. Операция, которую сделал Гарганееву Амосов, уникальна. Это свидетельствуют и сын Петра Федотовича - профессор медицины Георгий Петрович, и его внук, практикующий хирург Валерий. А необычность ее в том, что из-за тяжести ранения пришлось практически убрать желудок.

Впрочем, уникальность даже не в этом. После такой операции по всем правилам должна была последовать инвалидность. Питаться такого рода пациентам приходится, как птичкам, чего как раз не скажешь о Петре Федотовиче. Как утверждает его невестка, поесть он любит, и сейчас всегда интересуется, что будет на обед и ужин, особенно любит сладкое. А о «микроскопических» дозах забыл давным-давно. Более того, с этим связана прямо-таки анекдотическая ситуация. Как-то сына Петра Федотовича вызвали в военкомат: так, мол, и так, в военных документах сказано, что у отца нет желудка. А на последних снимках желудок есть...

Работал в типографии до 1968 года. На пенсию уходил уже директором. И всегда выписывал «Красное знамя». А как же: ведь он работал еще с одним из первых редакторов - Вениамином Бегманом, Рыжей бородой, как его звали. Эту деталь П.Ф. Гарганеев припомнил сейчас. А еще во время нашей встречи очень тепло говорил о А.Н. Новоселове - другом редакторе, оставившем заметный след в приумножении традиций «Красного знамени».

Петра Федотовича подводят слух и зрение. Но он не теряет оптимизма и интереса к жизни.

Нина ГУБСКАЯ

Материал подготовлен к 80-летию газеты.

ЛИЦОМ К ОГНЮ

Аркадий Брускин работал в «Красном знамени» в шестидесятые - начале семидесятых годов. Заведовал в газете отделом партийной жизни. Фронтовик Великой Отечественной с легендарной биографией (ветеран спецчастей оперативной разведки Генерального штаба Красной Армии, в составе диверсионно-разведывательной группы действовал в тылу Восточно-прусской группировки немецко-фашистских войск), он и первые свои заметки опубликовал в армейской газете. Сегодня мы публикуем очерк А. Брускина, подготовленный к 50-летию выхода первого номера газеты «Красное знамя» в мае 1967 года, о другой легенде – первой женщине-редакторе нашей газеты Раисе АЗАРХ.

8 октября 1921 года читатели «Красного знамени» обратили внимание на большую статью «К пересмотру и чистке рядов партии». Дело не только в том, что в статье поднимались животрепещущие темы, к которым проявлялся повсеместный интерес. Автором статьи была Раиса Азарх, имя которой уже в ту пору было овеяно легендарной славой. Раиса Азарх, двадцатилетний начсанарм и один из военкомов 5-й Армии, прибыла в Томск с первыми частями Красной Армии, вступившими в город после восстания рабочих и солдат, которые под руководством подпольного большевистского комитета взяли власть в свои руки.

Население города, узники колчаковских тюрем, освобожденные восставшими, восторженно встретили части Красной Армии и юного военкома, у которой сразу же утвердилась репутация человека железной воли, не знающего страха, блестящего организатора и страстного оратора.

Вот как пишет об этих днях один из томских подпольщиков Я. Дворкин. «Радостное волнение первых дней восстановления Советской власти царило в Томске... Но прежде всего мы считали своей священной обязанностью отдать последний долг товарищам, погибшим от лютой колчаковщины в борьбе за власть Советов... Соборная площадь. У открытой братской могилы поставлены в ряд гробы. Начался траурный митинг. И тут все услышали женский простуженный голос. Выступала молодая женщина, одетая в бекешу, отороченную белым мехом. Из-под шапки вырывается копна густых, иссиня-черных волос. В каждом слове – сердечная боль, гнев, страстный призыв. Выступал опытный митинговый оратор.

Когда бекеша распахивалась, на гимнастерке оратора сверкал орден Красного Знамени, высшая награда того времени, которой удостаивались самые выдающиеся герои Гражданской войны. Это была Раиса Азарх, прошедшая с частями Красной Армии весь боевой путь от Урала до Сибири».

20 декабря 1919 года, в тот день, когда части 5-й Армии вступили в Томск, снова после длительного перерыва, вызванного колчаковщиной и иностранной интервенцией, вышла газета «Знамя революции», боевой орган большевистской организации, Раиса Азарх, получившая от Реввоенсовета армии чрезвычайные полномочия, как председатель комиссии по ликвидации эпидемии сыпного тифа, конечно же не могла предполагать, что пройдет менее двух лет и она станет редактором этой газеты. Более того, случилось так, что ученые, журналисты, изучавшие историю нашей газеты, тоже до последнего времени проходили мимо этого факта, и он стал известен лишь недавно, когда, будучи по заданию редакции в Москве, я встретился с Раисой Азарх.

Прежде чем продолжить этот рассказ об одном из редакторов нашей газеты, я хочу ознакомить читателей с тем теплым посвящением, которое направила томичам Раиса Азарх вместе с интересным фотостендом, выпущенным недавно в Москве. Стенд называется «Славные большевички». На нем портреты Н.К. Крупской, Е.Д. Стасовой, Р.С. Землячки, И.Ф. Арманд, А.М. Коллонтай и других. Рядом с Марией Ильиничной Ульяновой – портрет Раисы Азарх. Вот к такой блестательной плеяде большевичек принадлежит наш бывший редактор и коллега.

Посвящение такое: «Людям Томска, города сибирской славы, дорогим соратникам в борьбе за жизнь человека в суровом 20-м году. От начсанаара, военкома 5-й. Раиса Азарх».

Перелистываю пожелтевшие страницы «Знамени революции» того времени. Через все полосы крупными буквами: «Тиф – Колчак внутренний». Нам сейчас трудно со всей полнотой ощутить остроту положения, сложившегося в Сибири зимой 1919-20 годов. Нам сейчас трудно представить улицы покинутых колчаковцами городов, буквально заваленные промерзшими трупами. Но вот цифра, вдумываясь в которую, начинаешь понимать всю ту опасность для молодой Советской республики, которую таила в себе разросшаяся до катастрофических масштабов эпидемия. Убегая от частей Красной Армии, Колчак оставил в городах и селах Сибири 150 тысяч своих сыпнотифозных солдат.

И вот в этой сложнейшей обстановке, когда эпидемия усугублялась жестоким голодом, отсутствием медикаментов, топлива, медицинских кадров, начсанаарм 5-й Раиса Азарх назначается председателем Чекатифа.

Она привезла с собой санитарный отряд – 150 врачей, 300 фельдшеров и медсестер. Это была в лучшем случае лишь десятая часть работников, которые требовались, чтобы спасти губернию от тифа. «В Томске, – вспоминает Азарх, – мы встретили сотни мужественных добровольцев, откликнувшихся на призыв идти в госпитали. А ведь это было равносильно добровольному прыжку в огонь во имя спасения других. Тиф сражал медиков столь же жестоко, как и всех других».

Когда в Томске были отбиты первые атаки тифа, 150 врачей города по призыву Азарх выехали в Красноярск, чтобы там продолжить эту поистине героическую борьбу с «Колчаком внутренним».

В ряду многих событий нашей революции и борьбы за советскую власть томичи прославили свой город как надежный оплот ленинской партии в Сибири. Спасение населения в Сибири от эпидемии 1919-20 годов – еще одна яркая страница в истории Томска.

Люди, знавшие Азарх в то время, не переставали удивляться динамитной энергии, большевистскому размаху и железной твердости двадцатирхлетней коммунистки. Она способна была принять самые решительные меры, когда речь шла о жизни человека. Томский врач Упоров, один из ближайших помощников Че-

катифа, докладывал Азарх, выехавшей в Красноярск, что один из беззаботных руководителей губисполкома пытается отобрать помещение у госпиталя и разместить какую-то организацию. Тут же по телефону последовал приказ: «Доставьте его в Красноярск в арестантском вагоне». Представ перед Азарх, нездачливый администратор растерянно лепетал: «Признаю свою вину». Еще бы! Поездка в арестантском вагоне подействовала на него весьма исцеляющую.

Томичи впервые встретились с Азарх, когда у юного военкома был в арсенале опыт пропагандистской работы в марксистских кружках на рабочих окраинах в Харькове, где в 1917 году большевиками был сколочен решительный и многочисленный революционный пролетарский отряд; в октябрьские дни 1917-го Азарх – член военно-революционного комитета Симовского района Москвы; в годы Гражданской войны – сражения на Украине, Урал, Сибирь, боевая работа под непосредственным руководством М.В. Фрунзе, М.Н. Тухачевского, Г.Х. Эйхе.

Вторично Азарх приехала в Томск осенью 1921 года с мандатом ЦКК, как председатель комиссии по чистке партии. Она была в Томске ближайшим помощником одного из старейших деятелей партии Емельяна Ярославского, который в то время возглавлял Сибирскую комиссию по проведению чистки. Так, уже в новых условиях, Азарх пришла в редакцию «Красного знамени», где 18 октября 1921 года появилась статья, о которой уже упоминалось. В следующем номере – остройшая рецензия-фельетон, через три дня – снова корреспонденция о чистке – «Суд трудящихся». 26 октября – большая статья «Голод и интервенция», а в конце ноября решением губернского комитета партии Азарх утверждается одним из редакторов нашей газеты. Ее перу в это время принадлежат все важнейшие первополосные выступления газеты о съезде Советов и продналоге, о крестьянском вопросе и снежных заносах, о классовых боях на Западе и повороте интеллигенции к советской власти. Ее трудоспособности и энергии удивляются товарищи. Днем – собрания в партийных ячейках – бурные, многочасовые собрания-чистки, ночью – чтение газетных полос, работа над новыми корреспонденциями. Только в декабре 1921 года она написала семнадцать передовых статей!

В Томске, пожалуй, столь ярко проявилось у Азарх призвание страстного партийного публициста и литератора. Быть может, поэтому

она с искренним удовольствием, спустя сорок пять лет, в апреле 1967 года, подарила редакционной библиотеке недавно вышедший в свет ее роман «Дорога чести» с таким автографом: «Моей родной редакции «Красное знамя» от ее бывшего редактора и автора этой книги о великом народе Испании, о сражениях за ее свободу, об интернациональном братстве. Раиса Азарх».

Испания... В 1936 году взоры всего мира были прикованы к этой стране, героический народ которой поднял красное знамя национально-революционной вооруженной борьбы против фашизма. Коммунисты мира, верные интернациональному долгу, отрядили за Пиренеи своих лучших бойцов. В числе советских добровольцев – Раиса Азарх. Советник Эрна (так называли ее испанские друзья) снова на самых ответственных и опасных участках революционных битв. В 1937 году – ранение, очередное, но не последнее. Дважды еще боец-ветеран была ранена на фронтах Отечественной войны, куда Азарх выезжала как председатель военной комиссии Союза писателей.

Весной нынешнего года, в день, когда исполнилось 50 лет партийного стажа Азарх, ее тепло чествовали литераторы и журналисты Москвы. Вот строки из приветствия Секретариата правления Союза писателей РСФСР, коммунистов Московской писательской организации и писателей столицы: «За вашими плечами – большая, незаурядная, исполненная трудов и подвигов жизнь писателя, общественного деятеля и храброго солдата, всегда находящегося лицом к огню – в первой шеренге борцов за коммунизм».

Лицом к огню... Сколько мужества, убежденности и беззаветности нужно, чтобы вот так идти навстречу полыхающему пламени революционных битв, крепко держа штык и перо!

Думается, что нынешним читателям «Красного знамени» так же, как и нам, журналистам, будет приятно узнать, что среди славных большевистских публицистов, стоявших у истоков нашей газеты, была и Раиса Азарх, человек легендарной судьбы, писатель, борец.

Аркадий БРУСКИН

О ЧЕМ МЫ ТОЛЬКО НЕ ПИСАЛИ —

Губернский Томск в трагические дни

Бурное время между двух революций – Февральской и Октябрьской – властно потребовало от сотрудников газеты «Знамя революции» молниеносной реакции, экстренной оперативности, умения заметить, понять и точно отразить существо происходивших в обществе социальных сдвигов, невиданных перемен.

Причем на небольшой газетной площади все-го-то из 4-6 полос приходилось виртуозно изощряться, давая обширные блоки информации в общероссийском, губернском и городском масштабах. И во всем, о чем писала в эти трагические дни газета, сохранялся пафос митинговости, призывы к активному действию, выполнению своего долга. Характерный пример обращение «К СОЛДАТАМ», опубликованное в июльском номере газеты.

«Товарищи! Родина наша в муках перерождается к новой жизни. Происходит перестройка громаднейшего в мире государства, а такая перестройка не может совершаться безболезненно. Но мы верим, что наша страна воспрянет духом и вступит с новыми силами в свободную и счастливую жизнь. Для этого необходимо, чтобы каждый гражданин приложил все силы, весь свой разум в труд – ибо только один труд создает истинные ценности, только труд дает силу и мощь государству.

Приближается самое суровое время в крестьянской жизни, приближается страда. Тяжелые мысли лежат на сердце крестьянина, тяжелые думы угнетают его, как быть с урожаем, как собрать зерно, ибо в деревне так мало рабочих, по-

чи одни бабы остались. Разве управиться им с теми хлебами, что как море раскинулись от края до края...

Издан приказ, командировать дружинами солдат на уборку хлеба. Каждый солдат, который командировался для этой цели, должен помнить, что он идет защищать свое Отчество от самого страшного врага – голода. Помните же, товарищи, что на вашей обязанности и на вашей совести лежит не допустить, чтобы ни одна десятина, ни одна полоса хлеба не осталась не убранной. К этому вы должны приложить все свои силы, для этой цели вы должны организовать все население.

Не будут ли всем нам немым укором те полосы, которые останутся неубранными?! Не разорвется ли ваше сердце на части, когда зимой и в городах, и в деревнях будут ныть от голода и болеть солдатские дети?! Нет предела страданию человеческому, но каждый, кто чувствует в себе силу, должен облегчить судьбу страдальца и утешить сиротскую слезу.

К вам, товарищи, обращается деревня с зовом «помогите! Идите же, товарищи, спасите страну, думайте не только о себе, но и обо всех. Убирайте не только свой хлеб, но хлеб соседей, солдаток. Помогайте в работе и чужим. Соберите весь хлеб до единого зерна. Велика и неоценима будет ваша заслуга перед страдалицей Родиной, когда выполните свой долг по совести...».

Продолжалась Первая мировая война и тяжким эхом отражалась в далекой сибирской глубин-

ке. В статье «Трудовая повинность» об этом говорится с беспощадной резкостью:

«Россия много за войну лила кровь, много потела и мало работала: одни топтались, потели в казармах, другие сидели, потели в канцеляриях, за карточным столом и за чаем! Но всего больше уверяли в том, что надо напрягать силы, жертвовать «все для войны». И всего больше кричали о напряжении сил те, кто меньше всего имел отношение к работе и войне. И лозунг «все для войны» в последние дни царской власти звучал для России насмешкой.

«Все для войны» - говорили фабриканты и, перекрестясь, набавляли 100 процентов на товар. Россия не напрягала силы. Она только стонала от того, как выматывали у нее силы, как выкачивали соки из молодого здорового организма народа... Россия стоит у последней черты, экономические противоречия бешено разрослись. С одной стороны, жертва молодых сил на эшафоте войны, опустение государственной казны, недостаток рабочих рук на полях, рудниках и заводах, с другой стороны, груды кредиток на картежных столах, праздношатающиеся люди на улицах. В деревнях детишки выполняют работу взрослых с утра до ночи, в городе много мужчин и женщин работают в канцеляриях и конторах по 5-6 часов, а остальное время проводят в тоскливой праздности. Многие хотели бы работать, но не созданы подходящие условия...

Надо понять, что пришла пора действительно напрячь все силы, засучить рукава, подоткнуть юбки, подобрать полы и натянуть во всю силу постремки нашей разбитой государственной телеги. Мы требуем введения ТРУДОВОЙ ПОВИННОСТИ. Привлечения к ручному труду на помощь деревенским детям, женщинам, солдаткам, всех, кто может работать без ущерба делу! Россия у последней черты! Только усиленная напряженная работа революционной демократии, действительное напряжение всех сил, могут спасти страну... Если мы решимся на этот путь, напряженный и каторжный, мы снова увидим солнце могучей жизни и великой культуры. Ибо из каторги выходят, из могилы же никогда! Да здравствует трудовое объединение революционной демократии! Да здравствует трудовая повинность!»

Почти в каждом номере газеты публикуют письма из деревни под общей рубрикой «С хлебного фронта», отражающие всю остроту противоречий разгорающейся классовой борьбы: «...Простыши о реквизиции, кулаки и зажиточные крестьяне, не понимая хорошенъко дела и напуганные слухами, начинают прятать хлеб. Работа сильно осложнилась. На сходах они со всем соглашаются, а амбары-то оказываются сплошь и рядом пусты. Прихо-

дится делать формальный обыск... Хлеб находишь спрятанным на чердаках и в других укромных уголках, а то и совсем не находишь, ибо он заранее вывезен в поле или в другие села. В поисках прятанного хлеба приходится шарить не только по амбарам, но и по всем, даже жилым помещениям. Результаты понятны сами собой: волость, которая могла бы вывозить тысяч 25-30 пудов, вывозит только 15-20.

Где причина всему этому? Не будем говорить о темноте или малой сознательности – это общее зло. Есть несколько иных причин. Во-первых, весенняя засуха в юго-восточных степях Томской губернии вместе с сильными ветрами подорвала всякую надежду на хороший урожай, и крестьяне не без оснований указывают, что ожидается недород, а в некоторых местах даже крупный. Во-вторых, в народной массе, запуганной прежним режимом, все еще живет недоверие к тому, что идет «сверху» из столиц. С этим недоверием бороться очень трудно. Крестьяне-кулаки прячут хлеб по понятной причине: неучтенный хлеб они потом будут продавать по высокой цене... Деревня еще не организована, в ней царят кулацкая власть и сила, вот почему бедняки боятся указать, куда кулаки спрятали хлеб. В тех же селах, где беднота успела сорганизоваться, где она открыто выступает против деревенской буржуазии, работать значительно легче, там быстро находится спрятанный хлеб... В темных же углах, там, где силен еще кулак, где никто не понимает совершившихся событий, где беднота еще дрожит перед богачом, там мы бессильны: все наши доводы, всякое живое слово не находят отклика народной темноты, о каменной кулацкой душе и говорить не приходится. Невольно закрадывается сомнение и тревога за будущее нашего народа...».

Тематика писем поразительно многообразна. Каждое правдиво и точно отражает революционные перемены, произошедшие в обществе. Очень примечательно письмо «Дети и революция» за подписью «Женщина»: «Дети как в частной, так и общественной своей жизни часто отражают в миниатюре жизнь взрослых. Как в зеркале отражается в их играх наша жизнь, принимая порой уродливые формы. Так, в дни первой революции 1905 года дети играли в революцию: разбивались на две группы, из коих одна изображала манифестацию черной сотни, другая – демонстрацию революционеров. Когда же революция заглохла и наступившая реакция начала ликвидацию, ссылая на каторгу и вешая, дети стали играть в прокуроров и палачей, и эти игры заканчивались очень трагично. Бывали случаи, когда дети, увлекшись игрой в правосудие, вешали на самом деле своих товарищей.

Когда в России началась вторая революция, дети прибавили к своим играм в войну новую игру в митинги, в манифестации с красными флагами, а дети старших возрастов разбились на всевозможные политические партии. Полное отражение жизни взрослых. Мы волнуемся, и волнуются вместе с нами наши дети. Нет ни одной семьи, где бы не было горя. Дети это понимают и переживают по-своему... Дети - это наше зеркало, и в нем отражаются равно как наши достоинства, так и пороки. Кто из нас во время этой войны мог сосредоточиться на чем-то серьезном? Когда еще в обществе замечался такой разврат? Каждый жил, не рассуждая, стараясь урвать от жизни как можно больше. Недаром эту жизнь называют пиром во время чумы. Наша революция спасла нас. Мы отрезвились от кровавого пира. Все мысли наши получили иное направление, мы поняли, какое тяжелое время переживаем и что наше Отечество в опасности. Спасла революция и наших детей. Они своим чутким сердцем поняли всю серьезность положения и с радостью готовы прийти на помощь Отечеству... Нужно направить энергию детей в сторону целесообразную и полезную. Организовать партию учеников и учениц старших возрастов для сельскохозяйственных работ. Открыть школы для взрослых, чтобы к моменту выборов в Учредительное собрание было как можно больше грамотных. В эти школы привлекать учеников и учениц. И вообще, где только можно использовать труд детей, дабы сделать их полезными гражданами для будущего. Кончится война, политический строй примет определенные формы, мы успокоимся и возьмемся за созидательную работу, а дети наши также спокойно вернутся к своему учению».

Признаки нарастающей классовой борьбы чувствуются повсюду, и в отдаленных селах, и в самом губернском городе Томске. «Изdevательство А.К. Королевой», так назвал свое письмо в газету Х. Грингоф, член Совета рабочих депутатов от банковских служащих:

«Уважаемый редактор! Не откажите поместить в вашей газете следующее. Есть в Томске миллионерша, владелица нескольких винокуренных заводов Анна Константиновна Королева, проживающая по Набережной реки Ушайки. В день «займа свободы» она отказалась принять меня, когда я приезжал к ней на квартиру за подпиской на заем. Имея в виду, что ее крупный капитал лежит мертвый в банках, и что она до сих пор ни один не подписывалась, решено было отправить к ней делегацию и упросить подписать на минимальную сумму 100 тысяч рублей.

В делегацию вошли: председатель комиссии «займа свободы» С.Ф. Петров, члены комиссии

Е.Д. Генерозова, полковник К.С. Киселев и дежурный прапорщик в русском для внешней торговли банке Ф.Я. Гвай. Но изdevательства Королевой превзошли все ожидания. Делегацию она не хотела принимать и только после больших усилий приняла ее в скромном месте – на своей кухне. На предложение подписать заем, она согласилась, но на 500 рублей. Изволила еще увеличить подписку до 800 рублей. Так делегация больше от нее ничего не добилась. А разве среди капиталистов А.К. Королева исключение? Раз сами капиталисты, в чьих интересах ведется война, так относятся к займу, тогда действительно остается один шаг – это издать принудительный заем...».

Несмотря на изобилие информации о происходящем в столице и на фронтах продолжающейся мировой войны, редакция постоянно и охотно предоставляет газетную площадь для освещения социальных конфликтов и житейских драм.

«Уважаемый гражданин редактор! Обращается в редакцию фельдшер 39-го сибирского строевого запасного полка Романов. 4 сего июля днем на квартиру моей семьи Старо-Кузнецкий Ряд № 8 явился подпрапорщик Меркушев из 27-го запасного пулеметного полка, (так он себя называл) и сказал, что квартиру эту занимал раньше и теперь, как возвратившийся с фронта, опять будет ее занимать. Я ответил, что для этого имеется Мировой суд, который и определит срок на очищение квартиры. Гражданин Меркушев вдруг подбегает ко мне со всеми признаками кулачной расправы и с угрозой требует квартиру очистить к вечеру. Звоню по телефону в 5-й участок Томской городской милиции с просьбой оградить мое семейство от грозящей ему опасности.

К вечеру того же дня Меркушев приносит записку за подпись комиссара 5-го участка Томской городской милиции о том, чтобы мое семейство оставило квартиру до воскресенья 9 июля. Во избежание конфликта я ответил согласием, хотя видел, что комиссар никакого права не имеет выселять мое семейство, пусть Меркушев имеет даже звание подпрапорщика, а я – простого солдата. Прошли ведь те злодейские времена и те драконовские законы, по которым Рюриковичи выделяли нас в категорию животных.

На ночь я пригласил к себе солдата и поступил так, оказывается, не напрасно. Около часа ночи Меркушев, его жена, тестя и еще 3-4 человека врываятся в мою квартиру, все совершенно пьяные, с требованием очистить ее сию же минуту... Милицией Меркушев и его жена были уведены в 5-й участок. По составлению протокола его направили в гарнизонный Совет при бумаге с редакцией: «При сем препровождается Меркушев». Идти туда он наотрез отказался, и милиция оставила его в покое...».

ПЕРОМ И СЕРДЦЕМ

Рассказывать о журналистских буднях можно бесконечно: это и праздники, и ночные бдения, а главное - знакомство, сотрудничество с массой людей. Наши постоянные читатели и сами многое помнят...

Лицо газеты - лицо редактора?

Я пришла в эту газету, проработав пять лет в «Молодом ленинце». Пришла с некоторой робостью: о редакторе В.А. Кузьмичеве была наслышана. Особенно ярко живописал Владимира Александровича Виль Липатов, приносивший в молодежку первые свои рассказы - в основном из забракованных Кузьмичевым. При этом Виль изображал в лицах «босса» и кого-нибудь из своих коллег. Отсмеявшись, я отдавала те рассказы в набор, а начинающий писатель получал очередной «втык» от Владимира Александровича. Тогда бегать «на сторону» от места работы не полагалось.

Газета, делающаяся даже большим коллективом, не может не вобрать черты своего руководителя. В областных верхах ценили разносторонность образования, трудолюбие Кузьмичева и, как тогда говорилось, готовность с честью выполнить поставленные задачи. А мы знали глубину и нестандартность мысли своего редактора. Но работа с ним могла бы гораздо большему научить коллектив, если бы не частая непредсказуемость слов и действий. Если в методах его руководства и просматривалась единая линия, то это была сверхосторожность. Не все тогда знали причину сложных отношений Владимира Александровича с людьми и эпохой: в конце 30-х годов он несправедливо пострадал, будучи вырванным из родного Ярославля, а вскоре и отправленным в ленинградские «Кресты». Правда, томился там недолго, счастливо избежав клейма «врага народа»...

На таланты газете везло. Кроме упомянутого В. Липатова, назову еще писателя Вадима Макшева - тоже начал пробы пера в «Красном знамени», будучи еще селькором. С конца 50-х и позднее радовали читателей репортажами, очерками, публицистическими размышлениями Иосиф Мизгирев, Геннадий Паздников, Лидия Титова. Знали во всей области фельетонистов Евгения Попова и Сергея Ходора, жанровых «многостаночников» Максима Мальцева, Бориса Бережкова, Владимира Когана, неутомимую Нину Василенко, обобщавшую опыт лучших животноводов и хлебаров так, что его подхватывали во многих районах.

Свежую струю в газету внесли молодой журналист Роман Романов и токарь завода «Сибэлектек-

тромотор», ставшая профессиональным газетчиком Лida Мерцалова.

Особенностью моего первого редактора в «Красном знамени» было еще и то, что на страницах родного издания он присутствовал в основном лишь в виде подписи на четвертой странице. Немногие статьи, вышедшие из-под его пера - всегда актуальные по проблематике, - напоминали по стилю работы ученого. Да, он был им. Напомню: В.А. Кузьмичев положил начало социологии в СССР. А вот устная его речь куда более адекватно отражала новизну и яркость его мысли.

В типографию строгий «шеф» спускался нечасто (мы тогда работали в старом здании по пр. Ленина, 66). Но когда это случалось, имели возможность наблюдать совсем иного человека: только что был язвителен, строг, неприступен - и вот уже весело шутит. А вот гранок с пометкой «Р» (редакторская) линотипистки и метранпажи боялись пуще огня: правка могла быть избыточной, а все написанное - малопонятным из-за ужасного почерка. И я, и наша старательная выпускающая, умница и патриот родной газеты Валерия Ивановна Кропачева, часто переводили «на русский» все то, что начертал Кузьмичев. Однако ж немилосердно разукрашенные «Р-гранки» не означали, что он поостережется править и полосы, уже готовые к печати.

Меня, познавшую тайны руководства и подчинения лишь на примере «Молодого ленинца», Владимир Александрович учил так (это уж когда стала ответственным секретарем редакции).

Вызов. По звонку или с помощью курьера. Едва шагнув в кабинет, заметила след красного карандаша на узко сложенной газете. Чуть отлегло, когда подошла ближе: подчеркнуто лишь одно слово. Тягостное молчание. И наконец: «Объясните, пожалуйста, - а сам не поднял и глаз, - как оно могло сюда заскочить?..» Не дождавшись вразумительного ответа, водит пальцем, бледным и тонким, по тому слову, будто хочет его стереть напрочь и навсегда. Потом ядовито и тоскливо: «Ну и что с того, если я сам это слово и вписал в гранку?.. Ведь не кончал филологического факультета, в отличие от вас, да и должность у меня иная, как, наверное, уже поняли. А вы обязаны были заметить: в этом контексте это словечко-то не соответствует своему значению...»

Признаюсь, слез было пролито немало. Зарекалась: не притронусь впредь к его правке! А потом стала спокойно соглашаться свои порывы - бывало и соглашался со мной. Да, стиль каждого из нас - это не только характер и умение излагать свои мысли. Это весь человек в зеркале определенной эпохи.

Наше счастье, что газетчики и полиграфисты были тогда дружным коллективом, объединенным всеми будничными и многими праздничными днями, которые могли плавно переходить в ночи такой же длины!

В типографии трудились мастера, знания которых выходили за пределы того, что требовалось знать и уметь. Назову старейших: главного механика Б.В. Мухина и начальника цеха Я.С. Чибизова. Умением первого были поражены представители ленинградского предприятия, приехавшие по просьбе редакции определить, отчего так часты поломки выпускаемых ими станков.

Линотиписты Анна Бахарева и ее сестра Антонина, а затем и две Галины - Карпачева и Карбышева - могли набрать целую газетную полосу текста без единой ошибки. Особой добросовестностью отличалась цинкограф Клавдия Холодова. А сколько удачных вахт-«продленок» на счету также работавших во вредном цехе метранпажей - Марии Богданчиковой, Ефросиньи Бельской, Элеоноры Контузоровой, Зинаиды Митягиной! «Королем верстки» называли мы Николая Белозерова. А печатники Николай Макаров и Андрей Джеппа, работавшие по «продленке наоборот»: начинали вечером либо ночью, а уходили к полудню, если газета выбивалась из графика. И выжимали из печатной машины, давно отслужившей срок, все возможное.

Сейчас исчезли многие профессии полиграфистов, жизнь нас разбросала, но встретишь кого-либо из ветеранов - будто родственники...

Сталин смотрел налево

Ошибки в газетах неминуемы, важно, чтобы их было меньше, а всяческие «цензоры» (штатных-то, слава Богу, уж нет) не видели в том ни конца света, ни политической крамолы.

Об «истерической речи вождя» я услышала от ветеранов-корректоров Т.В. Бровциной и В.А. Корнецкой (пусть еще много лет будет здоровой и счастливой Валентина Алексеевна!).

Петит, основной газетный шрифт многих лет, мелок, да и само начертание букв, добавляло рези в глазах всем, кто даже с лупой читал сырье оттиски газетных полос. Сырые - в прямом смысле слова (технология требовала тогда смачивать чистые бумажные листы водой, с помощью... тряпки, иначе вообще ничего не прочтешь). Особенно трудно было, например, отличить в тех полосах будущей газеты похожие по начертанию буквы «о» и «е».

Зная о подобных ловушках, и наборщики, и корректоры, и дежурные по номеру брали в руки только что отлитые горячие металлические строки, еще чистые или с нанесенной черной краской. Пальцами ее оттирали - так быстрее! - и тогда уж приходила уверенность: все нужные буквы на месте.

Но однажды газета вышла с названным выше определением речи Сталина. Повинные головы тогда не полетели - было то уже после Великой Отечественной войны. А вот с работы того, кто искал одну букву, выгнали, других, потревавших бдительность, строго наказали.

И все же Иосиф Виссарионович и после того опять оказался «безвинно пострадавшим».

Я только-только возглавила секретариат - еще много-много дней оставались днями памяти масово оплаканного вождя народов. Поступило столичное указание - опубликовать в текущем номере фотопортрет Сталина. И не абы какой, а непременно в мундире Генералиссимуса, в полный рост. Взял в руки тот снимок, я примерила его, наложив на вчерашнюю газету. Творчество исключалось - было велено поместить фото на первой полосе, вверху, справа. Голова Сталина меж тем была развернута так, что смотрел он явно не туда, то есть «с газетной полосы», а не «в полосу». Аналогичного портрета, но с иным поворотом головы в фототеке не имелось. Вот и предложила я цинкографу перевернуть фотопленку при изготовлении клише, тогда, мол, взгляд вождя будет обращен куда надо.

Так и сделали, обеспечив тем самым... полную безграмотность Генералиссимуса в вопросе о том, как носятся ордена и другие регалии. Сами мы это и уловили. Как быть? Память, долго меня не подводившая, запечатлела четко: первая полоса того номера не переделывалась. И вот уже теперь пролистала я все подшивки, начиная с того

дня декабря 1957 года, когда пришла в секретариат «Красного знамени», и кончая газетой с речью Н.С. Хрущева, развенчавшего культ личности Сталина. Нигде того портрета нет. Одно из двух: или мы оказались единственной областной газетой, не выполнившей указание ТАСС (читай, ЦК КПСС), и вышли без того портрета, или взяли на себя смелость опубликовать покойного «гения человечества», смотревшего налево. И то, и другое чревато последствиями. Тогда почему их не было? Может, и впрямь кто-то дал команду не посыпать тот номер всюду, куда шли тогда «обязательные экземпляры» всех газет, а позднее еще и скомандовал: тихо изъять его из всех местных подшивок?

Во времена «первой оттепели» не избежал выговора по партийной линии наш опытный и всеми уважаемый редактор Александр Николаевич Новоселов. В одном из номеров третья страница была набрана как обычно - сплошь петитом. И в обзоре иностранной прессы единственная «чужая» буковка опять дала немыслимое сочетание: «слона Н.С. Хрущева» (вместо – «слова»).

Конечно, интеллигентный, мягкий по натуре преемник Кузьмичева (эти качества не помешали Александру Николаевичу много лет творчески и плодотворно руководить редакционным коллективом) не допустил бы грубости по отношению к любому человеку. Опечатка родилась уже после редакторской читки полосы, при внесении какой-то несчастной запятой в начало абзаца - все строчки переливались, и вот такой неожиданный эффект. Это случилось незадолго до октябрьского пленума ЦК КПСС: сменился Генсек - выговор с нашего редактора сняли.

Как упала звезда

В «кухне» Телеграфного агентства Советского Союза мало что менялось годами. Сутками гнало оно единообразную текучку, из которой наша газета могла использовать едва 5-10 процентов.

По стране вовсю гуляла поговорка газетчиков: «ТАСС работает не для нас». Если честно, то тут натяжка. Главным источником противоречий и неоперативности была Старая площадь в Москве. А в ЦК КПСС будто не ведали, что «широкая моя страна родная» разделена на часовые пояса, где время сильно разнится с московским. Вот и сыпал ТАСС телеграфные ленты с грифами «Срочно!», «Всем, всем!» без особого разбора.

Вот всего один пример из множества. Восстанавливая по памяти московское указание: «Все областные партийные газеты публикуют Указ Президиума Верховного Совета СССР «О награждении Л.И. Брежнева Золотой Звездой Героя Советского Союза». Текст Указа передадим вскоре. Он публикуется вместе с портретом Генерального секретаря ЦК КПСС на первых полосах этих газет».

Наш секретариат обрадовался больше всех: указ не задержат, портрет у нас есть, значит, ломка уже сверстанного и вычитанного номера коснется единственной полосы. Так что ночевать можно дома.

Кстати, незадолго до того дня мы запрашивали Фотохронику ТАСС, не вышлют ли нам более современное фото Леонида Ильича? В ответ: «Не имеем...» Ну что ж, ладно, у нас накопился опыт. Откуда брали звезды Героев? Да аккуратно вырезали с фотографий бывших членов Политбюро, умерших маршалов - где уж какая по формату подойдет.

Расчет на домашний сон опять не оправдался. Только наш художник В. Марьин, быстро и умело выполнив мое поручение, уехал домой. А часа через два курьер доставила в секретариат из старой, книжной типографии готовую металлическую пластину. Напомню: работали мы тогда на трех площадках - сами еще не перебрались в девятиэтажку нового комплекса, где уже стояли линотипы и печаталась на современных машинах газета, а рисунки и фото все еще изготавливались в здании по ул. Советской.

Смотрю на вновь награжденного. Глазам не верю. Пересчитываю звезды: одна, две, три четыре. И еще раз... Где же свежая высокая награда? Ни на оригиналe, ни на оттиске клише ее нет. А ведь талантливый Володя Марьин при мне пристроил звезду на грудь Леонида Ильича. Для этого, конечно, и костюм пришлось подновлять, и плечи брежневские расширять, чтобы получше разместилась уже пятая Золотая Звезда. А сам герой, по-прежнему «такой молодой», с обидой и подозрением глядят с портрета, словно уверен: кто-то, а уж Володя Марьин не мог посягнуть на его золото.

Но факт есть факт, к тому же прискорбный. Предупреждаю цинкографов, чтобы задержались еще часа на три и еду будить художника. Ох и поплутали мы ночью с водителем редакционной машины по новому микрорайону Спичфабрики! Застойка современная, чередование номеров загадочное, ночь темная. Наконец разыскали Марьина - привезли обратно. Показалось... зря. Наша милая и сообразительная старушка-курьер, вспомнив, как пробиралась по плохо освещенному зданию от входных дверей до цинкографии (только этот цех в то время и работал), решила все же пройти по недавним своим следам. И нашла-таки на лестнице злополучный фотокусочек. Как та звездочка, посаженная на свежий клей, могла выскочить из конверта, в который была вложена? Мистика, да и только. А может, рука провидения. То была последняя Золотая Звезда Л.И. Брежнева. А Марьин не был бы Марьиным, если бы не сказал бы мне следующим днем: «Если вы еще раз ночью поднимите - перетерплю. Может, и жена меня не бросит. А вот Леонид Ильич (кивок на многострадальное фото) уж точно подобной операции не перенесет. Даже у портрета возраст критический».

«Эра Лигачева»

Партийное руководство газетой было разным, в зависимости от первых секретарей обкома.

О стиле властного В. Москвина старые краснознаменцы могли судить лишь по особой издерганности Кузьмичева, возвращавшегося из главного дома города. Следующий посланец ЦК И.Т. Марченко о себе заявил фельетонно. Телефонную трубку снял один из моих заместителей и услышал: «Это секретариат редакции? С вами говорит первый секретарь обкома партии товарищ Марченко. Вы информируете читателей о состоянии пленуме? Так вот. Надо набрать это сообщение самым крупным шрифтом (последовала небольшая заминка)... петитом».

Насколько «крупен» тот шрифт, знала даже масса читателей областных газет.

Все предшественники Егора Кузьмича Лигачева позволяли любому инструктору давать редакции «ценные указания». А вот повстречаться с коллективом редакции никто не считал нужным. За все-то годы! Егор Кузьмич это сделал на второй день своей работы. И первые его слова были уже совсем нетрадиционными: «Я рад, что буду работать в городе, где трудится опытный, талантливый коллектив газеты и ее нештатных авторов. «Красное знамя» я просматривал, еще работая в Новосибирске». Вскоре он повторит эту оценку на I Слете рабочих и сельских корреспондентов и прикрепит орден к знамени редакции (им газета была награждена в честь своего 50-летия).

Так начался самый памятный и счастливый 17-летний отрезок жизни «Красного знамени». Никогда еще не работалось журналистам с таким интересом и окрыленностью, хотя трудности все прибавлялись – область становилась большой стройкой. Сколько потом приходил Егор Кузьмич в коллектив, в старое и новое помещения, в линотипный цех типографии, временно размещенной в нашем трехэтажном здании по соседству с возведившимся новым полиграфическим комплексом. Сам курировал ту стройку, проводил планерку с теми, кто отвечал за пуск современного здания. Приглашал всю редакцию в свой кабинет для довольно острого разговора...

«Красное знамя» вскоре после приезда Е.К. Лигачева обрело новое лицо. Редакции уже не приходилось «выбивать» ответы от местных начальников после острой критики. Более того, под рубриками «По следам наших выступлений», «Газета выступила - что изменилось?» стали публиковаться ответы из министерств, главков (небывалое в истории областных газет явление!). А там-то уже уяснили: Егор Кузьмич, заботясь о преображении томского севера, о развитии промышленности науки

областного центра, свои начинания доведет до конца.

Именно «в эру Лигачева» журналисты средств массовой информации добирались на всех видах транспорта и пешком мерили таежные болотистые километры, желая увидеть, где рождается завтрашний день и трудятся энтузиасты-первоходцы.

Вся история преобразований 60-х - начала 80-х годов запечатлена на фотопленках Федора Хитриневича и Евгения Лисицына, в публицистических статьях и очерках Леонида Левицкого, Евгения Вострухова, Александра Соловьева, Аркадия Брускина, Соломона Выгона, Виктора Лойши и других краснознаменцев. Нашей гордостью стали такие нештатные авторы, как Лев Пичурин, рабселькоры Николай Белоус, Виктор Сомов (всех перечислить просто невозможно). Им и многим еще за это - ордена, медали, другие награды, престижные премии Союза журналистов...

В редакцию зачастали коллеги из многих городов. Но любая известность приносит порой и горечь. Столичные СМИ с удовольствием «выдергивали» из наших рядов самых одаренных и мобильных.

Опыт газеты тех лет обобщен на ВДНХ, высокая оценка средствам массовой информации Томска дана в постановлениях ЦК КПСС о руководстве ими Томского обкома.

Меня никто не разубедит: те годы - самые плодотворные для экономики области и жизни земляков. Вспомним: первый нефтепровод, мост через Обь, Стрежевой, быстро взметнувший свои этажи; Томский аэропорт, новые жилые районы, рабочие и студенческие; ТНЦ Академии России и такой же центр Академии медицинских наук; водозабор из подземных источников; небывалое расширение базы культуры, отдыха, спорта; мощные животноводческие комплексы... Да только на перечисление не хватит большой газетной страницы.

Мы и сегодня не все развалили из того, что создано тогда трудом земляков. А теперь скажите: возможны ли были такие перемены, если бы не инициатива и энергия лично Е.К. Лигачева? Если, допустим, продолжал бы «править» в Томске его предшественник, заслуживший звание «Ивана-тишайшего»? Нет, конечно. Так и таскал бы электровоз-чужак наши не-фирменные вагоны в столицу нашей Родины...

* * *

...Старые подшивки. Для кого - история, а для кого - жизнь, главный ее отрезок. Оттого любой давний номер «Красного знамени» и сегодня дышит, храня в неприкосновенности всю гамму чувств и энергию рождающихся мыслей. Всех, чьими руками делалась газета. И всех, кто был героями публикаций.

Виктория БРЫНДИНА
Материал подготовлен к 80-летию газеты.

ОСЕНЬ ПАТРИАРХА

Это очень непросто - найти нужные и верные слова о старшем коллеге. Патриархе редакции и знатоке сельской темы, чьи статьи не один десяток лет украшали страницы «Красного знамени». Имя Максима Васильевича Мальцева рождает самые добрые чувства, какие только может вызвать строгий учитель, внимательный наставник и терпеливый друг. Да, он бывал крут, но всегда справедлив. Он не любил и малейших признаков разгильдяйства, ценил порядок, воспитывал у молодых ответственность и чувство долга. Работать в газете было всегда сложно. На должности заместителя редактора - втройне. Но он никогда не терял присутствия духа, любил острое слово, юмор, меткий анекдот.

Кажется, проработав рядом долгое время, знаешь друг о друге если не все, то много. Максим Васильевич всегда умел найти свежую тему, вспомнить нечто необыкновенное, поучительное и смешное из собственной биографии, пережитого им за 80 без малого лет жизни. По счастливой прихоти судьбы он - ровесник газеты, которой отдал свои лучшие творческие годы.

Слушая его при встрече в канун юбилея, поймал себя на мысли: «Век живи, век спрашивай». Ибо не знал, например, что родители Мальцева - беженцы из Прибалтики, изгнанные из родных мест ураганом Первой мировой войны. Правда, сам он родился в августе 1917 года уже в деревне Белогородке Томской губернии (ныне Кемеровской области). И может с полным правом считать себя сибиряком.

Газетный талант в нем пробивался как живой росток. Через бедность и раннее сиротство, школу крестьянской молодежи, ФЗУ в Новосибирске, многотиражную газету «Труд» машиностроительного завода, секретарство в районной газете «Знамя коммунизма». Тяга к печатному слову преодолевала, кажется, все, хотя работа журналиста в 30-40-е годы была чрезвычайно опасной. Достаточно было одного неверно употребленного не слова, а даже знака. Как случилось с редактором районной газеты Т., который после сакраментальных слов, сказанных вождем: «Враг будет разбит. Победа будет за нами!» вместо положенного здесь по смыслу восклицательного знака оставил в тексте вопросительный. Закончилось это всего лишь отправкой на фронт. А могло быть и хуже.

Из Мариинска в Тегульдетский район Мальцев попал в августе 1942 года при следующих обстоятельствах. Кому-то в райкоме пришло в голову перевести молодого редактора заведующим отделом пропаганды.

- Сел я в кабинет с мебелью, отделанной под орех, и не пойму, зачем? Не мое это дело - бумажки перекладывать. Обратился в обком с просьбой освободить. В кадрах мой однофамилец Мальцев подошел в карте, ткнул пальцем, спросил: «Куда ехать хочешь редактором?» Выбрал Тегульдет. Приехал. Глушь. Грусть. Тайга. Болота. Одно хорошо - ореха кедрового много. Не пропадешь с голода при дневной норме хлеба 200 граммов...

В «Красном знамени» имя Мальцева впервые прозвучало в 1949 году - он стал заведующим отделом партийной жизни. Частые летучки, заседания и собрания пришлились не по душе новому сотруднику, как и редакторский диктат. И однажды Мальцев хлопнул дверью, на семь лет переехав в Мельниково редактором районной газеты. Окончательное возвращение его на круги своя состоялось в 1964 году. И 15 лет, вплоть до ухода на пенсию, вел Максим Васильевич свою главную деревенскую тему в газете, совмещая должность заместителя редактора с заведованием отделом сельского хозяйства.

- Считаю, мне повезло в жизни, - сказал нам на прощание Максим Васильевич при недавней встрече. - Любил и люблю свою работу. Газетчик - это прежде всего правозащитник. Всех обиженных и униженных, обманутых и потерпевших. Журналисты острее видят доброе и злое в жизни. Но рассказать о зле - еще полдела. «Красное знамя» всегда было сильно тем, что добивалось единственности своих выступлений. Так что не бейте по частностям, не палите из пушек по воробьям, а смело ищите самую суть явления. И читатель, уверен, поддержит, оценит и полюбит вас.

Владимир ФЕДОРОВ
Материал подготовлен к 80-летию газеты.

О ЧЕМ МЫ ТОЛЬКО НЕ ПИСАЛИ

Октябрь 1917 года: от Петербурга до Томска

Очень сложно найти сколько-нибудь удовлетворительное социально-экономическое объяснение того, что случилось в России в феврале и октябре 1917 года. Несмотря на участие в Первой мировой войне, экономика страны была на подъеме. Да и одна из движущих сил революции – пролетариат жил отнюдь не так беспросветно, как позднее стали рисовать коммунистические историки.

Перечитывая уже в зрелом возрасте роман «Мать» Максима Горького, сразу обратил внимание на детали, ускользавшие ранее. Помните, что сделал совсем еще юный Павел, когда начал работать? Он купил рубашку с накрахмаленной грудью, галстук, калоши, трость и, конечно, гармошку, чтобы веселить душу и девчонок. Причем неквалифицированный работник мог на свою зарплату один содержать семью, поскольку отец умер, а мать (Ниловна) не работала. Да и жилищные условия у Власовых были более чем сносными, в достаточно просторной квартире Павел располагал отдельной комнатой. Так или гораздо лучше жили сотни тысяч рабочих семей.

Почему же в таком случае не только Павел, но и мать отважилась принять самое активное участие в революционных событиях? Почему рабочие, особенно молодые, стали вести себя агрессивно, собирались в большие группы, ходили по улицам, хулиганили, задирая, а порой избивая чем-то не понравившихся хорошо одетых людей? Мощно и ярко этот общий коллективный протест, а точнее сказать – бунт, развернулся в Санкт-Петербурге. Забастовки в столице начались в феврале. И хотя многие исторические источники утверждают, что поводом для выступлений стали перебои с поставками хлеба, но это только одна сторона медали. Обстановка была накалена до состояния социальной грозы многими обстоятельствами, в том числе и сотнями лет гнета крепостного права, когда помещик мог оторвать грудного ребенка от матери, обменять на борзых щенков, проиграть в карты целое село, когда жизнь и права человека не значили ничего.

Междуд тем доминантой характера русского человека, да и многих других народов, проживавших в России, было и есть стремление к справедливости. А ее для простого человека не существует.

вовало столетиями, законы служили правящему меньшинству и направлялись против абсолютного большинства населения. Не потому ли родился протест, облеченный словами: «Суди меня не по закону, а по справедливости!» И копилась в недрах душ неосознанная и осознанная ненависть, мечта о страшной мести. А средоточием зла признали правителя России, царя Николая-II, к тому же еще и оболганного, опороченного вместе с супругой. Некому было защитить и поддержать своего верховного главнокомандующего, потому что начальник штаба генерал Алексеев и все командующие фронтов высказались за передачу власти, полагая, что это как-то успокоит растревоженное общество. А в столице творилось что-то невероятное. Выйдя на улицы, забастовщики распевали рабочую «Марсельезу» с провокационными словами: «На воров, на собак – на богатых! Да на злого вампира-царя! Бей, губи их, злодеев проклятых! Засветись лучшей жизни заря!» Ранним утром в центр города хлынула огромная толпа солдат и рабочих, подростков и уголовников. С наслаждением били витрины и громили дорогие магазины. Пьянящий запах свободы, разгул вседозволенности, предчувствие катастрофы постепенно охватили все слои населения. Появилась возможность люто отомстить за века унижений. И отомстили, да так, что перевернули, вздыбили, искалечили всю историческую судьбу многострадальной России, в том числе и десятков миллионов соотечественников.

Наверное, как Февральскую, так и Октябрьскую революцию можно назвать переворотом, захватом власти группой лиц. Но ведь если абсолютное большинство народа пошло за большевиками, значит, они сумели затронуть какую-то важную, чувствительную струну в характере русского человека, ту самую извечную жажду справедливости. Ну и, конечно, вели за собой массы, выдвинув популярные лозунги: «Вся власть Советам!» «Заводы, фабрики - рабочим!», «Земля – крестьянам!» Сулили златые горы, а что получил народ взамен?

Вот как представлены глазами очевидцев на газетных полосах «Знамени революции» те судьбоносные для России дни. Временное правительство у последней черты, дышит на политический ладан. Свергнутый правитель, последний из династии Романовых царь Николай II с семейством и несколькими приближенными живет в Тобольске. Но и здесь царственным особам нет покоя. В публикации «Бедный голодающий» газета сообщает: «Говорят, что у нас в России республика, что одним из основных лозунгов ее является равенство. А, между тем вот как описывает корреспондент газеты «Труд» питание семьи Николая Романова, сосланного в Тобольск.

Ежемесячная смета буфета: чаю 2 пуда 25 фунтов, кофе – 7 пудов, сахар – 9 пудов, масла сливочного – 6 пудов, молока – 1200 бутылок, сливок – 290 бутылок или 1920 бутылок молока, муки крупчатой – 45 пудов, яиц – 600 шт.

Ежемесячный расход по кухне бывшего высочайшего двора в Доме свободы в Тобольске: мука пшеничная 1-й сорт – 2 мешка (10 пудов), рис – 1 пуд, крупы гречневой – 1 пуд, перловой – 3 пуда, пшена – 3 пуда, сахару-песку – 4 пуда, яиц куриных – 2000 шт., молока – 600 бутылок, картофеля – 20 мешков, масла сливочного – 10 пудов.

Далее газета дает комментарий. «В то время как весь народ голодает, для бывшего царя, запятнавшего себя ядом преступлений и измен, создается полная роскошь. Как все это гармонирует с идеей справедливости?

По всей России для всех граждан запрещено употребление вина, но это запрещение не касается Николая Романова. Для него делается исключение. На днях привезли шесть ящиков вина, но солдаты, узнав об этом, разбили их по дороге с пристани и вино разлили. По поводу пропуска вина сделали запрос Керенскому...».

Это лишь характерный эпизод информационной войны против старого мира. Газета продолжает публиковать «специальные телеграммы».

Вот разговор с членами Центрального почтово-телеграфного комитета:

- Каково общее положение?
- Керенский скрылся, и его войска в Гатчине сдались.
- Каков состав настоящего правительства?
- Я нахожу, что еще нет никакого правительства, ибо сейчас есть диктатура Ленина и Троцкого.
- Где сейчас Керенский?
- Его место пребывания не известно никому, он на нелегальном положении, ибо ему грозит снос судьбы большевиков.
- Много ли жертв в Петрограде за эти дни?
- Не более двух десятков, преимущественно юнкеров. Под Гатчиной с обеих сторон несколько сот. Вообще в Питере легче, в Москве ужаснее и жертв, говорят, более двух тысяч.

- Работает ли телеграф между Петером и Москвой и в чьих руках Москва?

- С Москвой работает, там комитет спасения сдался на почетных условиях, так что фактически власть в Москве в руках большевиков. Теперь о положении на фронте. Наступления не было, видимо, немцы полагаются на Ленина и Троцкого, что они сумеют еще больше разложить армию и государство. Наступление отрезвило бы солдатские массы и отвлекло от гражданской войны.

Газета знакомит читателей с репортажем И.Л. Нахановича «Октябрьские дни в Петрограде: «Город-призрак, туманный, фантастический

Петроград, он в эти дни жил своей особенной жизнью. Снаружи, с первого взгляда, все было спокойно, как и в обычное время, двигались по улицам люди, как кровь в организме – гуще и быстрее к центру, реже и медленнее по окраинам. Стояли хвосты: «керосиновые», «обувные»... Шумели трамваи, автомобили, работали фабрики, торговали магазины... А в глубине уже чувствовалась тревога. Жизнь напоминала реку накануне вскрытия: слухи, туманные, как шорох трескающегося льда, порождающие выжидательное, пугливое настроение, носились в воздухе. При виде конного отряда солдат или казаков старушки радостно крестились и шептали: «Слава Богу! Погрому не будет».

А события шли, и кризис между Петроградским советом и правительством назревал все сильнее. Уж Керенский в Совете республики требовал разрешения расправиться с «большевистской чернью»... А большевики все не выступали. И жил город в тревоге. Военно-революционный комитет, засевший в Смольном, начал готовиться к решительной битве. К Зимнему дворцу стягивались отряды юнкеров, некоторые казачьи части, пришла батарея. Стояли английские броневики с русской прислугой. Утром 24 октября Керенский на Дворцовой площади сделал смотр женскому ударному батальону, пришедшему для защиты Временного правительства... По коридорам Смольного сновали солдаты и рабочие-красногвардейцы, сосредоточенные, решительные. Резко выделялись своим спокойствием характерные лица матросов... Вечером Временное правительство отдало распоряжение развести мосты на Неве. И хотя крейсер «Аврора» и красная гвардия помешали этому, началась паника. Все спешили убраться домой, на подножках трамваев, как пчелы во время роения, висели пассажиры. Одного на ул. Садовой бросило столбом под вагон. Остальные пассажиры хладнокровно смотрели на раздавленного и ждали, чтобы скорее тронулся вагон.

25 октября утром телефон, телеграф, банки оказались в руках военно-революционного комитета. Обыватели, ждавшие всяких ужасов, были изумлены строгим порядком, царившим на улицах. Какой-то господин, увидев матроса возле броневика, стоявшего у Госбанка, обратился к нему: «Спасибо, голубчик, что охраняете банк, а то эти проклятые большевики все разграбят». «Что вы говорите? - ответил матрос. - Я ведь и сам большевик».

В Смольном институте шло заседание фракций 2-го Всероссийского съезда Советов, открывавшегося в этот день. Наша фракция – фракция большевиков еще 24 октября вынесла постановление в виду тревожного времени не расходиться из Смольного и в всецело предоставить себя в распоряжение ЦК партии... В два часа ночи получено

известие, что Зимний дворец взят, Временное правительство арестовано, кроме бежавшего Керенского, и отвезено в Петропавловскую крепость... В пять часов утра, приняв резолюцию о переходе всей власти к Советам, заседание закрылось.

26 октября днем происходили фракционные заседания. Левые эсеры, пытавшиеся быть связующим звеном между нами и ушедшими «соглашателями», весь день провели в бесплодных спорах. Иначе обстояло дело в нашей фракции, и этим в громадной степени мы обязаны т. Ленину, сохранившему ясность мысли и хладнокровие. Я видел его в апреле, когда он как победитель въезжал в Петроград на бронированном автомобиле, окруженный сотнями знамен, горевших под лучами прожекторов, как кровь. Сотни приветствий слышал он тогда и остался спокоен... И теперь у него не закружилась голова от достигнутых успехов. Исхудавший, обритый, он был по-прежнему невозмутим. Было слышно, как пролетит муха, когда Ленин читал во фракции декреты о Совете народных комиссаров, о мире, о земле, о созыве в срок Учредительного собрания... В два часа ночи принят Декрет о земле.

- Эсеровская программа! – крикнул кто-то Ленину.

- Мы не догматики, не книжники, мы - люди жизни. Закон, который мы предлагаем, желает крестьянство. И хотя мы знаем, что некоторые пункты, как, например, об уничтожении наемного труда, не пройдут в жизнь, мы говорим крестьянам: пробуйте, мы не будем мешать вам! Ваши ошибки научат вас! - ответил Ленин.

Декреты о мире и о земле, переведенные на многие языки, разбросаны в количестве 4 млн. экземпляров по всем фронтам, и теперь никакие силы не вырвут из сознания народного этого дела большевиков...».

Эхо свершившейся революции дошло и до губернского Томска. Газета «Знамя революции», в частности, сообщала:

«В городе по-прежнему все спокойно, принимаются меры к ликвидации забастовки служащих правительственные учреждений. Отдельные личности арестованы. Взводы артиллерии стоят в боевом порядке...». Члены Совета солдатских и рабочих депутатов Дрейман, прапорщик 38-го полка Зеленцов.

«Доклад о продовольственном положении Томска сделан нами в Губернском исполнительном комитете. Полное сочувствие. Обещают выплатить тридцать тысяч пудов зерна экстренным поездом. Телеграфируйте наше согласие». Члены Томского Совета солдатских и крестьянских депутатов Дрейман, прапорщик 38-го полка Зеленцов, председатель Мериновцев.

МАЙСКИМИ КОРОТКИМИ НОЧАМИ...

Еще один солдат Отечественной войны умер в преддверии очередного Дня Победы. Считается, когда человеку за восемьдесят, его и оплакивать не нужно. Прожита большая жизнь, сделано все, что положено судьбой. Подведем итог, и сокнутыми рядами двинемся дальше.

Александр Николаевич Новоселов меньше всего подходил к этим сокнутым рядам. Природная мудрость позволяла ему оставаться самим собою даже в самых оглушающих проявлениях беспощадной эпохи.

На фронте пулеметной очередью ему перебило обе ноги; по сути – перемолото. Некий чудо-хирург, случившийся в том пекле, спас конечности. Инвалидность осталась, но сторонними людьми медлительность новоселовской походки воспринималась, как нечто пьер-безуховское, как составная часть флегматичного и глубоко вдумчивого русского характера.

Демобилизовавшись вчистую, крестьянский сын Новоселов выбрал не самую благодарную стезю мирной жизни. Он стал журналистом. Сначала в районке, потом в областной партийной газете «Красное знамя». Достиг должности редактора

(тогда еще не принято было употреблять эпитет «главный»: редактор мог быть только один), вошел в состав бюро обкома КПСС.

Время на дворе стояло довольно суровое. «Холодная война» во внешней политике, непрерывные юбилеи во внутренней. Подчеркнутое и обязательное чинопочтание разномастных вождей, непременные публичные клятвы на верность идеалам... Новоселов в этой системе никоим образом не был протестантом, однако же и против совести не кривил.

При нем газета стала первой в Союзе по тиражу на душу населения; «Красное знамя» читала практически каждая семья в Томской области, его репортерам завидовали коллеги по всей стране.

У Александра Николаевича было удивительное свойство: брать на себя ответственность за все беды и огни, неизбежные в газетной текучке. Иной раз случались ляпы, попахивающие политической подплекой (чего стоит хотя бы заметка под заголовком «Судилище в Пекине» с сообщением о том, что там арестованы девять членов Политбюро ЦК КПСС – вместо ЦК КПК, разумеется), но он каким-то образом ухитрялся уводить от репрессий неразумных своих подчиненных, принимая начальственный гнев на собственную седеющую голову.

Когда его проводили на «заслуженный отдых» и заменили на другого человека, о принципиальности которого можно было говорить только в кавычках, журналисты сожалели об этом.

Александр Николаевич тогда тихо сменил кабинет и долго работал в скромнейшей должности секретаря областной журналистской организации. (Председателем, то есть начальником над ним, по этой линии числился его преемник на редакторском посту.) И в этом качестве Новоселов помог многим журналистам...

Не чуждый природному лукавству, он не терпел вранья. Разного рода интриги (увы, почти неотъемлемая принадлежность творческой среды) были ему глубоко противны. Однажды выставил вон человека, пришедшего наушничать на коллег. Впрочем, может, и не однажды: тот случай я знаю лишь потому, что выставленный имел глупость сам о нем рассказывать. С обидою.

Уход Александра Николаевича – еще одно напоминание о том, что есть на белом свете такие понятия, как мужество и человечность. А еще – порядочность.

В любые времена, при любых режимах и нравах.

Подобные мысли вселяют оптимизм: вовсе не потеряна Россия, покуда в ней уважаемы такие люди.

И уже за это спасибо Новоселову.

Виктор ЛОЙША

ШКОЛА НОВОСЕЛОВА

Трудно себе представить, что есть в Томске журналист, который бы не знал его имени. Старейшина томской журналистики, он многое сделал для становления творческих коллективов, профессионального роста и мастерства сотрудников разных изданий. С благодарностью вспоминают сегодня уроки Новоселова, многие ведущие журналисты не только областных, но и центральных газет.

У нас, «краснознаменцев», к этому человеку - особое чувство признательности. В редакции газеты «Красное знамя» Александр Николаевич начал работать с 1948 года. Тринадцать лет он был заместителем редактора и двадцать лет редактировал «Красное знамя». В журналистике, да и не только в ней, это целая эпоха! Мы учились у него - фронтовика, профессионала высокого класса, доброго, душевного человека - не только ответственному отношению к делу, полной самоотдаче в работе, но и вниманию, заботе о людях, коллегах. Спасибо вам, дорогой Александр Николаевич!

- Ты еще вернешься! - проговорил, угрожающе улыбаясь, Новоселов, когда я подал ему заявление об уходе и театрально хлопнул дверью. Новосибирск издал мою первую книжку, и я тогда (1970 г.) чувствовал себя чуть ли не Твардовским, решив, что могу жить где хочу и как хочу. Подумаешь, Новоселов, какое-то «Красное знамя»!

Много этих «зnamен»...

Помыкавшись с год на «вольных хлебах» в Томске, я действительно немало поездил. Но любое очередное свободное «бегство» заканчивалось одним и тем же: возвращением в Томск, к Новоселову.

И вот сейчас он медленно идет по коридору (дают о себе знать и война, и возраст). Смотрю ему вслед и думаю: чем же взял нас, томских журналистов, этот спокойный, со стыдливой усмешечкой, человек? Сам-то ведь он почти не писал. Ну разве что коротенькое сообщение с бюро обкома...

А вот ведь - взял... Чем?

Своей школой. Но что это за школа? Что в ней преподавалось? И кто ее выпускники? Памятливые читатели знают, что из-под крыла Александра Николаевича вышли друг за другом в «Известия» Евг. Шатохин, Евг. Вострухов, Леонид Левицкий, потом очередь дошла и до меня... Не буду скрывать: сойдясь, мы не раз «обсуждали» Новоселова. Ни одна командировка в столичные редакции не обходилась для меня без того, чтобы я возвращался в Томск без приветов Новоселову от правдистов, известинцев... И все говорили о нем с неизменным уважением, восхищением.

Уже одно это - школа. Школа признательности хотя бы. Если точнее, то Новоселов берет тем, что он профессионально честен. Тактичен. Никогда и ни у кого над душой не висел. Я не помню случая, чтобы он вмешивался в материал, над ко-

торым работаешь. Не торопил, не окрикивал, не диктовал. Его как будто бы и не было. Месяцами его не видишь. И в то же время не покидало (и не покидает) ощущение, что он постоянно рядом. Нет, не назойливо, а как олицетворение ответственности. За дело, за слово, за каждый поступок.

Причем главную часть этой ответственности хоть перед кем - обкомом, исполнкомом и т.д. - он брал на себя. Никогда ни одного журналиста он никому не давал в обиду. Все удары «со стороны» брал на себя. И нам было легко под его неслабеющей защитой. Мы работали за ним, как за каменной стеной. Только теперь я начинаю догадываться, чего это ему в то время стоило...

Что он не прощал, так это вранье, бездумность, поверхностность, то есть нечестность. И халтуру не принимал ни под каким видом. Работая с Александром Николаевичем, журналисты вынуждены были расти - и профессионально, и нравственно (что, собственно, неотделимо одно от другого). Вот почему мы неизменно возвращаемся к нему. И хотя сегодня он формально не редактор «Красного знамени», пенсионер, но я-то знаю и чувствую, что редактор был и есть - он, Александр Николаевич. Тихий, незаметный, но не стареющий, как совесть.

Александр СОЛОВЬЕВ

«Неудобный» редактор

Уверен, что большинство моих коллег, вспоминая о Новоселове-редакторе, - скажут о его самой сильной черте: в любых ситуациях, связанных с критическими публикациями, Александр Николаевич брал ответственность на себя, никогда не подставлял журналистов и не обвинял в том, что они его подвели, даже если такое случалось.

Но было еще одно качество нашего редактора, которое делало его очень неудобным для многих чиновников. Расскажу лишь о двух примерах. Однажды на бюро обкома обсуждался вопрос, как сейчас бы сказали, о коррупции, а тогда - о взятках, о тех, кто покровительствует взяточникам. Александр Николаевич говорил неподобающе, работнику обкома, курировавшему парторганизации торговли, сказал, что он не представитель обкома в торговле, а представитель торговли в обкоме. Секретари обкома возмутились. Тогда Александр Николаевич предложил пойти на вешалку и посмотреть, у кого какие шапки... Тут надо сказать, что в те времена - сейчас это смешно - купить недорого пыжиковую шапку можно было только по блату, а у многих крупных партийных работников, в отличие от редактора газеты, такие шапки были. Ну и дальше наш редактор открытым текстом сказал, что прежде, чем говорить о взяточниках, надо бы самим быть честнее... Конечно, любви секретарей, и так постоянно стремившихся принизить влияние редактора газеты, это ему не добавило. Даже Лигачев резко заметил: «Александр Николаевич, думайте, о чем говорите...»

Прошло время, и на свет выплыли факты о злоупотреблении некоторых партийных руководителей - были среди них и члены бюро обкома - служебным положением, незаконном приобретении уже не шапок - машин, других дефицитных тогда товаров.

И вторая история. Александр Николаевич, был приглашен на крупное совещание в Волгоград. Увидев среди его наград медаль участника Сталинградской битвы, ему предложили сделать запись в Книге почетных гостей. И он сделал такую запись: «Здравствуй, мой Сталинград!» Но эти простые слова вызвали неудовольствие тех, кто отвечал за Книгу. Новоселову посоветовали сменить название, дескать, нет нынче Сталинграда, есть Волгоград. (Глупость переименования и сейчас коробит даже тех, кому ненавистно имя кровавого диктатора.) Новоселов переделывать текст отказался: «Я не знаю такого города Волгоград, я за него не воевал. А если измените текст, я немедленно уезжаю». А местные журналисты про это узнали и напечатали интервью с Новоселовым именно под таким названием: «Здравствуй, мой Сталинград!».

Соломон ВЫГОН

«В честь лицедея Калика»

- Молдаване приезжают, - сказал мой заведующий отделом Борис Ростиславович Бережков, только что вернувшийся с высокого совещания в обкоме. - Декада искусства братского народа. Проникнись.

Я засмеялась.

- Напрасно, - рассердился Борис Ростиславович. - Это очень важно. А для тебя, молодого журналиста, первое настоящее задание. Будешь освещать их приезд. Покажись начальству. Оправдай доверие.

Вот я и показалась. Меня заметили, да так, что потом долго эту историю вспоминали на разных уровнях, а моя журналистская карьера на этом задании чуть не кончилась, не успев начаться. И я благодарна до сих пор Александру Николаевичу Новоселову, что этого не случилось.

С самых первых минут визит молдаван начал приносить мне сплошные неприятности. В репортаже с открытия выставки я перепутала председателя облисполкома с секретарем обкома. «Начальство надо знать в лицо», - назидательно сказал мне Александр Николаевич, успевший выловить ошибку. На следующий день художникам из братской республики не понравилось, что материал о них поставлен на полосе вслед за материалом о писателях, а не наоборот. «А почему мы не стоим первыми?» - сказали они и позвонили в обком. Писателей же сильно интересовало, почему я перечислила их фамилии в таком порядке, а не в ином. «Это что, распоряжение нашего руководства?» - мягко допрашивали они. И так далее. Господи, я тогда ничего не понимала в этих играх мелких уязвленных самолюбий и переживала по настояющему.

Тут случилось и совсем непредвиденное. Грязнул гром.

Только успела утром открыть дверь в кабинет, раздался звонок.

- Детка, - зарокотал барiton тогдашнего начальника молдавского Госкино, - зачем тебе понадобилось моими устами хвалить этого Калика?

Я схватила со стола газету и быстро пробежала глазами свою заметку о молдавском кино.

- Федор Иванович, я хвалю его своими устами!

- Точно? - на том конце провода облегченно вздохнули.

- Точно. Он же хороший режиссер!

- Хороший-то хороший... Да ведь за границу утек. Ну, ладно, «на ковер» вызвали. Да и тебе достанется. Сочувствую.

Я обреченно загрустила, а через пару минут тоже стояла «на ковре».

- Хвалишь черт знает кого, всяких эмигрантов, - вздохнул Новоселов. - Лигачев прямо с утра вызвал. Я поехал в обком, а ты готовься давать объяснения, думай, что скажешь.

- Калик мне не докладывал, что он уезжает в Израиль, - заявила я. - Пусть тогда говорят, о ком нельзя писать.

- Еще и дерзит! Ох уж эта молодежь... Да ты даже не представляешь, какую кашу заварила...

Конечно же я не представляла, как из муhi можно сделать слона. События разворачивались стремительно. К обеду я уже чувствовала себя так, как будто сама купила Калику билет в Израиль и благословила в дорогу. Машина работала вовсю. На следующий день мы с Александром Николаевичем снова были вызваны в обком. Там шло заседание бюро, а я в это время под диктовку зав. отделом пропаганды Романовского писала объяснительную.

Содержание ее не помню, но Романовский отнесся к ситуации с юмором, как мог, утешал меня. Из его слов я поняла, что Томский обком тут ни при чем, шум шел из Кишинева. Теперь-то понятно, почему так раскипятился партийный молдавский босс Бодюл: немало деятелей искусства уехали тогда из республики в эмиграцию, и это конечно же не нравилось в Кремле. Упоминание о Калике в нашей газете лишь подлило масла в огонь.

Настроение у меня было скверное. Я стояла внизу, в холле обкома, и ждала Новоселова. Как там решилась моя судьба?

- Вот что я тебе скажу, Нина, - Александр Николаевич выглядел заговорщиком. - Сейчас у нас редколлегия будет. Я тебя поругаю. Сильно поругаю. Так надо, понимаешь? Но ты не бери мои слова близко к сердцу. И выговор тебе объявию. Но это тоже ерунда. Знаешь, у меня их сколько? Потом мы его спишем. Это - для них, дескать, наказали... Пусть успокоятся. А работать ты будешь.

Выговор я получила, с занесением в личное дело. В конце недели мы с коллегами его хорошо отметили. Много было произнесено тостов. И самый главный - за нашего мудрого Александра Николаевича. Гость из Новосибирского Академгородка, доктор философских наук Владимир Зинновьевич Коган, кстати, друг моего шефа Бережкова, и сам некогда работавший в нашей газете, успел откликнуться на «знаменательное» событие и с большим чувством прочитал в мою честь оду, где превозносил до небес мои достоинства и всячески проклинал моих гонителей. А заканчивалась ода тем, что меня в народе прозвут «каликой перехожей в честь лицедея Калика». Всем это жутко понравилось, поэтому долго хлопали и смеялись, тем более, что уже к этому моменту опустошили немало бутылок «Варны».

Слава Богу, каликой перехожей меня никто не называл, а историю эту вспоминаю до сих пор.

Похвалила же я тогда фильм режиссера Михаила Калика «Человек идет за солнцем», снятый на студии «Молдова-фильм». С моей точки зрения, лучший фильм этой студии за все годы ее существования.

Нина МАСКИНА

Опубликовано в «КЗ» от 4 сентября 1993 г.,
в день семидесятилетия А. Н. Новоселова.

ВЕЗДЕ И ВСЕГДА — ЗА СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Слева направо: Ю. Щербинин, В. Марьин, А. Новоселов, К. Багаева, Р. Романов, И. Мизгирев.

Коллективизация и ликвидация кулачества как класса тяжелым катком прошлись по семье Алексея Осиповича Мизгирева, деда по материнской линии. До 1931 года Мизгиревы проживали в деревне Лодейка неподалеку от города Великий Устюг Вологодской области. Чтобы прокормить пятерых детей, приходилось много работать. А тут еще горе навалилось: умерла жена. Пришлось звать в дом новую хозяйку, потому как одному овдовевшему хозяину управляематься с детьми и хозяйством было невмоготу.

И представьте себе, эту-то многострадальную семью в 1931 году тоже репрессировали. Видно, у местных активистов горел план, если в число кулаков попал многодетный отец, едва сводивший концы с концами. Сослали его, правда, не так далеко, в Плесецк Архангельской области, где сейчас военный космодром. А пятерых детей отдали в детские дома.

О нравах среди детдомовцев распространяться много не буду, они мало чем отличались от шкидловских. Тем не менее большинство воспитанников состоялись. Вышел в люди и мой дядя Иосиф, о котором мои краткие воспоминания.

Фронтовик, коммунист, более 30 лет Иосиф Алексеевич Мизгирев проработал в редакции областной газеты «Красное знамя» заместителем редактора. А нередко его фамилия появлялась на месте подписи редактора. Он был из тех подвижников, которые имеют обыкновение жертвовать всем, включая жизнь, во имя общества, ничего не требуя взамен.

Дядя вернулся с фронта после тяжелого ранения, в результате которого остался без руки. Вот как об этом говорится в «наградном листе»: «Политрук Мизгирев Иосиф Алексеевич участвовал в боях с немецкими захватчиками с VI – 1941 по X – 1941 г. в составе 400-го артиллерийского полка, 18-й гвардейской дивизии. В боях за город Калинин 17 X – 41 г. был тяжело ранен осколком в левую руку с последующей ампутацией ее по локоть. Вследствие чего получил инвалидность 3-й группы».

Казалось бы, раз получилувечье на поле боя, лечись, пей горькую, качай права на банальную тему: «Я кровь мешками проливал...». Но не такой характер был у Иосифа Алексеевича. Права он никогда не качал, а, несмотря на свое тяжелое ранение, собирался трудиться хорошо и долго. О

его намерениях продолжать мирную жизнь красноречиво пишет в своей характеристике 8 мая 1942 года полковой комиссар военного госпиталя № 408 Степанов: «Тов. Мизгирев Иосиф Алексеевич, рождения 1919 года, за время пребывания на излечении с 22 XI - 41 г. по 8 мая 1942 г. показал себя как дисциплинированный, выдержаный товарищ. Активно участвовал в общественно-политической жизни. Работал агитатором в палатах среди больных. Участвовал в выпуске стенгазет. Периодически проводил занятия с ранеными. Командованием госпиталя ему объявлены благодарности: к 1 мая 1942 г. как лучшему агитатору; к 5 мая 1942 г., в День печати, за активное участие в выпуске и оформлении стенгазет».

В детстве и отрочестве мы много разговаривали, и с тех юношеских лет я уже стремился быть похожим на дядю. Даже собирался стать журналистом, правда, спортивным. Стал не журналистом, а инженером-строителем. Профессия вроде бы одна из самых мирных, но мне довелось участвовать в войне – в Афганистане.

А теперь вот хотелось бы отдать дань уважения невыдуманному герою. Мы о войне с ним никогда не говорили. Понятно почему – чем дальше от войны, тем больше фальши. А фальшь Иосиф Алексеевич на дух не переносил. Поэтому в моем коротеньком рассказе так много выдержек из документов.

Сошлюсь еще на один документ – «наградной лист» от 27 декабря 1945 года, подписанный томским горвоенкомом, гвардии майором Гребнем: «Политрук Мизгирев Иосиф Алексеевич достоин представления к правительенной награде – ордену Отечественной войны второй степени».

Эта награда была у моего дяди, естественно, не одна, еще орден Красной Звезды и медали, но самое главное – он был настоящим человеком. Везде и всегда стоял за справедливость. Не бросил на произвол судьбы младших сестренок, которых распихали по детским домам. Отыскал и мою маму. А ведь не найди он Марию Алексеевну, как знать, появился бы я на свет?

В завершение опишу случай, который ярко подтверждает все изложенное мной. На перекрестке проспекта Ленина и улицы Гагарина буйствовал то ли опившийся, то ли обкурившийся хулиган. Кидался на прохожих с хоккейной клюшкой наперевес. Люди в испуге шарахались по сторонам. Не получая отпора, хулиган начал совсем наглеть. И только дядя Иосиф, увидев это уличное безобразие, смело подошел к распоясавшемуся хулигану. Уже на пенсии, инвалид не побоялся сделать то, что обязаны были сделать молодые здоровые мужчины. Ему достался удар клюшкой, на лице стало еще одним шрамом больше. Но повторясь эта ситуация снова, Иосиф Алексеевич поступил бы так же еще сто раз. «Гвозди бы делать из этих людей, не было б крепче гвоздей», – сказано про таких, как Мизгирев.

Иосиф Алексеевич умер от инфаркта, не дожив трех дней до своего шестьдесят девятого дня рождения. Я сам уже пенсионер и дедушка. Но до сих пор помню, каким образом было для меня живое общение с моим отважным, добрым и справедливым дядей. Он до последнего часа жизни был готов встать на защиту слабого, женщины, ребенка. Отстаивать мир на поле боя и газетным словом. Он был настоящим человеком.

Александр СУХАЧЕВ,
г. Рубцовск Алтайского края.

О ЧЕМ МЫ ТОЛЬКО НЕ ПИСАЛИ —————

По убийственным волнам революций

Не перестаю удивляться насколько содержательными, актуальными, интересными были многие номера газеты «Знамя революции», подготовленные ее сотрудниками в год двух великих революций – 1917.

Тематика выступлений была исключительно разнообразной, но балансирование между войной и миром по-прежнему занимало умы и патриотические сердца абсолютного большинства населения России и, разумеется, Томска и Томской губернии. А значит, и сотрудникам газеты невозможно было оставаться в стороне от происходящих в стране политических событий. И, к чести штатных и нештатных авторов редакции, с высоты лет мы отчетливо видим, какой принципиальный и обьюдоострый диалог с читателями им удавалось вести. Поэтому и сегодня, через сто лет, минувших после тех великих и незабываемых событий, мы с неподдельным вниманием знакомимся с репортажами, корреспонденциями, статьями, в которых все еще не остыл накал страстей, вызванных вечной битвой с проклятой нуждой.

Мы уже обращали внимание на неординарные выступления на газетных полосах «Знамени революции» солдата Петра Гладышева, отмечали его редкостное полемическое мастерство. Еще один характерный пример – удивительно аргументированный заочный диалог с маститым писателем Леонидом Андреевым, в котором простой солдат в логике рассуждений, знании основ жизни,

применении практического опыта превосходит своего знаменитого оппонента.

«К тебе, солдат!» - так запросто, по-братьски обращается Леонид Андреев к солдату в статье, которая, будучи напечатана в организованной царским министром Протопоповым газете «Русская воля», была перепечатана чуть ли не во всех российских газетах, не в меру рвущихся в бой. Прочел я эту статью и глубоко возмутился, но не солдатом, а автором статьи Л. Андреевым. Красной нитью проходит мысль, что солдат должен безропотно и беспрекословно выносить на своем горбу всю тяжесть, которую умудрились взвалить на него наши господа «герои», не считаясь, конечно, с тем, что эту тяжесть можно было бы миновать.

«При Николае-самодержце ты был рабом, - пишет Андреев, - тебя как в тюрьму запирали в серые казармы; тебя одевали в серую шинель, и под этим пеплом, словно в могиле, умирала твоя живая душа...».

Я бы спросил Андреева, а какую шинель сейчас надевает солдат? Разве в роскошных палатах обитает он сейчас? Жива ли душа солдата при той мысли, что жена, малолетние дети, престарелые родители, братья и сестры сидят сейчас без хлеба, без одежды, полубольные, полуживые? Что будут делать они, если его убьют, искалечат? И еще спрошу у Андреева, когда и кто избавил солдата от цепей рабства – войны: при царе проливал он кровь «за веру, царя и Отечество», а сейчас будто за спасение революции, свободы...

От перемены флагов солдату лучше не сделалось: был он голоден ранее – голоден и сейчас, было не обеспечено его семейство прежде - не обеспечено оно и теперь. Германская пуля вкуснее не сделалась, штык так же колет, как и ранее, удушливые газы губят с одинаковой силой, одинаково действуют пушки; не произошло перемены к лучшему и от перемещения наших генералов.

«Тебя учили, - пишет Андреев, - не только убивать, но и доносить, но и хватать тех, кого называли они внутренними врагами....». Скажите, гражданин Андреев, почему же учат сейчас солдат? Разве не тому же искусству: бей прикладом! Коли штыком! Стреляй! Обычная команда и теперь. Выто о чем, захлебываясь, хлопочете, как не о том же. Не стремитесь ли и вы вызывать у солдата все тот же звериный инстинкт? При чем тут Николай, когда сам Леонид требует того же, а кровавый Николай, заметьте, никогда не писал о своих солдатах, что они трусы, изменники, предатели. В настоящее время разве не предлагают солдатам выдавать гла-варей? И теперь стараются использовать во всю солдатскую темноту.

«Сперва ты истерзал тело России, - пишет Андреев, - теперь ты хочешь терзать ее сердце и совесть, ты, солдат».

Это уж, гражданин Андреев, простите! Такое утверждение равносильно клевете. Мы думаем, да и вы, вероятно, утверждали, что тело России сперва разбили, истерзали царь и его приспешники, а потом вы, положим, этого утверждать не будете – капиталом организованная контрреволюция. Солдат же растит хлеб, обрабатывает землю, выращивает скотину, овощи, коноплю и лен для нужд не только армии, и его семья выносит на своих измученных плечах всю тяжесть настоящей войны. Не солдат, значит, истерзал тело и сердце России, правильнее будет сказать: тело и сердце солдата истерзаны.

Истерзали же сердце России те, кто затеял эту войну, кто радовался ей, кто наживался на войне и кто хочет вести ее «до победного конца». Кто под разными предлогами искусственно сокращает производство на своих фабриках и заводах, подрывая промышленность и торговлю. Терзают сердце России и являются сторонниками Вильгельмата, которые, искусственно сокращая добычу угля, расстраивают движение по железным дорогам и сознательно задерживают снабжение продуктами первой необходимости армии в тылу и на фронте. Пьют кровь России те люди, которые выбрасывают на улицу, на произвол судьбы тысячи рабочих. Терзают тело России «патриоты», которые крича: «Война до полной победы», капиталы держат непроизводительно в банках, переводят их за границу, покупают имущество в то время, когда Родина до крайности

нуждается в средствах, принуждена делать займы и до бесконечности выпускать кредитки.

Почему вы, Леонид Андреев, молчите о них и не обращаетесь с призывом: «К тебе, фабрикант!», «Р тебе, банкир!», «R тебе, генерал!» Вы совершен-но умалчиваете о голодной семье солдата, его раз-детых детях, измученном старике отце, обезумев-шей от горя матери. Почему вы не гремите об этом? Почему не пишете статьей в пользу мира, который внес бы успокоение в истерзанную душой и телом семью солдата?

Неиссякаемые на сюжеты, волнующие людей темы войны постоянно представлены на газетных полосах. С какой надеждой обращаются к земля-кам, в газету «Знамя революции» фельдшеры фрон-та из действующей армии 25 августа 1917 года.

«Товарищи фельдшеры! 4-й год беспример-ной войны, 4-й год среди ужасов смерти, мы, рот-ные фельдшеры фронта, не покладая рук из-за чувства долга и сострадания к своим братьям солда-там, остаемся на своем посту... Но кровавые ужа-сы современной бойни, свирепый тиф, тяжести и многие лишения походной жизни сломили наши силы, расшатали нервы... Мы, ротные фельдшеры, податели в бою первой помощи несчастным страдальцам солдатам, постепенно слабеем и под тяже-лым бременем непосильной работы опускаем руки и клоним голову... Товарищи фельдшеры тыла! Мы, ваши товарищи фронта, среди разрушитель-ных и мрачных картин протягиваем к вам брат-скую руку и призываем себе на помощь...

Смените нас! Своей сменой вы внесете бурный отрезвляющий поток здоровых сил и знаний. С новой энергией и силой вы крепко и верно встанете на наш пост... Вы, как живительный бальзам, дадите страдальцу солдату силу и радость, и тем велик будет ваш долг перед Родиной... Товарищи! Мы ве-рим, что не погас еще в сердцах ваших луч сознания к своим братьям товарищам. Мы верим, что вы не забыли нас и придет заменить, и не допустите того, чтобы мы пали в непосильной борьбе... Товарищи! Мы верим, что наш голос не будет гласом вопиюще-го в пустыне... Мы глубоко верим, что вы, как бла-городная семья фельдшеров, вполне поймете нашу просьбу и откликнитесь все как один».

Газета оригинально знакомит своих читателей с происходящими в стране революционными собы-тиями, печатая «День министра-председателя»:

«Утром – восстание в Луге. В десять – стрель-ба на Неве, в полдень – волненья на юге, в два – за-бастовка в Москве. Финны и Выборг – в четыре, в пять – большевистский наскок и отделене Сиби-ри, в шесть – выступает восток. В семь – заявление Рады. В восемь – тревога в суде, в девять – управы осада и ультиматум кадет. В десять – конфликты,

отставки и полемический жар, в полночь – известья из ставки, взрыв и заводов пожар... Так в сочетании быстрым миги горят как огни... Да... Хорошо быть министром в эти великие дни».

А в Томске в эти дни проводится «дровяная перепись», о ходе которой сообщает в своей корреспонденции Федор Лыткин: «Тяжелое раздумье охватывает меня, когда от переписчиков узнаю, что чаще всего встречаются квартиры с 3-4 саженями и нередко – без полена. Поистине странный способ изобретен для снабжения города дровами. Вместо того, чтобы все силы устремить на подвоз дров, занялись их перераспределением... Не лучше ли было эти тысячные суммы истратить на закупку и привоз новых дров? Впрочем, тут могут быть соображения высшего свойства, которые доступны только умам, наделенным государственной мудростью. Тогда мы скромно замолчим и в зимний холод будем согревать себя этой теплой мыслью. Еще более печально обстоит дело в области распределения таких товаров, как мануфактура, галоши и прочее.

Здесь со стыдом и болью приходится замечать такие позорные факты, которые темным пятном ложатся на имени солдата и озлобляют народ. В длинных очередях за товарами стоят серые шинели. Покупают, как все люди, а через день-два, вздув цену, солдат перепродает на базаре купленное. Спрашивается, кого он грабит? Своего брата бедняка. Всю эту гадость и нечисть надо вывести из своей среды. Пусть ни один человек не смеет бросить солдату революционной армии: «Ты мародер! Ты наживаешься на беде, на несчастьях своего народа!» Скрывать нечего: в городе тревожно. Темные агитаторы и подстрекатели-погромщики стремятся использовать самое малое недовольство толпы, чтобы повести ее на разбой. В эти трудные и ответственные дни каждый должен помнить, что он, прежде всего, гражданин и уж потом – обыватель».

В воскресенье, 22 октября в час дня на площади Революции по инициативе исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов состоялась внушительная манифестация, посвященная трагическим событиям, имевшим место в Томске в октябре 1905 года... После речей ораторов манифестанты, построившись в колонны, пошли к зданию управления Томской железной дороги и мощно пропели «вечную память» погибшим во время погрома товарищам. Это было потрясающее зрелище: огромное трехэтажное здание, в котором 12 лет назад в страшных муках, среди дыма и пламени, под гул озверевшей толпы и треск ружейных залпов погибли сотни невинных людей; собор, с паперти которого «смиренный епископ» Макарий благословил погромщиков на их гнусное дело; губернское управление,

где отдавал свои приказы организатор погрома, царский опричник, губернатор Азанчеев-Азанческий. Море обнаженных голов людей, связанных узами ненависти к кошмарному прошлому и пламенной любви к свободе и братству; десятки победных красных знамен и бесконечно грустные похоронные мотивы. От управления манифестанты с пением революционных песен направились к клубу большевиков, задержавшись возле магазина Второва, чтобы почтить память печатника Кононова, ставшего жертвой злодеев в те страшные дни. И когда толпа пела тысячными голосами «вечную память» товарищу Кононову, невольно вспомнились пророческие слова Мышкина: «Настанет время, и на почве, обильно политой кровью мучеников, вырастет дерево свободы».

У клуба большевиков были произнесены местными и приезжими из Красноярска товарищами речи о необходимости окончательной и скорейшей ликвидации кошмарного прошлого – передачи всей власти в руки Советов. После чего, пропев «Марсельезу» и похоронный марш, манифестанты разошлись по домам».

Чем ближе к историческому выстрелу «Авроры» и штурму Зимнего дворца в Санкт-Петербурге, ознаменовавших начало Октябрьской революции, тем напряженнее становилась политическая обстановка по всей стране. В депо Томск-II 23 октября состоялось общее собрание мастеровых рабочих и служащих станции. Были заслушаны доклады Красноярской делегации о текущем моменте, кризисе власти, принципе организации Союза железнодорожников в связи с предстоящим съездом. В принятой резолюции большевиков, в частности, говорилось: «Мы, служащие, мастеровые и рабочие депо ст. Томск-II и представители линии, считаем, что политика соглашения, кроме корниловщины, ничего трудовому народу не дала. Классовый инстинкт пролетариата подсказывает встать на путь решительной борьбы за власть Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Только эта власть может дать крестьянам землю, рабочим 8-часовой рабочий день, пресечь саботаж фабрикантов, передать контроль над производством распределения продуктов в руки рабочих и трудового народа. МИРА, ХЛЕБА И СВОБОДЫ. Мы констатируем, что переход власти в руки Советов может произойти лишь в том случае, когда мы по первому призыву Советов выступим самым решительным образом на поддержку Советов. Мы протестуем против политики соглашателей, которые стремятся сорвать съезд Советов, дабы продолжать торги с буржуазией за счет интересов рабочих, крестьян и солдат».

ДИВЕРСАНТ

Аркадий Брускин, сержант невидимого фронта

В «Красное знамя» я пришел в 1976-м. Но мог бы оказаться семью годами раньше. Тогда, узнав, что вместе с университетским дипломом я получил распределение в Северо-Восточное геологическое управление, мой старший товарищ, обычно очень сдержаненный, буквально взывил:

- Витя, чего вы не видели в этом Магадане? Поверьте старому волку: не нужна вам такая романтика! Ни Колыма, ни Чукотка...

Поверить следовало: до того он сам лет пятнадцать отдал именно Колыме. Точнее, газете «Магаданская правда». «Хотите, мигом поломаю ваше распределение? – настаивал он. – Один звонок ректору – и будете работать у меня».

Звали товарища Аркадий Семенович Брускин, и он заведовал отделом партийной жизни в «Красном знамени». «Так я же не член партии!» – «Ничего, дело наживное. Вступишь...»

А познакомились мы в другой редакции, «Молодого ленинца», где я, учась на последнем курсе ТГУ, писал дипломную работу («Игнимбриты липаритов Анадырского массива; Центральная Чукотка») и ухитрялся работать штатным корреспондентом.

Судя по всему, Брускина притягивала наша юношеская орава. Он часто просиживал в этой компании вечера напролет, благо половина «ленинцев» жила тут же, в полуподвальных комнатах редакционного особняка. Это пр. Ленина, 66. А «Красное знамя» помещалось на пр. Ленина, 68. Такая топографическая близость очень помогала дружбе журналистских коллективов. Тем более что в старшей газете работали сплошь выходцы из молодежки.

Аркадий, хоть и человек со стороны, очень быстро стал своим. Ему было интересно с нами, племенем юным и дерзким. Самому-то уже стукнуло сорок пять. Очень почтенный возраст, к тому же – фронтовик. (Тогда слово «ветеран» еще не вошло в обиход.)

Надо сказать, что обращение на «вы» к людям, заведомо годящимся ему в сыновья, импонировало нам. При первом знакомстве он меня прямо-таки поразил: «Лойша? Понятно: из Гродно. Точнее, из Скидельского уезда». «Деды из тех мест, – растерянно сказал я. – А вы откуда знаете?» - «Я в тех местах работал корреспондентом ТАСС. После войны».

Мы сдружились, насколько это возможно при двукратной возрастной разнице. Журналист высокого класса, он писал легко и ясно, что очень непросто при тематике партийной жизни. Впрочем, партийная жизнь в данном случае – всего лишь эвфемизм. Брускин брался за любую тему, которая была ему интересна. И этим заражал чи-

тателей. К нему уважительно прислушивалось всякого рода начальство...

Учиться у него было бы лестно. Но я отказался – потому, что уже выбрал свой путь. Только северо-восток! Такому решению, кроме всего прочего, способствовали его собственные рассказы. В них сквозили изматывающая бессонница полярного дня и зловещая романтика нескончаемой зимней ночи. До сих пор вижу один эпизод: безмолвные черные тени, стремительно надвигающиеся в лунном свете на заезжего журналиста, вышедшего подышать морозным воздухом.

- У меня сердце скжалось... – признался Аркадий. – Но нет, никакой мистики! Просто здешние ездовые собаки хотели познакомиться с новым человеком, из самых добрых побуждений. И хотя зовутся лайками, на людей они никогда не лают.

Это было в пос. Эгвекинот на берегу Залива Креста. Залив же относится к Берингову морю. Оказавшись там, я тут же вспомнил брускинский рассказ. Хороший оказался поселок, по-настоящему городского типа. Но ездовых собак в нем уже не было. По гравийным дорогам, проложенным через тундру, бодро пыхтели трех- и пятитонные грузовики.

Через четыре года мы встретились с Аркадием Семеновичем... как вы думаете, где? В Магадане, от которого он так отговаривал меня. Отдав нашему «Красному знамени» лет пять-шесть, он вернулся к первой своей жене Аде Семеновне. Она, между прочим, была там очень известной персоной, поскольку заведовала единственным на всю необъятную территорию пивоваренным заводом. И «Магаданское» пиво котировалось в шестидесятие-семидесятие годы как одно из лучших на весь Союз.

Получилось так, что я вышел на Брускина в непростую для меня жизненную пору. И он принял во мне живейшее участие, когда медики определили онкологический характер моих недомоганий. Он поднял на ноги всю местную медицину, которая в конечном итоге отправила меня долечиваться конечно же в Томск.

Профессиональный циник, он был необыкновенно великодушен и чуток в нормальном человеческом общении. Потом он вышел на пенсию и вместе с Адой перебрался все в тот же город Гродно. Где вскоре и умер – от злой болезни по имени рак. Той самой, от которой, быть может, спас меня.

Однажды я крепко соврал, повествуя о нем. Цитирую: «Газетную свою жизнь Аркадий начал с армейской многотиражки где-то на фронтах Второй мировой. После войны был собкором ТАСС в Запад-

ной Белоруссии». Вранье происходило не от неряшливости. Просто я чего-то не знал, а что-то не понял. Произошло, по сути, недоразумение. Он просто обмолвился однажды, что первые его публикации случились в армейской газете. О том, что в ее штате Брускин не состоял, мне и в голову не пришло.

Нет, фронтовой журналист – это та еще профессия! Но моему старшему товарищу была суждена совсем другая стезя...

Цитирую справку. «БРУСКИН Аркадий Семенович, ветеран спецчастей оперативной разведки Генерального штаба Красной Армии, участник боев за Восточную Пруссию, по состоянию на весну 1945 года – старший сержант. Родился в 1924 году в с. Ольшаны Одесской области. На службу в спецчасти привлечен 6 января 1945 года. Присвоенный здесь оперативный псевдоним – «Кастер». В составе диверсионно-разведывательной группы (ДРГ) «Чернов-1», действовавшей 17 февраля – 10 марта 1945 года в тылу Восточно-прусской группировки немецко-фашистских войск. Состав группы – семь человек. Группа благополучно соединилась с передовыми частями победоносно наступающей на запад регулярной Красной Армии.

По состоянию на вторую половину апреля 1945 года – заместитель командира (он же – радиост) специальной ДРГ «Чернов-2», в/ч «Полевая почта 66932» 3-го (диверсионных действий) отделения разведывательного отдела штаба 2-го Белорусского фронта.

В ночь с 19 на 20 апреля 1945 года в составе группы десантирован с борта самолета в районе немецкого города и крепости Пазевальк (ныне – в составе федеральной земли Мекленбург – Передняя Померания, ФРГ).

29 апреля 1945 года близ города Торгелов группа встретила наши передовые части.

Дальнейшая биография А.С. Брускина неизвестна».

Последняя фраза, по меньшей мере, странна. Впрочем, она завершает все такого рода персональные справки. Тем самым их составители как бы откращиваются от послевоенных судеб фронтовых разведчиков.

Выписка из наградного листа. «Представляется к ордену Отечественной войны I степени... Кандидат ВКП(б)... В Красной Армии с октября 1942 г. добровольно, по призыву ЦК ВЛКСМ... Находился в тылу противника в составе оперативной группы ЦК ВКП(б) с августа 1943 г. по июль 1944 г. в Белоруссии, с января 1945 г. по настоящее время – 2-й Белорусский фронт... несмотря на трудные условия работы на территории Германии, с момента приземления и до настоящего времени обеспечивает группу бесперебойной отличной связью с центром. Своевременно передал много ценных и

достоверных сведений о войсках, оборонительных рубежах, складах и аэродромах противника».

Вдумайтесь: трудные условия работы на территории Германии – это здорово сказано! Со всей возможной деликатностью. Ведь работать приходилось даже не в тылу врага, а в самом что ни на есть его логове.

Писатель Владимир Карпов рисует нашего героя скучными штрихами: «...Аркадий Брускин. Он помоложе Нади – ему всего двадцать лет. До войны учился в Полтаве. Веселый, общительный, бывший комсомольский работник. Брускин уже имел опыт работы в тылу врага. По заданию Центрального штаба партизанского движения его заbrasывали в составе группы в Белоруссию. Вышел из тыла только в июле 1944 года».

Цитата взята из очерка, написанного через сорок с лишним лет после Победы. Сочинение большое, но малоинформационное, какое-то скученное... Такое чувство, будто автор до сих пор ходит вокруг да около военных тайн, не решаясь отдернуть завесу давнишней секретности.

В завершение писатель подводит жизненные итоги своих героев: «Аркадий Брускин стал журналистом. Он жил в Гродно, недавно умер».

Владимир Карпов прошел всю войну, стал Героем Советского Союза. Потом учился в Военной академии имени Фрунзе, еще долго тянул лямку; вышел в отставку полковником. В Союзе писателей СССР дослужился до генеральского чина: первый секретарь правления!

Что касается творчества... Оценка Генриха Каца, разведчика 283-й стрелковой дивизии: «.... А товарищ Карпов писал про своего лейтенанта Ромашкина, будучи отставным генштабовским полковником и членом Союза писателей, и правду говорить уже не мог, статус не позволял. А что на самом деле творилось во взводе у Карпова, я знаю из первых уст. Мой одноклассник Аркадий Брускин служил полтора года в его взводе и после войны мне много чего рассказал. Карпов даже в свое время о Брускине большую статью написал в журнале «Советский Союз»...

Вы правы, из этих книг можно иметь представление, как проводился развед поиск, но все остальное там отлакировано по максимуму. Цензоры ничего лишнего не пропустили бы».

Генрих Зиновьевич имел два ордена Славы. К третьему, I степени, был представлен, но наградные документы затерялись каким-то мистическим образом.

Аркадий Семенович Брускин был очень хорошим журналистом и великолепным устным рассказчиком. Но о своей войне – нет, не написал ни строчки. А если кому и рассказывал, то, пожалуй, только таким же, как он сам, людям неназываемых военных профессий.

Виктор ЛОЙША

«ЧТОБЫ ДАТЬ ЧЕТЫРЕ СТРОЧКИ...»

Сергей Григорьевич Островой прожил жизнь долгую – 94 года – и творчески полно-весную: выпустил более 50 поэтических книг. Поэтом он был хорошим, но настоящую славу приобрел благодаря песням, написанным на его стихи. Вот только некоторые из них: «Песня остается с человеком», ставшая гимном телеконкурса «Песня года» (музыка Аркадия Островского), «У деревни Крюково» (Марк Фрадкин), «Зима» («Потолок ледяной, дверь скрипучая...») (Эдуард Ханок), «Вы слыхали, как поют дрозды...» (Владимир Шайнский). Музыку на стихи Острового писали многие другие выдающиеся композиторы – Исаак Дунаевский, Никита Богословский, Матвей Блантер, Вано Мурадели, Давид Тухманов...

И это были не песенные тексты, как принято сегодня обозначать набор слов для очередного попсового хита, а именно стихи. Вчитайтесь (или вслушайтесь!): «Ночью звезды вдали плывут по синим рекам...», или «Звуки вырастают, как цветы - грустные, веселые, любые, то горячие до красноты, то холодновато-голубые...», или вот эти, прочно вошедшие в нас вместе с голосом Эдуарда Хиля, - «У леса на опушке, жила Зима в избушке, она снежки солила в березовой кадушке...».

Первые поэтические публикации появились у Сергея Острового в 1934 году в газетах «Комсомольская правда», «Красная звезда», «Пионерская правда». В 1935-м вышел первый сборник стихов. Но до этого момента в его жизни был важнейший для него этап – два года репортерской работы в томской газете «Красное знамя». Этот небольшой, по меркам прожитых лет, временной отрезок Сергей Григорьевич тем не менее всегда вспоминал с благодарностью и даже многие годы спустя описал его в одном из своих стихотворений, которое мы здесь приведем полностью: «В этом городе, в котором/ много снега и берез,/ я работал репортером./ Обстоятельно. Всеръез...».

Было ему в то время чуть за восемнадцать. Родился Сергей Островой 24 августа (6 сентября) 1911 года в Новониколаевске (Новосибирске). Отец его до революции владел мельницей, имел зажиточное хозяйство, но при советской власти со всем своим семейством оказался на улице. Спасся охотой. В годы нэпа даже владел лавкой по скрапке и продаже пушнины. Человеком он был полуграмотным и крутого нрава, частенько поколачивал сына за какие-нибудь провинности.

Лет в шестнадцать тот не выдержал, перехватил занесенную на него отцовскую руку и оттолкнул прочь. А после школы и вовсе ушел из дома.

«Я уехал в Томск с одним рублем в кармане, - вспоминал на склоне лет Сергей Островой в одном из интервью. - Там у меня был родственник - гипнотизер, знаменитейший человек в городе, да что в городе - когда он проводил публичные сеансы, вся Сибирь съезжалась, весь ученый мир. Прихожу к нему, а он мне прямо на пороге говорит: «Ну вот что, друг мой, для меня ни дядей, ни тетей, ни братьев, ни сестер не существует. Если ты умный парень, талантливый, мы с тобой сойдемся, а нет – извини».

После такой встречи Островой, имевший небольшой опыт участия в школьной печати и новосибирской городской детской газете «Юный ленинец», направил свои стопы в редакцию главной томской газеты «Красное знамя», где с ходу заявил: «Хочу у вас работать!»

Из воспоминаний Сергея Острового: «Редактор, до сих пор помню его фамилию - Степанов, спрашивал: «А что ты умеешь делать?» - «Все». «Хорошо, мы проверим». И дал задание пойти на маслозавод написать статью о том, как работают ударники. Пшел, написал, сдал. Проходит день, другой, третий, статьи моей не печатают, а деньги у меня кончились, жить не на что. Прихожу в редакцию. Степанов меня спрашивает: «Ну, читали?» - «Что? Статьи-то нет в газете». А он мне показывает на последней странице четыре строчки: «Вот что осталось от вашей статьи, а теперь начинайте работать».

Мы попробовали отыскать по подшивке «Красного знамени» эту самую первую заметку Острового. Похоже, что нашли. В номере от 2 марта 1930 года. Действительно, на четвертой полосе, под рубрикой «Томск за день», помещено небольшое сообщение о том, что маслозавод №2 переработал за пятидневку столько-то тонн сырья, брака и прогулов нет. Не четыре строчки, правда, а восемь, что, в общем-то, не принципиально.

Найти в последующих номерах другие материалы Сергея Острового весьма проблематично. По обычаям тех лет журналисты газеты свои заметки и корреспонденции либо вовсе не подписывали, либо ставили инициалы или псевдонимы, например, такие: «Свой», «Маленький», «Проезжий», «Грядущий», «Дальний» и так далее. Но можно отметить, что именно с весны 1930 года заметки, подписанные буквой «С» или псевдонимами с этой буквой («С. Лесной», С. Дальний), стали частенько появляться на страницах газеты. Несколько раз мелькнула подпись «Г. Сергеев» - очень похоже, что его, ведь Островой - Сергей Григорьевич. Написаны бойко, часто - в форме диалогов (тоже мода того времени). Вот, например, отрывок из материала за подписью «Г. Сергеев» под заголовком «Прогульщики госмельницы отчитываются» (21 апреля 1930 г.):

«...Тов. Ушкурцев. У него прогул 25 марта. Рассказывает:

- Встал это я утром, попил чаю и такое у меня вдруг головокружение сделалось. Жена это мне:

«Куда ты пойдешь?» Я подумал, подумал и не пошел на работу.

Выступающие товарищи были по прогульщикам. Стыдили. Один говорил:

- Нехорошо делать прогулы. У нас соцсоревнование. От прогулов производство терпит убытки.

Прогульщик Ушкурцев оправдывается:

- Я же говорю, братцы, поясница болела, а доктора на это смотрят плохо...

Но не оправдался Ушкурцев. Головокружение у него было, оказывается, от денатурата...».

Что представляла собой газета «Красное знамя» в начале 30-х, когда в ней репортёрствовал Островой? Это был боевой орган Томского окружного комитета ВКП(б), окрисполкома и окрпрофсовета, то есть газета была партийно-советско-профсоюзная. Боролась против правых и левых «партиклонов», громила кулаков, пропагандировала колхозы... Томский округ включал тогда часть северных районов нынешней Кемеровской области, поэтому газета сражалась и за выполнение планов Судженскими угольными копями, и за бесперебойную работу тайгинских железнодорожников. О характере этой борьбы красноречиво говорят заголовки: «Инженеры и

техники Анжерки, отвечайте за угольный план!», «Кулацкое вредительство безнаказанно оставаться не может», «В селе Баим слюнтия хныкали: семян нет», «Открылась краевая конференция бедноты и батрачества», «Завком Яшкинского завода – пустое место для рабочих», «Комсомолка-лодырь вычищена с дрожзавода», «15 проц. зарплаты горняков идет на водку», «Томскому городскому хозяйству нужны новые источники дохода», «Здание томского строительного техникума скоро рухнет»... Некоторые темы, как видите, актуальности не утратили до сих пор!

Наверняка писал Сергей Островой о последствиях случившегося в тот год масштабного наводнения. Фрагменты из репортажа «Красного знамени»: «Заозерье в утру 8 мая почти все было залито водой. По Сухоозерному пер. речная вода с большой силой устремилась по направлению к Коммунистическому проспекту... Затоплены все низменные части города, мельница окружена водой, кожзаводы затоплены, лесопильный завод весь под водой... Вода угрожает центральной электростанции. Настроение в городе тревожное... В ночь с 7 на 8 мая штаб по борьбе с наводнением обнаружил в складах до 25 тысяч пудов муки и до 8 000 пудов сахара. Только благодаря экстренным и энергичным мерам к утру 8-го эти продукты удалось вывезти. Виновные в задержке продуктов на складах арестованы...».

Скучать будущему поэту, работая в томской газете, не приходилось, это уж точно. В конце 1931 года он, наработав журналистский опыт, набив руку, покинул Томск, чтобы попытать счастье в Москве. Дальше в его биографии была газета «Гудок», где работали в свое время Ильф и Петров, Бабель, Олеша, Катаев. Репортерствуя в этом железнодорожном издании, Островой объездил всю страну. Писал репортажи и очерки про машинистов и стрелочников. А еще, между делом, стихи.

В 1934 году его стихотворение «Наливались тополи» на конкурсе патриотической песни было выбрано из нескольких тысяч и положено на музыку композиторами Мяковским и Фэрер. И пес-

ня победила, взяв сразу две всесоюзные премии. «Я получил тогда 4 тысячи премиальных - деньги в ту пору огромные - и сразу все остальное забросил, стал заниматься только творчеством», - вспоминал позже Сергей Григорьевич.

Была в его судьбе и Великая Отечественная война, куда он отправился добровольцем, служба фронтовым писателем, а потом – долгая, долгая мирная жизнь во славу поэзии и песни. Жизнь, в которой его первые четыре строчки на четвертой полосе «Красного знамени» стали первыми ступеньками на пути к высотам творчества.

Сергей НИКИФОРОВ

РЕПОРТЕР

*В этом городе, в котором
Много снега и берез,
Я работал репортером
Обстоятельно. Всеръез.
Был я счастлив. Был я молод.
В той игре ходил с тузом.
Знал в подробностях весь город.
Каждой улицы глаза.
Мчал из дома на рассвете.
Все худел от скоростей.
Приносил родной газете
Кучу всяких новостей.
Тут пожары, там разводы,
Здесь случилось что-то вдруг...
Потекут ли наши воды
Вместо севера на юг?
Как в тайге идет охота?
Где весной потверже лед?
Из какого перелета
Возвратился самолет?
Все узнать. До самой точки.
Все поставить на весы.
Чтобы дать четыре строчки
Для четвертой полосы.*

Сергей Островой.

1977.

О ЧЕМ МЫ ТОЛЬКО НЕ ПИСАЛИ —————

«Наши музей изумительных людей...»

В честь Дня печати к 5 мая 1927 года вышло иллюстрированное приложение «Красного знамени», ознакомившись с которым читатели могли узнать во всех деталях и подробностях, как рождается очередной номер газеты и сколько коллективных усилий необходимо затратить для того, чтобы к 8 часам утра его получил каждый подписчик.

Нам и самим было интересно узнать, как работали наши коллеги в то далекое время. Тем более что рассказали они об этом с юмором.

ПУТЬ ЗАМЕТКИ

Начинался с отдела рабселькоров, специальная сотрудница которого вела прием.

- Здесь заметки принимают?
- Да, да. Идите вон к тому столу.

На письменном столе гора корреспонденций. Сотрудница вскрывает почту. На каждой корреспонденции ставится штамп – дата поступления.

- Вот посмотрите мою заметочку!
- Садитесь. Адрес свой указали? Хорошо. Оставьте. Если не пойдет почему-либо, ответ получите через «Почтовый ящик». Будьте здоровы...

У стола «опровергатель», «продернутый» за выживательские козни домовладелец.

- У меня опровергеныце. Я знаю, кто про меня писал.
  - Мы авторов не называем.
  - Да, но... Платит какие-то гроши, а потом...
- Если вы хотите знать, то она сама...

- Вы факт не отрицаете?

- Много неточностей. Во-первых, я не пьяный был, а выпивши. Во-вторых, я не ругался, а просто голос повысил. И вообще я в суд подам.

- Ваше право обратиться в суд.

- У вас что, товарищ?

Много лиц побывает за день у стола приемки корреспонденции.

ПРАВЩИКА РУГАТЬ НЕ ЗА ЧТО

Обработчик, или правщик, это тот самый, которого многие из рабкоров ругают на чем свет стоит. Это он подчас на 50-70 процентов сокращает их корреспонденции. Прерывает фонтаны излишнего красноречия о какой-нибудь не у места подошедшей кошке.

Все заметки после регистрации поступают к нему – правщику. И сутулится правщик над рукописями, написанными десятками разных почерков.

- Выправь срочно. Это о снижении цен. Отдельчик сегодня в набор сдаем! – передает правщику завотделом новую корреспонденцию.

А как нелегко бывает править слог завзятого канцеляриста. «Посему», «либо», «оный», «вышеизложенное» – подобные словечки с чиновничьим душком приходится в полном смысле слова переводить на обыденный разговорный язык. Немало заметок приходится браковать.

- Это ни в какие ворота не идет! – возмущается правщик. – Послушайте, ребята, что он пи-

шет: «Секретарша красит себе губки, а бухгалтер три дня тому назад покупал в ТоМТПО бутылку русской горькой...» Что за ерунда!

Где-то через несколько комнат чирикает машинка.

- Елизавета Николаевна, я вам положу несколько листочек в переписку для вечернего набора? - спрашивает машинистку правщик.

- Только для вечернего. А то у меня куча телеграмм... Слышали, Чан-Кай-Ши...

Заводделом - у рабселькоровского стола: «Возьмите для ответа в «Почтовом ящике».

Начинается его составление, отбор названий и ответов.

«О красном обозе с осиновой чуркой» - было. «О работе Красной блузы» - писалось. «Об отношении директора Поросинского винзавода к рабочим» - поставьте вопрос на заседании месткома. «Артельщику» - вы не приводите фактов, кого, из какой артели и за что нужно вычистить. Сидоровой ТГУ - нет необходимости перечислять в заметке все специальности. Не пойдет. «О наводнении» - поздно.

Машинистка передает заводделом перепечатанную почту. Материал тщательно перечитывается. Готово. Строчки подсчитаны.

- Заданий никаких не будет? - к столу подлетает заводделом репортажа - самый неусидчивый из сотрудников редакции.

- Обожди минутку. Только сдам редактору материал.

РЕДАКЦИОННЫЙ ШТАБ

Кабинет редактора. Редакционный штаб. Место, откуда газетные работники частенько не выходят, а вылетают по поручениям. Просматривается сданный в набор заводделами материал. Но вот лоб редактора сморщился. Рука тянется к внутреннему телефону. А через пару минут слышно: «Тов. Л. Ну кто у вас будет читать это чиновничье произведение? Нужно как-то переделать. Сделать удобочитаемым. А этот факт необходимо проверить. Нельзя же...».

Зайдя в кабинет с пустыми руками, заводделом уносит с собой один, два, а то и больше листов. Знаменитая редакционная корзинка стоит у редактора под столом, но служит она вовсе не для рабкоровских заметок. Корзины, поглощающей рабкоровские заметки, конечно, кроме анонимок, в редакции не существует. Есть «Почтовый ящик», пройдя через который рукописи идут в архив.

В ЛИНОТИПНОЙ ВСЕГДА ЖАРКО

Из кабинета редактора через завредакцией статьи и заметки и прочее идут в линотипное отделение. Стрекочут линотипы - стальные, замысловатые, состоящие из трех тысяч частей наборные

машины. Наборщики, бойкие синеблузые ребята, отбираются на линотипных клавишиах далеко не музыкальные трели. Здесь всегда жарко. Раскаленный металл дает себя знать.

Налево от клавиатуры - стальная полочка. Одна за другой высекиваются формочки для букв и становятся в нужном порядке. Потом сразу печатают. Наполняются горячим сплавом из олова, свинца и висмута, и «серебряные» блестящие строчки механически выкидываются к своим сотоварищам - строчкам, стоящим на нижней полочке. Сверху спускается железный «хобот», забирает освободившиеся формочки. Откидывается назад, и формочки как живые, разумные существа бегут по полу открытому винту, безошибочно находя свое место в недрах линотипа. Достигается это путем системы рубчиков, одинаковых как на формочке, так и на гнезде.

- Черт бы забрал этих репортеров! Напишут так, что разобрать их письмена - глаз поломать можно! - ворчит линотипист, читая спешно, от руки написанную хронику.

Бывает и так, что линотип закапризничает. Наборщик, он же механик, лезет руками в его нутро.

- Телеграмм срочных натащили, а тут...

Объявления и заголовки набираются ручным способом.

КОРРЕКТОРСКАЯ

Корректор - «Макар», на которого не шишки валяются, а упреки и выговоры за все допущенные в газете ошибки. Зоркие глаза должен иметь корректор. Стоит пропустить какую-нибудь приставку, частицу «не», и получится досадная, существенная, искажающая истину смысловая ошибка.

В 22-23 часа вечера в корректорскую комнату начинают поступать с линотипа гранки - оттиски уже набранного материала. Сырые листки с размазывающейся краской затрудняют чтение. Голова корректора ежеминутно «болтается» с подлинника на оттиск. Вот пропущена целая строчка. Вот одна и та же строчка набрана два раза. Там слова не хватает. Здесь вместо «град» - «гад» напечатано.

На поля оттиска выносятся пропущенные фразы и отдельные слова. После первой корректировки гранки возвращаются на линотип для исправления.

С 12 часов следующего дня - вторая корректировка. Но просматриваются и исправляются уже не гранки, а оттиски целых полос. К вечеру третья и последняя корректировка, по-тиографски «сводка».

ПРИСТУПИЛИ К ПЕЧАТАНИЮ

Печатное отделение внизу. Здесь гремят шкивы и несутся в бесконечном беге приводные ремни. Печатные машины пока неподвижны, их работа впереди. Но вот набор положили в машину. На-

чинается приправа – закрепление набора. Бечевки развязываются, шрифт закрепляют «марзанчиками». Минут через 40 повертывается рычаг, машина идет в ход, и первый лист, одна сторона (2-я и 3-я страницы) развернутой газеты готова. Другую сторону газеты печатает вторая машина.

Торопятся выпустить должное число газет для округа. К 22 часам газеты должны быть на ст. Томск-1. В 22 часа 14 минут уходит поезд.

- Остановите машину! Получена важная телеграмма.

Но это еще ничего, когда машину останавливают из-за важной телеграммы. Бывает и хуже. Случается, что, просматривая свеженькую с запахом краски газету, кто-либо из редакционных сотрудников или типографских рабочих натыкается на грубейшую ошибку. Машину останавливают. Ошибку исправляют. Виновнику, конечно, достается. И здорово.

В ЭКСПЕДИЦИИ

Для отправки на вокзал газету фальцуют (складывают) переплетчики. Есть настоящие спецы этого дела. С быстротою молнии мелькают страницы в умелых руках. Прямо-таки сказочно растет гора свернутых, сложенных в кучу газет. С 21 часа появляются «розничники» - газетчики, продающие ее с вечера на улицах, по кинематографам и в театре.

- Сколько тебе?
- Дай сотнягу.
- Фальцуй.

«Розничники» немногим отстают от заправских фальцовщиков. Полчаса, и по пл. Революции можно слышать: «Кому «Красное знамя» на завтрашний день?»

В 23-24 часа появляются штатные разносчики и разносчицы газеты. В час ночи из печатного отделения волокутся белые кипы. Начинается вторая городская фальцовка. Фальцуя, перебрасываятся впечатлениями вчерашней трудовой ночи.

- Здоровая такая собачища! Только это она подлетела, я хлесть ее палкой.

- Кажинный раз обещают ящик повесить, и все на словах только.

В первую очередь газеты выдаются разносчикам, у которых дальние районы. Количество газет у них меньше. Ближние несут 450 экземпляров, дальние – от 370.

ВО ЧТО БЫ ТО НИ СТАЛО ДОСТАВИТЬ ВОВРЕМЯ

Тук-тук-тук – стучат палки по тротуарам сонных улиц. Сгорбившись под тяжестью газет, шагают разносчики во все края еще спящего го-

рода. Колесят от ворот до ворот, от крыльца к крыльцу, от двери к двери. Разносчик не должен бояться ни мороза, ни свирепой выюги, ни весеннеей слякоти, ни летнего проливного дождя. Он должен к ВОСЬМИ ЧАСАМ УТРА ДОСТАВИТЬ ПОДПИСЧИКУ ГАЗЕТУ.

Но не только капризная погода мешает разносчикам. Тормозят и они сами. Какой-нибудь Мариинский переулок. Темень – хоть глаз коли. Гремя калиточной цепью, лезет разносчик во двор: «Гау! Гау! Тяф! Тяф! Р-р-р!»

Собаки непускают, а идти надо через весь двор, где у последнего крыльца под перевернутым корытом газета найдет себе уютный уголок. Свирепствуют псы. Трещит по швам одежда. Мельницей крутит палку бедняга.

- Ах, все никак не удосужусь ящик прибить, – отвечает на другой день разносчику хозяин «любезных собачек» и «гостеприимного корыта».

Случаются у разносчиков и такие дела. Входит он в калитку, а навстречу два дяденьки с узлами. «Держи воров!» – несется им вслед. Или такие случаи. «Ты что в экспедицию так рано пришел?» «Да сапоги с меня вчера ночью сняли».

А такие факты бывают ежедневно. Общие сени и три двери. «Никак газетка? – высовывается в дверь заспанное лицо. – Дай-ка, почитаю, а потом обратно положу». А наутро в экспедицию по телефону сообщают: «Не доставлена газета! Примите меры».

* * *

Кроме «Почтового ящика» редакция располагала и другими действенными и оригинальными способами взаимодействиями с читателями. В частности, приглашала рабселькоров присыпать описания «изумительных людей» в наш музей. «Экспонатам» присваивались номера, а карикатуры сопровождались сатирическим текстом. Например, экспонат № 3 – это председатель Зоркальцевского сельсовета и его секретарь, изумительные своим поведением. Председатель пьет самогон, как четыре быка воду в реке, а секретарь в качестве присосавшегося к Советам ведет с крестьянами антисоветский разговор. Диалог завершался четверостишием: «Пьют, капустой заедают, у обоих вид хмельной, точно оба заседают не в совете, а в пивной».

...Легко представить, насколько высока была действенность «Музея изумительных людей». «Экспонаты» - головотяпы, пьяницы, растратчики - лишались не только работы, а нередко привлекались и к уголовной ответственности.

«НАСТОЯЩАЯ ГАЗЕТА НЕ СТАРЕЕТ...»

Выступление первого секретаря Томского обкома КПСС Е.К. Лигачева при вручении областной газете «Красное знамя» ордена Трудового Красного Знамени (партиархив Томского обкома КПСС, фонд 5598, опись 1, дело 18). (На снимке Егор Кузьмич с редактором Александром Новоселовым).

Мне доставляет большое удовлетворение в день областного съезда журналистов и рабселькоров вручить правительенную награду газете «Красное знамя».

Позвольте огласить Указ Верховного Совета СССР.

По поручению Президиума Верховного Совета СССР разрешите вручить Томской областной газете «Красное знамя» орден Трудового Красного Знамени.

Отныне газету «Красное знамя» будет украшать орден Трудового Красного Знамени.

Партия и правительство высоко оценили труд работников газеты «Красное знамя», ее авторского актива, рабселькоров, полиграфистов, распространителей – всех тех, кто делает, печатает и распространяет газету. Я нисколько не преувеличу, если скажу, что награждение областной газеты есть наш общий праздник, радостное событие, которое взволновало журналистов, читателей, трудающихся области.

Позвольте мне от имени обкома КПСС, исполнкома областного Совета депутатов трудающихся сердечно приветствовать работников газеты «Красное знамя», членов редакционной коллегии, общественных корреспондентов и распространителей с этой высокой наградой и пожелать всем вам новых успехов в работе по развитию экономики, культуры области, воспитанию людей в духе идей коммунизма.

Мы гордимся тем, что наша газета стала выходить в свет в 1917 году, от которого человечество ведет счет новой эры всемирной истории.

В дни Октября, в годы Гражданской войны газета призывала массы на борьбу за власть Советов; в годы восстановления народного хозяйства и первых пятилеток газета помогала развивать ударничество, социалистическое соревнование, широко освещала подготовку научных и технических кадров для индустриальных центров Сибири.

В суровую годину Великой Отечественной войны газета как набат звала трудающихся обла-

сти отдать все для фронта, все для Победы. После победоносного окончания войны газета вновь взялась за мирный труд, оказала активную помощь партийной организации в укреплении и создании современных отраслей промышленности и развитии вузовского образования в г. Томске.

За последние годы газета выступает как застрелщик больших дел в освоении природных богатств томского севера.

Во все периоды полувековой деятельности газета помогала партии выковывать нового человека – советского гражданина и патриота, борца за дело коммунизма.

В день вручения ордена газете позвольте отметить работу т. Кузьмичева Владимира Александровича, редактировавшего газету в течение 13 лет, и нынешнего редактора Новоселова Александра Николаевича, много сделавших для укрепления и развития газеты «Красное знамя».

Нашей газете стукнуло пятьдесят лет. Для человека это возраст почетный. Настоящая газета, являющаяся народной трибуной, не стареет, так же как никогда не стареет народ.

Газета «Красное знамя» вступает во вторую половину века своего существования тогда,

когда перед областью открылись захватывающие перспективы дальнейшего социально-экономического и научно-культурного развития.

В связи с этим, товарищи члены редакционной коллегии, зав. отделами и литературные со-трудники, собственные корреспонденты газеты «Красное знамя», мы обращаемся к вам с особым словом.

Вы получили высокую оценку, но как бы вы хорошо ни работали вчера, сегодня так нельзя. К вам партийные и советские органы, а равно и общественность будут предъявлять значительно большие требования.

Мы глубоко уверены в том, что орден на первой полосе нашей газеты будет придавать вам новые силы в вашей трудной работе, звать вас на самые передовые позиции борьбы трудящихся за расцвет производительных сил области.

Разрешите мне, товарищи, еще раз от всей души поздравить коллектив газеты «Красное знамя» с награждением орденом, крепко обнять и пожать руки всем вам, друзья-газетчики, и по- желать вам доброго здоровья, большого счастья, успехов в творческом труде.

«КАК? ВЫ НЕ ЧИТАЕТЕ СОБСТВЕННУЮ ГАЗЕТУ?!»

Сколько ни говори «халва, халва», во рту сладко не станет. Эта восточная мудрость очень применима к журналистской практике эпохи развитого социализма. Такое определение придумали советские идеологи для времен правления Л.И. Брежнева.

Не все они были циниками. Кто-то искренне веровал в достижимость идеалов, обозначенных партией. Бессспорно, к числу таких романтиков относился и Егор Кузьмич Лигачев, дошедший в своей партийной карьере до статуса второго человека всей КПСС. (Первым был, разумеется, генеральный секретарь М.С. Горбачев.)

А до перемещения на Старую площадь Лигачев почти восемнадцать лет руководил Томской областью. Он сотворил много славных дел в этом качестве, и патриоты Томска по праву благодарны ему. О тех делах написаны многие книги. Здесь же уместно рассказать о его отношении к газете. К прессе вообще, а к нашему «Красному знамени» - в частности.

В журналистской среде бытовала легенда о том, как Егор Кузьмич начал свою деятельность на томской земле. В первый же день с утра новый первый секретарь собрал весь аппарат обкома. Представился сам и попросил представиться присутствующих. Потом завел разговор о текущих делах. По какому-то поводу сказал так: «Я, конечно, у вас еще новичок. Но вот областная газета в сегодняшнем номере трактует этот вопрос так...» Вгляделся в недоуменные лица: «Как? Вы не читаете собственную газету?»

Больше он ничего не сказал, но уже со следующего дня каждый работник обкома начинал свое деловое утро тем, что открывал свежий номер «Красного знамени». Прочитывать газету приходилось целиком, ибо невозможно было предсказать, какая публикация сегодня привлечет внимание Первого.

Много лет спустя, беседуя с Лигачевым, я вспомнил этот эпизод. Он засмеялся:

- Честно говоря, не помню. Но, в принципе, такое вполне могло быть. Так сказать, в моем духе.

...Мы, конечно, величали его между собой Главным Читателем.

Один умный хозяйственник как-то признался мне в порыве откровенности, в разговоре с глазу на глаз: «Я, конечно, прессу ненавижу. Но никогда никому не дам повода упрекнуть меня в этом». Это был Леонид Иванович Филимонов, только что назначенный руководителем «Томскнефти». Потом он взрос до министра нефтяной промышленности СССР.

Основания для столь крайнего чувства, как ненависть, в общем-то, были: хорошо приученные журналисты готовы были сравнять с землею всякого, кто вызывал неодобрение Первого. Дни, когда какая-то публикация обращала на себя благосклонное внимание Лигачева, становились праздничными для всей редакции. Высшая мера оценки – постановление бюро обкома «О публикации в газете «Красное знамя» такого-то материала», – разумеется, в том случае, если постановление отмечало высокую актуальность материала и партийную прямоту редакционной позиции.

Бывало и наоборот.

Мне в соавторстве с Юрий Щербининым довелось стать объектом (или все же субъектом?) одного такого постановления. Называлось оно «О статье «Нефть» в газете «Красное знамя». Та статья была сделана к десятилетию нашей нефтяной промышленности. Вроде бы и неплохо мы ее написали, в лирически-приподнятом ключе. Ярко показали преимущество нашего Стрежевого перед тюменским Нижневартовском (он тогда ощутимо отставал в социально-культурном развитии). Вспомнили все полагающиеся к слухаю имена первопроходцев и комиссаров, романтиков и подвижников... Однако же Лигачев был прямо-таки разъярен! Мы, оказывается, не отразили должным образом ведущей роли областной парторганизации в освоении томских недр...

Зато когда писатель Василий Афонин опубликовал в нашей газете горестные размышления о судьбе Михайловской рощи, гибнущей из-за невнимания городских властей, Егор Кузьмич прямо-таки осчастливили редакцию. Прочитав материал, он тут же потребовал машину и поехал смотреть рощу, в которой до той поры не бывал и о существовании которой вряд ли слышал. Посмотрев же, заявил, что газета совершенно права, и что надо воздать должное всем виновным.

Что и было сделано.

За ошибки газетчикам доставалось порою нещадно. Какой поднялся однажды скандал! Повод для него был, в сущности, очень смешной: под заголовком «Судилище в Пекине», в тассовской информации, сообщающей о начале процесса над бандой четырех, газета меланхолически констатировала: «среди прочих на скамье подсудимых оказались девять бывших членов Политбюро ЦК КПСС», – разумеется, подразумевался ЦК КПК. Обычный газетный ляп: проморгала корректура, не заметил дежурный редактор, не обратила вни-

мания «свежая голова»... Однако обкомовское начальство не хотело увидеть в том юмора, и ошибка была объявлена политической.

До сих пор – как вспомню, так вздрогну.

Любые примеры отношения нашего первого секретаря к прессе и его отношения с представителями прессы будут восприниматься как анекдоты, если забывать о главном: в этом взаимодействии была глубоко продуманная и наработанная немалым опытом – система. Ее сущность можно вкратце характеризовать как политику кнута и пряника, но такое очень огрубленное сравнение мало о чем говорит и вовсе ничего не объясняет.

Точнее – хотя и в самых общих словах – о своей системе рассказал сам Лигачев: «Партийные работники хорошо знают, как почетен и в то же время нелегок труд журналиста. Советский журналист – представитель сложной общественно-политической профессии. Он должен быть компетентным в вопросах партийной и хозяйственной политики, правильно ориентироваться в общественной жизни, обладать чувством нового. Кто ему может и должен в этом помочь? Конечно же партийная организация, партийный комитет.

...В наше время в силу все возрастающих задач развития общества информирование журналистов стало одним из важнейших методов партийного руководства печатью. Партийные комитеты постоянно ориентируют работников прессы, приглашают их на пленумы, собрания актива, заседания бюро. Усилились связи отделов редакций с соответствующими отделами обкома, горкомов, райкомов партии.

В аппарате райкомов и редакциях газет проводятся совместные партийные собрания, производ-

ственные совещания. По себе знаю: живое общение с работниками редакций дает много интересного и полезного. Поэтому стремимся на всех уровнях расширять и углублять контакты руководящих партийных работников с журналистами, в том числе совместные командировки, встречи по конкретным вопросам, участие в работе собраний коммунистов первичных парторганизаций областных, городских и районных газет. Это весьма действенный способ партийного влияния на содержание газет, передач радио и телевидения...»

(Цитирую по изданию: Е.К. Лигачев. Избранные статьи и речи. М.: Политиздат. 1989. С. 35).

Во всяком случае, вовсе не случайно ЦК КПСС принял постановление «О руководстве... средствами массовой информации и пропаганды» именно по Томскому обкому, а не по какому-нибудь еще.

Наши коллеги из соседних – да и более далеких – областных и краевых газет неизменно удивлялись: «Как? Вы встречаетесь с вашим первым секретарем?! Да мы своего видим только по телевизору в дни праздничных демонстраций...» Заведующий отделом обкома – предел досягаемости для журналистов Кемерова, Новосибирска или Тюмени – любому томскому газетчику был если не другом и товарищем, то надежным попутчиком и постоянным советчиком. С легкой руки Лигачева в Томске привились пресс-конференции областных руководителей. Выходит на трибуну, к примеру, секретарь обкома по промышленности либо зампредседателя облисполкома, смотрит в зал, где собралась добрая сотня журналистов, и отвечает на все и всяческие вопросы. А уж мы и рады: выпендриваемся друг перед другом, изобретая задачки позаковыристее...

Но кто скажет, что такие пресс-конференции не давали пользы?

Советский журналист – существо, изначально униженное своей зависимостью от партийного комитета. И вот – малая малость: в Томске к нам относились как к людям не самого последнего сорта, – и мы готовы были изо всех сил отрабатывать высокое доверие. Не припомню случая какого-то сверхнормативного наделения журналистской братии материальными благами. Нас не прикрепляли ни к каким закрытым распределителям, не баловали ни большими окладами, ни премиями, да и гонорары платили нищенские, – нет, мы работали не за страх и не за подачку, но на совесть.

Годы Лигачева – время непрерывного огромного строительства в Томской области. Десятки промышленных и сельскохозяйственных объектов, жилье и соцкультбыт... Не кривя душою, скажу: кабы не этот человек с его фантастической волей и страшной пробивной силою, ничего подобного в те годы появиться не могло бы. При действующей в СССР ирреальной экономической системе (не имеющей, по сути, никакого отношения к экономике) крайне трудно было выбрать ассоциации на любое местное строительство, но еще труднее – найти подрядчика.

Я видел, как это делалось. Как он публично насиливал спесивое начальство жутковатого ядерного ведомства, требуя того, что позже получило название «конверсия».

- Если вы не хотите прислушиваться к нуждам народа, – говорил гневно, вколачивая слова, как гвозди, – мы откроем к чертям ваш таинственный город! Мы снимем колючую проволоку, которой вы отгородились от мира, и вытащим вас на всеобщее рассмотрение!

Цитирую буквально – по записи в старом блокноте.

Такого рода вызовы не прощает военно-промышленный комплекс ни в одной стране. Говорят, что спор этот решался на самых верхних этажах ЦК. Мудрый патриарх Ефим Славский, тогдашний министр среднего машиностроения (правильнее было бы говорить о Министерстве Расщепляющихся Материалов), сделал вид, что не знает ни о скандале, ни об угрозах. И серьезная часть строительных подразделений Минсредмаша была переориентирована лицом к деревне и взяла на себя сооружение томских сельхозобъектов.

Да и что такое курятник – пусть даже самый большой – для людей, умеющих строить ядерные реакторы?

А потом была эпопея ТНХК. И тут уже лучшие строительно-монтажные силы советской атомной империи оказались включены в сооружение гиганта полимерной химии. Тут уже Ефим Павлович

стал завсегдатаем Томска. Обычно каждый его приезд заканчивался серьезным рабочим совещанием, которое министр проводил вместе с Лигачевым.

Тут следует сказать, что Егор Кузьмич бывал крутым, порою оскорбительно резким, но я ни разу не слышал от него матерного слова и не знаю ни одного человека, который слышал. Он не терпел также сальностей и двусмысленностей на грани фола. Этим он являл замечательный контраст многим и многим руководителям, любящим темные закоулки великого русского языка. Славский же, напротив, был уникальным охальником! Кажется, он ни одной фразы без мата не мог произнести.

Из песни слова не выкинешь. И вот еще – из старого блокнота.

Ведя одно из очень важных совещаний на строительстве ТНХК, он отпускал такие реплики. Директору комбината: «Не подстраивайся под министра, ... твою мать! Работать надо, а не болтать языком!» В адрес Минэнерго: «У Непорожнего известно, какой порядок. Он командудает, а никто ни ... не выполняет». О качестве сварочных работ: «Если я варил, – никто ни ... не переваривал!» («Я» – это монтажный главк в его министерстве. Ну там действительно собраны были спецы высочайшей квалификации).

В какой-то момент Лигачев, сидевший рядом, нагнулся к Славскому и что-то прошептал ему на ухо. Старый рубака ошелошло потряс головой и прогремел на весь зал: «А какого ж ... она здесь сидит, если ей министерский мат в диковинку?» Речь шла о единственной среди присутствующих женщине – Нине Козловской, заведующей промышленным отделом обкома.

После перерыва ее в зале уже не было.

Славский старше Лигачева на целое поколение. Я назвал его «рубакой» не случайно: комсомольская юность ministra была отдана службе в Первой конной армии будущего маршала Буденного. Тот приезд Ефима Павловича имел, надо полагать, очень важное значение для стройки, поскольку наш Первый потребовал, чтобы фамилия Славского (с указанием должности) непременно появилась в газетном коммюнике.

Тут воспротивилась цензура: «Объекты этого министерства – строжайшее табу!» - «Под мою ответственность!» - «Хорошо, но надо доложить своему начальству».

Главный цензор области позвонил в Москву. И получил благодарность за проявленную бдительность.

Из-за этой перепалки номер «Красного знамени» оказался задержан часа на три.

Единственный известный мне случай, когда энергия Лигачева уперлась в непробиваемую стену. Увы, случилось это на газетном поприще...

Виктор ЛОЙША

ВРЕМЯ ЛИГАЧЕВА

В редакции газеты «Красное знамя», где я начинал тогда работать, Егор Кузьмич Лигачев появился в начале 1966 года. Прошел по отделам. Знакомясь, крепко пожимал руку, оживлялся, услышав знакомую фамилию, вспоминал в связи с ней тот или иной газетный материал, и было ясно, что «Красное знамя» новый первый секретарь обкома партии читает внимательно и регулярно.

Газета к тому времени, как говорили острословы, уже густо запахла нефтью. И было отчего. В Александровском районе открыто пять крупных месторождений, создано управление «Томскнефть», начато обустройство первого нефтепромысла, возле старого сельца Стрежевого обосновалась автоколонна, обозначив место будущего нефтеграда, а наша газета писала: «Под лозунгом «Руку дружбы – нефтеразведчикам!», на многих томских предприятиях, в организациях и вузах развернулось движение по оказанию широкой помощи коллективам нефтеразведочных экспедиций. Промышленные предприятия выделили геологическому управлению значительное количество электродвигателей, подшипников, электроламп, инструмента, стали и других материалов. Коллективы речников обязались за счет перевыполнения плана обеспечить транспортировку нефти... В целом областной партийной организации удалось в короткий срок поднять интерес хозяйственников и общественности к проблемам нефти и природного газа».

Вот и у нас в редакции материалы, посвященные проблемам освоения нефтяного севера, начали готовить не только сотрудники промышленного отдела, но и всей редакции.

Внеочередную летучку, собранную по просьбе Лигачева, Юрий Кузьмич, как его тогда называли, начал со слов о том, что реальные достижения в труде не отделимы от организационной деятельности журналистов, что без газет и других идеологических средств нет серьезного партийного влияния на людей, отметил в этой связи успехи и недостатки нашего коллектива, а затем перешел к необходимости усилить действенность выступлений газеты.

- Я знаю, - сказал он, - что в ваших журналистских блокнотах остается немало такого, что по разным причинам не попадает на страницы газеты. Прошу откровенно высказать свои наблюдения и суждения по кругу вопросов, которые решаются плохо или вообще не решаются.

Разговор начали ведущие журналисты «Красного знамени» Евгений Вострухов и Леонид

Левицкий, наиболее погруженные в нефтяную тему. Они сделали упор на причины, вызывающие несогласованность в действиях различных ведомств и организаций, привели факты голого администрирования, бесхозяйственности и некомпетентности конкретных руководителей. Большинство выступивших следом коснулись болевых точек журналистской практики, и прежде всего неприкасаемости ряда партийных и советских руководителей, зажима критики, чиновного барства.

Лигачев слушал внимательно, хмурился, делал записи в блокноте. На большую часть выступлений он тут же ответил. Остальные обещал обсудить в обкоме партии и принять исчерпывающие решения. В заключение подчеркнул:

- Некасаемых руководителей и запретных тем у нас не должно быть и не будет. Если вы уверены в своей правоте, пишите, ставьте вопросы остро и нeliцеприятно. Рубрика «По следам наших выступлений» должна стать постоянной, действенной. Поменьше голых призывов, побольше дела. Спасибо за откровенность, за понимание. Надеюсь на более тесное сотрудничество...

После той памятной встречи атмосфера в редакции стала заметно меняться. Значительно возросла творческая отдача, а вместе с ней и тираж газеты. Материалы стали разнообразнее, ярче, смелее, более проблемными. У нас будто горизонты раздвинулись. Появилось понимание того, что на наших глазах, с нашим участием Томская область меняет свой облик, переходит к ускоренному обновлению не только промышленного производства, но и духовной, научной, образовательной сферы, что это не месячник и не декадник, как бывало прежде, а твердая линия, цель на перспективу, выражаясь сегодняшним языком, модернизация земли томской.

Надо сказать, перемены эти лично я почувствовал еще до встречи с Лигачевым, и вот каким образом. Секретариат редакции, формирующий очередной номер газеты, вернул мне на доработку критическую статью о заворовавшемся директоре сельской школы, которому потворствовал секретарь райкома партии одного из северных районов. То место, где речь шла о секретаре райкома, была испещрена вопросительными и восклицательными знаками. Никаких правок я делать тогда не стал. Перепечатав набело исчерканную страницу, отнес статью редактору Александру Николаевичу Новоселову. Прочитав ее, он спросил буквально теми же словами, что произ-

Е. Лигачев на встрече с коллективом редакции. Последний день работы А. Новоселова в качестве редактора газеты... Сентябрь 1981 г.

нес через день на летучке Лигачев: уверен ли я в своей правоте? Я ответил: да. И статья была напечатана полностью.

Потом мне не раз приходилось замечать в словах, поведении, решениях не только Новоселова, но и других руководителей влияние Лигачева. Это было не копирование, не подлаживание, а вот именно влияние. Энергия Егора Кузьмича, стиль работы, увлеченность, полная самоотдача воздействовали на окружающих наглядным образом. На многие проблемы они начинали смотреть его глазами, оставаясь при этом самими собой.

Чтобы вывести поставленные задачи на всесоюзный уровень, Лигачев добился создания в Томске корреспондентских пунктов центральных газет «Известия» и «Комсомольская правда», Телеграфного агентства Советского Союза (ТАСС), Всесоюзного радио, а затем и газеты «Правда». Поначалу собственными корреспондентами этих СМИ работали «варяги», присланые из Москвы и других городов (исключением был собкор Всесоюзного радио Владимир Брындин), но постепенно их сменили томские журналисты – Евгений Вострухов, Владимир Копылов, Юрий Щербинин, Леонид Левицкий, Иван Забарин, Александр Соловьев, Владимир Демченко, Константин Мирошниченко, Владимир Казанцев и другие. Конечно, до столь высокого профессионального уровня они «выросли» сами, но решавшей «подъемной силой» для каждого из них стало все же «время Лигачева».

Вот и в моей судьбе оно оставило заметный след. В 1969 году меня вдруг решили назначить редактором областной газеты «Молодой лени-

нец», причем в тот самый момент, когда я задумал расстаться с журналистикой и заняться только литературным творчеством. Не потому, что, издав три поэтические книги и подготовив к печати первую повесть, перестал ценить журналистику. Вовсе нет. В советское время она была той редкой профессией, которая ежедневно сводила нас с людьми труда, научного поиска, позволяла постигнуть рабочую географию и биографию области, обогащала опытом жизни, давала темы для литературных произведений. Но у нее иная специфика, чем у художественной литературы. Газетная работа привязывала к событиям текущего дня, к сугубо деловой проблематике. У нее иной язык, иной объем, иные требования. И то, что начинающему литератору вначале помогает, со временем становится для него тормозом. Вот на таком перепутье я и оказался, когда меня пригласили на собеседование к Е.К. Лигачеву.

Я откровенно сказал ему о своих сомнениях и добавил, что комсомольской работой прежде не занимался, а потому вряд ли подхожу для должности редактора комсомольской газеты.

- Молодежной, - поправил он меня. - Вам 27 лет. Так что все у вас впереди. Поработали в партийной газете, поработайте в молодежной. Нам хотелось бы, чтобы она была не только действенной, но и живой, содержательной, близкой молодежи, говорила ее языком, поднимала ее проблемы. Для этого надо привлечь к сотрудничеству молодой, литературно одаренный актив, найти новые формы подачи и организации материала. Это и будет ваша комсомольская работа. Поверьте, и вас, как литератора, она обогатит...

Спасибо газете «Красное знамя». Четыре с половиной года работы в ней многому меня научили. Прежде всего ответственности за каждое написанное слово, журналистскому товариществу, взаимовыручке, творческому настрою. Прекрасные отношения сохранились у меня со всеми сотрудниками «Красного знамени», с его редактором Александром Николаевичем Новоселовым и дальше. Он внимательно прочитывал нашу газету, давал толковые советы. Чувствовалось, что мы плоть от плоти «Красного знамени», его молодежное продолжение. В чем-то мы подражали ему, а в чем-то шли своим путем. Традиционными для «Молодого ленинца» стали тематические страницы «Одноклассник» (выпуск для школьников), «Аудитория» (для студентов), «Студенческий меридиан» (для студенческих стройотрядов), «Покоритель севера» (для молодежи нефтяного Приобья), ну и, конечно, «Литературная страница». Она пользовалась особым интересом читателей. И не случайно. Стихи любили, стихи писали, стихи наизусть знали многие томичи. И прежде всего студенты и преподаватели старейшего технического вуза Сибири – Томского политехнического. Именно он в 1963 году зажег в Лагерном саду факел ежегодных всесибирских Дней поэзии. В «эпоху Лигачева» этот факел разгорелся еще сильнее. Этому способствовал тот духовный подъем, который царил в области.

Естественно, областные газеты оперативно откликались на каждое значительное событие в литературной, театральной, культурной жизни земли томской. А таких событий становилось все больше и больше. К Дням поэзии ТПИ добавились литературные семинары, выступления ведущих советских писателей в рамках фестиваля искусств «Северное сияние» и Дней литературы, а затем Неделя молодежной книги издательства «Молодая гвардия». В рамках этих недель на томской земле побывали такие мастера отечественной литературы, как Сергей Антонов, Владимир Костров, Владимир Личутин, Владимир Гордейчев, Николай Старшинов, Борис Примеров, Джеймс Паттерсон и многие другие. Их произведения и произведения томских авторов щедро публиковались на страницах областных газет, регулярно звучали по радио и на ТВ.

С 1976 года я переключился на писательскую работу, но в душе отчасти так и остался журналистом. И не я один. О том же говорили мне Виль Липатов, Вадим Макшеев, Эдуард Бурмакин, Станислав Вторушин, Валерий Сердюк и другие «краснознаменцы».

Конечно, творчество индивидуально. Писатель, художник, композитор, журналист творят в одиночестве, но им необходимы постоянное

внимание, поддержка, подпитка. И творческая интеллигенция Томска эту поддержку постоянно получала, в том числе от газет «Красное знамя» и «Молодой ленинец».

Помню, как завидовали нам писатели из других городов, побывав в Томском отделении Союза писателей Российской Федерации. Располагалось оно в центре города, в памятнике архитектуры, имело четыре просторные комнаты с высокими потолками и окнами чуть не во всю стену. Еще больше изумлялись гости нашего города, узнав, что все мы имеем квартиру с рабочим кабинетом, а сверх того – общую легковую машину и речной катер для летних плаваний. Рядом с писательской организацией располагались Союз художников и Всероссийское театральное общество. Каждый художник имел мастерскую, а были у них еще мастерские Художественного фонда и Дом творчества в Вертикосе. Тут было чему позавидовать и чем гордиться.

Не только я, но и ряд других томских писателей прошли школу журналистики. Вот и решили мы (особо подчеркну: без подсказки сверху): помимо авторских книг, которые выходили тогда не только в сибирских, но и в московских, и зарубежных издательствах, создать серию документально-художественных сборников о тружениках области. Начали с книги «Стрежевой». Ее составили очерки, стихи, репродукции картин томских художников, документальная фотолетопись первого томского нефтеграда. За «Стрежевым» последовали книги «Трудный колос» (о тружениках сельского хозяйства), «Таежная новь» (о лесозаготовителях и лесовосстановителях), «Пробуждение глубины» (о нефтяниках), «Любимый город» (о старинном студенческом, научном и промышленном Томске), «Испытание севером» (о Всесоюзных комсомольских стройках Томской области). Все эти книги выпущены Западно-Сибирским книжным издательством. А итоговая книга серии, включившая лучшие материалы из этих сборников, вышла в московском издательстве «Советская Россия». Называлась она «Пружины жизненных часов». Предисловие к ней написал Е.К. Лигачев. Заканчивалось оно такими словами: «Хочется, чтобы эта книга помогла читателям лучше узнать сибирский характер, помогла полюбить советскую Сибирь, манящую людей размахом и красотой, свойственными этому великому и суровому краю».

Выпущена эта книга в 1983 году, накануне отъезда Егора Кузьмича на работу в Москву. Можно сказать, прощальная книга. Перечитывая ее сегодня, я вспоминаю то непростое, но созидательное время, когда на наших глазах творилась история, и связана она была многими нитями с яркой личностью Егора Кузьмича Лигачева.

Сергей ЗАПЛАВНЫЙ

О ЧЕМ МЫ ТОЛЬКО НЕ ПИСАЛИ

Начало большого террора

Прочитав сотни номеров газеты «Красное знамя», невольно начинаешь зримо представлять образы минувших лет, как бы слышать голоса революционных масс, крушащих устои самодержавия, призывы вождей революции, выступления рядовых участников эпохальных событий. Пытаешься узнать, что думали и хотели сделать солдат Петр Гладышев с его резкими, прямолинейными публикациями, студенты Ибрагим Аксанов, Василий Шкуропат и многие другие авторы «Красного знамени» тех лет.

Благодаря неустанным усилиям журналистов, добровольных неплатных помощников тянулась в будущее лента газетных полос, зеркально отражая сложные процессы, происходившие в обществе, классовую борьбу, наступление на кулаков, коллективизацию, суды над троцкистами. И, наконец, один из самых трагических периодов отечественной истории – репрессии 30-40-х и 50-х годов прошлого века, где совершило особым и страшным остался в памяти людей 1937 год. Год начала большого террора.

Признаться, было как-то не по себе раскрывать подшивку 1937 года. Что там на полосах? Однако первый январский номер «Красного знамени» начинался звонкими словесными фанфарами из передовой, озаглавленной «С Новым годом, товарищи!» Тут же колонка опубликованной «Песни о Родине» Василия Лебедева-Кумача со знаменитым припевом «Широка страна моя родная...». Передовая звала в светлое будущее, ставила грандиозные задачи: «...Вся страна слушала доклад вождя. Вся страна голосовала за Сталинскую Конституцию – знамя социалистического демократизма. Весь народ с глубочайшим вниманием изучает величайшие документы эпохи. Советские граждане, изучая доклад товарища Сталина и новую Конституцию, проходят исключительную по своей глубине школу государственной мудрости... Могуче расцветает советский патриотизм. Сердца миллионов трудящихся – рабочих, крестьян и интеллигентов – полны любви к своему Отечеству...» Инициатор и организатор замечательных стахановских школ, орденоносный профессор Николай Карташов в связи с Новым годом писал: «Высокой гордостью наполнено мое сердце. Нет ничего приятнее сознавать, что ты являешься гражданином такой прекрасной, сияющей счастьем страны... Мы любим совет-

скую власть, свою коммунистическую партию и вождя Иосифа Виссарионовича Сталина. Мы любим свою социалистическую Родину и готовы в любую минуту отдать за нее все, вплоть до нашей жизни...».

Начался новый год – 1937-й. Народы Советского Союза вступают в него радостно, бодро и уверенно. Их воодушевляет величие Сталинской Конституции... С радостной песней о прекрасной Родине встречают трудящиеся нашей страны новый год. Звенят слова песни: «...Как невесту, Родину мы любим, бережем, как ласковую мать...».

Этот воспетый рай на земле закончился после новогодней ночи. Суровая проза жизни сразу дает о себе знать на полосах следующих номеров газеты. В заметке «Грубо нарушают Сталинскую Конституцию» газета защищает семейную пару пенсионеров супругов Сарпу и Матвея Раузен от грубого произвола работников жакта № 102 по ул. Розы Люксембург. Несколько лет супруги ютились в сыром подвальном помещении, признанном городской санитарной инспекцией непригодным для проживания. Когда же им, наконец, дали десятиметровую комнату, ее отобрал не член жакта Голиков. Вместе с родственником Ивановым он избил пожилую женщину и самовольно вселился в чужое жилье. Зверский поступок совершила и председатель жакта Морозова, проживавшая в одной квартире с 59-летней Евсикович. Под предлогом, что коптит примус, она стала выталкивать женщину из кухни, вырвала у нее клок волос и подбила глаз. «Ряд фактов, опубликованных в газете, – делает вывод автор заметки, – полученные письма сигнализируют о том, что работа некоторых жактов требует немедленной проверки, а в отдельных случаях и смены руководителей, которые так грубо нарушают Сталинскую Конституцию. Они забыли, что каждая статья этого закона проникнута уважением к личности, исключительной заботой о живом человеке...».

А. Агейнов в статье «Издевательство над гражданином и милицейское спокойствие» с возмущением рассказывает о том, как председатель жакта № 105 Лендувал ворвался в квартиру Тихомирова, техника Сибтранспроекта, и пытался развалить печь, чтобы из кирпичей соорудить плиту в своей квартире. Тихомиров, естественно, протестовал, показывая на маленьких детей, которые зимой без печки замерзнут.

- Я хозяин! – орал Лендуал, - захочу, весь дом переворочу. И попытался, оторвав дверцу, выгребать жаркие угли. Но плита была раскалена, и он ретировался. На другой день разъяренный самодур, пришел, когда дети были одни, сорвал дверь с крючка, выломал плиту, разобрал кладку и унес кирпичи в свои хоромы...

В месткоме, сообщает автор, только посочувствовали потерпевшему, а милиция не «пода-ет признаков жизни». Да и конокрадов не ищет, о чем рассказал редакции Мосиевич. Напрасно пробежав за вором, угонявшим его лошадь, до переулков Комсомольского и Пионерского, он позвонил из магазина Сибторга в уголовный розыск. Предложили составить протокол и стали убеждать, что «вор уже спрятался, искать его бесполезно...». «Да и не вы один пострадали, - утешал Мосиевича дежурный милиционер, - вчера, если считать с вашей, три лошади украдено, да еще четыре у колхозников утнали. Ничего не поделаешь...».

Редакция задает вопрос начальнику милиции Рудову с требованием квалифицировать бездействие его подчиненных. И полагает, что случившееся в квартире Тихомирова – полнейшее нарушение закона о неприкосновенности жилища, а поведение дежурного милиционера – пособничество ворам.

Но львиную долю газетной площади занимают письма, отклики, статьи на политические темы, направленные, прежде всего, против активистов троцкистского «параллельного центра», организованного в 1933 году «по прямым указаниям бандита Троцкого, в составе Пятакова, Радека, Сокольникова, Серебрякова и других. Этот центр существовал наряду с троцкистско-зиновьевским центром, участники которого расстреляны по приговору военной коллегии Верховного Суда в августе прошлого года». «Красное знамя» публикует сообщение прокуратуры Союза ССР, где, в частности, говорится, что «деятельность обвиняемых была направлена на подрыв военной мощи страны, ускорение нападения, содействие иностранным агрессорам в захвате территории и расчлененности СССР, на свержение советской власти, восстановление капитализма и господства буржуазии...».

«...Но не удалось и никогда не удастся бандитам осуществить свое гнусное дело. Славные чекисты, воспитанные железным Феликсом Дзержинским, руководимые талантливым Наркомом тов. Ежовым, поймали бандитов с поличным, схватили на месте преступления... Суровая рука органов пролетарской диктатуры, безжалостно расправится с закоренелыми врагами народа, работавшими по заданиям и на средства неко-

торых фашистских государств... Перед военной коллегией Верховного Суда Союза ССР 23 января предстанет вся бандитская шайка: Муралов, Лившиц, Дробнис, Богуславский, Князев, Ратайчак, Норкин...».

С началом громкого политического процесса отклики и комментарии публикуются в каждом номере газеты. Типичная из них – передовая «Подлецкие из подлых», переданная в Томск из Москвы по телеграфу. Начинается она с обвинительного заключения «по делу участников троцкистского «параллельного центра», деяния которых по подлости своей превосходят все, что до сих пор знала история... Радек и Пятаков признали, что в директивах Троцкого, которые они целиком приняли и разделяли, реставрация капитализма была основой основ... Сокольников, детализируя программу Троцкого, показал на допросе: «Эта программа предусматривала отказ от политики индустриализации и коллективизации, подъем в деревне мелкого (хозяйства) капитализма, который в соединении с капиталистическими элементами в промышленности развился бы в капиталистическую реставрацию в СССР...».

Процесс вызвал массу откликов. В номере газеты за 27 января почти всю третью полосу занимает подборка писем под общей шапкой: «Беспощадно уничтожить изменников!»

Красноречивы и заголовки: «Стереть с лица земли», «Уничтожить троцкистских мерзавцев», «Проклятие изменникам Родины», «Гадам не может быть пощады»... А после речи государственного обвинителя прокурора Союза ССР А.Я. Вышинского «грозные волны народного гнева и ненависти поднялись с новой силой». Но, кажется, всех превзошел, выразив свой гнев в стихотворении «Врагам пощады нет» студент Ибрагим Аксанов: «..Они страну, где крепнет наше счастье, страну, где жизнь привольна и легка, как злые псы, хотели рвать на части, несли ей смерть в предательских руках. О, гнусный сброд! Не будет вам пощады, не знать сочувствия в людских сердцах. Как рады мы, что вас, ползущих гадов, сразил удар горячего свинца!»

Обстановка в стране накалялась. И газета это отражала, авторы статей буквально захлебывались от гнева. Главный процесс троцкистов в Москве стал мощным резонатором, вызвал десятки и сотни процессов на местах. «Красное знамя» опубликовало обзор под заголовком «Беспощадно уничтожать врагов колхозного строя», написанный после выездной сессии краевого суда в Северном районе. «Ничем не брезговали подсудимые в своей контрреволюционной деятель-

ности: издевались над лучшими колхозниками, насаждали в советские учреждения и колхозы отъявленных бандитов, контрреволюционеров и кулаков... Они заражали и губили колхозный скот, вводили незаконные налоги на крестьян, разваливали колхозы, извращали советские законы, пытаясь восстановить колхозников против власти. С этой целью в одной только Филипповке бандиты разрушили 17 домов, оставив семьи на улице без кровя. Матросов, Демидов, Синев и другие взимали незаконные и завышенные налоги с колхозников и единоличников, но предоставляли существенные льготы кулакам. «Распутав клубок отвратительных преступлений, выездная сессия Краевого суда приговорила бандитов к высшей мере, выражив общую волю колхозников Северного района, требовавших уничтожить подлых мерзавцев... Врагам колхозного строя никуда не уйти от карающей руки советского правосудия, от зоркого глаза чекистов и советского народа...».

Конечно, любые подобные публикации поднимали злобу и муть в обществе. Трагическое и страшное время, когда все это читашь, становится дурно. А ведь многие люди пострадали. Их судьбы, судьбы их близких были исковерканы, без вины виноватые погибли в лагерях. В первом полугодии «Красное знамя» продолжало регулярно публиковать статьи и письма, рассказывая читателям, в том числе и с помощью ненужных авторов, о том, что происходило в городе и на селе. «Враг орудует в колхозе» - так прямолинейно и конкретно назвал свою корреспонденцию селькор Виноградов.

«На свиноферме колхоза «1 Мая» Коларовского сельсовета орудует враг колхоза Портнягин Федор, - пишет селькор, - с первого года организации колхоза он сдал своего породистого жеребца, а потом украл и продал на базаре, за что исключен из колхоза. Снова вступив в колхоз, Портнягин показал себя активистом, и его отправили на курсы животноводов, поручив заведовать фермой после возвращения. Здесь он и начал вредительскую работу. В 1935 году забил четыре колхозных свиньи и оставил себе одну тушу. В 1936 году утопил колхозную лошадь и до сего времени не уплатил за нее деньги. С прошлого года Портнягин перешел на более скрытые методы, хотя вреда приносит все больше. Устроил загон в болотистом месте, где маленькие пороссята постоянно тонули. В результате за 1936 год пало свыше 60 процентов поголовья. Зимой в сарае для свиней никогда не чистились кормушки, а корм бросали прямо на пол. Это привело к массовой гибели свиного поголовья. Заболевших пороссят раздавал колхозникам, зная, что

они падут через 3-4 дня. Поэтому колхозники покупают пороссят на рынке, а не у себя в хозяйстве. Систематически делал потравы овощей и огородов. Решением общего собрания Портнягин снят с работы за явное вредительство, но к ответственности не привлечен, так как нашел поддержку в лице руководителя горзо Хижука, недавно привлеченного к уголовной ответственности как враг народа. Однако Портнягин продолжает орудовать в колхозе, как в своем доме...».

Шла первая половина 1937 года. Все людские трагедии были еще впереди, в том числе и печально знаменитая телеграмма секретарям обкомов, крайкомов и ЦК нацкомпартий. Сталин подписал ее 2 июля 1937 года, положив начало большому террору.

А пока стояло солнечное лето, в Томи, на малых речках и прудах купались ребятишки. Шумели тополя, прикрывая роскошными, еще никем не посеченными кронами крыши резных деревянных теремов. «Красное знамя» в статье «Самая счастливая в мире молодежь» сравнивала, какой тяжелой и безрадостной была жизнь трудающейся молодежи в дореволюционной России и сегодня. Лишенная всех политических прав, обреченная на нищенское полугоудное существование, молодежь и мечтать не могла, чтобы получить образование. А теперь великое завоевание рабочих и крестьян золотыми словами вписано в Стalinскую Конституцию: «Граждане СССР имеют право на образование».

«Насколько велико это завоевание, можно показать на следующих цифрах. В 1905 году в Томском технологическом институте учились 1434 человека. Из них 1382 человека – лица духовного звания, дворяне, чиновники, купцы, кулаки, мещане, их дети, а также дети чиновников и различных «почетных» и «потомственных» граждан. И ни одной женщины среди студентов, что запрещал закон. А теперь в индустриальном институте имени С.М. Кирова учится 2110 человек, из которых 462 женщины. По социальному положению студенты разбиваются по следующим группам: рабочих, крестьян и их детей - 1292 человека, детей трудовой интеллигенции – 818. Классы, аудитории советских школ и рабфаков, техникумов и вузов заполнены жизнерадостными детьми трудящихся нашей великой Родины. Только в средних и высших учебных заведениях учится 30 тысяч человек! Одних студентов более 14 тысяч! Советская молодежь – самая счастливая в мире. Она не знает ни безработицы, ни голода, ни нищеты. Ее настоящее – радостно, ее будущее – прекрасно».

Вот такое было время...

ДЕРЕВЕНСКИЕ ВЕХИ

Вадим Николаевич Макшеев – известный томский и российский писатель. Но еще задолго, как таковым стать, многие годы отдал он журналистике (членский билет Союза журналистов России получил в 1960 году - раньше, чем паспорт). Два года он работал в каргасокской районной газете, а затем пятнадцать лет в «Красном знамени». Как сам признается: «Через «газетную школу» прошли многие писатели, и для меня она была тоже своего рода ступенькой в литературу».

Сегодня мы публикуем (в сокращении) воспоминания Вадима Макшеева о периоде работы его в «Красном знамени» из книги «Время, дороги, книги...»

Позволю себе экскурс в тогдашнее сельское хозяйство и в то, как эта отрасль подавалась в прессе читателям. По ленинскому постулату, газета — коллективный пропагандист, агитатор и организатор, а потому практически все тогдашние газеты были органами партийных комитетов, начиная от заводских и кончая Центральным комитетом партии. Естественно, и принадлежавшая Томскому обкому КПСС газета «Красное знамя» была своего рода указующим перстом областного комитета партии. В частности, указующим, что, когда и как делать тем, кто живет и трудится в селе.

Весной обком, используя газету, требовал провести в сжатые сроки весенний сев, летом — своевременно заготовить на зиму корм скоту и так далее. Своего апогея клич к крестьянам (впрочем, и к ежегодно отправляемым осенью на полевые работы горожанам) достигал во время хлебоуборочной страды. Первая полоса газеты тогда ежедневно выходила с печатавшейся над первополосными материалами «шапкой» — набранными крупным шрифтом лозунгами: «Все силы на уборку урожая!», «Жатве — ударные темпы!», «Долг тружеников села — завершить уборку зерновых в сжатые сроки и без потерь!», «Шире размах социалистического соревнования в битве за урожай (определяющего, решающего, завершающего) года пятилетки!» и так далее. Когда утром из расположенного на первом этаже секретариата звонили на третий этаж в сельхозотдел, требуя «шапку» в очередной номер, заведующий отделом листал прошлогоднюю подшивку «Красного знамени» и, не мудрствуя лукаво, списывал требуемое. Тем, к кому были обращены становившиеся по мере приближения зимы все более истощными напоминания об их

долге, читать газеты было некогда, да и в коридорах власти вряд ли кто-то задумывался, есть ли толк от этих призывов.

Для тех, кто живет и трудится в селе, разумеется, провести все сезонные работы в оптимальные сроки весьма важно. Но это задача тактическая. Главная, стратегическая задача — рост производительности труда при одновременном снижении себестоимости продукции. Производить больше с меньшими затратами. Однако в областном комитете партии, ведавшем всеми отраслями производства, в том числе сельским хозяйством, и в частности животноводством, главным его показателем упорно считали надой молока от среднестатистической коровы. Каков он за сутки, декаду, месяц, год... Прибавился или убавился... Сколько газетных передовиц, корреспонденций, информации об этом публиковалось в «Красном знамени» и районных газетах!

Деревне я обязан и тем, что обрел свое место в журналистике. Будучи корреспондентом, прия на ферму, не спрашивал доярок, сколько та или иная из них обязалась надоить молока, каков пресловутый надой «на корову», больше он или меньше по сравнению с прошлым годом... Подобные

вопросы обычно задавали корреспонденты, не знаяшие, о чем еще говорить с этими деревенскими женщинами. Я обычно спрашивал, здешняя ли она или откуда-то приехала, какая у нее семья, какое хозяйство, сколько зарабатывает, есть ли ребятишки, как они учатся в школе... Само по себе, интересовался условиями работы, говорил, что сам работал в колхозе и было у нас там так-то и так-то. Спрашивал не ради проформы: я знал трудности жизни этих женщин, сочувствовал им, и они это понимали.

Благодаря частым командировкам в колхозы и совхозы я пополнял свои познания в специфике сельскохозяйственного производства. Ведь на Васюгане, где в свое время я работал, преобладал ручной труд, а тягловой силой были безответные лошаденки, в то время как в южных районах Томской области, где сельское хозяйство являлось ведущей отраслью и труд земледельцев и животноводов был во многом механизирован, технология производства была иной. Да и крестьянская среда в этих колхозах тоже была другой.

За годы работы в редакции я написал десятки очерков о чем-то интересных мне людях. Писал не только о тех, кто занимался непосредственно сельскохозяйственным трудом, но и о сельских учителях, библиотекарях, врачах. Всем им было присуще нечто общее, характерное для деревенских жителей, но у каждого была своя дорога в жизни, свои на ней вехи. Однако основными моими темами в печати оставались экономика сельского хозяйства и неразрывно связанные с ней социальные, демографические и нравственные проблемы тогдашней деревни.

Несмотря на то, что в те годы на сельскохозяйственное производство уже ассигновались значительные средства, продовольствия в стране постоянно не хватало, причем отнюдь не из-за того, как пытались это объяснить в «верхах»: люди в СССР, мол, стали лучше жить, а следовательно, возрос спрос населения на продукты питания. Главной причиной была остававшаяся неизменной закостенелая организационная структура сельскохозяйственного производства. Меня удивляло, что те, кто тогда занимал во властных структурах высокие посты, не понимали, что экономические показатели — это отражение производственной деятельности, а следовательно, и ориентир, каким образом следует в дальнейшем добиваться нужных результатов. Причем не любой ценой, а с минимальными затратами. Однако даже отчетность, по которой можно было судить об эффективности производства, для тех, кто находился у его руля,

была своего рода *terra incognita*. Спустя много лет после того, как я ушел из редакции, узнал, что, когда в газете появились мои первые статьи на темы сельской экономики, начальник областного управления сельского хозяйства приказал своим экономистам эти статьи досконально проверить и выяснить, как и где я брал те или иные данные. Особенно повергли его в недоумение приведенные в одной из статей показатели производительности труда в томских колхозах. А ведь я всего-навсего сделал анализ данных колхозных годовых отчетов, которые имелись в подведомственном начальнику областном управлении сельского хозяйства. Хотя графы «Производительность труда» в этих отчетах не было, но были данные о размерах посевных площадей, о поголовье скота, количестве произведенного за год зерна, молока, мяса и другой продукции сельского хозяйства.

На первой странице значилась численность трудоспособных колхозников, и посредством простого арифметического действия было несложно определить, сколько чего произведено за год среднестатистическим трудоспособным колхозником. Но для начальника областного управления сельского хозяйства подобный анализ и его результаты были откровением.

Приезжая в колхоз, я, прежде всего, просил показать мне отчетность, после чего, уже имея представление об экономическом состоянии хозяйства, мог предметно разговаривать с председателем, бухгалтером и экономистом (в ту пору в некоторых колхозах таковые уже имелись) о хозяйственной деятельности колхоза и о положительно либо отрицательно влияющих на нее факторах. Интересовало меня не столько текущее состояние дел, сколько вообще происходившие тогда в селе процессы, определявшие будущее деревни.

Но вернувшись к своей работе в редакции.

Со временем эта казавшаяся вначале привлекательной работа начала меня угнетать. Особенно стал это ощущать, когда меня назначили заведующим сельхозотделом. Писать самому уже почти не приходилось — все время и все силы отнимала изнуряющая текучка. «Битва за сжатые сроки сева», «Битва за корма», «Битва за урожай», «Борьба за подготовку к зимовке скота» — с весны до глубокой осени большую часть первой полосы газеты должны были занимать материалы о захлестывающих одна другую сельскохозяйственных кампаниях. Придя на работу, с утра приходилось звонить по телефону в управление сельского хозяйства, в колхозы и совхозы, редакции районных газет, управление статистики: выяснить, где сколь-

ко чего посеяли, сколько заготовили сена, силоса и сенажа, со скольких гектаров сжаты и обмолочены зерновые, какая где урожайность, какие хозяйства выполняют план, какие отстают, фамилии передовиков сева, заготовки кормов, хлебоуборки... Собранныю информацию надо было срочно подготовить для публикации в текущий номер, отдать в машбюро машинисткам, затем прочесть ими напечатанное, сверить, выправить и отнести в нетерпеливо ожидающий секретариат. Одновременно следовало оперативно поставлять в газету материалы о выполнении обязательств поставки государству продукции полеводства, животноводства, о пресловутых надоях на корову, о социалистическом соревновании «За большое молоко» и так далее. Сводки, обзоры, непременные шапки на первую полосу... Изо дня в день — «давай, давай!». И нарастающее ощущение эфемерности того, чем приходится заниматься.

Несколько раз я просил тогдашнего редактора Александра Николаевича Новоселова освободить меня от должности, к которой не лежала душа и к которой я не был способен. Но прошел год, прежде чем главный редактор понял, что редакция приобрела в моем лице посредственно го заведующего сельхозотделом и одновременно лишилась журналиста, чьи выступления в газете вызывали интерес у читателей. В конечном счете заведовать назначили другого сотрудника редакции, а мне предоставили возможность быть, как и ранее, специальным корреспондентом.

Однако это не означало, что я могу сосредоточить усилия на том, что меня интересует, в какой-то мере все равно приходилось заниматься повседневной газетной текучкой. Но еще больше времени уходило на так называемое «заавторство». Газете надлежало быть не только «коллективным пропагандистом, агитатором и организатором», но и некоей трибуной для «голоса народа», которым должны были быть письма трудящихся. Редакции необходимы были выступления в печати тех, кто трудится на производстве, и нужна была другая тематика: передовой опыт, социалистическое соревнование, проблемы развития промышленности, сельского хозяйства, транспорта и так далее. На эти темы сотрудники газеты должны были письма «организовывать», что официально именовалось «работой с авторами». Существовали жесткие рамки: сорок процентов поставляемых корреспондентом в газету материалов (за основу бралось количество строк) допускалось написанных им самим, остальные шестьдесят должны быть организованные и подготовленные к печа-

ти корреспонденции так называемых нештатных авторов. Организация такого рода публикаций заключалась в разговоре журналиста с предполагаемым автором на тему, связанную с его работой в какой-либо отрасли, но писать за своего собеседника, как правило, приходилось журналистам. Количество опубликованных «авторских» строк засчитывалось в актив «организовавшим» их сотрудникам редакции, гонорар получал тот, чья подпись стояла под публикацией. Впрочем, как-то пожилой землеустроитель, судя по фамилии, немец, вероятно, в свое время посланный в Сибирь с Поволжья, за которого я написал статью о проблемах землеустройства, смущенно сказал мне, что почему-то ему из редакции газеты прислали по почте гонорар за статью, которую он не писал, и спросил меня, как он должен с этими деньгами поступить. Я ответил, что это его гонорар, поскольку я писал статью с его слов. Это был единственный случай за все годы моей работы в областной газете, когда кто-то из тех, за кого я сочинял статьи, усомнился в правомерности получения гонорара. Кстати, многое из того, что мне рассказал землеустроитель, когда я готовил ту публикацию, было для меня внове — земельные кадастры, специфика работы землемеров, история землеустройства в дореволюционной России... Но куда чаще приходилось, готовя так называемые авторские публикации, использовать свои познания и суждения.

И все же, вернувшись к обязанностям спецкора, я снова мог бывать на селе и выкраивать время писать о том, что мне было интересно, и то, что считал нужным. Сегодня, на исходе жизни, после двух-трех часов работы за письменным столом я утомляюсь и откладываю работу на грядущий день, которых остается у меня все меньше, но тогда умудрялся писать не только газетные статьи и очерки, но и продолжал исподволь заниматься литературным творчеством.

До того как я впервые опубликовался в «толстом» литературном журнале, несколько моих небольших рассказов (помимо тех, что ранее были опубликованы в «районке») напечатали в «Красном знамени».

За те пятнадцать лет, что я проработал в «Красном знамени», меня много раз премировали и награждали, и тем не менее я, в некотором роде, долго ощущал себя здесь белой вороной: высшего образования, тем более журналистского, у меня не было, моим университетом были колхоз и книги, которые я читал, и биография моя разительно отличалась от биографий сотрудников «Красного знамени». Естественно, главный редактор о ней

знал, однако ни разу о чем-либо связанном с ней меня не спрашивал, как не спрашивали и те, кто вместе со мной работал. Я для них был бывший счетовод колхоза, умевший писать статьи и очерки о сельской жизни.

Но однажды, спустя чуть более года после того, как я стал штатным сотрудником редакции областной газеты, пришлось вспомнить о своем происхождении. Повод, по нынешним понятиям, был комический. Но тогда все воспринималось иначе. Журналисты тех лет помнят, что подготовленные к печати газетные полосы обязательно, кроме корректоров, накануне выхода газеты должен был читать кто-нибудь из журналистов — так называемая «свежая голова». Таковой «головой» поочередно бывали все сотрудники редакции, читавшие оттиски каждой страницы, устранившие ляпы, если таковые обнаруживались, и дававшие письменное добро на выпуск завтрашнего номера. Впрочем, ляпы, или, как их теперь называют, «проколы», хотя не часто, но все же случались, и воспринималось это как ЧП. Одно такое ЧП произошло, когда «свежей головой» был я. Ляп был, по тогдашним понятиям, весьма серьезный.

Кончался август: на полях вовсю шла уборка урожая, и соответствующей была запарка в сельхозотделе. Поскольку в тот злосчастный день быть «свежей головой» выпал мой черед, прийти в редакцию мне следовало к четырем часам дня. Однако надо было сдать в номер какой-то срочный материал, и потому заявился я с утра. Когда, быстро управлявшись, собрался уходить, заведующий сельхозотделом Юра Нестеров неожиданно попросил меня съездить в Рыболово: «Слыши, вчера там много зерна намолотили, сделай репортаж». — «Но я сегодня «свежая голова», — напомнил я. По существовавшим правилам дежурный по номеру не должен был заниматься никаким делом, кроме чтения завтраших полос. Юра снял очки и принял старательно протирать их носовым платком, что означало крайнюю степень его озабоченности. «Ну съезди, — еще раз жалобно попросил он. — Нечего завтра в секретариат сдавать. Возьми с собой Хитриневича, пусть сделает пару снимков на первую полосу».

Сегодня уже мало в Томске людей, помнивших милейшего Федора Иосифовича Хитриневича, начавшего работать фотокором «Красного знамени» еще в военных сороковых. Его публиковавшиеся в газете снимки — своего рода иллюстрированная летопись Томской области за многие годы. Старой закалки, педантичный и исполнительный, он, когда бывал в командировке, помимо фотоаппарата

и завернутых в газету бутербродов, непременно держал в своем потертом портфеле бритву, помазок для бритья, зеркальце и кусочек мыла. И если какой-нибудь передовик колхозного производства, которого требовалось сфотографировать, выглядел не очень презентабельно, Федор Иосифович доставал из портфеля бритвенные принадлежности и заставлял его тут же побриться. А на давно не стриженных надевал свою неизменную кепку. Так что многие герои трудового фронта тех лет запечатлены на страницах «Красного знамени» в головном уборе Хитриневича.

Но на сей раз ни бриться, ни надевать кепки комбайнерам, которых мы обнаружили в поле недалеку от Рыболова, надобности не было. Поговорив с ними и записав нужное, я сунул блокнот в карман, Хитриневич комбайнеров сфотографировал, и на редакционном «узике» мы вернулись в город раньше, чем корректоры стали носить для чтения оттиски полос завтрашней газеты. Печатать в типографии начинали поздно, так что подписал я газету в свет во втором часу ночи; городской транспорт уже не ходил, до дому дошагал по шпалам меж трамвайных рельсов и, уставший, заснул спать. Приходить на работу после дежурства позволялось на час позже, чем обычно, — к десяти утра. Я так и сделал. Прежде чем подняться в сельхозотдел на третий этаж, попутно заглянул в секретариат и увидел, что наш ответственный секретарь Виктория Францевна Брындина пребывает в весьма мрачном расположении духа. Робко поинтересовался, чем она расстроена.

— Как, вы разве еще не знаете, что Хрущева обозвали слоном? — спросила она изумленно.

— Кто обозвал? — спросил я.

— Мы обзвали... в сегодняшнем номере, — Виктория Францевна ткнула пальцем в развернутую перед ней на столе газету: — Вот читайте: «Зарубежные агентства комментируют слона Хрущева». Видите: не «слова Хрущева», а «слона»... С-л-о-н-а, — раздельно по буквам повторила она.

— Вижу, — сказал я удрученно.

«Слон»... И ведь всего одну маленькую буковку заменили, и буковки-то похожие. Но уже с утра в редакцию позвонил какой-то бдительный пенсионер: «Что же это ваша газета печатает?» Вероятно, и в обком партии кто-то сразу сообщил, потому как вскоре последовал грозный звонок уже оттуда. А после полудня, когда подписчики получили свежий номер газеты, редакционные телефоны звонили уже беспрерывно.

Через два дня состоялось собрание коллектива редакции, о значимости которого свидетельств

вовало уже то, что на нем присутствовал (на моей памяти тогда впервые) секретарь обкома КПСС по идеологии. На повестке дня был один вопрос: «Об ошибках в газете». Наверное, главный редактор не хотел, чтобы разговор свелся лишь к той опечатке и выступавшие многократно склоняли бы «слона Хрущева». Новоселов знал, какие и чьи ЦУ из обкома следует незамедлительно выполнять, а что можно «спустить на тормозах». Многие удары он принимал на себя, но в данном случае ошибка была «политической» и требовала выводов.

Вообще-то подготовленную к печати газетную полосу с той опечаткой до меня прочли заместитель редактора и корректоры, однако последним читал ее я, и резолюция «свежей головы»: «В свет» — означала нечто вроде оповещения сапера: «Проверено: мин нет». Но мина обнаружилась. И мину, то бишь «слона», я не приметил.

На собрании меня заставили объясняться. По сути дела, оправдаться было нечем, но я опрометчиво сказал, что в тот злополучный день ездил делать репортаж. И сразу получил гневную отповедь Новоселова: «Такой патриотизм нам не нужен!» Затем выступил парторг и долго говорил об ответственности каждого сотрудника редакции, и моей ответственности в частности. После него взяла слово заведующая отделом советского строительства и сказала, что «та» ошибка не могла быть случайной. После этих слов, как пишут литераторы, «повисла напряженная тишина».

Не знаю, кого имела в виду заведующая отделом советского строительства, сказав, что «та ошибка не могла быть случайной», но почувствовал я тогда себя очень неуютно. Четырнадцать лет я был спецпереселенцем, «сыном врага народа»... Ощущение этого подспудно присутствовало во

мне постоянно. Кстати, слово «слон» в свое время имело и другое значение — Северные лагеря особых назначения (аббревиатура СЛОН)...

Но никто на том собрании версию о предна- меренности подмены букв в злополучном слове не поддержал. Хотя, очевидно, инерция мышления у некоторых присутствующих существовала, хрущевская оттепель все же еще продолжалась. А спустя два месяца в Москве соратники Никиты Сергеевича сместили его с поста «по состоянию здоровья», в средствах массовой информации появился связанный с Хрущевым термин «волюнтаризм», и та опечатка уже предстала в ином свете.

В 1968 году появилась моя первая публикация в литературно-художественном журнале. Рассказ назывался «Исполинка» и был напечатан в «Сибирских огнях». Писал я о послевоенной деревне, о парнишках, которые еще не подошли годами в армию, об их ровне — деревенских девчонках и девках, что были старше их и чья ровня погибла на войне. Рассказ, в котором были и грусть, и надежда... В 1976 году в Западно-Сибирском книжном издательстве вышла в свет моя вторая книга — сборник рассказов «Чужие люди». Появились о ней в прессе положительные отзывы, получил я гонорар — без малого три тысячи рублей (примерно столько, сколько зарабатывал за год в редакции) — и, посоветовавшись с женой, решил уйти на год из «Красного знамени», чтобы в течение этого времени без помех заняться литературным творчеством. Тем более что после выхода второй книги меня приняли в Союз писателей СССР. Новоселов уговаривал меня не уходить из редакции, но я настоял на своем: минуло мне пятьдесят лет, я понимал, что времени сделать еще что-то на литературном поприще остается все меньше.

Вадим МАКШЕЕВ

СЕМЕЙНАЯ ЭСТАФЕТА

Валентина Томилова в редакции в годы Великой Отечественной войны.

Так сложилось, что «Красное знамя» для нашей семьи – не просто газета. Косвенно или прямо с ней связано три поколения. С 1942 года моя бабушка Валентина Дмитриевна Томилова работала ответственным секретарем газеты. В семейном архиве хранятся почетные грамоты, а в памяти остались рассказы о военном времени и огромном напряжении тех лет.

Часто Валентина Дмитриевна ночевала в редакции, чтобы вовремя вставить в полосу сводки с фронта. А дома оставалось двое детей. Служащим были положены очень скромные пайки. Семейная легенда гласит, что в качестве поощрения за труд бабушка получила паек, который, наверное, полагался военным, потому что продукты не помещались в руках, их привезли на саночках. Младший мамин брат никогда не видел столько еды. Он ел и ел, мальчика невозможно было остановить, хотя желудок его уже неправлялся.

Валентина Дмитриевна оканчивала свой путь газетчика редактором газеты «За Чулымскую правду!» Асиновского района. Уехала она в

г. Асино не по собственной воле в 1953 году. Поэтому что другая семейная легенда повествует, что якобы линотиписты перепутали «право-лево», и в газете плашки орденов тов. Сталина смотрели не в ту сторону. Трудно сказать, так ли это было на самом деле, но до пенсии оставалось совсем немного, поэтому повод уволить или уволиться наверняка был довольно весомым. По характеру бабушка была человеком несгибаемым, убежденным в идеалах коммунистической партии, однако после XX съезда КПСС сожгла в печке все тома трудов Сталина. В то же время она писала стихи, в основном юмористические, и даже сохранился конверт с подробным письмом консультанта журнала «Крокодил», в который она, как редактор, посыпала вопрос, стоит ли газете «За Чулымскую правду» публиковать сатирические произведения.

Примерно в 1963 году в газете «Красное знамя» после работы во Владивостоке и Красноярске начала свою трудовую деятельность на томской земле моя мама Рената Рашидовна Городнева.

Она была корреспондентом газеты. К сожалению, сегодня неизвестно, какая именно тематика была ей поручена. Опыт работы в «Красном знамени» очень пригодился ей в дальнейшем. Хорошо помню день, когда она, улыбающаяся, сообщила, что начинает работать редактором газеты Томского политехнического института. Ее мама вздохнула, сказав, что после Высшей партийной школы люди становятся редакторами газеты «Известия» и «Правда», а не многотиражниками.

Рената Рашидовна вложила в газету «За кадры» много сил, души и времени. А в «Красное знамя» продолжала писать статьи. В основном, конечно, это были рассказы о Томском политехническом, об ученых и преподавателях, о научных достижениях и общественной жизни института. Иногда ее очерки касались судеб, не связанных с ТПИ, например, сохранилась газета за подписью Р. Городнева о слесаре завода математических машин Григории Ивановиче Жукове, который в свободное от работы время разводит аквариумных рыбок. С газетой ее связывали и многолетняя дружба с Лидией Васильевной Мерцаловой и Сусанной Петровной Поздняковой.

Моя первая в жизни заметка также была опубликована в газете «Красное знамя» и была посвящена выставке пейзажей Григория Гуркина. Работая в 90-е годы в художественном музее, я много сотрудничала с «Красным знаменем» и

Рената Городнева.

лично с Ниной Ивановной Маскиной. Она мне также помогла сделать первые шаги в профессиональной журналистике, которой я занимаюсь по сей день.

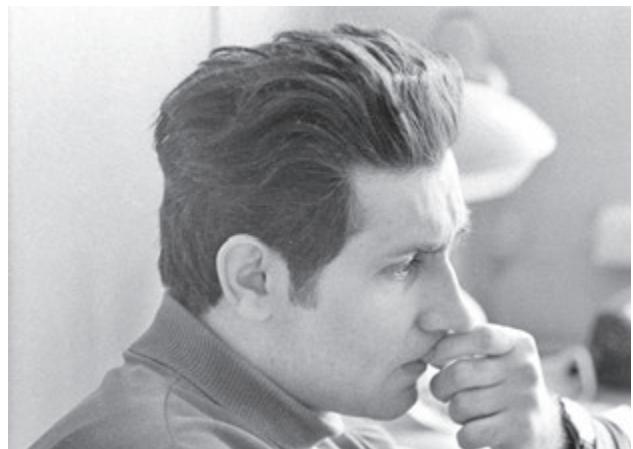
Светлана СЫРОВА

 Журналист Аркадий Брускин с женой Асей.

 Журналист Валерий Лавров.

 Журналист Леонид Левицкий.

 Журналист Леонид Селиванов.

 Журналист Сергей Андреев.

На фотовыставке «Город мой - гордость моя», верхний ряд: Е. Лисицын, В. Зайцев, неизвестный, неизвестная, А. Батурина, В. Казанцев; нижний ряд: Т. Кузуб., А. Новоселов, С. Позднякова, Ф. Хитриневич, Л. Лейкин.

Ошибок быть не должно!
Корректоры «КЗ» за этим строго следили.

Самая срочная информация поступала из Москвы на телетайп редакции.

 Почитать первые номера «Знамени революции» интересно и поучительно.
Первый замредактора Иосиф Мизгирев.

 Журналист Алла Тарасова.

 Водитель
Александр Вардугин.

 Журналисты Соломон Выгон, Мария Смирнова, Юрий Щербинин.

Журналисты Владимир Копылов, Сергей Заплавный, Валерий Сердюк, Юрий Щербинин.

Справа - замредактора (а потом и редактор газеты) Николай Нестеренко.

 Три редактора - Александр Новоселов, Владимир Кузьмичев, Николай Нестеренко.

 Фестиваль студии «Ленфильм» в Томске, на встрече с кинорежиссером Виктором Садовским журналисты Галина Казанцева и Нина Маскина.

Иосиф Мизгирев и Лидия Мерцалова.

Журналист Нина Василенко.

Журналист Владимир Якушев.

 Сотрудница секретариата
Клеопатра Багаева.

 Журналист Нина Маскина
и художник Владимир Марьин.

 Журналист Людмила Сердюк.

 Журналист Виктор Дроздов.

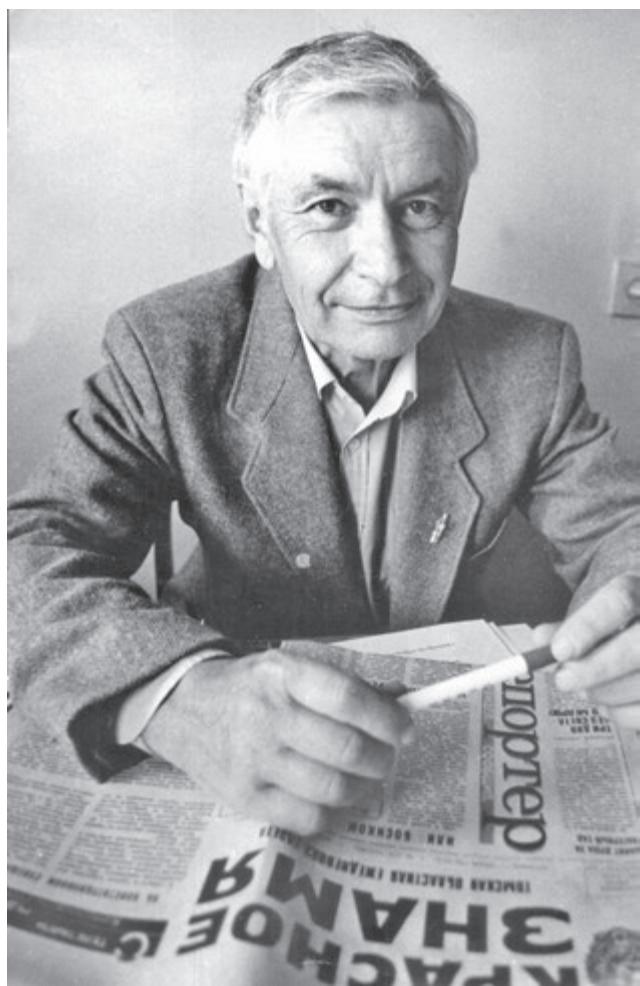
 Редактор газеты Эдуард Бурмакин.

Журналист Юлия Струкова.

Эдуард Стойлов любил опекать молодых сотрудников.

Журналист Вадим Макшеев.

Рабочий корреспондент «К3» Николай Белоус.

Евгений Евтушенко в редакции газеты с Эдуардом Бурмакиным.

Приезд знаменитого английского писателя Грэма Грина (в центре) в Томск. Материал об этой поездке был опубликован в «Красном знамени» и перепечатан центральными изданиями.

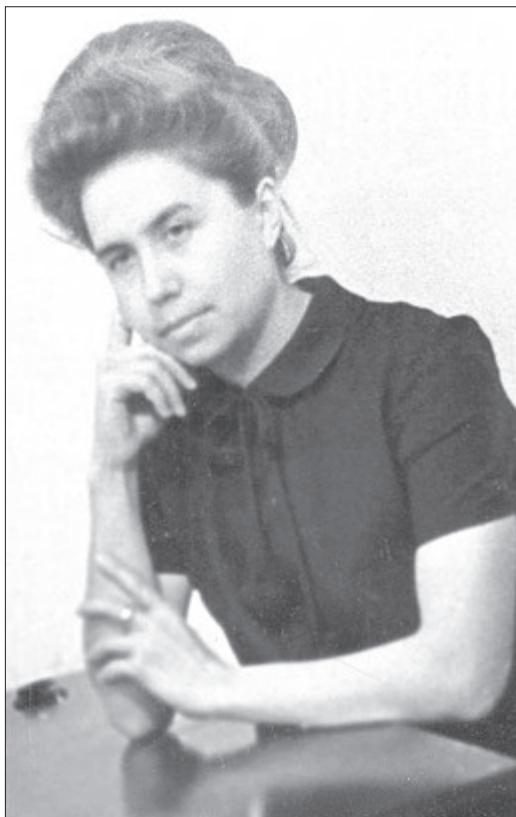
 Журналист Борис Бережков и ученый новосибирского Академгородка Владимир Коган, ранее работавший корреспондентом в «КЗ».

 Корректор
Наталья Тарковская

 Корректор
Антонина Гребнева.

 Ревизионный корректор
Людмила Щукина.

Высшие чины Томского обкома партии с краснознаменцами,
в верхнем ряду: П. Мусорин, А. Поморов, М. Козырев, Е. Вологдин, А. Соловьев, Ю. Гришаев, В. Моисеев,
А. Колчин (директор типографии «Красное знамя»), Н. Кириллов, Е. Дмитриев;
в нижнем ряду: Н. Нестеренко, А. Зарембо, Л. Щукина, В. Зоркальцев, три работницы типографии.

Журналист Нина Маскина.

 Губернатор Виктор Кресс и спикер облдумы Борис Мальцев в гостях у журналистов газеты.

 Борис Бережков с композитором
Василием Соловьевым-Седым.

 Журналист Евгений Фролов
и редактор Николай Нестеренко.

О ЧЕМ МЫ ТОЛЬКО НЕ ПИСАЛИ

Обреченные умереть

Публикации газеты «Красное знамя» 1937 года отличаются резкостью суждений и языковых средств, остротой политических тем, жесткостью выводов и публичных обвинений.

«Чудовищные злодеяния право-троцкистской банды», под таким заголовком вышел обзор судебного заседания Военной коллегии Верховного суда СССР, огласившего обвинительное заключение по делу «право-троцкистского блока». «Нет такого преступления, говорится в нем, на которое не шли эти изменники Родины, потрявшие всякое подобие человеческого облика... Они продавали Родину, стоя на службе у иностранных разведок. Они не брезговали никакими средствами для того, чтобы добиться представации капитализма в советской стране. Они хотели перешагнуть через горы трупов и море народной крови для достижения своей цели...».

Далее подробно перечисляются террористические акты, совершенные «бандой Троцкого, Бухарина, Рыкова...», которые они готовили против товарищей Сталина, Молотова, Кагановича, Ворошилова, Ежова... Это они оборвали «прекрасную, чистую жизнь пламенного революционера-большевика Сергея Мироновича Кирова, злодейски убили Вячеслава Рудольфовича Менжинского, стального чекиста, верного сына партии Ленина, а по заранее обдуманному плану убили нашего гениального писателя Алексея Максимовича Горького...».

«Но настал час расплаты. Изменники, предатели, убийцы, воры, палачи, шпионы держат ответ перед лицом Верховного Суда Союза ССР. Кающаяся рука советского народа без малейших колебаний уничтожит мерзких преступников, посягнувших на честь и независимость Родины, совершивших чудовищные злодеяния, обагривших руки в крови многочисленных жертв...».

В этом обзоре представляются очень важными и основополагающими слова И. Сталина, сказанные на февральско-мартовском Пленуме Центрального Комитета партии: «Теперь, я думаю, ясно для всех, что нынешние вредители и диверсанты, каким бы флагом они ни маскировались, троцкистским или бухаринским, давно уже перестали быть политическим течением в рабочем движении, что они превратились в беспричинную и безыдейную банду профессиональных вре-

дителей, диверсантов, шпионов, убийц. Понятно, что этих господ придется ГРОМИТЬ И КОРЧЕВАТЬ БЕСПОЩАДНО как врагов рабочего класса, как изменников нашей Родины...».

Ключевые слова – «громить и корчевать беспощадно», сказанные главой государства, становятся решающим направлением внутренней политики, главного удара в классовой борьбе. «Большой террор», который будет объявлен 2 июля 1937 года сначала секретной телеграммой, извещающей секретарей обкомов, крайкомов, ЦК компартий о том, что необходимо делать в текущий момент с антисоветскими элементами, станет официальным началом этапа, рамки которого пролегли между 5 августа 1937 и 17 ноября 1938 года.

На предыдущих этапах классовой борьбы репрессии велись против определенных групп населения. И вот наступил момент, когда потребовались уже, так сказать, всеохватные репрессии, такие, чтобы абсолютно никто, не зависимо от своего социального статуса, не чувствовал себя в безопасности.

Телеграмма, безусловно, тщательно отредактированная самим Сталиным, была лаконичной, но обязывающей к решительным действиям. «Замечено, что большая часть кулаков и бывших уголовников, высланных одно время из разных областей в северные и сибирские районы, а потом по истечении срока вернувшихся в свои области – являются главными зачинщиками всякого рода антисоветских и диверсионных преступлений, как в совхозе и колхозах, так и на транспорте и в некоторых отраслях промышленности.

ЦК ВКП(б) предлагает всем секретарям областных и краевых организаций и всем областным, краевым и республиканским представителям НКВД взять на учет всех возвратившихся на родину кулаков и уголовников, с тем, чтобы наиболее враждебные из них были немедленно арестованы и были расстреляны в порядке проведения их дел через «тройки», а остальные менее активные, но все же враждебные элементы были бы переписаны и высланы в районы по указанию НКВД.

ЦК ВКП(б) предлагает в пятидневный срок представить в ЦК состав «троек», а также количество подлежащих расстрелу, равно как и количество подлежащих высылке.

Секретарь ЦК И. Сталин.»

Для секретарей обкомов и крайкомов, ЦК республик в этой телеграмме не было ничего необычного. Как, собственно, и требование создать «тройки». Эта процедура на местах была уже отработана во время «раскулачивания». Возможно, не все знают, что тогда действовала не одна, а даже две «тройки». Одна с участием ОГПУ ведала расстрелами и посадками, другая с участием ОГПУ и исполнкомов – высылками и экспроприацией. Так делалось всегда, когда надо было без излишних буржуазных формальностей в виде судов, адвокатов, прений сторон и прочих правовых изысков в короткий срок осудить большое количество людей.

Понятно, что все сбежавшие и освободившиеся «кулаки» оставались на строгом учете в НКВД, поскольку еще в самом начале 30-х годов для них были разработаны специальные учетные карточки. Поэтому определиться с кандидатами на расстрел и высылку не составляло никакого труда. Но трагедия многих невинных людей состояла в том, что присланые регионами цифры не удовлетворили руководство страны. Представлено от области, например, было 2500 «кулаков и уголовников», а лимит, спущенный сверху, предписывал 3500. Значит, надо было добрать еще 1000. А потом были новые «лимиты», вынуждавшие применять репрессии к людям, практически ни в чем не виноватым. Эти завышенные «от фонаря» цифры могли иметь своей целью не только карательные меры против сбежавших с мест спецпоселений «кулаков и уголовников», но и нечто гораздо большее, операцию, которую многие исследователи-историки называют массовый, или «большой террор». Вероятно, это название достаточно точно определяет ту массовую чистку общества, которая проводилась в СССР 80 лет назад. Даже на фоне постоянного преследования инакомышляющих расправы 1937-1938 годов выглядят anomaly жестокими. По данным комиссии под председательством секретаря ЦК КПСС Петра Поспелова, работавшей в 1956 году, в указанный период по обвинению в антисоветской деятельности было арестовано 1 588 366 человек. Из них к высшей мере было приговорено 681 692 человека. Эти данные могут отличаться несколькими сотнями человек, но в целом цифра обреченных умереть именно такова – около 682 тысяч.

И сразу невольно напрашиваются исторические параллели. По итогам восстания декабристов в 1826 году казнено пятеро. И в дальнейшем весь XIX век до 1905 года в среднем по политиче-

ским мотивам выносили по... два смертных приговора в год. Конечно, в период первой революции 1905-1907 годов счет казненных пошел на сотни, и даже придумали пропагандистский термин «столыпинский галстук» казненным через повешение. Но с августа 1937 по ноябрь 1938 гг. интенсивность расстрелов антисоветских элементов превысила все пределы, «зашкаливая» за полторы тысячи (!) человек в... день. Лихая доля доставалась обреченным умереть. Каток репрессий расплющивал всех подряд, виновных и невиновных. Это был тупой, безжалостный, неотвратимый конвейер смерти, когда никто, вплоть до самой высокой иерархиической социальной вершины, не знал, что делать, чтобы не стать следующей жертвой, как сохранить членов своей семьи, друзей-товарищей.

Конечно, этих страшных цифр человеческих потерь, сравнимых с военными, никто, кроме считанных избранных руководителей страны, не знал. Но число жертв росло так стремительно, более чем в 300 раз по сравнению с 1936 годом, что скрыть хотя бы часть страшной правды было уже невозможно.

Между тем жизнь продолжалась своим чередом. Газета «Красное знамя» откликалась на события дня, не забывая освещать и местные темы. В критической статье «Вражеская рука в Томском депо» автор Н. Прозоров сообщает о деятельности начальника томского вагонного участка Диомидова. В 1936 году его деятельность ознаменовалась пожаром в депо, где сгорели крыша и стеклянный фонарь в корпусе товарного цеха. Причину пожара объяснили просто, когда входил паровоз за обшивку попали искры. Второпях никто не обратил внимания, что накануне пожара Диомидов принял двух перебежчиков, которые вскоре уволились. Далее автор подробно прослеживает вредительские действия начальника, благодаря которым то шла в брак древесина для ремонта вагонов, то отдавал неверные распоряжения шлифовать шейку колесных скатов, а требовалась их обточка. Когда рабочие отказались выполнять это распоряжение, Диомидов стал категорически настаивать и проследил, чтобы явно неисправный скат пошел под вагон. Когда ремонт депо был сорван и приближалась зима, газета «Красное знамя» опубликовала 14 октября корреспонденцию и телеграмму начальнику Томской железной дороги Ваньяну, указав на преступную затяжку Диомидовым ремонта депо.

«Действуя теми же методами, - продолжает автор, - которые применялись подлыми троц-

кистскими выродками на шахтах Кузбасса. Диомидов развернул подрывную работу в цехах... Но ни вредительство, ни издевательства над рабочими ничто не нарушило спокойствия руководителя партийной организации участка. Не принял мер и бывший парторг Сальцевич, которому в свое время сыпались жалобы рабочих... Сейчас Диомидов исключен из партии, но этого недостаточно... Коммунистам и рабочим депо надо усечьтерить бдительность, ликвидируя последствия вредительства этого троцкистского последыша, и выкорчевать всех его пособников...».

Подобные публикации появлялись на газетных полосах еженедельно. Свою посильную лепту внес начинающий работник, а в будущем талантливый фельетонист Сергей Ходор. В соавторстве с Н. Родыгиным он публикует острую статью «В замкнутом круге бездущия» в защиту работницы хлебозавода Шуры Ворониной. 27 сентября 1937 года перед работой она купила 100 граммов растительного масла. После работы в контрольной будке предупредила, что несет купленное утром масло.

- Масло, говоришь, купила? – переспросил бдительный контролер. – А ну-ка, давай сюда! Знаем мы вашего брата. Украда! Мы тебе покажем кузькину мать...

На следующий день по хлебокомбинату молниеносно распространилась весть: приказом директора уволена кастелянша пекарни № 1 Воронина Александра Ивановна за утрату доверия, выразившуюся в краже растительного масла в количестве полбутылки. Воронина со слезами на глазах пришла к директору Михееву, где находился и парторг Сапожников, и стала доказывать, что это клевета. Но неумолимы были чиновники. Они не стали разговаривать и выгнали из кабинета.

И начались ее хождения по мукам, по инстанциям. В инспекции охраны труда посчитали увольнение законным. Потом решение изменили и дали возможность обратиться в народный суд пятого участка. Суд признал приказ директора

правильным. Проштамповав решение участкового и областной суд. Хотела написать жалобу в Верховный суд РСФСР, но ее отговорили. Осталась без работы и средств существования, но ни где ее не принимали. Отчаявшись, обратилась к помощнику прокурора Жаворонкову. Ждала приема шесть часов и получила, войдя в кабинет, сухой формальный ответ: «У меня не бюро найма. И работы нет. Ищи сама». Шесть месяцев без работы. Родственников нет, знакомые отвернулись, с квартиры выгнали, поддержки ждать неоткуда. Молодая девушка, попав в замкнутый круг бездущия и бюрократизма, потеряла надежду и вымоталась настолько, что попала в больницу по «скорой помощи». Пролежала шесть дней. Идти из больницы ей было некуда.

Осталась последняя надежда – обком партии, куда она написала письмо. «Я, гражданка Воронина, дочь заслуженного отца - партизана Сергея Ивановича. Прошу дать мне помочь или совет, что делать и куда еще обратиться. У меня даже нет денег заплатить за письмо. Ответьте поскорее. В конце марта ответ пришел. Не скрывая радости, подошла она к знакомому кабинету. Парторг Сапожников, он же заместитель директора хлебокомбината, встретил ее сурово: «Опять ты здесь? Кто пропустил? Позвать охранника!» Вот так шесть месяцев честная советская работница Шура Воронина была без работы, а имя ее заклеймено позором.

«Однако действительные причины кроются глубже. Уволил ее бывший директор комбината, ныне разоблаченный враг народа Михеев. Шура смело указывала на махинации бывшего директора и его сподручных, за что и поплатилась. Непонятно одно. Почему до сих пор Михеев и Сапожников не привлечены к ответственности?»

Политическая целесообразность вместо права, отсутствие разделения властей, игнорирование мнения мирового сообщества принесли свои страшные плоды.

КОМАНДА МОЛОДОСТИ НАШЕЙ...

Во всех отношениях это был удивительнейший, неповторимый и достопамятный футбольный матч. Совершенно неожиданно для всех наша команда «Знамя» вышла в финал областного первенства по футболу среди представителей спортивного общества «Спартак».

Мы сами верили и не верили своему шумному успеху, потому что в команде было ровно 11 человек (и ни одного запасного), назвать которых футболистами язык не поворачивался. Большинство из нас занималось этой замечательной игрой в детстве, и с тех пор видели футбольный мяч разве что на стадионе. Правда, все имели хорошую спортивную подготовку: кто-то хорошо ходил на лыжах, бегал кроссы, занимался борьбой и боксом, прошел службу в армии. Но футбол – игра, требующая универсальной подготовки, долгих лет упорных тренировок. Здесь любитель уступает профессиональному по всем статьям.

Мы выстроились на зеленом травяном ковре стадиона завода режущих инструментов. И, судя по первой реакции наших соперников, произвели

впечатление своим бравым и уверенным видом. Нас приняли всерьез, и теперь оставалось только доказать на поле, что мы тоже не «лыком шиты» и можем так ударить по мячу, что задрожит штанга. Шесть человек из команды: Владимир Якушев, Анатолий Пятницын, Валерий Мокрушин, Анатолий Минин, Владимир Ефименко и автор этих строк были «краснознаменцами», остальные представляли областное радио, обком комсомола и издательство «Красное знамя».

Встрече предшествовал забавный казус. Наборщик Миша Кадочников (держит мяч в правой руке) вышел на поле с большой самокруткой, набитой махоркой, которая к тому же вдруг задымилась. Главный судья ошарашенно взглянул на беспардонного нарушителя, свистнул и удалил с поля. Мы заволновались. Как, еще не началась игра, а мы уже в меньшинстве? После короткого совещания с активным и дружеским участием соперников удалось убедить судью сохранить равные составы.

Минут 15 мы держались молодцами, сорханяя на табло приятное нулевое равновесие.

Самоотверженно и довольно умело делали подкаты, выбивая мяч в аут. Пытались пробиться к воротам соперников, несколько раз били прицельно, делали удачные пасы, отбирали мяч, пресекая атаки форвардов. Особенно опасными были проходы Лиханова, футболиста, несколько лет поигравшего в команде мастеров. Напряжение нарастало. Мы поняли, что против нас играют настоящие профессионалы и поражение неизбежно. Однако решили продержаться, хотя бы первый тайм и самоотверженно принимали мячи на грудь, отбивали головой и хлестко ногами.

Скорее всего, счет не стал бы астрономическим, защищай наши ворота более или менее подготовленный вратарь. Наш страж ворот оказался исключительно не координированным. Когда мяч летел в его сторону, он широко раскрывал руки, словно хотел крепко обнять и прижать к себе стремительно приближающийся кожаный шар. В этот решающий момент его ноги вместо того, чтобы надежно, пружинисто стоять на земле, отлетали куда-то в сторону. В результате вратарь падал, оставляя все пространство ворот незащищенным.

Игроки соперника мгновенно оценили обстановку, и началось «избиение младенцев». Первый гол забили после подачи с углового. Потом с игры и когда пробивали штрафной.

Счет рос, и к концу первого тайма на табло значилось, на гол больше, чем в известной

шутливой песне, «какая боль Аргентина-Ямайка – 5:0!»

Чтобы сохранить, хоть какой-то интерес к продолжению встречи, соперники дали нам своего вратаря. Но и он, человек вполне профессиональный, существенно помочь уже ничем не смог. Ребята почувствовали кураж и забили еще... 5 мячей.

Было, конечно, неприятно потерпеть такое поражение. Утешало одно – мы стали серебряными призерами первенства, в котором участвовало много команд. Досаду вызывал не счет, что было предопределено, а не забитый нами гол престижа.

Вспоминая эту историческую встречу на футбольном поле, я полностью разделяю и прекрасно понимаю чувства молодых игроков «Томи», вынужденных терпеть поражение со счетом 6:0. За битого двух небитых дают. Юные томские футболисты росли от матча к матчу. И, к вящему удовольствию тысяч болельщиков, заставили «дрожать» сам московский «Спартак», который так и не смог забить ни одного гола с игры, удовольствовавшись сомнительным «подарком судьи».

Ну а команда нашей молодости, уверен, доведись играть еще раз, несмотря на вопиющую разницу в классе, кровь из носа непременно забила бы свой гол. А может быть, и не один.

Владимир ФЕДОРОВ

И ЭТО ВСЕ О НЕМ

Штатным сотрудником «Красного знамени» я стал осенью 1965 года, а нештатным – еще в студенческие годы. Учился я тогда на историко-филологическом факультете ТГУ, но будущее свое связывал, прежде всего, с журналистикой. Вот и набирался практического опыта – сначала в университетской многотиражке «За советскую науку», затем в областных газетах.

В «Красном знамени» меня опекали зав. отделом науки и школ Елена Григорьевна Николаева и лучший репортер земли томской Борис Ростиславович Бережков. От него я впервые и услышал о том, что восходящая звезда советской литературы Виль Владимирович Липатов свой писательский путь начинал не где-нибудь, а вот именно в стенах «Красного знамени».

Как завзятый экскурсовод, Бережков показал не только комнату, но и стол, чернильницу и ручку, которой написаны первые рассказы Липатова «Двое в тельняшках» и «Самолетный кочегар». В 1956 году их опубликовал журнал «Юность». С тех пор Липатов стал «выстреливать» (выражение Бережкова) по повести в год – «Шестеро», «Капитан «Смелого», «Своя ноша не тянет» «Глухая мятва», «Стрежень», «Зуб му-

дрости», «Смерть Егора Сузуна», «Черный Яр», «Чужой». И хотя из нашего города, где он после окончания Томского пединститута не один год «протрубил» в промышленном отделе «Красного знамени», Липатов перебрался сначала в Читу, а затем в Москву, действие всех его набирающих популярность повестей и рассказов разворачивалось в Нарымском крае – в поселках Тогур (здесь прошло детство Липатова), Чичка-Юл, Кривошино, Колпашево, на Оби, Чульме, Кети и, конечно, в Притомье. Однако для того, чтобы читатели не искали прямых параллелей между героями его произведений и местом действия, Липатов несколько менял написание географических названий и фамилии своих героев. Тогур под его пером превращался в Тагар, Чичка-Юл в Чила-Юл, Кривошино в Косошино, Колпашево в Пашево, а тот же Бережков в Боба Гришкова. По дружбе Борис Ростиславович на такие «фокусы» своего коллеги не обижался. «Было б из-за чего», – усмехался он.

Далеко не все перечисленные Бережковым повести и рассказы Липатова я к тому времени прочитал. Вот почему, отправляясь по заданию редакции в свои первые командировки, я по оче-

реди брал с собой в дорогу остальные. В каком-то отношении они стали путеводителем для меня, примером того, как можно газетный материал превратить в художественный. На страницах липатовской прозы, как и в его газетных статьях, репортажах, очерках, действовали лесорубы, сплавщики, шоферы, рыбаки, капитан речного теплохода. Внешне скромные, обыденные, неприметные, они преображались в работе, проявляли в трудную минуту силу и выдержку, бойцовский характер. То и дело я ловил себя на мысли, что встречаю прототипов из произведений Липатова, воочию вижу места, где он побывал, будучи корреспондентом «Красного знамени», сталкиваюсь с теми же проблемами и конфликтами.

В рецензии на повесть Липатова «Шестеро» известный московский критик А. Макаров отметил, что «талантливый сибиряк» обладает «кино-мышлением», то есть зримостью, композиционной завершенностью, напряженностью действия. Вот и у меня сложилось такое же мнение. Особенно оно усилилось в 1967 году, когда в центральной печати появился сборник повестей и рассказов Липатова под общим названием «Деревенский детектив» (по нему вскоре был поставлен одноименный фильм), и имя Липатова стало по-настоящему популярным.

Как-то, прочитав один из моих газетных очерков, Бережков пошутил:

- Что, Липатовым хочешь стать? – и сам себе добродушно ответил: - А почему бы и нет? Держай... Вот заявится Виль в Томск, я вас непременно познакомлю.

Но Липатов все не заявлялся.

Пролетел год, другой, и вдруг в начале 1969 года я получаю письмо от Виля Владимира.

«Дорогой Сергей! – говорилось в нем. – Мы с Вами не знакомы, но Томск и газета «Красное знамя» – мои родные люди, так что я решил отбросить формальности и написать Вам.

Недавно я встречался с И. Фоняковым, с которым разговорились о родных местах, о томиках, и о том, что в Университете вышло уникальное издание «Русские старожильческие говоры», так нужные мне для работы.

- Мои друзья, томичи, – сказал я Илюше, – обманули! Обещали, но так и не прислали книгу.

- Я знаю, кто может достать! – ответил Илья и назвал Ваше имя, присовокупив к тому, что вы с ним друзья.

Вот я и обращаюсь к Вам с нижайшей просьбой – если возможно, приобретите для меня за любую цену. Ей-бо, стану Вашим вечным должником!

Мой большой привет А.Новоселову, И.Мизгиреву, Н.Василенко, Б.Бережкову, М.Мальцеву, С.Кропачеву и всем, кто мне дорог, а в «Красном знамени» мне дороги все.

Борьке Бережкову скажите, что я его люблю, но он – чушка. Уехал и – хоть бы хны!

*Искренне Ваш
Виль Липатов».*

В те годы Илья Фоняков, широко известный в Сибири поэт, был собственным корреспондентом «Литературной газеты» по Сибири. Он часто бывал в Томске, курировал начинающих авторов. Вот и мне он написал предисловие к мини-книжке стихов «Поиск», вошедшей в сборник четырех авторов «Эхо» (Томск, 1964).

Мысленно поблагодарив Фонякова за дружескую рекомендацию, я отправился передавать коллегам привет от Липатова, в первую очередь – Бережкову. Оказалось, это он, будучи в Москве, обещал выслать Липатову первые два тома «Словаря русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби», да «дела заели».

При этих словах Бережков хохотнул и жизнерадостно добавил:

- Я же обещал тебя с Вилем познакомить, вот и радуйся. А как, дело десятое...

Первый том словаря, увидевший свет за год до этого, сразу стал библиографической редкостью. Правда, несколько экземпляров я успел отправить друзьям и знакомым, в том числе И. Фонякову и В. Астафьеву, а вот для Липатова первый том найти не удалось. Зато второй я послал ему с дарственной надписью редактора словаря Веры Владимировны Палагиной, одного из моих университетских наставников, а к нему присовокупил свою книжку стихов «Весна сбывается».

Липатов отдался сборником повестей и рассказов «Самолетный кочегар». К нему приложил такое вот письмецо:

«Дорогой Сергей!

Ну, спасибо, дружище! Знали бы Вы, как я наслаждаюсь, читая. Лежу, хоочу, взбрыкиваюсь.

Еще раз сердечное спасибо! Может быть, со временем обнаружится и первый том – тады я – на коне. Но и за это – весь Ваш.

Палагиной немедленно вышлю книгу.

Опять привет всем друзьям.

Вашу книгу непременно прочту, а сейчас тороплюсь отблагодарить за книги.

Ваш Виль Липатов».

Первый том словаря вскоре и правда «обнаружился». Собираясь в Москву по издательским

делам, я взял его с собой, чтобы лично вручить Липатову. И надо же такому случиться, что именно в эти дни он улетел в Томск. Как я узнал потом от Бережкова и других «краснознаменцев», свое пребывание здесь он не афишировал. С кем захотел, встретился, тех, кому не симпатизировал, стороной обошел. Спрашивал обо мне, хотел руку пожать, да не судьба.

В Тогуре тоже побывал. Руководители Колпашевского райотдела милиции попросили его встретиться с милицейским коллективом района. Он встретился. Народ там собрался любознательный. Засыпали Липатова вопросами. Всех интересовало – откуда родом герой его «Деревенского детектива» Федор Иванович Анискин? Одни утверждали, что из Колпашевского района, другие возражали – из Парабельского, третьи настаивали – из Каргасокского. Липатов ответил:

«В детстве я знал одного милиционера по фамилии Анискин. Смутно помню, что он был толстым, страдал одышкой, двигался медленно и отличался необыкновенной добротой. От этого Анискина исходило ощущение всеобщей нужности. Со всех сторон слышалось: Анискин придет, Анискин найдет, Анискин поможет. Однажды я украл у дяди ружье, добыл три патрона и, как истый сибирячонок, отправился на охоту. Но охоты не получилось – Анискин как чувствовал, что с ружьем я могу натворить бед. Этот полуза�отый, детский мой, всем очень нужный Анискин и стал прототипом участкового уполномоченного в «Деревенском детективе». Это собирательный образ, но, как и большинство действующих лиц моих книг, он имеет реальные истоки».

Рассказ Липатова не преминул дополнить всезнающий Борис Ростиславович Бережков:

- А ведь на образ «деревенского детектива» Виль еще в пору своего «краснознаменства» вышел. Фамилия его – Шинкевич Александр Григорьевич. Майор милиции. Тридцать лет в Старой Ювале участковым уполномоченным проработал. Виль с ним неделю на его службу ходил. Смотрел. Слушал. Запоминал. А потом случай из его милицейских будней к расследованиям Анискина присоединил. Тут у него все на удивление складно получилось.

Получилось и впрямь складно. Вслед за «Деревенским детективом» были сняты два телевизионных фильма «Анискин и Фантомас», «Снова Анискин». Они и открыли произведениям Липа-

това путь в кинематограф. По рассказу «Мистер-Твистер» снят одноименный фильм, по повести «Сказание о директоре Прончатове» - трехсерийный TV-фильм «Инженер Прончатов»; «Ленфильм» выпустил ленту «Иван и Коломбина», «Мосфильм» - «Три солнца», затем увидел свет еще целый ряд не менее популярных лент: «И это все о нем», «Игорь Саввович», «Еще до войны», «Серая мышь»...

Впервые мы встретились с Липатовым на писательском съезде, пожали наконец друг другу руки, легко и просто разговорились. К нам подошел Владимир Алексеевич Чивилихин. Представляя ему меня, Липатов сказал, что мы - коллеги не только по писательскому, но и по журналистскому цеху – в одной газете «Красное знамя» работали. Уточнять, что в разное время, он не стал. Ведь это не главное. Главное, что в одной.

Не раз встречались мы с Липатовым в Правлении Союза писателей, в Центральном Доме литераторов, а однажды случай свел нас в Центральном Доме журналистов. К тому времени я уже полностью переключился на литературную работу.

В ЦДЖ мы пришли с Геннадием Комраковым. В мои «краснознаменские» годы он был собственным корреспондентом газеты «Известия» по Томской области. Каждая его публикация вызывала десятки, а то и сотни читательских откликов. Из Томской области его «перебросили» в Киргизию, потом в Ярославль и наконец в Москву. Но связи с Томском Комраков не терял, неоднократно публиковался на страницах «Красного знамени». Став одним из «золотых перьев» «Известий», он и как писатель получил известность. Достаточно вспомнить его повести «Закартошкой» и «До осени полгода», опубликованные в журнале «Новый мир» А.Твардовским.

Как ни странно, Липатов и Комраков до той встречи в ЦДЖ лично знакомы не были. Узнав, что Комраков «писатель и журналист в одном флаконе», Липатов преисполнился к нему интересом. А когда выяснилось, что флакон этот «томского производства», тут же пригласил нас в буфет отметить это замечательное событие.

И начался вечер воспоминаний. Замелькали имена наших общих знакомых, прежде всего журналистов «Красного знамени». Всплыли в памяти связанные с ними случаи из газетной практики, конкретные публикации, реакция на них тех или иных руководителей. Слушая своих старших товарищей, я вдруг остро ощутил, что

каждое поколение сотрудников газеты «Красное знамя» - это не просто свой мир, свой круг тем и требований, это своя эпоха в жизни всей области. При Липатове ведущее место в ее жизни занимало лесное хозяйство, вот он и писал чаще всего о нем. Мы с Комраковым «ступили на газетную тропу» в «эпоху Лигачева», когда началось бурное освоение нефтяного севера, строительство нефте- и газопроводов, железной дороги Асино – Белый Яр, Нефтехима, городов Стрежевой и Кедровый, животноводческих комплексов, птицефабрик, тепличных хозяйств, появился свой Академгородок и многое-многое другое. Потребовались журналисты, такие как Евгений Вострухов, Леонид Левицкий, Александр Соловьев и другие, - чтобы влить в работу редакции молодую энергию, свое видение новых проблем и, я бы сказал, наступательный технократизм. Теперь уже по ним стали равняться сотрудники «липатовского призыва».

Словно угадав ход моих мыслей, Липатов признался:

- Знали бы вы, братцы, как в Томск тянет. Однако боюсь, что он теперь другой. Шибко осовременился. Да и я переменился... Вроде бы газетчик и писатель – два сапога пара, но это с какой стороны посмотреть. Газетчик, условно говоря, это изделие обувной фабрики «Скороход», а писатель – из артели народных промыслов имени уважаемого Алексея Максимовича Горького. Вот и получается – один сапог из кирзы, другой из хрома. Один глядит влево, другой вправо. Как быть?

- Приспустить на сапоги штанины, - шутливо посоветовал Комраков. – Из-под них сапоги будут казаться ботинками. А еще лучше роман о газетчиках написать. Ведь это профессия особая. Она свой образ жизни имеет, свою философию, свой поиск истины.

- А я и пишу... - оживился Липатов...

Ему суждено было прожить всего пятьдесят два года (1927-1979). Уже в больнице, неизлечимо больной, Виль Владимирович дописывал свой последний роман с необычным названием «Лев на лужайке». Действие его завязывается в редакции областной партийной газеты «Знамя» старинного сибирского города Ромска, а заканчивается в стенах столичной газеты «Заря». Молодой, удачливый и ярко талантливый журналист Никита Ваганов, кривя, где надо, совестью, предавая близких и друзей, делает головокружитель-

ную карьеру – становится главным редактором «Зари». Он убеждает себя, что такая власть нужна ему ради «власти над делом». Однако, достигнув желанной цели, он вдруг начинает понимать, что все эти годы служил не людям, а начальству, не правде, а ее миражу. Это и погубило его талант. А еще непомерное честолюбие.

Имена сотрудников газеты «Знамя», по-липатовски слегка закамуфлированные, подсказывают, какое время и кого из коллег он имел в виду.

На мой взгляд, было бы правильнее – не делать такие прозрачные намеки. Однако тот же Борис Ростиславович Бережков не согласился со мной:

- Все мы люди, все мы люди, - пояснил свою позицию он. – Кому-то нравится портреты на Доску почета клепать. А Виль всю жизнь живые краски искал. Ретушь терпеть не мог, хотя порой и сам на нее сбивался. В том же Столетове из его премиального романа «И это все о нем», например. Зато в истории Никиты Ваганова не только критика есть, но и самокритика. Какие-то неважнецкие черты и моменты из собственной жизни он ему, как к мишени в тире, прилепил, чтобы потом по ним пальнуть. Не у всякого на это духа хватит, а у него хватило, - тут Бережков умолк, а потом горестно добавил: - Болезнь работой глушил. В Томск памятью возвращался. Подтрунивал над нами, как бывало. Значит, жить хотел. Можно сказать, это его последняя прихоть.

Голос Бережкова дрогнул. Он грузно отвернулся и торопливо смахнул невольную слезу.

От таких его слов и у меня в горле запершило. Мне вспомнилось признание Виля Липатова из его интервью «Литературной газете»: «Восемь лет работы в областной газете «Красное знамя» - лучшее время для накопления жизненного материала».

Вот и мне работа в «Красном знамени» запомнилась тем же. Она дала возможность объемно увидеть жизнь области, познакомиться с людьми самых разных профессий, а через их судьбы заглянуть в близкую и далекую историю Сибири и России. Она подарила мне дружбу с талантливыми журналистами, художниками, писателями; свела с Вилем Владимировичем Липатовым. Мы принадлежали к разным творческим поколениям, но у нас была одна семья. Имя ей – редакция газеты «Красное знамя».

Сергей ЗАПЛАВНЫЙ

ДВОРЯНИН ВО МЕЩАНСТВЕ

История! Мы живем внутри нее, сами о том не догадываясь. Греки, хоть они и древние, были мудры. Одну из девяти муз, Клио, они назначили покровительницей этой науки. Каковую, впрочем, считали не наукой, но искусством. Отцом Клио был конечно же Зевс, а вот материю – Мнемозина, богиня памяти.

Память же, как мы знаем, причудлива. Она способна выделять с нами всякие штуки. Что-то забывается напрочь, что-то остается в виде необычайно трансформированных образов. И нужна очень жесткая система умственной работы, чтобы в достаточной полноте и точности воссоздавать прошлое.

Пусть даже совсем недавнее.

МЕСТО ДЕЙСТВИЯ

Жарким и страшным летом 1941-го в глубоко тыловой город Томск был эвакуирован весь огромный архив Льва Толстого. (А также архивы Пушкина, Есенина, Горького.) Потом почти неожиданно приехало сюда материальное содержимое музея Ясная Поляна: одежка, в которой ходил наш классик, стулья, на которых сидел, сундуки разные, прочий быт...

Распоряжался эвакуацией Владимир Александрович Жданов, хранитель архива. Он оставил об этой эпопее воспоминания, очень сжато, но емко передающие драматизм событий. Пушкин, Толстой, Есенин и Горький разместились в двух комнатах Научной библиотеки ТГУ. В сундуках и чемоданах.

Надо полагать, при жизни этих четырех немало развеселило бы такое соседство. А что? Довольно неплохой сюжет для небольшой фантастической повести.

Комнаты после войны объединили в одно помещение. Те, кто давно знает нашу Научку, помнят его как зал абонемента. Сейчас, после капитального ремонта, сюда переместили немецкий кабинет.

Несколько раз в Томск специально приезжал Лев Модзальевский из Пушкинского дома, один из лучших в мире специалистов по архивному делу: проверял, как хранятся документы, консультировал ответственных за них людей.

Жданова поселили в доме доцента Ростислава Бережкова, биолога. Дом этот сохранился на улице Герцена, хотя, как и большинство объектов деревянной архитектуры, пребывает в состоянии крайней запущенности. Надо сказать, что московский гость вспоминает это свое обиталище с душевной теплотою.

Доцента Бережкова я лично, разумеется, даже не видел. Сын же его, Борис Ростиславович,

был замечательным репортером, одним из первых моих наставников в журналистском деле. Ну а внука Александра славный город Томск знал на стыке XX и XXI веков как журналиста.

Умерли, умерли, все они умерли. И сейчас нужны немалые архивные раскопки, чтобы рассказать историю этого рода. И я в очередной раз хватаюсь за голову: вот же, все было совсем рядом со мною, однако о чем-то не успел спросить, чего-то вовсе не заметил...

Передаю кусочки бытия, принадлежащие моей скромной памяти.

В центре внимания – Борис Ростиславович Бережков. Московский постоялец уже не застал его в Томске: Борис был призван в армию. Как раз в освободившуюся комнату Жданова и поселили.

ПОРТРЕТ С ВИНЬЕТКАМИ

Этот портрет написал Виль Липатов в последнем своем романе. Роман назывался «Лев на лужайке» и был опубликован только через десять лет после смерти автора. Неуютный получился роман для эпохи застоя. Хотя, разумеется, ничего предосудительного с точки зрения идеологов...

Главный герой, увы, журналист, большинство персонажей – тоже. Вообще-то, само по себе литературное изображение газетной среды вызывает мой внутренний протест (слишком уж много таких повествований в отечественной прозе!), но в данном случае никаких оценок я делать не стану. Просто приведу липатовские характеристики персонажа, явно списанного с Бориса Бережкова. Обиталище героя тоже взято с натуры.

Боб Гришков в романе вообще жил в окружении старины, в наследственном доме профессоров и, как он сам утверждал, дворян Гришковых. Впрочем, в дворянство толстяка Никита Ваганов не верил, считал, что Боб прет околесицу, так как фамилия Гришков принадлежала, возможно, поповскому роду – так оно, наверное, и было в действительности.

Дом Боба Гришкова был прекрасен. Пятикомнатный, деревянный, прочный; в нем было по-деревенски тепло, уютно, сокровенно; ходил здесь на мягких лапах домашний уют прошлого, неторопливого и созерцательного века, и Боб в своей душегреечке, надетой на голое тело, казался уютным, как бабушка с вязальными спицами.

Теплая усадьба. Милый, милый успешный быт. Старосветские наслаждения и воспоминания...

А вот – собственно личность. Размашистой кистью, крупными и щедрыми мазками:

...Толстый, шумный, веселый заведующий отделом информации Борис Гришков.

...Как он был толст! Боб Гришков был толст неимоверно, не верилось, что эта груда жира суть человека, но эта груда жира была подвижна до суетливости, смеялась взахлеб, взахлеб пила, ела, разговаривала, писала, играла – можете себе представить! – в теннис. Гора мяса и ума, ума – это серьезно, это общеизвестно.

...Странно, непонятно, дико, что при необыкновенной своей толщине Боб Гришков активно нравился женщинам.

...Боб Гришков спал, подперев жирной рукой жирную щеку; он был алкоголиком экстра-класса, этот рафинированный Боб Гришков, умеющий, выпив бутылку коньяку, поспать на жирной руке минут двадцать, чтобы с новыми силами приняться за очередную бутылку. Никита Ваганов любил заведующего отделом информации областной газеты «Знамя», как полную противоположность себе, и как человека, начисто, безупречно, завидно лишенного честолюбия.

...Боб Гришков расскажет о случившемся родной жене Рите.

...За свадебным столом Боб Гришков скоренько напился, сделался – это с ним бывало – мильм, мягким, разнеженным, половину речей вел на хорошем французском – профессорское дитя, очаровал все застолье, но уснул еще до того, как...

И так далее.

Тут все, как говорится, живьем. Почти буквальное воспроизведение деталей. И персонажей – разве что слегка окарикатуренных. И реальная жена Рита, женщина милая и чрезвычайно ин-

теллигентная. И сомнительное дворянство, которым прототип Гришкова однако же не кичился и отнюдь не бравировал, так что я вполне допускаю такое его происхождение. И хорошее владение языком – правда, не французским, а немецким, но действительно добротное: он легко читал не переводные романы.

Да, еще про отца требуется уточнение в рамках моего очерка. Ростислав Петрович, энтомолог, специалист по саранчовым, имел ученое знание не профессора, а всего лишь доцента. Но такое обстоятельство мало что значит, поскольку его научные труды актуальны до сих пор. Во всяком случае, в Томском университете проводятся научные конференции памяти Р.П. Бережкова. И вот у меня в руках плотный сборник умных статей с таким вот общим названием:

«Концептуальные и прикладные аспекты научных исследований в области зоологии беспозвоночных. Сборник материалов III Всероссийской школы-семинара с международным участием, посвященной 120-летию со дня рождения Ростислава Петровича Бережкова (1891-1961)».

...И ДАЖЕ ТЕННИС!

Не настольный, не пинг-понг, но самый настоящий большой теннис, который требует и подвижности, и размаха. Собственно, этот спорт и стал причиной необыкновенной толщины нашего героя. Однажды на корте в каком-то совершенно диком броске за мячом он споткнулся – и зараработал перелом обеих лодыжек. Перелом оказался

сложным, постельный режим длился чуть ли не полгода, и когда Борис встал наконец на ноги и вышел из дома, знакомые отказывались верить своим глазам...

А вот психологические, так сказать, штрихи. Глубинное понимание человеческой сущности:

...Никита Ваганов думал о Бобе Гришкове, который не хотел, чтобы его родная область была опозорена на всю страну. Вот оказывается, что хранилось под толстым слоем цинизма в этом толстом человеке?

...Выходя из отдела информации, Никита Ваганов думал о том, какой хороший, чудесный, умный и добрый человек этот Боб Гришков и что он, Никита Ваганов, по абсолютно неизвестной причине без малейшего повода завидует Бобу Гришкову. Чему? Пьянству? Девочкам? Неисчерпаемому оптимизму? Независимости? Идиотистика, как говорит сам Боб Гришков. Так почему он, черт возьми, завидовал?

...Никита Ваганов поймет, почему завидует Гришкову, через много лет, уже зрелым человеком, достигшим сияющих вершин. Поймет и затоскует, и будет тосковать долго, зная, что скоро, очень скоро рас прощается с этой теплой и круглой землей, на которой все сбалансировано так целесообразно, так стройно, что нельзя выбросить мгновение, как слово из песни. И это будет осень, глубокая осень...

«НА КОНЮШНЮ!»

На протяжении тридцати с лишним лет он заведовал отделом информации «Красного знамени» и в этом качестве был известен решительно всему Томску. Не случалось в областном центре новости, которая проходила бы мимо его цепкого внимания. Редко, очень редко, но случалось, что коллеги из молодежной газеты ухитрялись вставить «Знамени» фитиль, сообщив о каком-то событии раньше, – в таких ситуациях Борис ругался очень громко, но совершенно беззлобно. Спускал, как говорится, пар.

Вообще был экспансивен. Бурно реагировал как на радости, так и на неприятности. Услышав по радио совершенно неожиданное известие о смерти Мао Цзэдуна, от полноты чувств так грохнул кулаком по столешнице, что толстое стекло, ее покрывавшее, превратилось в невеселый набор длинных и острых осколков.

По-настоящему взбешенным я видел его только один раз. Некий молодой специалист позволил в его присутствии совершенно грязную и неуместную шутку насчет одной из редакционных дам. Бережков бурно побагровел и сначала задохнулся от гнева. А потом вдруг взревел – так,

что было слышно на нескольких редакционных этажах: «На конюшню! Пороть! Кнутами!» – «Кого?» – опешил юноша. «Вас, милостивый государь! И извольте тотчас же покинуть это поместье!»

Надо заметить, что до того они были на «ты». (Вот тут поневоле поверишь в его происхождение от помещиков-крепостников. Дикий барин...)

Но в общем и целом был человеком бесконфликтным. И даже на газетных страницах старался обходить острые темы. Благо отдел информации не относился к числу идеологических подразделений вроде отделов партийной жизни и пропаганды.

Конечно, стоять над схваткой удавалось далеко не всегда – хотя бы потому, что отдел, которым он заведовал долгие три десятилетия, традиционно курировал также проблематику культурной жизни: театр, кино, музыку, литературу, изобразительные искусства... Волей-неволей приходилось выполнять ценные указания разномастных чиновников от идеологии...

Если же не удавалось уклониться от обкомовского требования, выдавал необходимую грязь без особых угрызений совести. При этом не припомню случая, чтобы обличаемые им граждане творческих профессий таили на Бережкова обиду. Все мы тогда хорошо понимали правила игры, черт бы их побрал.

ТОЧКА. ТОЧКА? ЗАПЯТАЯ!

«Но, как говорил патриарх томской журналистики Борис Ростиславович Бережков: «Мы – журналисты, а значит, ошибались, ошибаемся и будем ошибаться».

Это я процитировал Андрея Острова, томского журналиста совсем иного времени и другой генерации. В данном случае он оправдывается за какой-то собственный косяк.

Спорить не о чем: ошибаться могут все. И, наверное, Бережков на самом деле что-то такое произносил. Только вот я этого не помню.

Скажу более. Применительно к себе самому Борис Ростиславович такую оправдательную формулу если и применял, то отнюдь не принципиально. Поскольку считал точность не просто достоинством, но непременным профессиональным качеством газетчика.

Что касается журналистских ошибок, то не есть ли главная из них – сам выбор этой профессии?

И вот на такой вопрос должен ответить каждый из нас. Применительно к себе самому...

Виктор ЛОЙША

ЧЕЛОВЕК СВОЕГО ВРЕМЕНИ

Роман Романов всегда говорил, что по специальности он журналист. Это было для него главным! Он сделал в другой сфере хорошую карьеру, добился весомых профессиональных результатов.

Его биография – судьба поколения, рожденного перед Великой Отечественной войной. Вся жизнь в труде – на ниве журналистики, партийной работы, научной деятельности. Он оставил большое творческое наследие. По существу в России им была создана новая отрасль знаний – теория парламентаризма. Несколько крупных монографий – доказательство этому выводу. Им создан учебно-методический комплекс «Парламентаризм в России: исторический опыт, проблемы и перспективы». Причем эти труды появились не в тихих стенах научно-исследовательского института. Всегда с большим уважением отношусь к тем людям, практикам, которые занимаются наукой, теоретическими вопросами, связанными с их непосредственной деятельностью.

В российской историографии Романа Романова называют исследователем теории и истории парламентаризма, который рассматривает парламентаризм и парламент как целостную управлеченческую систему, «институт власти, имеющей определенные функции, место и роль в политической системе общества». Его книги переведены на многие языки.

Но даже если бы Романов не оставил творческого наследия, его судьба и биография навер-

няка привлекут к себе пристальное внимание тех современников и историков, для которых он был особым человеком, на котором лежит печать эпохи.

50 лет рядом с Егором Кузьмичом Лигачевым – это не только факт, это судьба двух выдающихся людей. Да, он многие годы был ближайшим сотрудником и соратником Лигачева. Думаю, что это стало причиной долголетия нашего легендарного Кузьмича.

Мы часто применяем слова «Лигачевская гвардия». К Романову это относится в первую очередь. После его смерти я не менее десяти раз разговаривал с Егором Кузьмичом. Он по-настоящему искренне горевал. Другого слова я не нашел.

Дружба, сотрудничество этих двух личностей продолжались всю жизнь. До последнего дня. Роман был не только официальным помощником первого секретаря Томского обкома партии, секретаря ЦК КПСС, члена Политбюро, но и другом, товарищем, другом семьи.

...Роман Михайлович родился 3 апреля 1941 года, окончил Томский государственный педагогический институт, аспирантуру Томского государственного университета, Академию народного хозяйства при правительстве РФ, он – кандидат исторических наук, доктор политических наук. Профессор Академии управления при президенте России. Награжден орденами Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», медалями, в том числе и медалью «За развитие нефтегазового комплекса Западной Сибири». Работал первым заместителем руководителя аппарата Совета Федерации, был действительным государственным советником РФ первого класса. До работы в аппарате Совета Федерации – первый заместитель начальника Управления научного анализа и информации аппарата Государственной Думы.

Я хорошо знаю человека, который с ним учился в школе, в одной группе пединститута. Но так случилось, что никогда с ним не разговаривал о Романе Романове. Это известный в области человек, учитель, директор школы, многолетний глава администрации пос. Светлый, уважаемый в нашем ветеранском сообществе человек Николай Иванович Глазунов. И вот его рассказ, а точнее, то, что я записал во время беседы с ним.

Он познакомился с Романом, когда был учеником седьмого класса Берегаевской средней школы Тегульдетского района в 1954 году. Тогда Берегаево было местом ссылки из Прибалтики, Украины, других западных территорий. Часть ссыльных появилась там перед войной. Другие

– после войны. В каждом классе более половины учеников были дети ссыльных. Роман жил в семье ссыльного старшего брата Антона. Мама у него постоянно болела. Кажется, она умерла в год, когда Роман закончил школу, в 1958 году. И сразу уехал в Томск, поступать в педагогический институт. В июле 1958 года Глазунов вместе с Романом пришли в приемную комиссию вуза. Тогда правила были такими, что принимали в вузы абитуриентов, имеющих стаж работы. Десятиклассников принимали тех, кто сдал вступительные экзамены только на пятерки. Роман был таким.

По словам Глазунова, уже семиклассником он выделялся своей серьезностью и сосредоточенностью на учебе. Был начитан, очень любил книги. Тогда модными были всякие литературные конкурсы. Роман всегда был победителем различных литературных викторин и конкурсов, всегда входил в состав редколлегий школьных стенных газет. А в старших классах стал неизменным редактором школьной газеты. Он выработал исключительно красивый каллиграфический почерк. Сам писал всю газету от руки. Хорошо рисовал. Газета в школе была событием. Выходила она регулярно. Ее ждали. Вот с таким багажом школьного журналиста он появился на филологическом факультете пединститута. Прилежный, увлеченный парень попал в сферу внимания и подружился с Яковом Романовичем Кошелевым, другом создателя областной писательской организации, профессора госуниверситета Н.Ф. Бабушкина. Дружба с Кошелевым сохранилась на всю жизнь. Они переписывались, перезванивались. Несколько раз Роман посещал своего учителя в Смоленске, где жил потом Яков Романович. Вообще Романов был постоянен в друзьях. Чтил старших.

Его большим увлечением был футбол, в который и сам играл. Уже в сентябре на первом курсе он перекинул через забор стадиона «Труд» во время матча и с тех пор стал постоянным болельщиком томской футбольной команды, которая носила странное, по его мнению, название «Сибэлектромотор». Первая его заметка в газете «Молодой ленинец» так и называлась «Дадим команде красивое имя». И предлагал назвать ее «Томь»! Прошло много лет, прежде чем это предложение было реализовано. Но ведь реализовано же!

А с газетой он сроднился. И подружился на всю жизнь с тогдашним редактором Эдуардом Владимировичем Бурмакиным. Увлеченного журналистикой студента Бурмакин взял в штат газеты. Первые свои заметки Романов подписывал «студент группы 293».

А потом было «Красное знамя», газета, которую он по-настоящему любил и поддерживал с

ней связь всю жизнь. Звонил, интересовался, как идут дела, не нужна ли какая-то помощь.

Журналистика был его по-настоящему сильным увлечением. Кстати, Роман отслужил в армии, на кораблях Тихоокеанского флота, и там тоже сотрудничал с военной газетой. Служба оставила глубокий след, и он всегда испытывал глубокое уважение к армии. Уволившись в запас, вернулся переполненный замечательно интересными сюжетами. Наверное, поэтому в «Красном знамени» он немало писал на военно-патриотические темы. И это были яркие глубокие публикации.

А еще организовывал на страницах газеты крупномасштабные акции, например, читатели с воодушевлением приняли придуманное им движение «Красный вымпел» - брат «Авроры». Писали отклики на публикации, и это была настоящая обратная связь, которой всегда славилось «Красное знамя». В коллективе Романа ценили, уважали. И не только за публицистический дар. Он был общительным, умел раззадорить народ, любил дружеские посиделки, которым умел придать необычный характер. Фантазии ему было не занимать. Например, женщин редакции не просто поздравляли с 8 Марта, но и устраивали под предводительством Романова театрализованные представления, например «Синий платочек». А вот ветеранов войны, которых в то время в газете работало несколько человек, ждала самая настоящая «землянка», конечно, тоже театрализованная, но зато с настоящей водкой, разлитой в алюминиевые кружки, кашей в солдатских котелках. И, разумеется, с задушевными военными песнями, которые исполняли всем коллективом под аккомпанемент Эдуарда Стойлова, играющего на аккордеоне. А растроганные ветераны, не стесняясь, вытирали слезы.

Такие вечера, организованные Романом Михайловичем, это тоже часть замечательной истории газеты «Красное знамя».

Должен сказать, что в 50 лет Романову было присвоено звание «капитан первого ранга» с вручением формы, погон и кортика. Когда это событие отмечали, он появился за столом в этой форме, кто-то спросил, за что звание присвоили, и он ответил: «За журналистский труд». Кстати, и с газетой Тихоокеанского флота он тоже общался почти до последних дней жизни.

Из «Красного знамени» Роман Михайлович перешел на работу в обком партии по приглашению Егора Кузьмича Лигачева, который, конечно, не мог не заметить его талантливые статьи. И там, в обкоме, продолжал сохранять тесную связь с газетой, начинал свой рабочий день с ее прочтения, нередко звонил и просил сделать материал на ка-

Спустя много лет после работы в редакции во время командировки Р. Романов в кабинете редактора с Т. Кондрацкой.

кую-нибудь тему. Подбрасывал и что-нибудь «горяченькое». С некоторыми «краснознаменцами» его связывала личная дружба. А в дружбе он был необыкновенно надежен. Всегда шел на помощь, когда в этом была необходимость. Выручал и в весьма непростых ситуациях, в которых оказывались его коллеги. На него всегда можно было положиться. Не упускал случая оказать знаки внимания, в этом был трогателен. Владимиру Марыну, редакционному художнику, дарил редкие альбомы репродукций (тогда их было почти не купить), фотокору Евгению Лисицыну помогал приобрести импортную аппаратуру, которой завидовали даже столичные коллеги. Журналисту Нине Маскиной, зная ее увлечение театром, присыпал уже из Москвы книги, театральные программки, блокноты, ручки с символикой. И это внимание было очень приятно. К тому же ему всегда можно было позвонить из Томска и, будучи в Москве, посоветоваться, просто поговорить. Всегда спрашивал, нужна ли какая-то помощь. Приезжая в Томск, заходил в редакцию.

Должен сказать, что с тогдашним редактором «Красного знамени» Новоселовым его тоже связывала настоящая дружба до самого ухода Александра Николаевича из жизни. Романов его любил, уважал и чтил.

Кроме журналистской братии, Роман Михайлович имел очень широкий круг общения. Со многими его связывали дружеские отношения. «Скажи, кто твои друзья, и я скажу, кто ты» - мудрость древних. Я назову десять его друзей. И вы все поймете!

Е. Лигачев, А. Мельников, В. Зоркальцев, А. Потапов, Е. Строев, Г. Месяц, В. Лобановский, Н. Симонян, А. Шилов, Э. Бурмакин, Я. Кошелев, Н. Юров, Ю. Ревякин. Он был душой и нравственным лидером Томского землячества в Москве.

Мы с ним тоже дружили много лет, встречались, когда судьба дарила такую возможность. Так случилось, что наша дружба родилась и укрепилась в период осознанного понимания роли науки в становлении и преображении самих себя. В четыре утра мы уезжали из дома в свои кабинеты на работу. Писали диссертации. Это был смысл жизни. Защищали диссертации в один год, он – исторических наук в Новосибирске, я философских – в Москве.

Кажется, это было совсем недавно. Вот передо мной книга. Издание 3-е, дополненное. Москва, 2016 год. Дарственная надпись:

«Уважаемому другу и товарищу Николаю Петровичу как отчет о пройденном пути, который начали вместе (поездки по утрам).

R. Романов. 25.02.2016 г.».

Добавлю: поддерживая друг друга – это и есть настоящее товарищество. Вот такой текст. Может быть, последний автограф друга.

Любил Томск. Даже внукам старался привить эту любовь, хотя они родились уже в Москве. Маленькими они бегали во дворе и на мичуринском в фирменных футболках «Томи». Вместе с ним ходили на матчи, когда «Томь» играла в Москве.

...Пришла весть о его болезни. За жизнь он боролся до последнего, вел себя мужественно и достойно, не впал в отчаяние. Наверное, он знал беспощадный исход этой борьбы.

Вдруг прислал мне телефонную толстую книгу. На первом листе стояла надпись, сделанная его рукой: «Тетрадь Николая Петровича Кириллова», чуть ниже – «специально присланная из Москвы».

На каждой букве, почти на каждой – перечень фамилий наших общих друзей с их телефонами и адресами. Например, на «Л». Лигачев Егор Кузьмич, домашний телефон, сотовый и адрес. Переворачиваю на букву «М»: Месяц Геннадий Андреевич, Мельникова Лидия Николаевна, Маскина Нина Ивановна...И так далее по алфавиту. Он остался верен себе, даже в последние дни проявил заботу и внимание.

Спасибо, друг.

Николай КИРИЛЛОВ

О ЧЕМ МЫ ТОЛЬКО НЕ ПИСАЛИ —————

Бесстрашный оппонент Сталина

Просматривая подшивки «Красного знамени» за 1929-1930 годы, обратил внимание на статью Исаака Нусинова, секретаря Томского окружкома ВКП(б), которую газета неосторожно опубликовала, за что впоследствии жестоко поплатилась. Отвечая за организацию кампании коллективизации в нашем крае, Нусинов высказывал смелые мысли, порой идущие вразрез с установками центра. В частности, с секретным циркуляром, подписанным 7 февраля 1930 года. Он предписывал окружкому выполнение мероприятий по ликвидации кулачества как класса на территориях, переходящих к сплошной коллективизации. В циркуляре особо подчеркивалось, что райкомы РКП(б) должны «точно придерживаться в проведении мер раскулачивания указаний настоящей директивы», установив «не на словах, а на деле постоянное руководство проведением этих мероприятий и организовав наиболее полную и точную информацию окружкома по этим вопросам не реже 1 раза в 10 дней».

Требования циркуляра, конечно, выполнялись, но секретарь не хотел делать это слепо, бездумно, лишь для «галочки». Исаак Соломонович был неординарным партработником, обладающим к тому же литературными способностями. Еще находясь в аппарате Сибкрайкома ВКП(б), он был в числе учредителей журнала «Настоящее», издававшегося в Новосибирске до начала 1930 года. На общем литературном фоне журнал представлял весьма оригинальное советское издание авангардистского типа с заметным «левашевским» уклоном.

4 февраля 1930 года И. Нусинов решился на отчаянный, безрассудный шаг, впоследствии такое противостояние Александр Солженицын определил образным сравнением - «бодался теленок с дубом». Он отправил письмо И. Сталину совершенно «самоубийственного содержания»:

«Вы подменили собой Политбюро, - писал бесстрашный оппонент, - вместо разработки и применения теории марксизма-ленинизма в наших условиях, в наши дни - Вы стремитесь к созданию новых теорий нэпа, к новому повороту. Но, что гениально проделал В.И. Ленин в 1921 году, то Вам не удалось в 1930 г. Смилгинские идеи легли в основу нового поворота, и из это-

го ничего хорошего не получилось. Материальные предпосылки не соответствуют циркулярным директивам...»

Правда, примерно так же думало значительное число партийных и советских работников. В аппарате ЦК ВКП(б) даже существовала целая группа единомышленников, кто считал необходимым сместь с поста генерального секретаря И. Сталина. Именно их впоследствии причислили в члены координационного центра, так называемого «право-левацкого блока», которым руководил председатель СНК РСФСР Сырцов.

«Мы не создали в деревне мощной машино-тракторной базы, семенной базы – колхозы рождаются на мертворожденной почве, - продолжал заочный спор секретарь. - Разрыв между словами и базой колоссальный. Город же стонет от голода, жрать нечего – продовольствия нет. Положение рабочего с каждым днем ухудшается: рубль падает, расценки снижают и будут снижать, вычеты по займам. Что же получается? Мы уничтожим кулака и его материальную базу. Но заменить его не сумеем. Или же получится следующее. Бросим деньги в колхозы за счет кармана рабочего – иначе выхода нет. Денег, материальной базы и на колхозы, и на индустриализацию нам не хватает.

В городе чувствуешь это с каждым днем все острее, рубль падает катастрофически. Голодный рабочий не может угнаться за фантастическими... контрольными цифрами... Планы не реальны, и перенапряжены – вот в чем главная суть «срывов». Среди рабочих много чужаков, они-то главным образом и стремятся в партию. В «новом» много шкурничества, приспособленчества – ибо коренные рабочие, активно участвующие в производстве, дравшиеся на фронтах, – нынешней политикой партии недовольны. Среди партийцев глухое брожение, недоумение – беспартийные отходят и отдаляются от партии. Почему? Смилговские идеи, положенные в основу так называемой «сталинской» политики, ныне переросли в своеобразный троцкизм. Троцкизм издания 1930 года, троцкизм наших дней. Ваша политика не ленинская политика, а политика авантюров, скачков, рывков. Мы заскочили с коллективизацией, с ликвидацией кулачества как класса на два года. Мы обогнали материальные предпосылки. Политика авантюров может привести к гибели, ну-

жен отбой. Иосиф Виссарионович, не переоценивайте себя, спуститесь к массам, прислушайтесь к их голосу...»

Легко представить, как мог отнестись к письму столь критического содержания И. Сталин. И действительно, он переслал его В. Молотову со своим комментарием, в котором не оставил камня на камне от доводов самоуверенного оппонента. Вот что он, в частности, написал: «Это письмо правого уклониста. Этот «уважаемый товарищ» состоит, оказывается, «научным сотрудником» в Комакадемии и преподает в МГУ. Этот «уваж. тов-щ» требует, чтобы его высекли в печати. Стоит ли? Думаю, что не стоит. Что можно тут предпринять? Не лучше ли будет, если Молотов вызовет его и отчитает? Я ему напишу в двух словах, что ответа по существу не будет, т.к. ответ правым уклонистам уже дан партией».

Подобный открытый вызов имел тяжелые последствия для Исаака Нусинова. В том же 1930 году совместным постановлением ЦК и ЦКК Нусинов был исключен из партии и арестован по обвинению в поддержке «блока Сырцова-Ломинадзе». Затем, правда, его освободили и 12 декабря 1930 года сослали в Алма-Ату, где он сначала работал зав. сводно-плановым и учетно-статистическим сектором и членом коллегии Наркомата земледелия, затем старшим научным сотрудником в Казахстанском НИИ животноводства. В Алма-Ате жил с женой Фридой Нусиновой, работавшей с 1934 года певицей в Казрадиокомитете.

Пострадали не только сотрудники газеты «Красное знамя», но и те рядовые члены партии, кто поддержал искренний человеческий порыв крупного партийного работника, посчитавшего, что имеет право на свое мнение и участие в дискуссии. На страницах «Красного знамени» началось настояще шельмование Нусинова и «нусиновщины», поскольку таким клеймом совершенно незаслуженно стали обозначать деятельность партийных и советских работников, не во всем согласных с основной линией партийного и государственного строительства Советского Союза.

«Гнусных двурушников – за борт ленинской партии! Сильнее и крепче огонь на два фронта и по примиренчеству к уклонам!» Такая шапка предваряла опубликованные в газете выдержки из доклада тов. Эйхе на собрании краевого партактива 4 ноября 1930 года. «Двурушничество – самый злостный, самый гнусный метод фракционной борьбы, - метал с трибуны громы и молнии секретарь. – Двурушничество партия должна на-

иболее беспощадно пресекать... В последнее время разоблачена фракционная двурушническая группа Нусинова, Каврайского, Гальперина, Курса и других. Возглавлял эту группу Сырцов вместе с Ломинадзе...Что же предлагает тов. Сырцов? Пересмотреть нашу политику цен, повысить цены на промтовары. Изменение политики цен означает пересмотр проводимой партией политики по отношению к основной массе крестьянства. Предложение тов. Сырцова есть попытка столкнуть партию с того правильного пути, идя по которому она добилась огромных успехов. Партия должна решительно ударить по антипартийным вылазкам Сырцова и других. Будем сокрушительно бить по беспринципному оппортунистическому блоку...»

26 октября «Красное знамя» поместило критическую заметку, в которой говорилось о правооппортунистических вылазках в томской совпартшколе, скверном руководстве социалистическим соревнованием и ударничеством. Выступление газеты всколыхнуло всю партийно-комсомольскую организацию учебного заведения, о чем рассказал в своем репортаже «Без пощады вытравлять гнилое примиренчество к уклонам от партийной линии» Богданов. Бюро партячейки совпартшколы вынесло постановление, подтверждавшее справедливость выступления газеты. «Однако прошло две недели, - пишет корреспондент, - а парторганизация палец о палец не ударила, чтобы выполнить решения своего постановления. Секретарь партячейки Буторин заявляет: «Что же я могу сделать, если масса спит, не помогает, а я один не разорвусь...»

«Эти оппортунистические заявления очень знакомы, - комментирует журналист, - знакомы эти ссылки на «спящие» массы, знакома эта ложь. В действительности дело обстоит так: партруководство во главе с Буториным не может возглавить растущую активность курсантской массы... Не удосужились здесь обсудить фракционную вылазку оппортунистов-двурушников Нусинова, Каврайского, Рютина и других. В то время, когда вся партия и, в частности, ее томская организация клеймят этих предателей, усиливают борьбу на два фронта – партийцы и комсомольцы совпартшколы молчат...»

14 ноября 1930 года ячейка ВКП(б) при издательстве «Красное знамя» заслушала доклад о внутрипартийном положении и последних решениях о газете «Красное знамя». Общее собрание безоговорочно одобрило все мероприятия горко-

ма и горКК, направленные на искоренение нусиновского наследия в работе газеты. Выступление на собрании комсомольцев Зельманова и Семынина ячейка расценивает как защиту исключенных из партии двурушников Степанова и Панкрушина...»

Николай Евдокимович Степанов был редактором газеты с марта по 21 октября 1930 года. Его заместитель Алексей Арсеньевич Панкрушин уволен 12 октября, а затем вместе с редактором исключен из партии. Их защитников Зельманова и Семыкина исключили из комсомола. По этому поводу газета писала: «...Они оказались неспособными постичь той простой истины, что решения городского партийного комитета, городской и краевой контрольных комиссий выражают волю партии, что эти решения не могут рассматриваться с точки зрения «верю, не верю». Всякая защита двурушников не может быть расценена иначе, как неспособность идти вместе с партией...». В решении партячейки «Красного знамени» поставлена задача о «необходимости быстрого оккумунизирования и орабочивания состава редакции...». Для быстрой перестройки работы в редакцию направлено три ответственных ра-

ботника и новый заместитель редактора Николай Александрович Тарабыкин. Редакторские дела с 7 января 1931 года принял Сергей Григорьевич Тихонов, погибший на фронте в июле 1942 года.

Так закончилась одна из драматических страниц из жизни сотрудников «Красного знамени», долгое время вынужденных жить и работать в условиях повышенной требовательности к партийной бдительности.

Для Исаака Нусинова, опального партийного работника, спокойная жизнь закончилась еще в Томске. Человек, осмелившийся так безапелляционно критиковать генеральную линию партии и ее вождя, некоторое время оставался, что называется, «под колпаком». Однако 23 декабря 1936 года был вновь арестован и этапирован в Москву. Судьба его печальна и типична для тех лет разгула репрессий. Дни его были сочтены. 27 сентября 1937 года Военная Коллегия Верховного суда СССР приговорила И. Нусинова к расстрелу. Приговор приведен в исполнение в тот же день. Место расстрела: Москва, Донское кладбище. Реабилитирован 26 апреля 1958 года постановлением Военной Коллегии Верховного суда СССР.

УМЕРЕТЬ НЕ ВСТАТЬ

- Лисицын? Могучая фигура!

Так выразился один столичный мэтр, неравнодушный к Томску. При этом он подразумевал профессиональные качества Евгения.

В общем же понимании фигура была еще та. Шесть футов росту. 184 сантиметра с офицерской выпрямкой. Ни капли жира. Поджарость, стало быть. Благородные залысины и усы, культивируемые четверть века. Наденьте на него пробковый шлем – и получится классический колониальный офицер, иллюстрация к Джозефу Редьярду Киплингу.

Он всегда умел быть подтянутым. В любой одежде – от фрака до ватника – выглядел совершенно естественно. Честно говоря, я лично такому мимикическому качеству маленько завидовал.

Он и посмертно ухитрился быть таким – собранным. Лежал, жестко вытянувшись по диагонали жестяного гаража, упервшись в угол которого всадил в себя заряд не картечи даже, а совсем не крупной дроби из одноствольного ружья, довольно известного его друзьям и прозвываемого в обиходе мухобойкой.

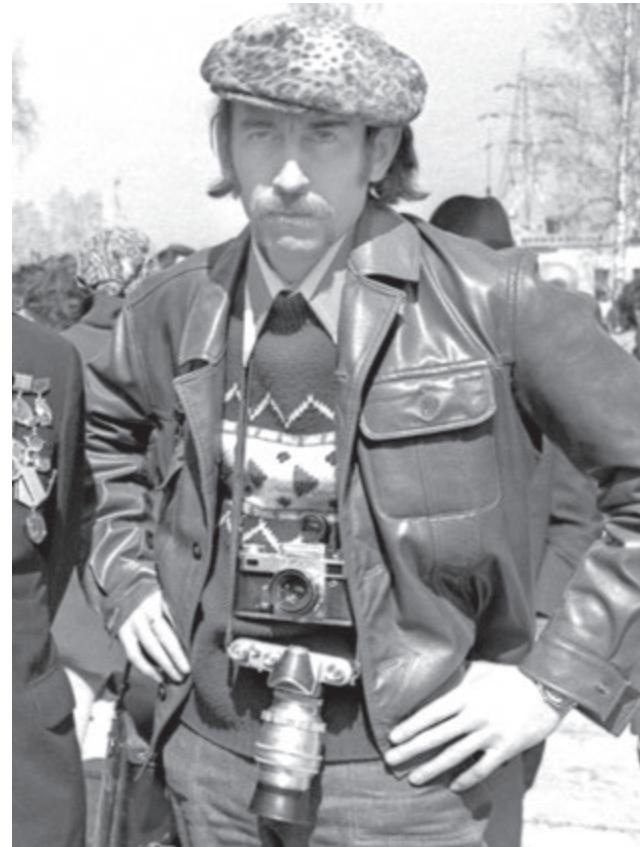
Да, он сделал это сам. Говорю вполне ответственно, поскольку был одним из немногих, кто наблюдал еще неостывшее тело, кто всю ночь ожидал приезда обязательных в таких случаях специалистов и присутствовал при канцелярском, но очень важном акте судмедэкспертизы.

Мой друг был очень щепетилен применительно к оскорблению. Мог, не шутя, вызвать на дуэль распоясавшуюся сволочь. Ни одного дня не отдав армейскому служению, Евгений обладал качеством, которое следует обозначить одним словом: честь. Можно добавить эпитет: офицерская. Он предпочитал говорить правду: так проще. Увы, не всегда получалось.

Как ни странно, у него предо мною не было тайн. В минуты жизни сложные Женя даже просил совета: как поступить? (Правда, поступал всегда по-своему.)

Умел удивляться. Это человеческое проявление обычно теряется с возрастом, когда, старея незаметно для себя, индивидуум полагает, что все превзошел и познал. Талантливым же людям удивление свойственно до глубокой старости. (До которой Лисицын, увы, не дотянул: поставил трагическую точку через пять дней после 60-летия.)

Такое удивительное восприятие мира идет с самого раннего детства. Оно у Евгения происходило за Полярным кругом, рядом с Полюсом холода, в поселке Эге-Хая, близ Батагая, центра Нижне-Янского района Якутии.

Константин Александрович, отец моего друга, был начальником автобазы. Огромная должность для Крайнего Севера, где все необходимое для жизни обеспечивают грузовики по сезонным зимним специально прокладываемым дорогам.

От отца Женя унаследовал все: неистребимое жизнелюбие, юмор, философическое восприятие быта, романтику пространств, чуть ли не генетическое понимание моторов и любовь к фотографии.

Я бывал в Алма-Ате, где его отец и мать дожидали свои пенсионные годы. Кстати, оба умерли, почти одномоментно, в глубокой уже старости, за полгода до сына. И смерть родителей по большому счету породила ту глубокую депрессию, которая убила Евгения.

Видел я фототеку Константина Александровича: карточки тридцатых-сороковых годов, отблескивающие выпотевшим избыточным серебром. На снимках мало семейных портретов, но много живой, репортажной действительности: «ЗИСы», а позже «студебеккеры», утопающие в наледях, безымянные зэки в серых бушлатах, морозные пейзажи великих нагорий...

Мой друг неплохо владел разговорным якутским языком, знал фольклорный эпос северного

народа и тонкости его быта. Надо признать, что эти навыки довольно нечасты среди русского населения Якутии, относящегося к коренным жителям чаще всего с неоправданным и кичливым превосходством. У аборигенов Лисицын перенял великолепное умение охоты, сплавленное с безусловным уважением к природе.

Мне приходилось бывать с ним в тайге, и могу точно сказать: этот человек никогда не пропал бы ни в каких дебрях, были бы только с собою пара ружейных зарядов, коробок спичек да нож.

Великолепным был рассказчиком. Ко всякой житейской ситуации имел подходящую устную новеллу. Этот редкостный дар неизменно заставлял его слушателей задаваться вопросом: почему человек, так красиво излагающий мысли, не пишет прозу?

Полагаю, что ему для самореализации было достаточно фотокамеры. О чуткости к деталям я уже говорил. Добавлю: для начинающих журналистов не могло быть лучшей школы, нежели поработать рядом с Лисицыным. Снимая очередного героя, он ухитрялся, как бы походя, выведать у него сведения, вызывавшие зависть самых дотошных интервьюеров.

Легок был в общении. Изъездив, облетав и пешком исходивши всю Томскую область (не знаю населенного пункта, в котором он не бывал!), всюду находил с людьми и общие темы, и единий склад беседы. Ладно, прожженные таежники – лесорубы там, бывшие ссылочные кулаки, вахтовые буровики, алиментщики бесхитростные... Однажды судьба занесла его в старообрядческий скит крайне радикального бегунского толка.

...Тут необходимо некоторое разъяснение. Правильнее, пожалуй, говорить даже не о tolke, но об особом согласии: уж больно эта ветвь выделяется даже на чрезвычайно разлапистом древе русского староверия. Сами бегуны, они же странники, называют себя истинно православными христианами странствующими, всяческую государственную власть обозначают не иначе, как антихристовой, и настолько ее отвергают, что считают тягчайшим грехом даже прикосновение к денежным знакам.

Притом им совершенно безразлично, кем отчеканены монеты или отпечатаны ассигнации, – Елизаветой ли Петровной, Никитой ли Сергеевичем. Разумеется, ни паспортов, ни налогов, ни тягла, никакой воинской повинности... Конечно же любая власть таких отщепенцев терпеть не может. Даже если они единичны. Святой фанатизм, знаете ли, заразителен.

Очень понятно, что люди, гонимые в течение трех (или более?) столетий, выработали защитные

рефлексы и более или менее надежные меры защиты, которые заключаются, в частности, в том, чтобы не допускать к себе посторонний народ.

Ведут бегуны строго монашеский образ жизни. Подобно ранним христианам-пустынникам, селятся либо в глухих горных ущельях, либо среди таежных болот, кормятся и одеваются в основном натуральным хозяйством, соль получают от единомышленников, обитающих близ дальних горьких озер и специально добирающихся сюда глухими окольными путями, сахара не потребляют вообще, заменяя его медом собственных пасек либо патокой... Словом, идиллия, если, конечно, не знать, что условия бытия этих подвижников поистине адовы.

Так вот, Евгений, совершенно случайно (в процессе осенней утиной охоты) попавши в женский скит на границе Томского и Кривошеинского районов, стал настолько своим для стариц (не подумайте ничего дурного: они и физически были стары, даже ветхи), что удостоился особого доверия. Ему поручали (а он выполнял) доставку в эти по Таежные места тех припасов, которые крайне для таежников необходимы. Вроде пороха и свинца, спичек и рыболовных крючков. И будучи газетчиком, никогда ничего на старообрядческие темы не рассказывал ни на каких страницах.

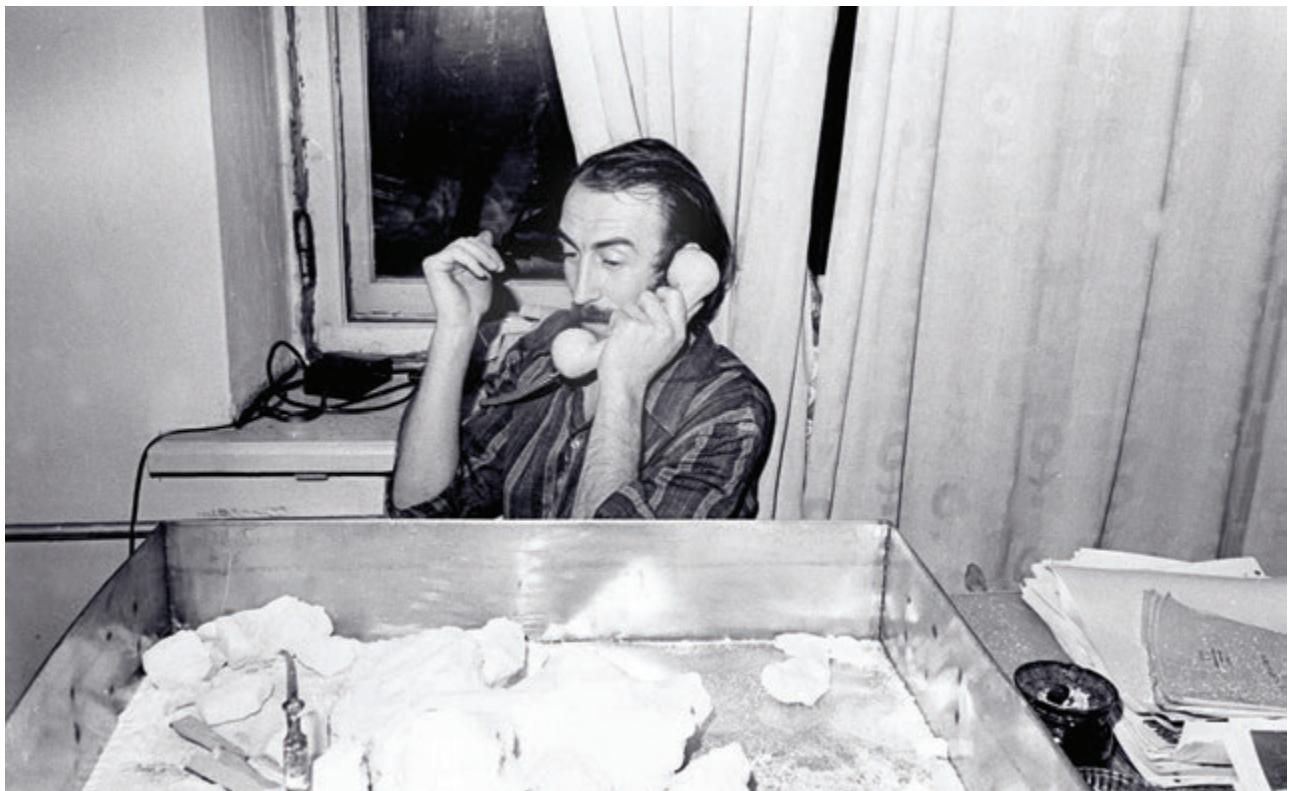
Еще одна история...

Однажды мы с ним оказались в Крыму. Был тот курортный полуостров по-октябрьски хмур. Ни дождей, ни холодов еще не пришло, но и ласки от природы не было видно. Стояла серенькая такая погода, когда заведомо жухли даже вечнозеленые растения, и тупая скука разливалась в воздухе.

Нет, нас туда привели не отдохальные настроения. Случилась обычная служебная командировка, обусловленная тем, что обнаружилась вдруг великолепная журналистская тема, из тех, какие не имеешь права пропустить.

Тема же была сюжетно красива – и страшна по сути. Была у нас в городе такая строительная бригадирша Валя Гоцман. Командовала веселой бандой девчонок-маляров. И сама была веселой: все у нее делалось как-то ладно, с шутками-прибаутками, и, в отличие от многих чисто женских бригад, сроду там не бывало никаких раздоров. (А ну-ка, девушки, а ну, красавицы, пускай поет о нас страна!..)

Это было тем удивительнее, что все знали Валькину curriculum vitae: она была почти что круглая сирота. И глухая тайна окружала ее сиротство. В сорок первом проклятом году ее отец, председатель колхоза где-то в белорусском Полесье, ушел партизаниить в леса, поскольку ему ничего больше не оставалось делать. Люди, которых он некогда

В фотолаборатории...

раскулачивал, но так и не сослал до Нарыма, не могли простить ему разоренных жалких гнезд.

И вот эти же самые люди пришли мстить. Как только появились немцы, и установилась, как можно было подумать, твердая власть. И они мстили, черно и тупо, не думая ни о чем. Валькинного отца, виновника всех их бед, как я сказал, уже не оказалось в деревне. Но там оставалась его семья. Жена и двое детей. Сынишка, лет четырех, и совсем грудная Валька, которая ничего о том, естественно, не помнила, но знала ситуацию по дальнейшим рассказам односельчан.

Их, всю семью, в числе прочих деревенских активистов, повели расстреливать. И расстреляли. Только молокососку Вальку в последний момент выхватила из материнских рук соседка Любка, отцовская, между прочим, любовница. Мать – отдала. Сама же погибла в смертной яме.

Когда отец Вали Гоцман вернулся из своих партизанских берлог, он тут же нашел дочку. И сравнительно быстро отыскал человека, который расстреливал беззащитную его семью. И страшно с ним расправился. Так страшно, что я могу рассказать. Он скрутил ему руки назад, сунул в мотню штанов скромную осколочную гранату, прицелился из «вальтера» – и одним выстрелом точно подорвал эту гадкую штукку. Но вскоре и сам помер. От чахотки, приобретенной в лесах.

И вот прошло сорок пять лет, и Валентина нашла своего брата, который когда-то упал в ров в объятиях матери. Оказалось, что пуля полицая попала четырехлетнему пацану в лопатку и, раздробив эту жидкую кость, вышла через грудину, не повредив главные внутренние органы.

Его, уже ночью, подобрал из-под груды трупов еще один односельчанин, старик, настоящую фамилию которого никто не знал, но которого называли просто Черный. Вылечил, отпоил невесту какими травами, откормил в глухи лесного хутора. В сорок четвертом, когда Красная армия вернулась в Белоруссию, у дедки кончились жизненные силы, и он, бобыль, тихо скончался, передав ребенка на руки кому положено. Государству, то есть. Точнее, в детдом.

Но мальчик так и был записан: Иван Черный. Он, как семя безродное, соринка большой войны, попал в суворовское училище, взрастал в жесткой воинской дисциплине, закончил высшее офицерское училище, служил в авиации Черноморского флота.

И вдруг они с Валькой чудом каким-то нашли друг друга. И мы с Лисицыным, узнав про это, поехали с Валей на встречу с ее братом. Я видел, как плачет подполковник Черный, как он сбрасывает с себя форму, показывая огрызки лопаточной кости, а впереди – величиною с очень крупный грецкий орех – выбоину от пулевого выхода.

...Но я ведь о ком рассказываю? О Женьке, о Лисицыне.

Так вот, когда мы насмотрелись всей этой трогательности (а ведь в самом деле было пронзительно, чего уж там...), мы поехали с Иваном Черным на базу Черноморского флота, где тот служил. Мы попали в город Севастополь, мы оказались на мысе Херсонес. Нам вдруг захотелось искупаться, хотя по-крымски, повторяю, была не лучшая для того погода. Просто у нас на Томи вода никогда больше и не прогревается. Но мы так и не окунулись. Мелкий залив был полон белесых медуз. Однако не они заставили нас отшатнуться. Перекатываемая мелкой волною, лежала на песке человеческая нижняя челюсть. Я, естественник, геолог, поднял ее, мгновенно ощу-

тив неприличную тяжесть. Она была пропитана и выбелена морскими солями.

- Неужто античность? – спросил я.
- Или сорок первый? – спросил Женя.
- А может, сорок четвертый? – спросил я.

С северной стороны призывно басил буксир. Проблескивал маяк Инкерманского створа. И Женька намурлыкивал: «...Когда усталая подлодка из глубины идет домой...»

Обернувшись, я увидал, как из грязных глубин залива всплывает мрачное чудище, несущее на себе могучий термоядерный запас и одну, насколько я знал, учебную торпеду. Субмарины как будто отозвалась на Женькину песню.

Еще одна смысловая рифма...

Виктор ЛОЙША

СО ВТОРОЙ ПОПЫТКИ

Первый раз я пришел в «Красное знамя» в 1956 году... учеником десятого класса. Тогда на экраны вышел советский фильм «Убийство на улице Данте», снятый Михаилом Роммом. В нем потрясающие играли Казаков, Гафт, Смоктуновский, Козырева, Плятт. Сюжет такой. Война, немцы в Париже, известная актриса и ее театральный агент – против оккупантов, а сын актрисы, тайно от матери, в компании молодых французских фашистов охотится за участниками Сопротивления. Она узнает об этом, все заканчивается трагически.

Фильм меня так потряс, что я решил... написать рецензию, чего до того никогда не делал. Размахнулся почти на 12 страниц школьной тетради. Принес в редакцию. Меня направили в отдел вузов и школ, которым тогда руководила Елена Александровна Николаева. Она прочитала и сказала: «Это лучше, чем та рецензия, которая у нас есть, но мы не можем отказать автору, которому ее заказали. Следующий раз, если что-то напишете, предупредите заранее. Приходите прямо ко мне...»

И я пришел в «следующий раз»... почти пятнадцать лет спустя, в 1970 году, после шести лет работы в областной молодежке - «Молодом ленинце», где дослужился до заместителя редактора. Сказать, что газета «Красное знамя» с ее тиражом 140-160 тысяч экземпляров была авторитетной и популярной в те годы, значит ничего не сказать. Перед ее журналистами были открыты все двери. Даже работники обкома партии не пользовались таким авторитетом, да и по фамилиям их мало кто знал. А нас знали. Газета была практически в каждой семье.

Руководители

Коллектив «Красного знамени» состоял из ярких личностей. Редактор, Александр Николаевич Новоселов, участник Великой Отечественной войны, раненный в обе ноги на Сандомирском плацдарме, когда форсировали Вислу. Пришел с войны, передвигался сначала на костылях,

работал в Асиновской районной газете, прежде чем стал редактором областной. Сменил на этом посту Владимира Александровича Кузьмичева, человека умного, но, мягко говоря, консервативных взглядов, хотя в двадцатые годы он издал первую советскую книгу о социологии и умудрился остаться в живых. Журналист Новоселов был никакой, если честно. Но его большим достоинством как редактора было то, что он всегда вступался за сотрудников, понимал, что это люди творческие.

Какую бы ошибку ни допускал журналист, редактор брал вину на себя. На заседаниях бюро обкома партии мог высказать точку зрения, отличную от подобострастной общей. Когда газета в одной статье напечатала «слона Хрущева» вместо «слова Хрущева», выговор получил редактор, а дежуривший сотрудник остался ненаказанным. Проблемой Новоселова была слабость к спиртному, в том числе и на работе. Это приводило к немалому числу острых ситуаций, но сотрудники делали все, чтобы они не просочились в обком. Там, впрочем, об этом знали, но «застукивать» редактора было невозможно. Мы терпимо относились к его появлению в редакции слегка нетрезвым. Большинство считало, что это следствие войны, как у многих фронтовиков, и тяжелого ранения, но я знал и другую причину. Учился в одном классе с приемной дочерью Новоселовых, очень красивой, умной девочкой, которая, выйдя замуж, через несколько лет покончила с собой по неизвестной причине.

Первым заместителем редактора был Евгений Михайлович Шатохин. Вскоре, после того как я пришел в редакцию, Шатохин стал собкором «Известий» и переехал в Москву. На его должность был назначен Иосиф Алексеевич Мизгирев, участник войны, потерявший на фронте руку. По рассказам коллег, он одно время работал в обкоме партии на ответственной должности. «Сидел» на письмах к Сталину от трудовых коллективов, передовиков производства, пленумов партийных комитетов. Мизгирев их читал, подправлял, если нужно, перед тем как отправить

в Москву. Понятно, что гиперответственность осталась в нем навсегда. Когда наступала его очередь быть дежурным редактором, он очень долго сидел над полосами, тщательно прочитывал и выверял все тексты. У нас даже анекдот про него ходил: дескать, прежде чем поставить свою подпись в газете, когда остается за редактора, он достает паспорт и сверяет свою фамилию. Мизгирев был человеком исключительной честности, порядочности в глазах всего коллектива, всех знающих его людей.

Другой заместитель редактора Максим Васильевич Мальцев, работал раньше редактором в Шегарской районной газете. Милейший человек, такой, как говорится, мухи не обидит. При этом с твердым характером, тактичный, знающий все, что касалось сельской тематики, умеющий постоять за газету и за журналистов в конфликтных ситуациях. После Новоселова редактором стал бывший секретарь Александровского райкома Николай Григорьевич Нестеренко, человек очень хорошо образованный, с большими амбициями, в меру демократичный, но мыслями от газеты далекий. После ухода из редакции он пытался создать свое дело, но серьезного успеха не достиг.

...В конце восьмидесятых – начале девяностых редакцию возглавили журналисты нового поколения, выпускники Томского университета. Сначала Владимир Иванов, а затем – и до сих пор – Татьяна Кондрацкая. Могу сказать о них главное – это удача, что оба оказались не только журналистами, но и природными бизнесменами. Они сумели наладить успешную работу в годы всеобщего бартера, выменивая дефицитную тогда газетную бумагу на продукцию томских заводов, с которыми, в свою очередь, расплачивались рекламой. Сумели привлечь в газету и массу частных рекламодателей, что позволило газете выжить, зарабатывать на бумагу, типографские расходы, зарплату журналистам. Рядом был пример другой областной газеты «Народная трибуна», где таких лидеров не нашлось, и она разорилась.

Коллеги

Аркадий Семенович Брускин, зав. отделом партийной жизни, в котором я начал работать, был участником войны, в семнадцать лет по комсомольской путевке засланным в партизанский отряд на территории Белоруссии. Он был из числа журналистов, что называется, «божьей милостью», попавших на эту стезю случайно. Умный, энергичный, но с непростым характером. Нередко бывал раздражен, мог из-за пустяка устроить

скандал, а потом разговаривать как ни в чем не бывало. Пару раз он закатывал мне такие истерики, что я не выдержал, написал заявление редактору с просьбой перевести меня в другой отдел. И только тут кто-то сказал мне, что у Аркадия диабет, что объясняло характер. Я пошел к Новоселову с просьбой аннулировать мое заявление, потому что не знал про эту болезнь. Новоселов сказал, что понял, но заявление не отдал. Приберег, думаю, на всякий случай, потому что отношения с Аркадием у него тоже были не безоблачные.

Брускин сыграл свою роль в отставке ректора ТПИ Александра Акимовича Воробьева. У Воробьева, человека независимого, депутата Верховного Совета РСФСР, было несколько конфликтов с первым секретарем обкома партии Егором Кузьмичом Лигачевым. Главный конфликт, как я понял, случился из-за Академгородка. Воробьев был против, считал, что академия переманит кадры из томских вузов. На пике конфликта в редакцию поступила команда дать про ректора критическую статью. Но что ему «пришить»? Воробьев, к несчастью, выпустил тогда в свет книжку с библиографией своих научных трудов. Это и стало зацепкой. Вот, дескать, как нескромно, новый Лев Толстой объявился. И Брускин, даже не повстречавшись с Воробьевым, написал критическую «разоблачительную» статью. Одновременно из журнала «Крокодил» прибыл журналист, сочинивший фельетон про Воробьева. После этого судьба Воробьева была решена, он был снят с поста ректора, оставаясь профессором вуза.

В отделе сельского хозяйства самой яркой личностью был, конечно, Вадим Макшеев. Трагическую судьбу его семьи, сосланной из Прибалтики в Нарым, чудом в ней выжившего, но потерявшего от голода мать и сестру, тогда досконально мы не знали. Вадим иногда публиковал в газете и в журналах рассказы о людях севера, села, потом начали выходить его повести и романы. Но книгу «Нарымские хроники» написал много лет спустя, когда ушел из газеты и стал известным писателем. Считаю, что он и в Томске, и в стране в целом как-то недооценен. Не знаю, почему. Как-то он все время в тени. Может быть, он и сам стремится к этому? Да, есть Солженицын, Шаламов. Но у Макшеева своя история ГУЛАГа, ГУЛАГа сибирской глубинки, хотя порой и без колючей проволоки. История потрясающе трагичная.

В этом же отделе работал Юрий Алексеевич Молодцов, также прекрасно знавший деревню и тоже обладающий литературным даром, только поэтическим. Свои стихи публиковал редко,

стеснялся об этом говорить и предлагать их для публикации.

Борис Бережков – легендарная личность. Он заведовал отделом информации, и ему ежедневно надо было добывать что-то интересное о событиях в области. Сколько там было истинных информаций, сколько придуманных, одному богу теперь известно. Но Боря делал свое дело: набирал «информашки», как он их называл. В «Красном знамени» Борис когда-то работал одно время вместе с писателем Липатовым, дружба у них продолжалась и с отъездом Липатова в Москву. При мне как-то Липатов позвонил Бережкову и сказал, что ему срочно нужен корабельный телефон «для понтов». Боря раздобыл такой телефон и рассказывал потом, что телефон этот висел у Липатова в его московской квартире...

Эдуард Стойлов – еще одна яркая личность «Красного знамени». Работал он в отделе промышленности и вел лесную тему, страстно любил старый Томск и очень хорошо его знал. Любил встречаться со старыми томичами, разговаривать с ними. Любовь к Томску выразилась у Эдуарда и очень интересными телесюжетами о Томске. Самоучка в журналистике, как многие из нас, Стойлов был самоучкой во многом другом. Во-первых, отлично играл без нот, «на слух», на аккордеоне. Еще он увлекался чеканкой, стены квартиры были увешаны его работами. Но самым

любимым увлечением были модели кораблей - парусников, выполненные им до мельчайших деталей. Над этими кораблями он мог сидеть днями и ночами. Мы искренне восхищались его работами и поражались тому, как он их делал, имея очень слабое зрение.

Интересно, что почти все в газете не работали прежде в тех отраслях, которые освещали в газете, но вряд ли кто из профессионалов мог об этом догадаться. Особенно сложной в этом плане была работа в отделе промышленности, который вел темы строительства, томских заводов, нефтяной, газовой и лесной отраслей. Возглавлял отдел Леонид Левицкий, сотрудниками в разное время были Валерий Лавров, Юрий Щербинин, Владимир Иванов, Виктор Лойша. Высокопрофессиональными были в «Красном знамени» фотоиллюстрации Евгения Лисицына, Николая Потапова, рисунки Владимира Марьина. Все они также были самоучками, но ярко раскрылись в газете.

Любовь к командировкам

В первый рабочий день в «Красном знамени» со мной побеседовал редактор газеты А.Н. Новоселов. Он мне сказал: «Знаешь, пока нет подходящей ставки, поработай месяц в отделе сельского хозяйства. Это будет для тебя вроде испытатель-

ного срока». Сразу меня отправили в командировку, которые для журналистов газеты были по сути обязательными, как минимум раз в две недели. Шла уборочная страда, мне предложили написать о передовом председателе колхоза в Баткатае Шегарского района.

Вообще работа редакции в том, что касалось села, четко делилась в отношении села на освещение компаний – посевная, сенокос, заготовка кормов, уборка урожая и снова по кругу. Эти темы были обязательны и для передовых. А к ним непременно передовицы полагалась «шапка», чаще всего согласованная в обкоме партии. Однажды шапка была такая: «Выкосим все, что выросло». И мы с коллегами еще не раз юморили по этому поводу.

Притупов оказался человеком с пятью классами образования, нудным, но дотошным хозяином деревни. В село я добрался к вечеру, Притупов, узнав о цели приезда, обещал на следующий день проехать со мной по полям. Потом вызвал уборщицу: «Возьми его на ночлег, покорми, но деньги возьми обязательно». Женщина дала мне оладьи с медом, молоко, конечно, не взяла с меня платы. На следующий день, когда мы ездили по полям, на ток, на ферму, я обратил внимание, что Притупов постоянно что-то записывает в простую школьную тетрадь по арифметике. Оказалось, он вел ежедневные записи о том, что нужно сегодня сделать, что уже сделано. И было много цифр, какие-то расчеты – сложение, вычитание «в столбик». И у меня тогда окончательно сложилась тема очерка - о рачительном хозяине села - и я, назвав очерк «Арифметика председателя», подстроил под заголовок весь материал, переборов неприязнь к Притупову как человеку.

Пройдя испытательный срок, я надолго утвердился в отделе партийной жизни и даже в конце восьмидесятых заведовал им, что было до перестройки невозможным из-за «пятой графы» - национальности. Надо сказать, что в парт отделе, помимо отчетов со скучных конференций, собраний, было и много интересных тем. Но именно в отделе партийной жизни я, может быть, совершил главное преступление в начале своей журналистской работы. Как-то Брускин дал мне задание: «На ТЭМЗе очень слабый секретарь парткома, его хотят снять. В обкоме поставили перед нами задачу – сделать критический материал о его работе. Давай езжай». Я поехал. Поговорил с людьми в цехах, с самим секретарем. Человек хороший, но руководитель и вправду оказался никакой. Партийная работа

была действительно слабовато поставлена. Мой материал Брускин посмотрел и сказал, что это никуда не годится и надо переделывать. Я переделал, это ему тоже не понравилось. И он мне продиктовал все то, о чем я написал, но выстроено было совершенно по-другому, толково, ясно. И сразу становилось понятно, что партком на заводе работает очень плохо.

Статью напечатали, секретаря конечно же сняли, но у меня на всю жизнь осталось чувство вины. Текст – он был критическим - перед публикацией не показал секретарю, что от меня и не требовалось в те времена, ибо судиться с газетой никто не пытался. Да и спешка была с этой заказной статьей. Но вечером, перед выходом газеты, я представил, как партторг утром берет газету и читает о себе неприятные строки. И его жена, дети переживают, что папу «ославили» на весь город. После этого я всегда показывал человеку критическую статью, выслушивал его встречные аргументы.

Работа в «Красном знамени», как и в «молодежке», давала постоянно возможность встреч с яркими личностями. Одним из таких был Николай Степанович Жульев, знаменитый председатель колхоза «Маяк» в Первомайском районе (позже он стал первым директором тепличного комбината). Отойдя от дел, Жульев написал свои воспоминания и попросил меня их отредактировать. Воспоминания шли вразброс, но читались легко, были наполнены вперемешку трагическими и смешными историями из тяжелой деревенской жизни середины пятидесятых годов. Мне оставалось только выстраивать материал каждой главы и книги в целом, делать литературную правку, придумать заголовки глав и книги. Я назвал ее «Вкус хлеба». Жульев хотел что-то более возвышенное, но я убедил его оставить это название.

На Жульева поступила в обком жалоба, и меня послали к нему вместе с Вологдиным, заведующим орготделом, по влиятельности едва ли не вторым человеком в обкоме после Лигачева. Зачем он меня взял в эту поездку, не знаю, может, думал, что придется дать в газете критическую статью. Дело в том, что Жульев, воспитывая колхозников, использовал местное радио. И говорил все, что считал нужным, причем сыпал такими словами, что народ потом над теми, кого он «песочил», долго смеялся. Представьте: в шесть утра, когда люди должны гимн слушать и последние известия, а потом «Утреннюю зарядку» под командой диктора Всесоюзного радио делать, из динамиков звучит голос Жульева, распекавший какого-нибудь

Ваньку, валявшегося вчера на току, или нерадивую Маньку, опоздавшую на дойку, потому что «трусы, наверное, долго найти не могла». Мог и матом загнуть, но не зло, а с таким юморком, что над нерадивым работником колхозники потом несколько дней подтрунивали. В конце концов, «пострадавшие» начали писать жалобы в обком, с гневом обличая председателя, неправильно использующего наше советское радио.

Вологдин провел с Жульевым воспитательную беседу насчет выражений и того, что негоже ему вылезать в эфир, когда идут передачи из Москвы, попили мы с ним чай и уехали. Вологдин о сути дела ничего мне не сказал, и я понял, что ничего в газете писать не надо. В середине семидесятых Жульев перебрался в Томск, строил здесь по поручению Лигачева большой тепличный комбинат.

Но вернувшись к газете. Еще одна памятная встреча в селе, с Федором Назаровичем Кондратюком. Этот человек с семиклассным образованием, прошедший войну, добивался неимоверно высоких урожаев в Крутоложенском отделении колхоза, которым руководил. Здесь урожаи были по 20-22 центнера с гектара, в то время как уже 17 считалось очень хорошим результатом. Мой очерк о Кондратюке назывался просто «Крестьянин». Он и был очень простым человеком, располагавшим к себе, талантливым организатором. Достоинство очерка, на мой взгляд, было в том, что мне удалось показать «человека от земли», с его крестьянским умом и хваткой, позволяющими без агрономического образования добиваться впечатляющих результатов.

Без малого два десятка лет в молодежной газете, а потом в «Красном знамени» я, как спецкор, рассказывал также о людях и проблемах томского севера. Работа в командировках доставляла мне удовольствие, особенно в командировках на север - в Александровское, Васюган, Каргасок. Там всегда находились интересные темы и яркие люди. Как правило, это были геологи и нефтеразведчики из Александровского, Нового Васюгана, Каргаска, вертолетчики, строители Стрежевого, бойцы томских студенческих отрядов. До сих пор помню имена героев публикаций из моих первых северных командировок - геологов Даненberга, Шелковникова, Некрасова, Арбузова, Ганюка, вертолетчиков Шепелева, строителя Олега Ружникова.

Все мои герои очерков и статей были людьми, увлеченными своим ремеслом, и когда я общался с ними, видел их работу, слышал, как они говорят о своем ремесле, то, право, завидовал, что

я не геолог, не хирург, не летчик, не строитель, не ученый... В журналистской работе мне очень интересен сам процесс собирания материала. И когда было собрано уже все, наступало какое-то опустошение. Кажется, есть все: факты, детали, характеры, а садиться за очерк, за статью не хочется... Надо бы на какое-то время просто отойти от собранного материала, дать ему отлежаться. Но поскольку обычно материал нужен был срочно, приходилось себя заставлять.

«Почему в газете нет критики?!»

Работа в партийном отделе «Красного знамени» имела тот минус, что надо было стараться, не халтуря, а главное, доступно, без партийно-бюрократической занудности рассказывать о партийных собраниях, партийных организациях. Со временем «Молодого ленинца» во мне было заложено, что халтурно ничего нельзя делать. Сегодня, завтра подашь информацию как попало, а там наступит момент, когда ты уже и не сможешь качественно изложить материал... И когда я писал о каких-то партийных конференциях, собраниях, пленумах, старался говорить доступным языком о том, что там происходило. Конечно, не обходилось без каких-то обязательных клише. Например, в отчете о партийных собраниях надо было обязательно процитировать Brezhnev. (А вот Лигачев, когда просматривал материалы газеты с конференций и пленумов, цитирование своих речей решительно вычеркивал. Он учитывал, что газета, отправляется также в сектор печати ЦК партии, и там, видимо, следят, сколько раз упомянут Brezhnev и сколько раз Лигачев).

Лигачев требовал, чтобы у каждого сотрудника обкома (а затем и горкомов, райкомов) утром на столе лежала газета «Красное знамя». Он сам начинал свой трудовой день с того, что просматривал обе областные газеты. В членах бюро обкома был наш редактор газеты, чего прежде не практиковалось. В то же время Лигачев никому, кроме себя, не позволял командовать газетой. Секретарь обкома Петр Слезко иногда пытался что-то диктовать, но Новоселов очень резко это отмечал, зная, что найдет поддержку Лигачева.

Критиковать нам разрешалось райкомы партии в целом и их отделы, иногда отделы Томского горкома партии, но не горком в целом и ни одну из структур аппарата обкома. Но и то, что было позволено, существовало только в нашей области благодаря некоторому либерализму Лигачева, держащего газету за один из рычагов управле-

ния, ну и воспитания на положительных и отрицательных примерах. Газеты ему регулярно на рейсовом самолете доставлялись и в отпуске (как правило, он проводил его в подмосковном санатории, вместе с женой, которая не могла весь год жить в Томске, видимо, по состоянию здоровья). Помню, как в один из отпусков, его помощник, Роман Романов, позвонил редактору: «Юрий Кузьмич спрашивает, почему в газете третий день нет критики?!». Надо ли говорить, что в следующем номере критика «нашлась» и что это был исключительный случай ее отсутствия прежде и потом.

Когда мы говорили коллегам из газет других областей о том, что нам разрешено, они делали большие глаза. У них разрешалась разве что критика управдомов, начальников коммуналки, некоторых хозяйственников. И еще. У нас Лигачев установил железное правило: ответ на критику газеты должен быть дан не позднее, чем через десять дней. И это касалось не только областной газеты, но и районных.

То, что Лигачев читал и «Молодой ленинец», знаю по себе. Однажды по результатам поездки к нефтяникам я написал статью, после чего меня пригласили в обком партии к Веселкову – инструктору нефтяного отдела. Дело в том, что моя статья носила критический характер в отноше-

нии одной строительной организации, принадлежащей Тюмени. Эта организация тормозила ряд работ на нашей территории. Инструктор мне сказал: «Егор Кузьмич Лигачев поручил мне с вами поговорить. Все, что вы написали, правильно, но нам сейчас не время ссориться с Тюменью».

Примерно раз в год Лигачев приезжал в редакцию: либо на заседание партийного бюро, либо на собрание. И всегда это было неожиданно, вдруг. В выступлениях обозначал задачи, которые надо решать коллективу. Правда, иной раз и не совсем понятно было, чего он, собственно говоря, приехал. Говорил такие вещи, про которые мы и так знали. Думаю, это был определенный ритуал. На собрания призывали и типографских, и даже техничку тетю Клаву. Создавали массовость.

И еще одна показательная сторона внимания Лигачева к журналистам. В поездках вместе с ним по области он всегда следил за тем, чтобы журналистов кормили в столовых вместе с ним (другие начальники на это тему не заморачивались) и нормально устроили в гостинице. (Сам, как и другие высокие начальники, ночевал в райкоме партии, где была специальная комната с кроватью и – главное – со спецсвязью с Москвой, откуда могли позвонить из ЦК или Совета Министров).

Солomon ВЫГОН

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ БОЛЬШОЙ ГАЗЕТЫ

В шестидесятых здания редакций молодежной и партийной газет – «Молодого ленинца» и «Красного знамени» - стояли рядом на проспекте Ленина. Соответственно – аккуратный одноэтажный особнячок и трехэтажное бесстильное здание, между ними был захудалый цветник. В первом - теперь какой-то магазин, а во втором - факультет журналистики ТГУ и учебная типография.

Первые пять газетных лет я проработала в «Молодом ленинце», но соседей мы знали очень хорошо, многих любили и уважали. Хотя, честно говоря, считали себя куда более интеллектуальной, веселой, как теперь говорят, продвинутой газетой, и страшно пыжились, когда удавалась «вставить старшеньким фитиль», то есть сообщить о какой-то новости раньше. Тем не менее многие наши сотрудники с охотой общались со «знаменцами», советовались, обсуждали темы, показывали подготовленные к печати материалы. Любил собирать вокруг себя нашу братию самый настоящий метр Аркадий Семенович Брускин, заведовавший в «КЗ» отделом партийной жизни. Помню, как вечерами читали мы вслух только что опубликованный «Театральный роман» Булгакова. И тут же обменивались впечатлениями.

Надо сказать, что творческий состав в «Красном знамени» был в те годы просто штучный. Не буду перечислять – обо всех этих людях наверняка вспомнили в юбилейные дни. Когда в первой половине семидесятых в партийную газету пришло довольно много подросших представителей «ленинца», то мы были «пожиже». Хотя не исключено, что представители другого поколения и о нас отзовутся с уважением.

После молодежной вольницы приходилось нелегко. Перевранный факт или фамилия здесь немедленно замечались и осуждались. И вообще надо было существовать в жестком режиме. В том числе и идеологическом. Сейчас, когда говорят о партийных газетах, естественно, прежде всего, воспринимают их как послушных исполнителей воли партийных комитетов разного уровня. Конечно, в чем-то так было. Помню, как пришедший в «Красное знамя» несколько раньше меня, но из той же «молодежки» Солomon Выгон, читая подготовленный мною материал, сказал: «Ну, мать, ты осваиваешь партийную лексику. Нако-

нец-то правильно написала название постановления – «О дальнейшем повышении...» Я все никак не могла привыкнуть, что все партийные постановления были не о повышении, улучшении, развитии, а о дальнейшем повышении, дальнейшем улучшении...

Все это было. Особенно во второй половине семидесятых, когда в стране стояла мертвая зыбь, а мы бесконечно публиковали отклики, отзывы на эти самые постановления и решения. Но «Красное знамя» умело и противостоять. Расскажу один эпизод. Первый секретарь обкома был нашим главным читателем, как, впрочем, был он и главным нефтяником, и главным строителем, и главным зрителем. Юрий Кузьмич, как все тогда его называли, не только первым прочитывал газету, он хорошо знал ведущих журналистов, в особо напряженные моменты требовал, чтобы ему присыпали сверстанные полосы, и сам делал

правку. Лигачев бывал и на редакционных летучках. Одна такая была посвящена социалистическому соревнованию. Считалось, что это самый надежный фактор повышения производительности труда. Юрий Кузьмич был недоволен освещением газетой темы соцсоревнования. Заместитель редактора Леонид Левицкий начал свой доклад, основной мыслью которого был тот простой факт, что газета только отражает то, что происходит на самом деле. Как организовано это соревнование, так мы о нем и пишем. Вдруг сидящий в президиуме Лигачев прервал Левицкого репликами. Дословно не помню, но тон был резкий. Леня был (надеюсь, и остается) отличным журналистом, но не очень смелым человеком. Он побледнел, но нашел в себе силы сказать: «Разрешите, я все-таки продолжу». «Продолжайте, говорите!» - ответил Лигачев, и вдруг повернулся на стуле – спиной к докладчику, профилем ко всем нам, сидящим в зале. Такая позиция первого секретаря должна была докончить выступающего. Леня был уже серого цвета, но дочитал свой доклад, кстати, умный и аргументированный. Потом все как-то скомкалось. Лигачев покинул зал. А буквально на следующий день в «Красном знамени» был опубликован огромный материал Левицкого о соцсоревновании на конкретном предприятии. Он, естественно, был уже готов, когда проходила та летучка. Лигачев, с утра просматривающий газету, вызвал главных участников редакционного совещания, а на нем присутствовали руководители радио и телевидения, и при всех сказал: «Леонид Семёнович, очень хороший и своевременный материал, - чуть помолчал и добавил, - если хотите, я могу извиниться». Как человек холерического темперамента, Егор Кузьмич был склонен к быстрым и бурным переменам настроения. И иногда мог признать свою ошибку.

Из подобных сюжетов и складывалась жизнь. Но особо самостоятельным, необыкновенным и очень значительным человеком был, конечно, редактор Александр Николаевич Новоселов. Вот уж кто мог брать на себя ответственность и никогда не переносить свое настроение на подчиненных. Но это человек, о котором нельзя говорить вскользь. Как, впрочем, и о Максиме Мальцеве, Борисе Бережкове, Виктории Брындиной, Иосифе Мизгиреве. Останавливаю перечисление, боюсь обидеть кого-то неупоминанием.

Этот текст был написан несколько ранее иказался мне достаточным для скромных воспоминаний литсотрудника, проработавшего в газе-

те всего шесть лет из ее ста. Но строгий редактор Нина Маскина высказала требование: вспомнить все! Или хотя бы часть всего. Мы вместе стали перебирать людей, которые писали в газету или просто любили заходить в гости, судьбоносные события и развлечения. Одно из них - ежемесячные сборы в Доме ученых, где в продолжение нескольких лет шумело сообщество, носившее неблагозвучное название КТИВДУ – клуб творческой интеллигенции в Доме ученых – его организатором и председателем оргкомитета был актер театра драмы Аркадий Аркин. Меня отрядили туда представлять редакцию. Помню, как строгостью и ласкою Аркадий Аркадьевич подвигал нас на создание разнообразных и интересных программ. Художники организовали несколько выставок, актеры и писатели придумывали смешные конкурсы и игры. Сам Аркин – заядлый шахматист и преферансист – умудрился на одну из наших встреч притащить самого Марка Тайманова. Как-то устроил показ замечательных мультиков... Заканчивались встречи творческой интеллигенции, что естественно, братанием за накрытыми столами.

От Союза журналистов выезжали мы и в соседние города. На экскурсии и встречи с коллегами. Одна из традиций тогдашних молодых краснознаменцев – встретить на берегу реки ледоход. Об этом напоминает мне фотография, что висит у меня сейчас на стеночке перед глазами, но крепко приkleена и основательно помутнела. Однако видны и дали неоглядные Томи, по которой движутся сахарные глыбы, и крутой бережок, на котором встречают весну молодая часть редакции и примкнувшая к нам художница Наташа Аксёнова. С собой всегда мы брали один и тот же набор – булку черного хлеба, селедку, картошку в мундире, соленые огурцы. Понятно, что к этому набору прилагалось. Было весело!

Однажды гости нагрянули к нам. В Томске проходило совещание вторых секретарей обкома (кто из нынешних читателей знает, что секретари имели номера?!) и редакторов областных газет. С ними устраивали экскурсии в сопровождении журналистов. Так как работала я в отделе науки и учебных заведений, то посетила вместе с делегацией Институт оптики атмосферы в Академгородке, где несравненный Владимир Евсеевич Зуев подвесил им на уши немало лапши, понимая, что всерьез научного обзора такие гости с утра пораньше не выдержат. Но самое неожиданное произошло в Ботаническом саду университета. Экскурсию вела сама Валентина Морякина, бессмен-

ный директор сада. Вдохновенно рассказывала она об окружающих нас экзотических растениях. Раздался вопрос: «А это едят?» Валентина Андреевна сдержанно ответила. Через несколько минут по поводу уже другого экспоната другой голос спросил: «А плоды съедобны?» Морякина споткнулась, потом выпрямилась и железным голосом сказала: «Знаете, уважаемые, когда я смотрю на всю эту красоту, на это разнообразие природы, мне не приходит в голову: можно ли это съесть!». Дальнейшее знакомство было недолгим.

Но одна из больших благодарностей судьбе и газете, что она позволила мне познакомиться с уникальными людьми. И писать о них. Старалась передать свое восхищение. Как академик Дмитрий Яблоков на «Посвящении в первокурсники» обращался к студентам: «Не хочу злоупотреблять вашим благосклонным вниманием...», как профессор Борис Шершевский первое занятие по своей теме начинал с громкого биения человеческого сердца, какие чудеса на операционном столе творил профессор Викентий Пекарский... Материал о директоре Беляевской средней школы начинался просто с объяснения в любви к Человеку-Педагогу Григорию Псахье...

Но расскажу один необычный сюжет. Уже сказано, что мы должны были находить авторов для откликов на все и вся. Когда появилась первая статья, обливающая грязью Александра Солженицына, задание мы тут же получили. Обычно действовали через парткомы. Там находили персонаж, точнее имя, которым подписывался сочиненный в редакции отклик. А секретарем парткома ТГУ был в те годы известный томский ученый, один из основоположников теории системного анализа, доктор технических наук Феликс Тарасенко. На мое предложение он помолчал и сказал: «Это должен сделать я сам. Завтра привезу». И на следующий день Феликс Петрович вручил мне текст, гениально составленный из цитат, мол, так как в центральной газете написано, что А.С. клевещет (за этим следовал закавыченный текст), то это действительно нехорошо. И далее в том же духе. Мне кажется, тогда я не выразила ему своего уважения – делаю это сейчас.

Я пришла в большую газету незадолго до переезда в новое здание на пр. Фрунзе. Мне кажется, что наш редактор, незабвенный Александр Николаевич, сознательно затягивал новоселье. Сейчас это кажется странным, но мы оказались на выселках после многолетнего существования в самом центре города. Туда стекались все новости. К нам запросто приходили люди с жалобами и замет-

ками, забегали знакомые и друзья пообщаться. Конечно, в новом помещении было просторнее, комфортнее, но ушла домашность. В театре говорят: намоленная сцена, сказать такое про партийную газету – бес tactность. Но как объяснить то, что сотрудники бродили по пустым коридорам, а потом сбивались в каком-нибудь из отделов. Со мной произошел такой казус: оказавшись одна, с молчащим телефоном (номера еще не освоили авторы и друзья), я мирно уснула.

Но постепенно шло освоение нового пространства. Да и город стремительно развивался, и даже улица Кулагина уже не казалась пригородом.

На втором этаже в дальнем конце коридора располагался сельхозотдел. Им заведовал Юра Гришаев. Он тоже был выходцем из «молодежки». Но и там отличался молчаливостью, какой-то ранней взрослостью, почти не участвовал в буйных забавах и постоянном «трепе». Бесконечные наши разговоры были, как правило, о судьбоносном, о редакционных делах и перспективах, обо всем новом, что увидели и прочитали. А Юра вроде бы живым укором сидел и все время писал. Так же вел он себя и в «Красном знамени». Лишь изредка на праздничных неформальных посиделках мог спеть какую-нибудь старую красивую песню. Тут замолкали все остальные. (Даже Эдик Стойлов, который постоянно украшал все редакционные между собойчики песнями и игрой на пианино и аккордеоне). В этом же отделе работал ныне известный писатель Вадим Макшеев, но в то время вытащить его на какой-то рассказ тоже было проблемой. Но очень хотелось. Мы уже кое-что знали о его страшной судьбе, но сведения были случайные, неполные. А Вадима даже и спрашивать было неловко. Зато изредка от него можно было услышать скучную похвалу. Помню, написала я первый свой материал о комбайнере, так сложились обстоятельства, хотя вообще-то тема была не моя. Оказалось, Вадим не только прочитал, но при встрече негромко сказал: «Это хорошая деталь, когда жена говорит о муже: «Вот и собаку купил такую – ни на своих, ни на чужих не лает». И прошел к себе.

В 1973 году под девизом «Первая книга в столице» вышел сборник рассказов Макшеева «Последний парень». Все рассказанные в нем истории относились к концу войны и первым послевоенным годам. Героями были васюганские колхозники. Хотя слово «герои» странно соотносилось с этими людьми, с их трудными и невеселыми судьбами. Хорошо помню, как тронули меня эти рассказы не только описываемыми событиями,

но трагическим мерцанием, остающимся за пределами строк и слов... Потом эта затаенная боль была высказана во многих его произведениях. Мы узнали, как мальчиком Вадим с матерью и сестренкой был выслан на Васюган из эстонского города Тарту – обе умерли в один день в районной больнице. Отец погиб в лагере. А Вадим выжил и стал одним из наиболее теплых и внимательных людей, с которыми встречалась я в жизни. Приходила к нему в кабинет просто, чтобы посидеть рядом. Мое соперницей в борьбе за право посидеть с Макшеевым была Лиза Мерцалова. Иногда мы даже разыгрывали небольшие сцены ревности, от которых наш герой смущался, но мы видели, что внимание было ему приятно.

Мы сидели лицом к лицу с Владимиром Марьиным, который заведовал отделом иллюстраций. Володя был незаурядным мастером экслибриса, заказы ему приходили со всех концов страны, в которых всегда изливались восторги по поводу его графических миниатюр. Володя иногда чуть иронично цитировал своих поклонников и признавался, мол, понимаю, что перехваливают, но все-таки читать приятно. И нам всем было приятно, что в редакции работают талантливые и скромные люди.

Как-то Марьин написал автору одной из статей о его творчестве: «Я рад, что мог постоянным трудом и упорством сделать мои экслибрисы достаточно художественными и теперь могу спокойно сказать, что они выше среднего уровня той продукции, которую делает большинство наших авторов книжных знаков». Вот так – скромно и достойно – оценивал он себя.

Что же касается работы в газете, то «Красное знамя» в те годы отличалось графичностью, я бы сказала – элегантностью. Володя часто сам делал макеты будущих газетных полос, создавая их с тщательностью удивительной, четко, внятно, изящно выписывая заголовки и рубрики. Остальные работники секретариата макеты делали небрежно, с поправками и криво написанными текстами. Мне доводилось делать макеты, и я тоже относилась к ним, как к делу подсобному, не нуждающемуся в тщательности. Ведь как только они попадут к метранпажу, тот заляпает бумагу руками в типографской краске, а когда полоса будет сверстана, на помятый грязный макет будет страшно смотреть. «Зачем ты так стараешься?» – спросила Володю. «А ты посмотри, в каком

виде приносят из типографии оттиски полос мне и в каком – остальные». И тут я впервые увидела, что у Марьина полоса в первом прочтении в таком виде, что хоть сразу отдавай в печать, а у остальных – линейки подобраны небрежно или отбивки вообще отсутствуют, рядом с полосой отпечатаны не поместившиеся «хвосты»... «Они же по макету видят, как я отношусь к их работе, и отвечают тем же».

Последние свои годы Марьин прожил в Германии. Несколько лет назад прислал мне статью, опубликованную в «Альманахе библиофилов». Откуда приведу довольно большую цитату:

«Мое знакомство с художником Кудряшовым ведет отсчет с 1967 года. Именно в этом году оба мы, молодые и «необкатанные» графики, приехали из разных городов в Томск и прописались в этом славном сибирском городе на долгие годы. Я работал художником и по совместительству заведующим отделом иллюстрации в областной газете «Красное знамя», а Кудряшов художником-оформителем в мастерских Томского отделения художественного фонда. Но еще до первой нашей встречи довелось мне лицезреть в квартире журналистки Марины Лерхе-Смирновой одно из кудряшовских произведений. У Марины часто по вечерам собиралась творческая молодежь, чтобы пообщаться в непринужденной обстановке под стакан вина и немудреную закуску. Все стены квартиры были исписаны автографами многочисленных гостей: рисунки, стихотворные экспромты, мудрые, и не очень, изречения. И все эти граффити были нанесены прямо по выбеленной штукатурке – каждый гость оригинальничал, как ему вздумается. Вот однажды и показала мне на кухонной стене (на других стенах уже места не было) свежую «фреску», напоминающую «Тайную вечерю» Леонардо да Винчи.

- Был на днях Володя Кудряшов, – рассказала хозяйка, – предложили и ему оставить след на стене. А он как-то больно уж серьезно подошел к этому делу, и пока остальная богема бражничала и вела разговоры «за святое искусство», он, вооружившись кистями и гуашью, несколько часов кряду расписывал стену. Всех, в застолье участвующих, изобразил. А сам даже к предложенной рюмке не прикоснулся: «В нетрезвом виде, – говорит, – не работаю».

Мария СМИРНОВА

ИМЯ В «КРАСНОМ ЗНАМЕНИ» И... ЕВРОПЕЙСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ

Время от времени в редакции раздается звонок: «Прочитал статью, хотел бы познакомиться с журналистом». Интерес читателей к тем, кто делает газету, давний, но мы как-то считали нескромным рассказывать о себе. Решились в день 75-летия «Красного знамени», когда и пообещали подписчикам, что раскроем свои «кадровые тайны». Думаем, тот час настал.

Владимир Алексеевич Марынин - наш художник. Номер, который вы держите в руках, оформлен им. Газетный дизайн сегодня - дело не очень простое. С одной стороны - используя компьюте-

P.S. В 1994 году Владимир Марынин вместе с женой Эрной перебрался на постоянное место жительства в Германию. Жил в Лаатцене, пригороде Ганновера. Уезжая за границу, Владимир Марынин оставил Русской гимназии в Томске всю свою коллекцию изданий «Слова о полку Игореве» - 200 экземпляров!

10 лет проработал главным редактором русскоязычной газеты «Контакт» и одновременно руководил журналом для русских жителей Германии «Родная речь». Писал стихи и мемуары, часто публиковался в российских газетах.

За выдающиеся заслуги по популяризации искусства книжного знака имя Владимира Марынина внесено в Энциклопедию «Слова о полку Игореве», а его экслибрисы удостоены наград самых престижных конкурсов.

В городке Лаатцене Владимира Марынина знали не только как библиофила и экслибрисиста, но и как эксперта и коллекционера курительных трубок.

Умер 3 сентября 2015 года.

ры, газету можно «разрисовать» как рекламный проспект. С другой - очень важно соблюсти чувство меры, так оформить и расставить материалы, чтобы каждый из них был на своем месте, выглядел «съедобным».

Но, если честно, «похвастать» нам хотелось бы тем, что Владимир Алексеевич - художник, известный не только в Томске, в России, во всем нашем бывшем СССР, но и в мире. Не верите? Откройте «Энциклопедию европейского экслибриса», изданную нынче в Португалии. Там вам, правда, на английском языке, поведают о том, что экслибрисы сибирского художника - тончайшей техники и замечательных самобытных тем. Интересуются работами Марынина в Испании и Франции, в Болгарии, Германии, Англии, Польше, и не только там. У него много друзей. Среди художников, артистов, краеведов, искусствоведов, коллекционеров. Только у Владимира Алексеевича в его небольшом кабинете можно увидеть конверты с марками чуть не всех европейских стран. Это «их» коллекционеры просят нашего художника прислать хоть один оттиск с его графических миниатюр.

Иногда они его получают.

А в нашей газете Владимир Алексеевич работает 25 лет. И помнит всех, с кем работал, и любит то время и тех людей. И лучше всех умеет рассказать забавную историю, которая начинается обычно так: «Как-то, это было еще в старом здании...». И добродушным, но серьезным тоном выдает Марынин очередной замечательный анекдот из жизни редакции.

И почему мы до сих пор их не записывали? Остроумнейший был бы сборничек. А если еще с иллюстрациями самого рассказчика?

Опубликовано в «КЗ» 13.10.1992 г.

ЧЕЛОВЕК С АККОРДЕОНОМ

Когда я только пришел в прессу, у Стойлова уже было прилично наработанное имя. Он относился к собкоровскому корпусу – и хотя работал не для самых престижных изданий, но котировался довольно высоко. Представлял в нашем городе московскую «Лесную промышленность», главную газету одноименной отрасли. Если учесть, что отрасль тогда была основной для Томской области (эра нефтяников еще не наступила), можно догадаться, что с молодым журналистом считались в любых кабинетах.

Впрочем, это его собкорство продлилось недолго. Человеку многих интересов и кипучих разносторонних талантов трудно замыкаться в рамках одной профессиональной темы, как бы интересна она ни была.

Вернулся в родимое «Красное знамя». И прошоработал здесь в общей сложности тридцать с лишним лет. Заматерел, но так и не успел состариться.

Был Стойлов явлением довольно нечастым на фоне провинциальной прессы: газетным писателем. Аналитическая журналистика его мало привлекала в силу заранее предполагаемой сухости, репортаж отталкивал преходящей сиюминутностью.Правильнее, пожалуй, назвать его очеркистом, но с оговоркой: его очерки были

слишком художественны, чтобы строго соответствовать чистоте газетного жанра. Так что, еще точнее, был он газетным рассказчиком.

Ему просто необходимо было охудожествовать, обобщить и украсить неподатливый жизненный материал. Чеховское горло разбитой бутылки, блеснувшее в теле земляной плотины, он чувствовал как никто из знакомых мне журналистов. А сугубая, подчеркнутая простота тем и героев сделала Стойлова одним из наиболее любимых и самых читаемых газетчиков Томска.

Он писал о людях самых обыденных профессий, о людях с их повседневными нуждами. И эти люди отвечали ему взаимным расположением, тем более что в образ каждого из них Эдик вкладывал как бы частицу себя самого, придавая повествованию пронзительно личностный и очень лиричный характер.

Я нисколько не фамильярчулю и отнюдь не подчеркиваю какую-то особую близость к своему герою, вспоминая его как Эдика. Так его звали решительно все, за исключением, быть может, начальства, которому и не положено обращаться к нам ласкательно-уменьшительно. И дело вовсе не в том, что мой товарищ до седых волос оставался старым мальчиком, как это нередко, увы, бывает с людьми нашей профессии. Просто он очень при-

тягивал к себе, и сила этого притяжения была такова, что не позволяла никакой применительно к нему официальности, даже сообразной возрасту.

Знакомством с ним гордились.

Он был – свой. Этим многое сказано.

Впрочем, он великолепно умел сам устанавливать тональность общения, и совершенно по-режиссерски, безукоризненно вежливо, но вполне непреклонно отшивал людей, решительно неприятных его внутреннему складу.

Уже из этого следует, что Эдуард Стойлов был далеко не так прост, каким казался.

Еще надо отметить вот что. Я всегда ощущал в нем нечто, присущее старому Томску, и только этому городу.

Имеется в виду не тот профессорско-кадетский, а затем насилино рабфаковский Томск, который старательно натягивал на себя хитон Сибирских Афин. (Грешен: не люблю это уподобление!) Я говорю о Томске изначальном, не облагороженном еще – или не испорченном? – плодами просвещения, о городе ушкуйном, ямщицком, золотопромышленном, хитрованно торговом, многажды охаянном проезжими знаменитостями, от Гмелина и Палласа до Сухово-Кобылина и Чехова, – и, тем не менее, чем-то бесконечно родном и милом. Вовсе не склонен идеализировать никакую из прошлых эпох, а тяготение к тому, забытому и потерянному уже городу объясняю единственно первобытностью его нравов, соответствующей ранним порам заселения Сибири.

Следы клана Стойловых теряются где-то в глубине XIX столетия. Неизвестно, кто, когда и откуда первым из них оказался на томской земле. Беспощадный XX век заставил сибиряков стереть родовую память, как будто и не было у нас предков.

Документов нет. Семейные предания сохранили только имя прадеда: Владимир Иванович, да еще смутные указания на то, что был он, будто бы капитаном речного парохода “Святитель Николай”.

Первая газета, в которой Эдику пришлось работать, была “Сталинская смена”, незадолго до его прихода переименованная в “Молодой ленинец”.

Сменилось не только название. Томская молодежка, как и вся пресса той поры, стала раскованней и ярче. Впрочем, перемены касались не одних лишь газет: другим становилось время.

Круг знакомств почти всякого журналиста обширен и многообразен чуть ли не до бесконечности. С кем только не приходится общаться в

суетливой толкотне повседневности! И впрямь – броуновское соударение частиц...

Круг друзей и приятелей всегда неизмеримо уже. Судьба и наши собственные склонности очень прихотливо выбирают тех, кого мы могли бы назвать если не спутниками, то хотя бы попутчиками по жизни.

Меня поражала в нем приверженность друзьям детства, ничуть не умалявшаяся с годами, но, пожалуй, только крепнувшая по мере того, как число сверстников сокращалось. Кто-то уезжал в другие города, кто-то уходил в мир иной...

Отношение Стойлова к однокашникам лучше всего определить словом “нежность”. Среди них были очень непохожие люди (я сам знал одного врача, портового грузчика, пару профессиональных военных, да незадачливого уголовника, совершенно спившегося от житейских неурядиц), но, независимо от зигзагов судьбы, от служебного или общественного их положения, Эдик относился к каждому с добротою и радушiem. Откликался на приглашения участвовать в свадьбах детей и крестинах внуков, становился третейским судьей в разладах и ссорах, а самое главное – всегда искренне готов был откликнуться на просьбу о помощи.

Помогал устроиться на работу, провести толковое медицинское обследование, поспособствовать детям в поступлении в вуз, подыскать приличного адвоката...

Благо, журналистские связи во всех подобных вещах – дело не последнее.

Он любил дружеские посиделки и легко становился в любой компании душою застолья. Тому способствовала неназойливая легкость разговорных манер, умение вовремя пошутить, внимание к каждому собеседнику. При желании мог быть бы, пожалуй, первоклассным записным тамадой – редкое по всем временам умение. Пошли умевают многие, подлинный же тамада всегда выше дежурных сальностей.

Кроме того, аккордеон... Только благодаря Стойлову я понял, какой это удивительный инструмент. Эдик умел извлекать из него звуки, заставлявшие вострепетать даже самую зачерствевшую душу. Больше того! Он как бы знал всегда, какой душе и что в данный момент нужно.

Ветхозаветный марш какого-то драгунского полка, забытый щемящий вальсок, нэповскую шантанную мелодию... Иногда по особому вдохновению (но никогда – по заказу!) – импровизировал. И эти импровизации звучали неожиданным и пронзительным откровением.

Он не мог жить без музыки. Не мог не выражать себя в ней.

Отдельная страсть – фотография. Такое ощущение, что Стойлов был буквально заворожен феноменом светописи. И даже зная всю механику процесса (еще бы не знать: сам ремонтировал старые камеры!), по-детски воспринимал конечный его результат как чудо.

Таким детским отношением к своему ремеслу грешат, между прочим, многие мастера.

Стойлов снимал много и плодотворно. Архив его негативов требует еще отдельной большой разработки: настолько он обширен и непрост.

Обильно публиковал снимки в газете. Хотя фоторепортером в чистом жанровом смысле (как, скажем, Евгений Лисицын) никогда не был.

Нельзя также отнести его к числу газетчиков, иллюстрирующих снимками собственные тексты. Тут, пожалуй, следует говорить о некоем третьем пути, обозначенном для отечественной журналистики в шестидесятые годы Василием Песковым, а еще раньше, в 30-е, Ильей Эренбургом (книга “Мой Париж”). Путь безоговорочно писательский, когда сочинение и фото – две ипостаси единого произведения.

Мне больно и странно, что за всю жизнь Эдуард Стойлов не создал ни одной собственной книжки. Больно оттого, что сам уже принцип отбора книжного материала в значительной мере говорит о личности писателя. Тут старания коллег, готовящих посмертное издание, ничего восполнить не могут. А странно потому, что самого-то материала у него было – на несколько книг. Разных по содержанию, но умных и добрых по сути.

Возможно, предполагал заняться этим в тихой пенсионной старости, избавившись от непрерывной газетной текучки... Увы, не вышло у него заслуженного покоя, не дожил. Умер от инсульта.

Лебединой его песней можно считать последние десять лет, когда Стойлов почти целиком сосредоточился на одной теме, которую сам считал главной темой всей жизни.

Формулируется она просто: Томск исторический.

Дело не в формулировке. Дело в том, что она оказалась близка ему, как никому из собратьев по газетному цеху.

А началось все с того, что поступил социальный... нет, пожалуй, даже не социальный, а самый что ни есть прямой заказ. Томску требовался статус исторического города, что давало

некоторые преимущества и льготы. Необходимо было веское обоснование. Это нам, томичам, все понятно без лишних объяснений: на просторах Сибири не так много населенных пунктов, могущих претендовать на исключительное культурное положение; столичным же чиновникам нужны серьезные аргументы. И кроме справок от ученых историков, от архитекторов и от местных властей, к числу таких аргументов должен быть причислен голос общественного мнения.

Резонно. И действительно: а как сами-то горожане воспринимают свое, так сказать, местообитание?

Стойлов взялся за дело с юношеским пылом. Было ощущение, что он всю предыдущую жизнь ждал этой темы и готовился к ней.

Наверное, проснулось то подспудное тяготение к прошлому, которое я уже отмечал.

Но не только.

Он, как и многие люди его поколения, так и остался романтиком. (Были и другие, напротив, ушедшие в цинизм; не о них сейчас речь). Но бездумный идеализм с верою в светлые перспективы ленинского пути был уже невозможен после многих лет брежнятини и последующих пертурбаций. И на смену засморканым идеалам юности пришли другие, которые правильно было бы назвать – вечными ценностями.

Путь же к ним лежит через историю. Твоего рода. Твоего города. Твоего народа.

Есть, наверное, и в этой схеме некоторое упрощение, но не слишком большое.

Так или иначе, Стойлов справился с делом блестяще.

Заказ был выполнен. Томску присвоили воожделенный статус.

Но разве дело было в этом? Гораздо важнее другое: публикации стойловской рубрики прямо и непосредственно оживили патриотизм томичей. Их ждали, этих заметок о городе, их с жаром обсуждали. Автора приглашали в школы и ветеранские советы, он выступал по телевидению. Знаю нескольких старожилов, которым его ненавязчивая публицистика открыла глаза на самих себя. Знаю нескольких молодых людей, избранных для себя стезю историков именно под влиянием Эдуарда Стойлова.

Пересказывать же сами публикации не вижу смысла.

Зачем? Их надо читать.

Виктор ЛОЙША

О ЧЕМ МЫ ТОЛЬКО НЕ ПИСАЛИ

«Всевидящий глаз» государства

Предвоенные 30-е годы характеризовались в СССР не только обострением классовой борьбы, но и принятыми на государственном уровне мерами, направленными на повышение производительности труда и укрепление трудовой дисциплины. Для выполнения этих целей был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 года, и «Красное знамя» щедро отдавало большую часть газетной площади таким публикациям, которые способствовали еще большему усилению оборонной и хозяйственной мощи Советского Союза.

Выполнение и перевыполнение планов и заданий третьей пятилетки, намеченной на 1938-1942 годы, становилось решающим и главным вопросом жизни и смерти молодого социалистического государства. Времени на раскачку не оставалось. Вторая мировая война, начавшаяся 1 сентября 1939 года, шла полным ходом. Германия покоряла одно за другим государства Европы. Фашисты в рейхстаге хвастливо и самонадеянно подводили итоги blitzkrieg с 36-миллионной Польшей, способной выставить 50 дивизий, но покорно капитулировавшей всего за... две недели.

«Закручивали все гайки» государственного механизма. Газета, например, публикует выступление прокурора Союза ССР М. Панкратьева «Крепче ударить по летунам, прогульщикам и их пособникам». «...Было бы величайшим преступлением перед народом, - разъяснял прокурор политическую ситуацию, - предаваться самоуспокоенности и беспечности. Этим настроениям, если они еще кое у кого имеются, должен быть дан решительный отпор. Не исключено, что вражеские и преступные элементы будут делать попытки дискредитировать, тормозить или срывать мероприятия советской власти...».

Предлагалось решительно покончить с либеральным и преступным отношением к летунам и прогульщикам, а, следовательно, «быстро расследовать преступления и рассматривать дела в судах... Воспитательное значение судебного процесса неизмеримо повысится, «если он будет проведен на предприятии, и если вокруг него партийные и профсоюзные организации развернут воспитательную работу среди широких масс рабочих и трудящихся... Борьба с прогульщиками и летунами станет еще успешной, если директора

предприятий и начальники учреждений не будут прикрывать их и защищать...».

Этой же теме, только на местном материале, посвящено выступление «Неустанно крепить трудовую дисциплину» прокурора Куйбышевского района г. Томска Ф. Ведерникова. «На швейной фабрике № 5 на 23 августа имелось 50 случаев нарушений трудовой дисциплины, причем 13 нарушителей самовольно ушли с работы и больше на предприятие не явились... В трудовой колонии № 2 в июле было 12 невыходов на работу, в августе уже 25. В числе прогульщиков оказались коммунисты Плотников, Мягких, Трубочкин...». Прокурор считает, что народные суды Куйбышевского района проявляют недопустимое благодушие к нарушителям дисциплины. Обычной мерой для нарушителей являются 1-2 месяца исправительно-трудовых работ с вычетом 25 процентов из зарплаты. «У судьи второго участка Гетманенко опротестовано 40 процентов приговоров за их мягкостью, за несоответствие меры наказания преступлению. Невольно возникает вопрос, может ли Гетманенко быть судьей, стоять на страже наших советских законов?»

Газета публикует подборки материалов на эту тему как штатных корреспондентов, так и своих читателей. Коллективный корреспондент – редакция вузовской многотиражки «За качество» выводят на чистую воду работников транспортного института. «Библиотекарь Березина проводила отпуск в Москве и приступила к работе с опозданием на один день. Ее привлекли к судебной ответственности в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня. Или такой факт. Начальник финансового отдела т. Алексеев опоздал после отпуска на три дня. Чтобы скрыть это, начальник института т. Гилут предоставил ему отпуск без содержания. Таким образом, Указ в институте применяется к людям в зависимости от их «чина», «звания» или проще – занимаемой должности. Гилут выступает в роли покровителей дезорганизаторов трудовой дисциплины, если такие занимают высокие посты. Странную позицию занимает секретарь партийного бюро Чернышев, закрывая глаза на все нарушения Указа от 26 июня...».

В. Лаптев в корреспонденции «Не успокаиваться на достигнутом» отмечает, что проведение в жизнь Указа от 26 июня заметно повысило

производительность труда в коллективе артели «Краснодеревец». Перевыполнен августовский и план восьми месяцев, а производительность труда, в том числе за счет уплотнения рабочего дня, поднялась до 160 процентов. Есть и замечательные ударники. Такие как бригадир сборщиков Ф. Лукашенко, выполнивший план на 340 процентов. Рабочий Молодцов – на 250 процентов. Такой же высокий результат у столяра второй бригады Ф. Путинцева. В три раза перевыполняет дневное задание станочник механического цеха М. Тачеев. За последние два месяца число стахановцев возросло на 13, а ударников – на 12 человек. «Вместе с тем, - делает вывод автор, - у бракеров еще много работы. Бракоделы бывают разные. Например, 15 августа Губин при изготовлении комода хотя и знал, что полки не будут держаться на мелких гвоздях, все же забил их. При малейшем нажиме они вылетели из гнезд. Пришлось переделывать и ставить, как и положено, на клей...».

Чаще стали появляться на газетных полосах сообщения из зала суда. В заметке «Прогульщики перед судом» речь шла о вахтере весового завода Кирилле Жарких, который держался на суде развязно: «Я выпил только две кружки пива и на работу пришел аккуратно в 20 часов», - говорил обвиняемый, желая смягчить вину.

Однако представленные суду документы свидетельствовали, что Жарких явился на дежурство пьяным и был отстранен от работы, что подтверждает выписка из приказа. В трудовой книжке перечислены увольнения до издания закона: 2 мая 1937 г. – с фабрики «Красная звезда», 7 ноября 1939 года – с весового завода, 19 мая 1940 года – из индустриального института. За два года этот дезорганизатор производства сменил четыре места работы. Народный суд 1-го участка Кировского района приговорил прогульщика к шести месяцам принудительных работ.

Несколько жестче наказание за прогул инспектора бюджета Томского райфо Косолапова, который пьянствовал пять дней, а в служебное время нередко уходил по личным делам. Его приговорили к шести месяцам принудительных работ с удержанием 25 процентов оклада.

Публикации на эту тему появлялись в каждом номере газеты. Достаточно перечислить несколько характерных заголовков: «Мищенко ищет свидетелей», «На швейной фабрике свои «законы», «Мудрость» судьи Гетманенко», «Вольготно живется прогульщикам в стоматологии

ческом институте», «Хозрасчетный паровоз» и другие. Автор письма в редакцию под заголовком «Хозрасчетный паровоз», старший машинист паровоза № 7276-27 депо Томск-II М. Будко поделился интересным опытом. Паровоз перевели на хозяйственный расчет и заключили договор с руководителями, взяв обязательство применять передовые методы социалистического транспорта. Договор успешно выполняется. Указ от 26 июня помог укрепить трудовую дисциплину. М. Будко призвал всех машинистов к 23-й годовщине Октябрьской революции перевести свои паровозы на хозяйственный расчет.

Читаешь все это, и становится не по себе. Да, дисциплина трудовая должна укрепляться, но не такими средствами. Люди находились под постоянным прессом. За малейшую провинность, а то и просто по доносу, можно было угодить за решетку.

Важнейшим шагом в укреплении государственной дисциплины стал Указ Президиума Верховного Совета СССР об образовании Народного комиссариата Государственного контроля СССР, опубликованный в «Правде» 7 сентября 1940 года и напечатанный в «Красном знамени». Он был создан в целях «установления строжайшего контроля над учетом и расходованием государственных денежных средств и материальных ценностей и осуществления проверки исполнения решений правительства...».

«Беречь каждую советскую копейку – вот незыблемый закон для всякого учреждения и предприятия. Необходимо во всех звеньях народного хозяйства и государственного управления установить жесткий режим экономии, устранив непроизводительные затраты, расточительство материалов и денежных средств...». А вот это уже звучит вполне современно! Сейчас бы такую рачительность и строгость по отношению к тем, кто бессовестно разворовывает наш общий бюджет. Минуло почти восемь десятилетий, а как актуальны требования Указа. «Не секрет, что в учреждениях и на предприятиях еще существует много непроизводительных расходов. Есть лишние, ненужные звенья, которые можно безболезненно ликвидировать, раздутые штаты на предприятиях, громоздкая система отчетности, непроизводительное расходование сырья, топлива, материалов – все это бременем ложится на наш государственный бюджет, мешает экономическому росту... Есть еще немалое количество людей, для которых, как говорил тов. Сталин, «не стоит иногда большого труда перешагнуть, наподобие

свины (извиняюсь, товарищи, за выражение), в огород государства и хапнуть там или показать свою щедрость за счет государства...».

На созданный Народный комиссариат Государственного контроля СССР была возложена огромной важности задача – «так проверять исполнение директив правительства, чтобы не было ни одного ведомства, ни одной хозяйственной и общественной организации в стране, которые не чувствовали бы на себе всевидящий глаз Государственного контроля. Деятельность нового Наркомата будет способствовать росту дисциплинированности и сознательности в работе государственного и общественного аппарата, сыграет огромную роль в борьбе с разгильдяйством, расхлябанностью и всякими подобными явлениями, неперпимыми в аппарате советского государства...».

Предусматривалось, что деятельность Народного комиссариата Государственного контроля СССР будет «направлена к тому, чтобы наладить и укрепить строжайшую государственную дисциплину, неизмеримо повысить ответственность руководителей и работников нашего административного и хозяйственного аппарата за проводимую ими работу, воспитать у них бережное отношение к государственным средствам...».

А вскоре, 2 октября 1940 года, был подписан еще один важнейший Указ Президиума Верховного Совета СССР «О государственных трудовых резервах», вызванный требованиями сурового предвоенного времени. Для расширения промышленного производства необходим был постоянный приток новой рабочей силы на шахты, рудники, транспорт, фабрики и заводы. Совету Народных Комиссаров СССР было предоставлено право ежегодно призывать (мобилизовывать) от 800 тысяч до 1 миллиона человек городской и колхозной молодежи мужского пола в возрасте 14-15 лет для обучения в ремесленных и железнодорожных училищах, и в возрасте 16-17 лет для обучения в школах фабрично-заводского обучения.

Причем все выпускники училищ считались мобилизованными и были обязаны проработать четыре года подряд на государственных предприятиях по указанию Главного управления трудовых резервов при Совете Народных Комиссаров СССР. Их обеспечивали зарплатой по месту работы на общих основаниях. Кроме того, они пользовались отсрочкой по призыву в Красную

армию и Военно-морской флот до истечения срока обязательного для работы в государственных предприятиях.

«Государство, - ставилась задача в Указе, - должно обеспечить систематический приток необходимой рабочей силы в нашу быстро развивающуюся промышленность. Речь идет о расширенном социалистическом воспроизводстве квалифицированной рабочей силы. В распоряжении социалистического государства должны быть мощные, постоянно пополняемые ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ТРУДОВЫЕ РЕЗЕРВЫ для промышленности... Социалистическая индустрия ведет вперед все наше социалистическое хозяйство, включая сюда и сельское хозяйство, укрепляя оборону страны...».

А уже 29 октября 1940 года «Красное знамя» вслед за «Правдой» публикует Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Социалистического Труда товарищам Ф.В. Токареву, Н.Н. Поликарпову, Б.Г. Шпитальному, В.Г. Грабину, А.С. Яковлеву, А.А. Микулину, В.Я. Климову, И.И. Иванову и М.Я. Крупчатникову. «Эти товарищи, составляющие гордость нашей передовой техники, награждены за выдающиеся достижения в области создания новых типов вооружения, поднимающих оборонную мощь Советского Союза... Высокая награда – звание Героя Социалистического Труда – является достойной оценкой их трудовых подвигов, их неустанный работы, направленной ко благу Матери-Родины...».

Лозунг «техника в период реконструкции решает все», - подчеркивал Сталин, выступая на приеме в честь делегации металлургов, - имеет в виду не голую технику, а технику во главе с людьми, овладевшими техникой... Если раньше однобоко делали упор на технику, на машины, то теперь уздание надо делать на людях, овладевших техникой. Надо беречь каждого способного и понимающего работника, беречь и выращивать его. Людей надо внимательно выращивать, как садовник выращивает облюбованное плодовое дерево...».

В советской стране каждый способный человек может спокойно творить, созидать, зная, что все ценности, создаваемые им, идут на пользу Родине и народу. Это сознание придает советским людям науки особую силу и ту творческую радость, без которой нельзя дерзать и двигать науку вперед.

Вот о чем писала наша газета перед самой войной.

КРЕСТНЫЕ МОИ ОТЦЫ И... МАТЕРИ

ПРИТЯЖЕНИЕ ПРОФЕССИИ

Учась уже на третьем курсе университета, стал задумываться, куда пойти работать. Продолжать учительскую династию не в первом поколении все равно почему-то не хотел. Не собирался и в томские редакции, хотя в «Красном знамени» выборочно читал со школьных лет подборки стихов, рассказы, фельетоны, острые статьи на темы морали. Редакция и типография располагались тогда в одном трехэтажном здании напротив главпочтамта. Однажды после лекций, проходя мимо, решил зайти и посмотреть, что представляет собой «Красное знамя». А самое главное - увидеть вблизи журналистов, людей, как мне тогда казалось, особой закалки, энциклопедических знаний, остроловов, мастеров пошутить и выдать свежий смешной анекдот. Такими их выставляли на всесоюзное обозрение с экранов телевидения и кино. Да и в жизни короткие знакомства с журналистами вызывали примерно те же ассоциации.

Не торопясь, поднялся до третьего этажа. Там, где двери кабинетов были приоткрыты, с нескрываемым интересом рассматривал их обитателей. Кто-то курил, кто-то быстро писал, склонившись над листом бумаги, или печатал на машинке. На случайного посетителя никто не обращал внимания, и я уже собрался уйти восвояси, как вдруг в коридоре встретил стройную женщину интеллигентного облика с повелительными манерами преподавателя.

- Заходите, пожалуйста, - пригласила она в свой кабинет, - садитесь. С чем пришли к нам в редакцию? Что пишете?

- Да пока ничего, кроме дипломной работы, - ответил я, - но хотелось бы попробовать. Последняя часть фразы вырвалась спонтанно.

- Ну и прекрасно! - оживилась моя собеседница. - Зайдите к Бобу. Борису Ростиславовичу Бережкову.

«Хорошего человека должно быть много», - подумал я, увидев Бережкова, привольно распластавшегося над столом.

- Стариk! - воскликнул Бережков, - до чего же ты вовремя. Наверное, сам Бог тебя привел.

- Виктория Францевна посоветовала зайти.

- Вика? Какой молодец! А тут как раз надо решить задачку с тремя неизвестными. Выбери самого достойного, на твой взгляд, из трех моло-

дых милиционеров и напиши зарисовку. Только поскорей, не тяни кота за хвост...

Выбор кандидата и зарисовка оказались на редкость удачными, что называется, в «самое яблочко». С тех пор моему «крестнику», тогда еще лейтенанту, стал дуть «попутный ветер в паруса». Владимир Михайлович Миронер ходко шел по служебной лестнице в гору, с отличием закончил Академию МВД СССР, стал заместителем начальника УВД Томской области, а ныне полковник милиции в отставке. Мы поддерживаем дружеские отношения. Дарственную надпись к своей книге «Воспоминания томского сыщика», вышедшую недавно в свет, Владимир Михайлович начал словами: «Первому корреспонденту, которому я дал интервью в 1964 году...».

Видеть свою первую зарисовку в уважаемой газете было, конечно, приятно. Но этот случайный эпизод сотрудничества с газетой мог так и остаться единственным, если бы не Галина Александровна Чалдышева, заместитель редактора газеты «Правда Ильича» Томского района.

И вот как это произошло. 30 мая 1966 года многотиражная газета ТГУ «За советскую науку»

поместила на первой полосе фотографию трех студентов ИФФ - В. Горбатова, В. Смотрицкой и В. Федорова, первыми защитившими диплом на «отлично». Кто бы мог подумать, что случайная публикация окажется такой знаковой. Защитившись на месяц раньше срока, я съездил по комсомольской путевке в интереснейшую и очень памятную туристическую поездку по ГДР и Чехословакии. Вернувшись, собрался провести последние в жизни каникулы в деревне, как вдруг однажды утром в нашу съемную квартиру по улице Красноармейской, 49, нежданно-негаданно поступала Г. Чалдышева и стала умолять выручить редакцию.

- Как вы узнали наш адрес? – удивился я.

- По газетной фотографии «За советскую науку», - мягко улыбнувшись, ответила Галина Александровна, - от редактора Риммы Ивановны Колесниковой.

- Когда выходить на работу?

- Сегодня, сейчас, немедленно. Горим. Лето. Сенокос в самом разгаре. И сразу в командировку в... Богашево.

Так 15 июля 1966 года я резко сменил профиль своих привычных интересов и занятий. Отринув в сторону все «особенности творчества русских поэтов-символистов» - тема моей дипломной работы, - с головой погрузился в проблемы села и его жителей в Томском, самом многолюдном пригородном районе. Сельскую жизнь я знал не понаслышке, окончив Рыболовскую среднюю школу, но теперь требовалось ее освещать с определенных позиций, делая это предельно оперативно. Уже на следующее утро я сдал в печать первую полосу, озаглавленную редактором Александром Ефимовичем Кудиновым «Богашевские парадоксы». И понеслась, закрутилась газетная карусель, где, словно в калейдоскопе, мелькали, меняясь со сказочной быстротой, лица, люди, впечатления, цифры и факты. Несколько месяцев мы работали бок о бок с Борисом Николаевичем Климичевым, прекрасным поэтом, впоследствии ставшим большим, широко известным сибирским писателем, Семеном Лайковым, печатавшим свои очерки в «Красном знамени», которое я начал читать с возрастающим интересом. Особенно статьи знатоков села и сельской жизни Вадима Макшеева, Юрия Гришаева, Максима Мальцева, Петра Колотовкина... Но мое время еще не пришло. А тут как раз поступило весьма заманчивое предложение перейти на работу в новую газету комбината «Томлес».

Жизненный поворот был, конечно, слишком крут. Разом менялся весь уклад, а масштабы командировок расширялись до размеров области. Но молодость тем и хороша, что не боится перемен. Расставаться с «Правдой Ильича», где я поработал заведующим сельскохозяйственным отделом до марта 1967 года, было непросто, но я все-таки перешел в газету комбината «Томлес», в выборе названия которой принял участие. Редактором утвердили бывшего работника областного радио Хайдара Юсуповича Абушаева, человека умудренного жизненным и профессиональным опытом, общительного и доброжелательного. Ответственным секретарем назначили Галину Евгеньевну Андрееву, работавшую ранее в «Красном знамени». Единственный штатный литературный сотрудник, я исполнял обязанности старшего корреспондента и фотокорреспондента. В газете «В лесах Приобья» прошел прекрасную школу профессиональной подготовки, познакомился с людьми очень нелегкого труда – лесозаготовителями. За два с половиной года побывал в десятках самых удаленных лесных поселков, героями моих очерков, зарисовок, корреспонденций стали сотни самых замечательных людей. В продолжительных и частых командировках разделял трудности и лишения работников, как тогда было принято писать, лесного цеха. Нередко случалось делать снимки в 30-градусный мороз голыми руками, пряча потом фотоаппарат на груди под шубу, чтобы уберечь перфорацию фотопленки и объектив от воздействия лютого холода.

В конце 60-х годов прошлого века в области наступила «Лигачевская эпоха». Но вместе с бурным освоением нефтяного севера, строительством железной дороги Асино-Белый Яр, Нефтехимического комбината, городов Стрежевого и Кедрового, нефте- и газопроводов, никогда не ослабевало внимание обкома партии к лесозаготовительной и деревообрабатывающей промышленности. И мы это чувствовали, потому что редакция долгое время находилась прямо в здании комбината «Томлес» на пр. Фрунзе, 20. Мне нравилась моя суэтная, с частыми и дальними разъездами работа. А еще больше сами люди, каждый день рисковавшие жизнью, чтобы заготовить установленную норму кубометров, несмотря на любые катаклизмы погоды. Адский труд, особенно многоснежной и морозной зимой. Валочных машин еще не было. Отгребщики по пояс в снегу торили дорогу вальщику, помощники с тяжеленной вилкой в руках упирались в ствол подпиленного дерева, сучкорубы, нередко

это были женщины, рубили топором промерзшую, окаменевшую древесину. Чокеровщики арканили вершины хлыстов, тракторист втаскивал пучок на щит и трелевал к месту погрузки на верхнем складе. Если вывозка шла по УЖД – узкоколейной железной дороге, то возвращались в поселок после нескончаемого рабочего дня в пассажирских вагончиках, где до потолка стелился слоями крепчайший табачный дым. Днем курить было недосуг, и наверстывали в дороге, которая иногда составляла полтора часа.

Дорожных приключений не перечесть. Особенно запомнился первый рейс в Катайгу, новый только что отстроенный поселок в верховьях Кети. От Степановки в машине везли заботливо укутанные ящики с водкой. В 52-градусный мороз произошло неотвратимое – водка замерзла. Взяли на проверку одну бутылку. Грустное зрелище. Стекло лопнуло, а в середине сплошной водочной «брони» слабо булькало... разве что содержимое рюмки. Ни дать ни взять – ситуация из рассказа Джека Лондона «Тысяча дюжин».

Сохрани газета «В лесах Приобья» свой ведомственный статус, я бы еще, безусловно, там поработал. Но произошло еще одно знаковое событие, после которого зажегся зеленый свет для перехода в «Красное знамя». 30 января 1969 года в 32-м сатирическом выпуске «Красного знамени» была опубликована язвительная критическая стрела сотрудника газеты Романа Романова под говорящим заголовком «Девичьи сны «В лесах Приобья». Оформлена она была как заявка в БРИФ – бюро рационализации и изобретательства «Филина», направленная комбинату «Томлес», обкому профсоюза рабочих лесной, бумажной и деревообрабатывающей промышленности. Автор взял на себя труд просмотреть подшивку за 1968 год и обнаружил, что четырехполосная, в отличие от заводских двухполосных многотиражных изданий, газета «нашла не требующий физических затрат сил и ума метод борьбы за повышение труда на лесозаготовках и сплаве...». Суть его в следующем. Не доверяя работникам «Союзпечати» в том, что многотысячный коллектив лесорубов, сплавщиков, деревообрабочников комбината «Томлес» выписывает массу центральных газет и журналов, производственная газета «В лесах Приобья» «почти в каждом номере, почти всю четвертую страницу отводит перепечаткам душепитательных, смешных, иногда грустных историй...».

Для справки к техническому обоснованию давался перечень некоторых последних перепе-

чаток: «Комната № 158» из «Литературной газеты», «Самое темное дело ЦРУ», «Девичьи сны», откуда неизвестно, о чем – деревня, сенокос и, конечно, любовь.

Имейте в виду, продолжал автор в «Приложении», в «подшивке не хватает 17 номеров. Говорят с продолжением там шли откуда-то перепечатанные подробности о мадам Цзян Цин – жены председателя Мао. Так повышали...».

Удар был нокаутирующий. «Екарна бабай! – воскликнул Хайдар Юсупович, прочитав «Девичьи сны «В лесах Приобья», - до чего же мы глупо подставились. Говорил я вам, Галина Евгеньевна, с огнем играем. Вот и доигрались...».

Оргвыводы были сделаны, правда, не сразу. Мы благополучно проработали весь 1969 год. 30 декабря я возвратился из командировки в лесной поселок Золотушка Молчановского района с роскошной елкой, закутанной в одеяло. В угловой комнате двухэтажного деревянного дома по ул. Большой Подгорной, 201, где жила наша семья, сразу наступил новый 1970 год. В радостном настроении отправился на Кузнецкий взвоз в проектно-конструкторское бюро получить зарплату и отчитаться за командировку. Удар был ошеломляющим, ниже пояса.

- А вас закрыли! – сардонически улыбаясь, заявила главный бухгалтер ПКБ Зоя Павловна Гноевенко. - Получите расчет и выходное двухнедельное пособие по безработице...

Нет худа без добра и добра без худа. 9 января 1970 года мы уже разговаривали с Максимом Васильевичем Мальцевым, заведующим сельскохозяйственным отделом, и редактором газеты «Красное знамя» Александром Николаевичем Новоселовым. Предполагалось принять меня в сельскохозяйственный отдел, где освободилось место после увольнения В. Солодского.

- Справитесь? – испытующе спрашивал Александр Николаевич, - газета ведь партийная. Ответственность высокая и спрос очень строгий.

- Постараюсь, - оптимистично ответил я, - опыт – дело наживное. Да и покатали уже Сивку на крутых горках...

- Только подойдете ли вы для нашего «сермяжного» отдела? – засомневался Максим Васильевич, - внешность у вас не совсем подходящая для такой работы.

- Ладно, - сказал, как отрубил, Александр Николаевич, - главное, чтобы красиво работал. Принимаем литературным сотрудником с испытательным сроком.

СИНЯЯ ПТИЦА

Рано утром, когда я впервые зашел в отдел сельского хозяйства, там за столом вольготно располагался колоритный, черноволосый человек с грустными глазами на красивом смуглом лице и дымил как паровоз. Небольшой кабинет, где мы были только вдвоем, наполнился едким табачным дымом, и было невозможно дышать. Ни слова не говоря, я с треском растворил створки окна и впустил струю морозного воздуха. Человек удивленно посмотрел на меня и спросил:

- Морж что ли?

- Да нет, но с таким дымоглотом видно придется им стать. Впрочем, никто не мешает нам найти разумный компромисс.

- Ладно, идет! – примирительно ответил он раскатистым баритоном. – Будем знакомы.

Колотовкин. Петр Федорович. Собственный корреспондент «Красного знамени» по городу Колпашево и северным районам собственной персоной... Задержался в Томске по случаю новогодних праздников, а то бы ищи ветра в поле...

Так я воочию увидел человека, журналистский дар которого уважал. С тех пор наши отношения, несмотря на полярную несходность характеров, стали самымиуважительными и дружескими. Я всегда искал на полосе очередную корреспонденцию Петра Федоровича из какой-нибудь таежной глухомани, удивительный рассказ об аборигенах Алипки, новоселов Сангальки или Катайги. «Есть ли овощ в огороде?» – задавал он вопрос в острой статье, и в редакцию

сыпались письма-отклики. Переданные им в редакцию строки были злободневны, свежи, выстраданы его мятущейся душой. Они отражали жизнь северных городов, лесных поселков и сел во всей их многогранности. Его журналистская универсальность помогла мне определиться на первых порах, я хорошо понимал содержание и пафос его злободневных корреспонденций, потому что бывал в тех местах, откуда он их присыпал.

Вторым моим замечательным учителем, конечно, стал Вадим Николаевич Макшеев, с которым мне посчастливилось бок о бок поработать несколько лет в одном отделе. Печатался он чаще других. Его статьи на экономические темы, написанные ясным и выразительным языком, вызывали многочисленные читательские отклики. Он придерживался принципа «делай как я, делай лучше, если сможешь...», и тем самым заставлял мобилизоваться, искать свежие приемы и неожиданные повороты темы, вникать в экономику, уметь общаться с самыми разными людьми. А как красиво он говорил по телефону, особенно с женщинами.

Ответственный секретарь редакции Виктория Францевна Брындина никого не обходила своим вниманием, а уж с новичков, как говорится, «снимала стружку» по полной программе. Стиль изложения у меня уже выработался, поскольку филологический факультет дает хорошую языковую и литературоведческую подготовку. Однако логические несостыковки, вынужденная спешность при сборе материала все-таки давали себя знать. Некоторые коррес-

понденции и статьи, возвращенные из секретариата на доработку, пестрели вопросительными знаками на полях, волнистыми линиями и замечаниями типа «точнее», «поищите не такое шаблонное выражение», «теряется логическая связь». После таких пожеланий сразу находились синонимы и оригинальные выражения, а главное – все меньше допускалось ошибок и неточных выражений. Виктория Францевна шлифовала наши материалы, не позволяя небрежности, суесловий, излишней сентиментальности и больших лирических отступлений, на которые так падки молодые журналисты. Ее неусыпному старанию научить нас мыслить, не гнать строку, а писать лаконично, логично, образно и обоснованно, благодарен каждый краснознаменец.

Мой первый строгий контролер, знаток жизни села и селян Максим Васильевич Мальцев убирал из статьи длинноты, делая на удалаемом абзаце три аккуратные вертикальные линии. Я оценил подобное деликатное вмешательство, и впоследствии, работая с авторскими статьями, да и своими тоже, применял этот прием. А чаще садился за машинку и сам набирал текст, делая сокращения по мере изложения и развития темы. В те годы существовала жесткая система подготовки газетных строчек: 40 процентов своих и 60 авторских. В отличие от многих моих коллег, мне нравилось готовить в печать авторские статьи, корреспонденции, особенно письма, в которых порой так ярко выражалась страдающая душа нашего читателя.

Александр Николаевич постоянно присутствовал где-то высоко, в своем кабинете, но отнюдь не как небожитель. Он обладал удивительным даром немедленно появляться там, где разгорался конфликт, кому-то грозила беда, на кого-то приходила серьезная жалоба. Редакционный коллектив – сложнейший сплав творческих личностей, и с каждым журналистом он находил общий язык, не только как руководитель, редактор, но и как старший товарищ, отзывчивый человек, более того – отец, батя, как называют в армии самых лучших, самых заслуженных командиров. Мы работали еще в старом трехэтажном здании, когда в семье одного из сотрудников произошла драма. Рано утром жена, уязвленная изменениями, приехала в редакцию с чемоданом и ребенком на руках и села в фойе прямо перед кабинетом редактора. Хватило получасовой беседы на высоком уровне, чтобы семья не распалась. Более того, молодожены вспоминали о скоре, как о страшном сне.

Прошло девять месяцев работы в редакции. С заданиями яправлялся, сроки давал, получал гонорар. В апреле меня тепло поздравили с рождением первой дочери Наталии. В сельхозотделе одна страда сменялась другой. Виктория Францевна практически уже не возвращала подготовленные мною свои и авторские материалы. Однако ближайшие коллеги по отделу, в том числе Максим Васильевич, были чем-то недовольны, считали между собой, что я еще «не дотягиваю до установленной планки». Правда, ничего не говорили, но чувствовалось какое-то напряжение. Кто придумал это испытание, не знаю. Возможно, все вместе. Однажды в конце сентября меня пригласил к себе Максим Васильевич. В кабинете сидел Вадим Николаевич Макшеев, который без обиняков предложил перейти на областное радио или телевидение. Гром среди ясного неба, и, скажу прямо, я обиделся. Правда, спорить не стал, а предложил «дать шанс» и съездить в последнюю командировку.

Выбрали Чайский район, и на следующий день в 16 часов автобус вышел из Томска в Подгорное. От осенних дождей дорога превратилась в хляби небесные. Вскоре после отъезда я усадил пожилую женщину, оказавшуюся без места. Постоять 3-4 часа – никаких проблем. Но испытание только началось. После Мельникова автобус стал буксовать через каждые 5-7 километров, и мужская часть пассажиров выходила из салона толкать машину. Размявшиесь, ехали дальше. Потом снова и снова... Дорожная эпопея продолжалась до 4 часов утра. Поспав едва два часа, рано утром я был уже в сельхозуправлении. Вдосталь поездив по совхозным полям, на следующее утро передал по телефону материал редакционной стенографистке Галине Евтроповой. Очень квалифицированный и грамотный работник, записала 300 строк за четверть часа. В следующем номере газеты вышла оперативная корреспонденция под заголовком «Предметный урок». До конца недели я успел передать через стенографистку еще три оперативных материала, взял обширную информацию для 4-5 авторских выступлений, сделал много фотографий, но самое главное, нашел настоящих героев для забойного очерка – многодетную семью механизаторов Николая Тимофеевича и Анны Олимпиевны Соломенниковых.

Мне бы за глаза хватило того, что я сделал, но без этой «словесной жемчужины», как отозвалась об очерке сама Брындина, мое испыта-

ние не стало бы настолько успешным. Впрочем, очерка могло и не быть, не обмолвясь райкомовский водитель о семье Соломенниковых из Лось-Горы, которые в «нашем северном районе выращивают на огороде арбузы и даже дыни...». Знакомство с комбайнером Соломенниковым произошло в самых экстремальных условиях. На «газике» председателя колхоза «Россия» мы пробирались полевой дорогой между Лось-Горой и Гореловкой. «И вдруг с неба словно опрокинули гигантский улей с бесчисленными роями белых пчел, – написал я в «Синей птице», – снег валил так плотно, что прикрыл желтые ленты необмодченных валков, придавил к земле отяжелевшие колосья пшеницы... Как-то противоестественно было видеть облепленные снегом комбайны, лица механизаторов, взгывающиеся в сумятицу метели... Дольше всех ходил по полю комбайн «Сибиряк» Николая Соломенникова. Когда он спустился на землю по железной лесенке, кто-то спросил: «Неужели отстрадовали, Николай?» – «Еще поработаем, зима пугает, а нам не страшно», – ответил он.

А начинался очерк с преамбулы, рассказа кумира деревенских ребятишек столетнего деда Абрама Ивановича Петрова. «Смуглое от солнца и времени лицо деда Абрама, тонувшее в серебристой пене бороды, казалось нам сказочным, лицом прошлого века. Он угощал нас свежим сотовым медом, собирая в кружок, садился в середину, весь белый, как июльский одуванчик, и начинал рассказывать...». Именно от него мы узнали о «Синей птице», которая два раза в год вылетает из глухой-преглухой тайги поближе к людям. И дается она только тому, у кого доброе сердце, самая чистая и честная душа, золотые руки. Если человек хотя бы раз в жизни когда-нибудь обманул, зло причинил, ленился работать и учиться, не поймать ему Синей птицы во веки веков, а значит, и не быть счастливым...».

Для меня эта сказка оживает всякий раз, когда встречаешь человека, нашедшего свое призвание, дело всей жизни.

Очерк «Синяя птица», занявший весь подвал второй и третьей полос, был отмечен редакцией и всем коллективом среди лучших материалов, вместе с корреспонденцией «Предметный урок» и выступлением «Трудная дорога» трактористки Марии Редькиной из совхоза «Коломенский». Вадим Николаевич первым подошел ко мне и, поздравив, сказал: «Широко развернула крылья твоя «Синяя птица», высоко теперь взлетит!»

ЧЕЛОВЕК – КРЕПОСТЬ

Для всех, с кем работал и до сих пор работаю, у меня найдутся самые добрые слова благодарности. Но самая особая, самая сердечная всегда предназначена Александру Николаевичу Новоселову, который успел сделать для меня, и, разумеется, для всей редакции, невероятно много.

Встав в общий строй штатных сотрудников, я продолжал работать в сельхозотделе, хотя в круг моих интересов входили и другие посторонние темы. Это ярко проявилось, когда в 1973 году мне посчастливилось принять участие в совместной лыжной экспедиции редакции газеты «Красное знамя» и Томского обкома комсомола «Ледовый путь». Семь лыжников, четверо из Томска и трое из северского «Янтаря», собирались пройти 750 километров по местам боев 20 красноармейцев отряда Григория Чубарова и 13 партизан по Камчатке и Охотскому побережью, освободивших зимой 1923 года огромную территорию на Северо-Востоке только что образовавшегося СССР от банд есаула Бочкирева и генерала Полякова, занимавшихся там грабежами и расстрелами. Сообщая об этом событии, камчатская газета «Полярная звезда» назвала красноармейцев «чудо-богатырями», «превзошедшими все доселе известные в истории походы...». 20 наиболее закаленных и выносливых бойцов были сибиряками, родом из Томской, Енисейской и Омской губерний. 18 января 1923 года две разведпартии по 10 человек выступили по западному и восточному побережьям полуострова на лыжах и собачьих упряжках. Молодым красноармейцам, старшему из которых Григорию Чубарову было всего 24 года, предстояло решить боевую задачу невероятной сложности.

Решили и мы, но не боевую, хотя тоже не совсем простую задачу. «Ледовый путь» по безлюдным тундрям Северной Камчатки и Магаданской области занял 17 ходовых дней в среднем по 45 километров, и завершился 13 апреля в селении Наяхан, там, где отгрел последний бой с победой красноармейцев. На этом исследовательская работа в архивах не закончилась. Вместе с командиром нашей экспедиции инженером ТомНИИ Иваном Петровичем Черемпеем мы встречались с участниками тех далеких событий – П.Г. Козловым и Ф.М. Сыроежкиным, сыном командира Валентином Григорьевичем Чубаровым, реально помогли четверым ветеранам в решении квартирных и пенсионных проблем. Но самое главное – через судьбы этих простых и много испытав-

ших на своем веку людей, глубже и верней поняли суть их подвига, совершенного на крутом изломе отечественной истории.

А теперь скажите, кто позволил всем этим заниматься рядовому сотруднику сельскохозяйственного отдела? Командировка на Камчатку и в Магаданскую область заняла более месяца. На командировочные расходы потрачено немало по тем временам – 600 рублей. Прежде всего, он, наш редактор Александр Николаевич Новоселов. В газете было опубликовано четыре походных репортажа с фотографиями. Был подготовлен и пятый – «Белые километры», но Виктория Францевна наложила короткую резолюцию «Хватит писать романы!» Вполне возможно, Александр Николаевич, прочитав репортаж, наложил бы свою вескую резолюцию в левом верхнем углу «в номер», но я не стал искушать судьбу.

На протяжении своего редакторства Александр Николаевич разрешал некоторым инициативным сотрудникам дальние командировки по стране. Достаточно назвать широко известный поход на моторных лодках по рекам Сиби-

ри и Дальнего Востока, названный «Хождение встреч солнцу» Эдуарда Стойлова. 8000 километров до Охотского моря наши земляки прошли по следам казаков-первоходцев покорителей Сибири. С легкой руки Александра Николаевича, после публикации в 1975 году в четырех номерах «Красного знамени» документально-художественной повести «Томичи с гранитного линкора» о воинах-тегульдэтах, отстоявших от фашистского нашествия полуострова Рыбачий и Средний в Заполярье, я побывал на непокоренной земле и привез очерк «Солнце славы твоих сыновей незакатно, Отчизна».

Словом, гвардии майор, комбат лыжного батальона, награжденный боевыми орденами, жестоко израненный, Александр Николаевич навсегда останется в моей памяти достойнейшим представителем поколения победителей, человеком-крепостью. Я бесконечно благодарен ему за то, что вот уже 48 лет остаюсь верным краснознаменцем.

Владимир ФЕДОРОВ

МИНИСТР ТОЖЕ ПРОЧИТАЛ

Газета «Красное знамя» всегда играла большую роль в формировании общественно-го мнения томичей, являлась движущей силой в развитии социальных и экономических про-цессов в нашем регионе.

Трудно переоценить ее вклад и в развитие строительной отрасли в области. И нередко публикации привлекали внимание даже союзных министерств и ведомств, становились известными всей стране. Вот об одном таком случае и хочу рассказать.

3 ноября 1984 года был опубликован очерк «Много ждут от нас люди», в котором описывался передовой опыт работы Томского терриориального управления строительства, где были созданы отличные условия для формирования стабильных коллективов, обеспечивалось успешное выполнение пятилетних планов. Да и по всем остальным финансово-экономическим, социальным показателям управление наше было на хорошем счету.

А очерк в «Красном знамени» прочитал министр строительства СССР Г.А. Караваев и распорядился копию этого очерка разослать всем министрам строительства союзных республик, начальникам главных управлений по строительству во все области и края РСФСР, отраслевым институтам для изучения и распространения передового опыта томичей.

Вот так о газете, о жизни и работе томских строителей узнала вся страна! И это далеко не единственный случай, когда наше «Красное знамя», публикуя вот такие резонансные, общественно значимые статьи, оказывало позитивное влияние на жизненные процессы не только в Томской области, но и в нашей в то время великой державе.

Вот копия этого письма министра строительства СССР от 23 ноября 1984 г.: «3 ноября 1984 г. в очерке «Много ждут от вас люди», опубликованном в газете «Красное знамя» Томского областного комитета КПСС и областного Совета народных депутатов, описывается передовой опыт работы начальника Томского территориального управления строительства Т. Мальцева Б.А.

В очерке рассказывается о практике личной работы т. Мальцева Б.А. в деле социального развития руководимого им коллектива, создания надлежащих условий труда и быта рабочих, способствующих созданию постоянных коллективов строителей.

Томское территориальное управление строительства в течение пятилетки успешно выполняет план по общему объему строительно-монтажных работ, жилищному строительству, строительству больниц и поликлиник, выработке на одного работающего.

Прошу вас внимательно изучить данный очерк и принять необходимые меры по распространению передового опыта работы».

От имени Союза строителей Томской области примите самые сердечные поздравления с приближающимся юбилеем, искренние слова благодарности и признательности вам, всем ранее работавшим и ныне работающим журналистам, коллективу редакции за ваш высокопрофессиональный и производительный труд!

С уважением и большой надеждой на продолжение нашего делового сотрудничества.

Юрий ИВАНОВ,
директор Союза строителей Томской области.

СТРАНИЦЫ МОЕЙ ЖИЗНИ

Как-то даже самому не верится, что из ста лет, исполнившихся нашему «Красному знамени», уже 55 лет я в нем работаю. Написал «работаю», а не «сотрудничаю», «публикуюсь» или еще как-нибудь. Написал «нашему», хотел даже написать «моему, а не «главной газете области», «старейшей газете». Уверен, что краснознаменцы – все они моложе меня! - не увидят в этих словах какого-то бахвальства, зазнайства, нескромности. Моя газета! Мое место даже не службы, а служения собственным убеждениям, интересам многих моих товарищей, граждан области, интересам нашей жизни...

Мудрецы утверждают, что настоящая жизнь человечества начнется, когда люди перестанут работать только ради куска хлеба, ради своего существования. Они станут жить ради работы, получая радость от труда как такового. Творческие люди уже сегодня именно так и живут. Им вовсе нелегко, не зря мы часто слышим о «муках творчества», но как же они счастливы, преодолевая эти муки, достигая иногда скромных, иногда значительных, но всегда – собственных побед в своем деле. Моя работа в СМИ, и, конечно, прежде всего в «Красном знамени» - частичка этого дела, хотя ни в какой трудовой книжке она не обозначена.

Собственно, после этого откровенного признания в любви и преданности, можно, пожелав газете еще не один век успешной работе, верных читателей и большого тиража, а всем, кто ее делает, здоровья, новых успехов и приличного заработка, поставить точку. Но накануне ее столетия и моего «краснознаменного трудового пятидесятилетия» о многом и о многих хочется сказать.

Деталей не помню, но человеком, впервые вовлекшим меня в «Красное знамя», была Елена Григорьевна Николаева. Тогда, в 1962 году, меня впервые избрали секретарем парторганизации педагогического института, а посещение собраний крупных партийных организаций журналистами органа обкома КПСС было делом для них привычным. Если добавить, что директором нашего вуза (словом «ректор» тогда называли только руководителя ТГУ) был Иван Сергеевич Карпенко, не столько, может быть, крупный научный-химик и педагог, сколько опытный партийный работник, если добавить еще, что в шестидесятые годы проблемы образования были предметом пристального интереса руководства страны, то, наверное, станет понятен уровень контактов ТГПИ и нашей газеты, комментарии тут не нуж-

ны. Едва ли не еженедельно газета обращалась к учителю, его подготовке, школе, педвузу. Это была добрая традиция, следование ей – одна из характеристик стиля нашей газеты и в наши дни.

Мне более всего запомнилась своеобразная методика работы Елены Григорьевны с внештатными авторами. Попытаюсь – вообще-то это невозможно – рассказать об этой методике.

Понедельник. Телефонный звонок. «Вы знаете грустную школьную статистику: из десяти детей один учится плохо, семь – посредственно? В стране идет разговор о качестве, а что же в школе?» - «Да об этом любой учитель знает!» - «К четвергу сделаете статью?» - «Какую статью? У нас сейчас конец сессии, совершенно нет времени, не успею, да и, пожалуй, не сумею...» - «Значит, договорились, вечером в четверг жду». Мы ни о чем не договорились, но от ее натиска отбиться было невозможно. Ну как тут не вспомнить мысль о том, что газета не только пропагандист и агитатор, но еще и организатор! Николаева и сама неплохо писала, но в памяти моей остались не ее статьи, а ее завидная настойчивость. Постоянное наличие в газете таких организаторов – тоже характеристика «Знамени». Попробуйте отказать Татьяне Кондрацкой, Нине Маскиной, Владимиру Федорову! Есть еще порох в пороховницах, не ослабела журналистская сила!

Второй мой «родитель» в газете – Борис Бережков. Полвека назад мой научный шеф В.М. Брадис (уверен, не менее половины читателей помнят составленные им «Школьные математические таблицы», а все учителя математики знают написанный им первый в России учебник методики) попросил меня помочь его гимназической знакомой М.В. Волянской в деле увековечения памяти ее дочери, известной советской писательницы Галины Николаевой. Творчество Николаевой тогда было известно, наверное, всем гражданам СССР, но то, что она – наша землячка, не знал почти никто. Борис Ростиславович Бережков, журналист высочайшего класса, великолепный собеседник, интереснейший человек, к которому я пошел за советом, сразу понял, какой материал попал мне в руки, что и как надо с ним делать. Поездки в Усманку и Мазалово, контакты с партийными и советскими работниками, газетные публикации... Мне, в общем-то, удалось выполнить просьбу Владимира Модестовича, но именно Бережков оказался моим деликатным и

мудрым наставником. Сколько он и дальше помогал мне писать о театре, литературе, искусстве, о прошлом Сибири и Томска! Его уже давно нет с нами, но что-то «бережковское» - требовательность к языку, общая культура, человечность, понимание значимости того или иного факта, в газете осталось.

Не хочу в юбилейной статье вспоминать трагическую тему нашей истории – репрессии. Скажу только, что в восстановлении доброго имени прекрасных людей Борис Ростиславович тоже оставил свой добрый след. А как он помогал всем нам в установлении судьбы невольного томича Николая Алексеевича Клюева! Все ли об этом помнят?

Смысл фразы «вся русская литература вышла из гоголевской шинели» в том, что «Шинель» породила гуманистические традиции нашей словесности. Конечно, звучит немного пафосно, но скажу, что все лучшее в томской журналистике вышло из «Красного знамени». Имею в виду не только содержательную, духовную, нравственную составляющую, но и кадровую. Тут немало далеких от творчества причин, но едва ли не все наши толковые журналисты хоть немного, но работали в «Красном знамени», хотя потом многие разбежались по возникшим на переломе эпох бесчисленным новым изданиям и даже ушли из журналистики, но «Знамя» было для них зна-

менем, школой, прежде всего – школой работы с людьми.

В 1981 году Минпрос СССР и Государственный комитет по внешним экономическим связям командировали меня в Министерство просвещения («воспитания и обучения») Демократической Республики Афганистан. И первые мои публикации оттуда появились не в «Учительской газете», в которой, не имея собкора в ДРА, получившую называли меня таковым, а именно в «Красном знамени». А главным организатором дела (я же не имел каких-либо спецканалов связи – обыкновенная почта с естественными для писем из воюющей страны цензурными задержками и прочими ограничениями!) был С. Выгон. Я знал его с 1953 года, когда стал учителем школы № 9, а он учился в восьмом классе. После школы мы долго не виделись, а потом встретились в «Молодом ленинце», где работал своеобразный человек, учитель физики той же школы, краевед и публицист Дмитрий Каргополов (ох как бы надо было написать об этом истинно томском интеллигенте!). В «молодежке» Соломон Львович организовал публикацию ряда моих заметок и первых глав книги о Галине Николаевой. Вскоре он стал одним из ведущих журналистов нашей томской «Шинели», наши добрые отношения сохранились и сохраняются и по сей день (он сейчас в «АиФ»).

Не все было тогда гладко и просто. Ведь одна из главных ошибок тогдашнего руководства страны заключалась в полном отсутствии пропагандистского обеспечения ввода так называемого «ограниченного контингента» наших войск в Афганистан. В результате многие граждане СССР считали действия руководства страны авантюрией, наших погибших героев хоронили чуть ли не тайком... Сегодня многие люди рассуждают иначе, а СМИ, власть и пропаганда совсем по-другому освещают службу и подвиги наших воинов в Сирии, с РФ даже не граничащей.

А тогда мои статьи и очерки (правда, конечно, не о боевых действиях, не о том, как наш «Вазарат» пытались взорвать и так далее, а о детях, учителях, школе) были продиктованы моим пониманием событий. Не скажу, что газета сразу во всем меня поддержала, это было невозможно, но все же меня называли «нашим человеком в Кабуле», и мои мысли неискажали. Потом из этих заметок возникла книга «Афганские встречи», о которой тепло написал Виктор Лойша, тоже ра-

ботавший в «Знамени». А главное тут в том, что «Знамя» все сто лет позволяло своим авторам иметь собственное мнение, вовсе не всегда совпадающее с мнением редакции или еще кого-то.

Назвал несколько дорогих мне товарищей по газете... Ох как же хочется сказать хотя бы по две три фразы обо всех... О тех, кого уже нет с нами, вспомнить Владимира Александровича Кузьмичева, Александра Николаевича Новоселова, Викторию Францевну Брындуну, Виля Липатова, Иосифа Мизгирева, Эдуарда Бурмакина, Володю Моисеева, Эдуарда Стойлова, Женю Фролова... Пожелать здоровья, творческих успехов, домашнего благополучия всем, кого, я знаю и искренне уважаю, кому я многим обязан.

Спасибо, моя газета! Поздравляю с юбилеем всех, кто ее делал, делает и будет делать, всех, кто ее читает и много лет еще будет читать!

**Лев ПИЧУРИН,
читатель «Красного знамени»
с июня 1946 года, автор с 1962-го.**

О ЧЕМ МЫ ТОЛЬКО НЕ ПИСАЛИ —————

«Вставай, страна огромная...»

Вероломное нападение фашистской Германии на Советский Союз 22 июня 1941 года в одночасье нарушило планы и сломало судьбы десятков миллионов людей, изменило ход и течение мирной жизни абсолютно во всех сферах деятельности огромной страны. С первого дня войны сотрудники газеты «Красное знамя» дружно и сплоченно откликнулись на призыв правительства страны мобилизовать все силы, оказывая повсеместный отпор врачу. Широко, всесторонне и последовательно стала освещаться главная тема – защита Отечества. И, несмотря на то, что в июне-июле газета выходила в основном на двух полосах, за исключением выходных четырехполосных выпусков, удавалось разместить поразительно много самой разнообразной, содержательной и жгуче актуальной информации о событиях на фронте и в тылу.

Уже в номере за 23 июня под шапкой «Слава героическим воинам Красной Армии» опубли-

кован репортаж специальных корреспондентов «Красной звезды» из Западного особого военного округа батальонного комиссара Г. Сморыго и Я. Милецкого, переданный по телефону.

- Воздух! Цель № 2, германские бомбардировщики! – раздался голос разведчика-красноармейца Фоменко.

В предутренней дымке едва различимы силуэты первых двух вражеских бомбардировщиков. Младший лейтенант Шкодаревич подает команду. Расчеты действуют быстро и сноровисто, не зря батарея считается лучшей в зенитной части.

- Цель поймана! - докладывает младший сержант дальномерщик Казьмин, - определена высота, сделаны все расчеты.

- По группе самолетов противника, наводить на головной! Гранатой!

Молниеносно действуют командиры орудий, младшие сержанты Павленко и Семенов, старшина Арсеньев, красноармеец Осипчик, командир

приборного отделения Соловьев. Рядом с самолетами противника пять дымков от разрывов.

- Самолет горит! – слышится радостный возглас Фоменко. - На месте падения видны клубы дыма...

По вражеским самолетам били и с воздуха. Дежурная эскадрилья капитана Новикова резко набрала высоту. Передовые бомбардировщики оказались в зоне зенитного огня, и Новиков свернул в сторону, заметив, что к охраняемому объекту подкрадываются еще два самолета. Он камнем падает вниз, пикируя на врагов. Один из бомбардировщиков задымил от попавших в него пулю, свалился на бок и пошел к земле, оставляя черную полосу дыма. Второй пытался удрать, но и его настиг лейтенант Ибатулин. Атака была решительной и молниеносной. Вражеский налет отбит. Все истребители вернулись на базу.

В каждом номере перепечатываются передовые из газеты «Правды». В публикации 24 июня «Дадим сокрушительный отпор фашистским варварам» цитируется выступление В.М. Молотова по радио 22 июня 1941 года. Он, в частности, сказал: «Эта война навязана нам не германским народом, не германскими рабочими, крестьянами, интеллигенцией, страдания которых мы хорошо понимаем, а кликой кровожадных правителей Германии, поработивших французов, чехов, поляков, сербов, Норвегию, Бельгию, Данию, Голландию, Грецию и другие народы...»

«Мы смело глядим опасности в лицо, – продолжает газета. – Мы знаем, что враг, напавший на нас, силен. Мы не рассчитываем на легкую победу. Мы знаем, что победа над фашизмом, над чужеземными ордами, вторгшимися в нашу страну, будет трудна и потребует от нас немало жертв. Но мы знаем также, что победим... Мы уверены в победе нашего правого дела. Но для того, чтобы победа над подлым и гнусным фашистским отребьем была достигнута с меньшими трудностями, с меньшей затратой крови, мы должны быть максимально организованы и дисциплинированы. Каждый должен быть на своем посту. Всякая работа в военное время почетна и полезна для победы. С момента объявления войны нет больше мирных профессий. Вся страна отныне работает на оборону, на защиту родины... Победа решается не только на фронте, но и в тылу. Отечество требует от своих граждан, чтобы все мужчины и женщины, независимо от возраста почувствовали всю свою ответственность за судьбу государства. Пробил грозный, ответственный час...»

За последние четверть века, рассказывая о первых днях и начальном периоде войны, многие

авторы, в том числе историки, нередко исказили истинное положение дел на фронтах. Они утверждали, что в войсках царила паника, воинские подразделения оказались неподготовленными, плохо вооруженными, непрерывно и безвольно отступали, а фашистские войска неудержимо шли вперед, несли незначительные людские и материальные потери, вклинивались в нашу оборону, как нож в масло... Но реальные факты и цифры убеждают в ином ходе событий. Да, материальное оснащение и техническое превосходство заранее отмобилизованной фашистской армады было несомненным, что и привело к тяжелейшим тактическим и стратегическим провалам, оккупации огромных территорий и людского населения. Но первые бои показали доблесть и силу Красной Армии. За 22 июня сбито 76 германских самолетов, 23 июня – 51, артиллерийским огнем только на одном Шауляйском направлении уничтожено 300 танков, взято в плен за два дня около 5000 солдат и офицеров. Зазнавшийся враг, избалованный легкими и дешевыми победами над слабыми армиями небольших народов, с первых боев на советских границах почувствовал, что встретил армию особого типа, новую – Красную Армию. Армию могущественного, свободного и гордого своей силой советского народа.

А сколько времени, человеческих и материальных затрат потребовалось захватчикам, чтобы сломить сопротивление героических защитников Брестской крепости! На всем огромном тысячекилометровом протяжении фронтов начавшейся Великой Отечественной войны с первых суток иноземного нашествия возникли десятки тысяч очагов упорнейшего сопротивления захватчикам. А была еще и уникальная крайняя точка правого фланга фронта на 69-й параллели, у полуостровов Рыбачий и Средний, где на черном и обрывистом хребте Муста-Тунтури отборные горно-стрелковые полки гитлеровской почти 200-тысячной группировки «Норд» так и не смогли перешагнуть старую государственную границу СССР. Пограничный знак, сложенный из булыжников, всю войну был бельмом в глазу фашистов. Здесь разворачивались ожесточенные бои, тысячи захватчиков бесславно полегли на диких каменистых склонах.

Вопреки досужим, а может быть, и злонамеренным домыслам, что Советский Союз был не готов к войне, можно привести как один из ярких примеров, укрепление полуострова Рыбачий, куда незадолго до начала войны перевели 104-й тяжелый артиллерийский полк из 48 ору-

дий, один из старейших и лучших в стране, почти ровесник Красной Армии. Полуострова имели важнейшее стратегическое значение для нашего государства. Установленные здесь дальнобойные батареи под командованием Героя Советского Союза Федора Поночевного блокировали вывоз из Норвегии морем никеля, в котором остро нуждалась военная промышленность гитлеровской Германии, периодически уничтожая за сутки до 2-3 кораблей с грузом. Кроме того, артиллеристы, подводные лодки, катера, авиация охраняли караваны судов союзников, идущих на Мурманск. Достаточно сказать, что за годы войны мимо Рыбачьего перевезли более 5 миллионов тонн военных грузов.

Боевые действия на Рыбачьем начались чуть позже, после объявления войны с Финляндией. Враг уже целую неделю бомбил наши города, шли боя на всем пространстве от Черного до Балтийского морей, а здесь, на Крайнем Севере, стояла грозная тишина. Но 29 июня 1941 года со стороны финского порта Петсамо показалась глухо гудящая железная армада. Более сотни бомбардировщиков, сопровождаемых «мессершмиттами», взяли курс на Рыбачий. Над полуостровом разразилась огненная буря. Осколки, как гигантская коса, срезали все вокруг, металл высекал каменную картечь. Задыхаясь от запаха тротила, копоти и огня, необстрелянные красноармейцы напрягали всю волю, чтобы не дрогнуть, выстоять. За авиацией ударила артиллерия. На черные отвесные скалы Муста-Тунтури, где занимал оборону батальон 135-го стрелкового полка, пошли в атаку цепи егерей в сине-серой одежде с серебряными металлическими цветками эдельвейсов на рукавах.

Вместе с пограничниками первыми встретили врага наши земляки, уроженцы Тегульдетского района: пулеметчики братья Федор и Павел Каневы, Сергей и Илья Тайчиновы, Андриан Попов, Степан Булатов, Иван Васильев, Никанор Баранов, Сергей Колеватов, Николай Салутин, Федор Тарлаганов, Григорий Коровин и другие. Егера несколько раз ходили в психическую атаку. Около девятисот гитлеровцев осталось на скалах Муста-Тунтури, но красноармейцы не дрогнули. Наконец, осознав бесплодность попыток, немцы блокировали гарнизон полуострова, рассчитывая уничтожить бойцов, как и защитников Ленинграда, голодом.

Уже 25 июня в передовой «Красная Армия – родное детище советского народа» газета сообщила читателям: «Наше дело – правое дело. Это

знает каждый боец Красное Армии. Ему ясны цели и задачи войны. За его плечами расстилается наша родина, великая страна, которая не хотела участвовать в войне. Воин Красной Армии защищает родину и свободу, и честь родного народа, жизнь и труд своей семьи. Он выполняет святой долг гражданина Советского Союза. От него, от его мужества и воинского искусства, зависит безопасность детей и женщин, безопасность городов и сел, заводов, железных дорог, всего, что с таким самоотверженным трудом, с такой любовью создал советский народ...»

Кто же напал на нашу страну и Красную Армию? «Полчища, которые фашистские захватчики ведут на разбой, на грабеж, на подлое насилие. Преступная гитлеровская банды скрывает от немецкого народа цели и задачи своего захватнического набега. Она будет разоблачена, и фашизм – это отвратительное порождение обезумевшей капиталистической реакции – будет вдребезги разбит под ударами Красной Армии... У советских патриотов одни помыслы, одно желание – нанести подлому врагу сокрушительный удар. С этим страстным желанием все отцы и матери, жены провожают в Красную Армию своих сыновей, мужей. «Сынок мой, бей врага еще сильнее. Так бей, чтобы пепла от него не осталось, - говорила, провожая в бой своего сына - Героя Советского Союза тов. Курочкина – его мать. Так говорит своим сыновьям -красноармейцам, командирам, политработникам – вся советская Мать-Родина...»

А вскоре вся страна узнала о подвиге военного летчика Николая Гастелло. Еще в 1939 году он бомбил белофинские военные заводы, мосты и доты, в Бессарабии выбрасывал наши парашютные десанты, чтобы удержать румынских бояр от грабежа страны. С первого дня Великой Отечественной войны капитан Гастелло во главе своей эскадрильи громил фашистские танковые колонны, разносил в пух и прах военные объекты, в щепу ломал мосты. Свой последний подвиг он совершил 3 июля, сражаясь вместе с пилотами своей эскадрильи. Ведя свой воздушный бой, он не упускал из виду наземную обстановку. «Черные пятна танковых скоплений, сгрудившиеся бензиновые цистерны говорили о заминке в боевых действиях врага...». И бесстрашный капитан Гастелло продолжал вести бой в воздухе. Но вот снаряд вражеской зенитки разбил бензиновый бак его самолета. Машина в огне. Выхода нет. Что же, так и закончить свой боевой путь? Скользнууть, пока не поздно, на парашюте и, оказавшись

не территории, занятой врагом, сдаться в постыдный плен? Нет!

Вот как описывают последние минуты геройской жизни капитана Н. Гастелло сотрудники редакции П. Павленко и П. Крыхов: «И капитал Гастелло не отстегивает наплечных ремней и не оставляет пылающей машины. Вниз, к земле, к сгрудившимся цистернам противника мчит он огненный комок своего самолета. Огонь уже возле летчика, но земля близка. Глаза еще видят, опаленные огнем руки тверды. Умирающий самолет еще слушается руки умирающего пилота. Вот как закончится жизнь – не аварией, не плением – подвигом! Машина Гастелло врезается в гущу цистерн и машин. Оглушительный взрыв долгими раскатами сотрясает воздух сражения. Огненным грибом взлетают вверх и разлетаются вражеские цистерны...»

«Запомним имя Героя – капитана Николая Францевича Гастелло, – заканчивают репортаж журналисты. – Его семья потеряла мужа и сына, Родина приобрела Героя. Среди бессмертных сталинских соколов навсегда останется в памяти подвиг человека, рассчитавшего свою смерть как бесстрашный удар по врагу...»

Уже в середине июля 1941 года стало ясно, что гитлеровские планы молниеносной войны провалились. С каждым днем растут, и будут расти вражеские потери. Подлые фашистские разбойники захлебнутся своей кровью... Публикуя передовую «Все для фронта», газета сообщала читателям: «...Небывалый трудовой энтузиазм охватил страну. Металлурги, горняки, оружейники, строители самолетов и танков горят единым желанием – дать больше стали и угля, больше станков, больше самолетов, танков, винтовок, бомб, моторов, минометов, пулеметов, снарядов и пуль... Неиссякаемый поток металла и взрывчатых веществ обрушится на головы врагов, испепелит их, уничтожит, сотрет с лица земли... Красной Армии нужно много первоклассного вооружения. Она его получает, и будет получать во все возрастающем количестве. За первые восемь дней войны немцы потеряли 1500 самолетов и 2500 танков...»

Газета ставит главную цель направления всех усилий: «Сила нашего удара возрастает, и будет возрастать с каждым днем. Против фашист-

ских танков, самолетов и пушек мы выставим свои советские всесокрушающие танки, дальнобойные пушки, стремительные самолеты... Наши ресурсы беспредельны. Патриотизм и энтузиазм нашего народа безграничны. Его воля к победе несокрушима, его энергия неисчерпаема... Эти силы породят такое количество вооружения и снаряжения, которое с лихвой покроет нужды Красной Армии. Лавиной огня и металла враг будет сметен и развеян в прах. И будем всегда помнить: каждый новый танк, самолет, пушка, каждый снаряд и пуля приближают час победы над врагом. Каждый процент сверхплановой продукции – новый удар по врагу...»

«Красное знамя» публикует специальную подборку «В труде и в бою патриоты славят свою родину», где выражают свои мысли чувства. Иван Макарович и Елизавета Андреевна Бушляковы в письме «Наша гордость» рассказали, что провожают на фронт троих сыновей: Степана, Ивана и Семена, а Роман и Александр уже давно служат в Красной Армии. «Мне 64 года, – пишет Иван Макарович, – являюсь ударником. Чувствую себя бодрым и здоровым, готов в любой момент вместе с сыновьями бить врагов нашей Родины...».

26 июня на общем собрании выпускников санитарно-гигиенического факультета Томского медицинского института имени В.М. Молотова, приветствуя молодых врачей, председатель государственной экзаменационной комиссии профессор Д.Д. Яблоков сказал: «Перед вами, молодыми врачами, родина ставит большие, ответственные задачи – помочь Красной Армии в ее борьбе с оголтелым фашизмом. Я уверен, что доверие партии, правительства и всего советского народа вы оправдаете с честью...»

Впереди было еще 1418 дней и ночей, переполненных нечеловеческими страданиями и жертвами, ибо не было испытания для страны более страшного, трагического и неимоверного, чем война, в которую ввергли наш народ 22 июня 1941 года. Враг пришел не для того, чтобы победить, ограбить, подчинить. Он пришел, чтобы истребить страну, людей, память, веру, чувства. Истребить навсегда, навеки вечные. И проигрывать такую войну мы не мели права. Павшие нам бы это не простили.

«Я НЕ УМРУ, Я РАЗОРВУСЬ СТРУНОЙ...»

В творческом букете журналистов «Красного знамени» Александр Алексеевич Соловьев занимает свое совершенно особое выдающееся место. В нем постоянно боролись, гармонично дополняя и обогащая друг друга, два начала – поэтическое и журналистское. Причем проба пера началась у него как раз со стихов, написанных еще до армии, в годы учебы в школе и Ветлужском лесотехникуме Нижегородской области. Они лиричны, лаконичны и по-юношески оптимистичны: «Все дороги мои ясны, я плыву в океан весны, и качается подо мной, словно палуба, шар земной!» Или послеармейские строки: «Когда беда повиснет надо мной, скажу «Россия» - силы прибывают, я не умру, я разорвусь струной, тебе, Отчизна, песню отдавая!»

После окончания техникума работал в Тисуле Кемеровской области, откуда призвали в армию. Служил в танковой дивизии Северной группы войск в Польше. Демобилизовавшись осенью 1963 года, приехал в город Томск, который стал его нелегкой и счастливой судьбой. Мы практически ровесники, поэтому наши пути-дороги, так или иначе, пересекались, и дальше всего в «Красном знамени», куда А. Соловьев приходил и возвращался, был высоко ценим читателями и очень заметен своими замечательными статьями и очерками о сельских людях.

Вот как объяснял он любовь к жителям села в предисловии к своей последней книге очерков «Безвременье», вышедшей в свет в 2015 году: «Почему сельских? Возможно, потому, что родился в деревне. И с каким бы изданием я ни сотрудничал, главными героями для меня были и есть, несмотря ни на что, сельские труженики. Эту книгу я составил из рассказов о встречах с ними на меже веков, в пору политического безвременья, когда одна эпоха еще не ушла, а другая не наступила. Напряженный период. Да и вся крестьянская жизнь – это, по сути, сплошная страда. Хорошо, если она венчается славным урожаем и дает надежды на новые посевы. Но происходят и трагедии. Павшие бывают не только на поле боя...».

Александр Алексеевич, Саша близок мне общей направленностью и душевным пафосом своего творчества, стилистическими предпочтениями, жизненной установкой и четкостью идейных позиций, искренним чувством патриотизма. Мы нередко ходили по одним полям и фермам, а в этом случае невольно замечаешь какие-то огрехи, неточности в оценках событий, характеристик людей, фактах, цифрах. Ничего подобного не было у Соловьева. Он не допускал фальши, откровенного вранья, свойственного иным журналистам, «словесная нива» за ним всегда оставалась без сучка и задоринки. А как он любил своих героев, сопереживал им, находил неожиданную, запоминающуюся деталь, обнаруживал лучшие душевые качества. Характерный пример корреспондентской молодости – зарисовка «Журавушка не улетит» о молодом агрономе Кате Канаевой из села Базой Кожевниковского района, опубликованная в «Красном знамени» в 1970 году. Комбайнеры поймали в пшенице журавля с подбитым крылом. Однако шутить с ним было нельзя, он действовал своим мощным клювом как зубилом. Базойские мальчишки скоро убедились в отваге и силе этой птицы, образ которой не отделим от песен и грусти влюбленных. «Катя журавль сразу понравился: пленила гордость смелой птицы. Журавль нуждался в уходе и ласке, тогда Катя поселила его в своем доме и нарекла Журавушкой, Жорой... Катины квартиранты – кошка и коте-

Р. Гамзатов, А. Алексин, А. Соловьев, генерал С. Белоножко, С. Михалков, М. Матусовский.

НОК - отнеслись к новому жильцу благосклонно, хотя несколько настороженно – все-таки необычный гость, нездешний... Жизнь в доме сразу оживилась. Днем навещать своих питомцев ей удавалось редко, агроном все время на полях... В Базое Катя второй год после окончания сельхозтехникума. Пришлась ко двору, хлеборобы ценят в ней уважение к их труду, грамотность... День работников сельского хозяйства Катя впервые встречает полноправным членом передового колхоза. Ее Журавушка не улетит из Базоя не только потому, что подбито крыло, птице, приласканной заботливой хозяйкой, все больше нравится на новой родине...».

«Душа в огне» - так называл он свой очерк о трагических событиях в селе Березкино Томского района. «В Березкине злодейски убит великий труженик деревни Петр Иванович Попыхин», - такими словами начинался памфlet-реквием, посвященный этому уникальному человеку. Написан по горячим следам событий, да так сильно, прочувствованно, что не оставит ни одного равнодушного читателя. «Рано утром машина с доярками подкатила к дому заведующего фермой. Все удивились, что Петр Иванович не ждет у крыльца, как было всегда, а в окнах темно.

Шофер посигналил, но безответно. Доярки забеспокоились. А тут из дома выскочил раздетый и перепуганный Ваня, внук Попыхина, и опрометью кинулся к автобусу. Поведал он ужасное: его дедушка убит!.. Все Березкино, вся округа содрогнулись от страшного удара в самое сердце, в саму крестьянскую душу...». И автор продолжает, делая вывод: «...Чистая совесть становится все более хрупкой защитой, а доверчивость – роковой. Вот еще почему потрясает и трагедия, произошедшая с Попыхиным. Знавший его не один десяток лет, я тоже воспринял ее как личную беду, как покушение на самого себя...».

С Петром Ивановичем я тоже был знаком не один десяток лет, как и с доярками фермы, получавшим в те годы по 4-5 тысячи килограммов молока от коровы, самый высокий показатель в животноводстве области. Шутка ли сказать, на ферме под началом Петра Ивановича выросли три Героя Социалистического Труда! Точнее сказать, три Героини: его жена Софья Попыхина, сестра Софья Ивановна Соколова и его ученица Таисья Пучкова. В это созвездие можно смело включать многих других доярок.

Автор очерка продолжает свой горестный рассказ: «Великий – это не для поминального

словословия, это из жизни. Из самой ее сути. Попробуйте к себе примерить хотя бы один факт из биографии Попыхина: этот человек без выходных и отпусков проработал 44 года. Причем на одном месте. И место это не мягкое кресло. А ферма – не только парное молоко, ладные доярки и добрые коровы, но и грязь, и ругань. Это подъем в 4-5 утра и работа допоздна. В любую погоду. Каждый день. К тому же Петр Иванович не просто был при ферме, он работал по высшему классу! Руководил им же созданной фермой, причем не рядовой, а племенной...».

Уезжая из Березкина под прощальное сияние солнца уходящего бабьего лета, любуясь банками молока, корзинами грибов, ягодами и картофелем, выставленными крестьянками на обочину дороги, Соловьев вновь содрогается душой, завершая сказанное словами: «...Насколько ни приятно было на все это смотреть, но боль в груди от того, что я узнал о гибели Петра Ивановича Попыхина, не проходила – душа была в огне».

Прочитав Соловьевский памфlet, вскоре с удовлетворением узнал, что убийц поймали, и они предстанут перед судом. На судебном процессе мерзавец, отнявший жизнь заслуженного человека, вел себя дерзко, подло, посмертно оболгал свою жертву, обвинив в провокации преступления. Это поведение можно было бы еще понять как недостойный способ защиты. Но когда кощунственные слова, очернявшие память погибшего, повторила сначала адвокат, а затем и прокурор, моя душа, используя меткое выражение Соловьева, заполыхала в огне негодования.

Когда после окончания процесса я рассказал обо всем Соловьеву, он буквально взорвался, побледнел от гнева, а щеки покрылись пунцовыми пятнами.

- Эти подлецы еще каких-то послаблений искали, хотели, чтобы их миловали, а не судили! А ты знаешь, что Ваню спасло в то черное утро? Автобус с доярками подъехал как раз в тот момент, когда они парнишку обнаружили в дальней комнате, но справиться с ним не успели. Ухватились за соломинку, иди, мол, скажи, что Петр Иванович попозже на ферму придет. Тут он и выскочил со всех ног к людям, не помня себя от ужаса и горя от потери любимого деда...

Поэтическое видение мира Соловьев использовал в своих репортажах из северных командировок. Типичный пример – «Нарымский

Первый секретарь Томского обкома КПСС В. Зоркальцев вручает орден «Знак Почета».

дневник», опубликованный в «Красном знамени» в том же юбилейном ленинском 1970 году. «На голубом большаке области, - пишет корреспондент, - стоит село Нарым, давшее имя таежному краю. Мои журналистские дороги все чаще пролегают через это село, хранящее следы самоотверженной борьбы дедов и отцов за наше счастье. Нарымский мемориальный музей политических ссыльных-большевиков – это частица летописи революции. Это история. Ее здесь ощущаешь зrimо, с ней говоришь, как с живой...».

И тут, когда ему уже не хватает возможностей прозы, он переходит на язык поэзии, на стихотворные строки собственного сочинения: «...Мы – археологи. Мы прошлое поднимем – как из песков пустынных города. Траву забвенья осторожно снимем с того, что помнить надоно всегда. Мы – люди, и поэтому – бессмертны! Пока идет борьба добра и зла, мы на посту останемся бессменно, как ни была бы служба тяжела...».

Он идет по дощатым тротуарам, слушает пояснения экскурсовода, научного сотрудника музея Татьяны Теодорович, рассматривает дома, где жили В.В. Куйбышев, И.В. Сталин, польские революционеры, и впечатления преображаются в поэтические строки: «Нарым... Кандальный звон и стоны. Тайга кромешная. Острог... Нарым совсем не тот сегодня. Нарым – не ужас, а восторг... И, раскрывая память настежь, иду и я, как пилигрим... Благослови меня на счастье и дай напутствие Нарым!»

Обращаясь к читателям в своем прощальном сборнике очерков «Безвременье», Александр

Алексеевич писал: «В этом году мне исполняется 75 лет, 55 из которых я работал (и еще продолжаю по мере сил) корреспондентом разных газет – районной и дивизионной, областных и центральных. Все эти годы я писал заметки и стихи, статьи и очерки. Поэтому решил отметить свои юбилеи изданием двух книг – поэтической и очерковой. Конечно, не без помощи тех, кто не безразличен к моему творчеству. И, подготовив к печати сборник стихотворений «Осеннее равноденствие», тут же взялся за книгу о памятных моему сердцу сельских людях...».

Он успел издать пять сборников своих стихотворений. В последней пятой книге «Осеннее равноденствие», вышедшей в 2015 году, есть особенная глава – «Вставай с колен, Россия»,

сборник песен, написанных в творческом сотрудничестве и в самые разные годы с томскими композиторами Владимиром Лавриненко, Сергеем Королевым, Тимофеем Арициным, Константином Лакиным и другими. Их часто и с успехом исполняли, а главное – помнят до сих пор. Среди них самые популярные: «Васюганские бородачи», «Этот город мой, этот город твой! Мы называли его Стрежевой», «Хлеб», «Женщины стоят на берегу», песня, посвященная фронтовику и композитору Сергею Королеву.

Как хорошо, что жизнь поэта может продолжаться в слове. Нет с нами Александра Алексеевича Соловьева, но память о нем жива, живет, и будет жить бесконечно долго.

Владимир ФЕДОРОВ.

ГОСТИ РЕДАКЦИИ —————

Писатель и поэт Игорь Губерман.

И СНОВА В ПУТЬ

Сначала Владимир Казанцев ковал ядерный щит Родины. Без всякого преувеличения. В 1959 году он закончил физико-технический факультет ТПИ и по распределению попал на 25-й объект. Проще говоря, на СХК, где и был принят со всем радушием. Атомная промышленность бурно развивалась, и молодые специалисты здесь были очень нужны.

Все складывалось вполне успешно, но прошли годы, и вдруг резкий поворот. На самом деле «вдруг»? Оценивая сегодня свое судьбоносное решение, Владимир Анатольевич считает, что у него было два пути. По какому отправиться? Очень непростой выбор. Разберемся и мы, почему. Ведь интересно, зачем преуспевающий инженер с хорошей зарплатой и немалыми по тем временам льготами уходит простым фотокором в газету, где и платят намного меньше, и работа очень уж беспокойная. Понятно, если бы профессия была в тягость, но ведь нет. В политехнический поступил, выдержав конкурс 15 человек на место. На производстве все казалось интересным, и все получалось. В перспективе - карьерный рост, диссертация. Про науку - не ради красного словца, его однокурсники так и делали: атом подбрасывал столько необычного, наблюдай, изучай, описывай. А инженер Казанцев, отработав очередную смену, ехал в командировку по заданию... газеты «Красное знамя» и привозил оттуда снимки. Нравилось потом брать в руки газету и видеть их там напечатанными. Хотя больше привлекал сам процесс съемки, встречи и разговоров с людьми. Наверное, сначала это было обычным увлечением, что-то вроде хобби. И какое-то время получалось совмещать два любимых дела. Но наступил момент, когда он понял, что фотожурналистика побеждает атом. К тому же особый режим, строжайшая дисциплина несколько утомили вольно-любивую натуру. Лучше всего он чувствовал себя с фотоаппаратом в руках или когда колдовал в своей лаборатории, проявляя пленки или печатая снимки. Разве может что-то сравниться с этой магией - опускаешь в проявитель лист фотобумаги, и на нем появляются первые очертания...

- Психологи правы, когда говорят, что мы все родом из детства, - рассуждает Владимир Анатольевич. - Ребенком я больше всего на свете любил машины, сам модели делал. Однажды смастерили из дерева такую, что смог на ней брата Олега

катать. Словом, была мне прямая дорога в автодорожный, да в нашем Красноярске, где жила семья, такого института не было. Отец, директор завода, видел меня только технарем и посоветовал поступать в Томский политехнический. Я и сам так думал. Но все годы, пока учился, приносил свои снимки в институтскую газету «За кадры». Ведь и фотографией я тоже увлекся с самого детства: один из счастливых моментов, когда отец подарил мне ФЭД. Тогда это был лучший фотоаппарат. В общем, меня уже стали считать в газете за своего фотокора. А вскоре начал сотрудничать с «Молодым ленинцем» и «Красным знаменем». Получал там серьезные задания, иногда после лекции сразу ехал в какой-нибудь колхоз или леспромхоз. Правда, не предполагал, что подписываю себе приговор. Ох, какое это чудное и увлекательное дело...

Наступил тот день, когда «приговор» вступил в законную силу. Александр Николаевич Новоселов, тогдашний редактор газеты «Красное знамя», не раз говоривший Владимиру «захочешь, приходи к нам», на этот раз, просматривая его снимки, был решителен: «Ты же настоящий фотокорреспонтер. Это твоё дело! Хватит сидеть на двух стульях: жду заявления».

Уволиться он все-таки решился не сразу. Сначала взял свой длинный «атомный» отпуск и проработал все его дни в газете. И понял, что на предприятие больше не вернется. Но уйти не так просто. И тогда из редакции написали письмо с просьбой отпустить Владимира Казанцева, к письму прилагалось ходатайство обкома партии. Сами понимаете, это уже была большая артиллерия, и в трудовой книжке нашего героя появилась довольно забавная запись: «Откомандировать на работу в редакцию «Красное знамя» с 28 июня 1971 года».

Пожалел ли хоть раз, что отважился кардинально поменять свою жизнь? Ведь в редакции служба медом не была, и всякое случалось.

- На любом месте не бывает все гладко, - философски отвечает на это Владимир Анатольевич. - Думаю, что поступил правильно. Я - человек мобильный, люблю движение, перемены впечатлений, обожаю командировки, мне нравится знакомиться с людьми, привлекают разные стороны жизни. А прежняя моя работа все-таки была связана узкими рамками, хотя вспоминаю те годы, своих коллег с благодарностью и уважением.

- Не надоело «трое суток не спать, трое суток шагать» ради нескольких снимков теперь в ИТАР-ТАСС? Не пора оstepениться?

- Не дождется! Чем дальше - тем интереснее. Да, все такой же... Время, однако, сказать, что с Казанцевым мы знакомы давно, пуд соли точно съели, проработав вместе не один год в нашем «Красном знамени». Все журналисты газеты в те годы любили забегать в гости к фотокорам, лаборатория которых располагалась в конце коридора на первом этаже. Здесь можно было в уютной атмосфере обо всем поговорить «за чашкой чая», обсудить творческие задумки и просто пожаловаться на «непонимание начальства». Самым внимательным и доброжелательным собеседником был Володя Казанцев. Он так мог выслушать, так посочувствовать и дать совет «не обращать внимания», дескать, ты лучше и талантливее всех, что в это верилось. Не было случая, чтобы он кого-то подвел, поступил непорядочно, сдал в «экстремальной ситуации», а такие в редакциях бывают. Во всяком случае, не помню, чтобы он прятался за чужие спины, выгораживая себя. И коллеги это ценили.

А еще поражали его потрясающая работоспособность и преданность профессии. Понимаю, что это звучит несколько пафосно, но с Казанцевым так было всегда, и так есть сейчас. Если

кто-то из нас очень не хотел ехать на совсем «дальние севера», то знали, что выход найдется. Надо сказать Казанцеву, и глаза у него загорятся. Командировки даже туда, где «Макар телят не пас», всегда были его стихией. Владимир Анатольевич и сегодня легок на подъем, а уж что говорить про годы молодости... Произносишь «Казанцев» и видишь человека в унтах, полушибке, шашке-ушанке, обвшанного аппаратурой. Кстати, в дальний путь он обычно отправлялся один, без сопровождения собрата-писаки, что тоже было здорово для редакции. Володя и снимки привозил, и тексты к ним писал. И в назидание нынешней пишущей братии: за все время работы Казанцев ни в одном тексте не допустил неточностей! Это ему свойственно: проверить все досконально, в том числе, как правильно пишутся имя, фамилия героя, название предприятия и так далее. Нас это удивляло, а он, в свою очередь, недоумевал: «Вы только представьте, как неприятно человеку, его близким, если в газете неправильно написана его фамилия».

Любимые его жанры - фотопортаж, фотоочерк.

- Теперь, - вздыхает Владимир Анатольевич, - они почти исчезли. Чаще всего требуется один снимок с места события, как иллюстрация к тексту. А ведь снимки лучше всяких слов могут рассказать о том, что происходит. Сейчас фотокоры появятся, щелкнут и исчезают. Разве это работа? Можно ведь самое главное пропустить.

- Сегодня легче работать?

- В какой-то мере, да. Появилась замечательная аппаратура, но многих она же и расхолаживает. Зачем мучиться, искать нужный ракурс? При цифровой съемке все происходит почти автоматически. Не надо быстро перезаряжать, снимаешь одной камерой и на цвет, и на ч/б. Всегда проконтролируешь, что получилось. А из 300 кадров можно выбрать один наиболее удачный, но я заметил, что те, кто работал на пленке, более тщательно ведут съемку и на цифре. Видят, когда нужно нажать кнопку, а не стреляют, как из пулемета. Признаться, ощущаю некую ностальгию по прежним временам. Не знаешь, что привез, рассматриваешь, отбираешь нужное, и вот в ванночке появляется изображение. Во всем этом процессе была своя прелесть. Иногда мне ее не хватает.

- Зато теперь на тебе не висит две-три камеры, и нет в карманах 6-8 объективов...

- А еще запас пленки, штатив, лампа-вспышка... Да, в каждую командировку груз набирался до 25-30 кг. К тому же пленку и ка-

меру в морозы приходилось прятать под шубу. При сильном холода пленка рвалась и даже рассыпалась.

Тут мы вспомнили и про то, в каком дефиците была хорошая аппаратура, которую покупали за рубежом, а потом уже выделяли и редакциям. Стоила она очень больших денег. К примеру, камера «Роллей» с набором оптики была в три раза дороже автомобиля «Волга». Поэтому фотокоры, которым такую роскошь доверяли, работали под девизом «сам погибай, а аппаратуру сохраняй». Однажды мне пришлось стать свидетелем подобной сцены.

В Томск тогда приехал знаменитый английский писатель Грэм Грин. Событие невероятное, ошеломительное для тех лет. Впрочем, и сейчас оно было бы отнюдь не рядовым. Нас с Владимиром Казанцевым тоже включили в эскорт. Моя задача - взять интервью у писателя, рассказать в целом о его поездке в Сибирь, а Казанцев снимал Грина везде, где ступала писательская нога. После знакомства с городом Грэм захотел увидеть своими глазами, как мы осваиваем север, добываем нефть, обком партии пошел навстречу. И вот мы уже летим вертолетом в вахтовый поселок Пионерный. Сели. Казанцев выскочил первым, чтобы успеть заснять, как Грин выходит из вертолета. Он отступал назад и щелкал, и опять щелкал затвором... И тут бетонная дорожка закончилась, Грэм отчаянно всплеснул руками, увидев, как Владимир Анатольевич летит вниз на болотные кочки. Мы тоже все ахнули, но... от восхищения. Потому что падал Казанцев под этим самым девизом про аппаратуру: камеру он бережно держал перед собой на вытянутых руках, совсем не думая о сохранении позвоночника. Это чистая правда, запечатленная тоже как фотодокумент коллегой Владимира Евгением Лисицыным. Снимок хранится в архиве Казанцева.

Конечно, в биографии Казанцева-фотокора много ярких впечатляющих эпизодов. Я уже говорила, что он редко задерживался в редакции. В любую погоду, в любое время года отправлялся в командировки. Перелетал на всех видах воздушного транспорта, добирался на место на вездеходах, аэросанях, лошадях и, конечно, на своих двоих. Тут уж как складывались обстоятельства. Мерз, жарился на солнце, попадал под дождь, но всегда выполнял боевое задание. Однажды его отправили к геофизикам снять взрывные работы. Вертолету сесть негде, машина зависла, как могла, низко, и Казанцева, можно сказать, выбросили на землю. Добирался до геофизиков по

болоту, начерпав полные сапоги жижки и вымокнув сам. Снимки сделал, а через час по лестнице его уже затаскивали снова в вертолет.

А как переживала его семья, что он не успеет вернуться 31 декабря домой! Перед самым праздником Владимир улетел делать репортаж о том, как геологи на том же севере встречают Новый год. Геологи нарядили елку, повеселились, попели песни. Словом, репортаж получился, и довольный Владимир Анатольевич улегся спать. А утром началась сильнейшая пурга, продлившаяся ровно три дня и закончившаяся как раз 31 декабря, но тоже утром. Так что к новогоднему столу наш герой успел - выручили вертолетчики.

Таким историям из жизни Казанцева несть числа, можно целую книгу написать.

А что сейчас?

Владимир Анатольевич по-прежнему занят любимым делом. Работает, как уже упоминалось, в ИТАР-ТАСС и готов в любую минуту сесть за руль автомобиля и выехать на место события. Или вылететь. Тут уж какой транспорт будет, хотя он, конечно, предпочитает собственный автомобиль. Машины - это тоже его неизбывная страсть, водитель он отменный.

Есть и еще одно важное дело - огромный архив. Представляете, сколько в нем накопилось замечательных кадров! Тут все о событиях, случившихся в Томской области за десятилетия, запечатленных фотокамерой Казанцева. Да, снимали многие, но кто еще так тщательно хранил пленки, снимки, кто обязательно подписывал, что там, и кто там изображен, в какой день и год это произошло. Раньше такой педантизм Владимира Анатольевича удивлял, мы слегка подшучивали над ним, теперь, оказывается, он молодец. По снимкам из его архива уже вышло несколько альбомов, и мы имеем возможность видеть, как это было.

Мне нравится рассматривать его снимки. Такие славные, полные достоинства лица у лю-

дей, объединенных общим делом и верящих в то, что это очень нужно для страны. Геологи, нефтяники, газовики, лесники, доярки, учителя, летчики, артисты... Камера неторопливо ищет нужный момент, чтобы показать в человеке лучшее. Для фотокора Казанцева это принципиально. В собственной жизни он придерживается тех же установок: не занимается критиканством, не ноет, никого не ругает и никому не завидует. А еще работа, самодисциплина и интерес к тому, что происходит вокруг. Смеется: «Я никогда не отключаю телефон!»

Вот, пожалуй, и весь секрет профессионального долголетия и вполне успешной жизни.

Нина МАСКИНА

ГОСТИ РЕДАКЦИИ

Наши знаменитый земляк, бывший министр здравоохранения России, академик Анатолий Потапов.

О ЧЕМ МЫ ТОЛЬКО НЕ ПИСАЛИ

«Отдам для фронта все...»

Четыре года Великой Отечественной войны, все 1418 дней и ночей прошли для работников редакции газеты «Красное знамя» нескончаемым и непрерывным потоком времени, когда все мысли и усилия людей были направлены к одной главной и большой цели – остановить, преодолеть и разгромить врага, вторгшегося в Советский Союз. Листая газетные полосы той героической и трудовой страды, даже сквозь толщу лет зрямо представляешь, как оживают картины жестоких боев на тысячекилометровом пространстве, заново узнаешь, какими невероятными усилиями ковалась общая победа, и насколько важно было крепчайшее, монолитное единение фронта и тыла.

Именно в эти грозные и трагические годы расцвел публицистический талант многих советских писателей: Михаила Шолохова, Алексея Толстого, Ильи Эренбурга, Бориса Полевого, Константина Симонова, Василия Гроссмана, чьи выдающиеся статьи-памфлеты постоянно публиковались в «Красном знамени». Росло мастерство и штатных корреспондентов газеты, как, например, репортера и фельетониста Сергея Ходора. «У станка, как у пулемета» назвал он свой репортаж с яркой фотографией знатного токаря Павла Пошукайло. Бьет точно в цель и подзаголовок «Каждая выигранная секунда это выстрел по врагу». «Павел любит свой станок и бережет его как воин боевое оружие, – пишет автор. – Быстрота и точность, буквально микроскопиче-

ская точность – вот чем отличается работа Павла. Делая сложнейшие детали, он дорожит каждой секундой. Месячную норму выполняет на 500 процентов... Павел часто вспоминает родную Украину. Там сейчас свирепствует враг, льется кровь братьев и сестер, временно попавших под гнет немецких оккупантов. Помня об этом, Павел всю свою жгучую ненависть к врагу вкладывает в яростный труд... Брат Николай сражается против фашистов, выполняя священный долг перед народом. Родина не призвала Павла под ружье, но и на трудовом посту он чувствует себя бойцом...».

Развивая тему, газета публикует выступление секретаря Томского горкома партии С. Чернышева «Все силы – на разгром врага». «Жестокие бои происходят на юге, – сообщает он. – Со всех сторон ползут бронированные чудовища, сея пламя и смерть. Но в руках советских воинов тоже сильное, смертоносное оружие. Гигантской косой проходит оно по рядам врагов, и валятся трупы на наши земли. Но сзади идут другие шеренги гитлеровцев. Их прельщает кубанская пшеница, ибо тощи животы фашистских мародеров, их влекут наши недра, богатые нефтью, ибо в бензобаках гитлеровских машин горючего осталось на дне, их гонят страх перед неминуемой расплатой... Отступать дальше некуда! – говорит страна воину. И боец знает: за его спиной славная русская река Волга, за его спиной хлеб, которым кормится он, и люди в тылу, кующие ему оружие... Позади города и села, старики, женщины

и дети, смотрящие на него с надеждой и верой. Они зовут его спасти их от смерти, надругательства, рабства... И воины Красной Армии твердо помнят этот завет советского тыла...».

С начала боевых действий отличились многие воины-сибиряки. Это полковник Некрасов, подполковник Батраков, талантливые военачальники и храбрые воины, которые в тревожные августовские дни задержали и отбросили из района Ельни фашистские полчища, готовившиеся сделать прыжок на Москву. Это сибирский Гастелло – Иван Черных. Это - майор Иосиф Войцеховский. Попав в окружение танков с горсткой бойцов, он вызвал огонь на себя, чтобы уничтожить врага и его технику. Это – неуловимый разведчик Сухоплюев, слава о котором гремит по всему фронту. Это – Салават Карымов, который в одну из своих вылазок за «языком» подкрался к блиндажу, где находилось 14 гитлеровцев, схватил одного, вытащив наружу, а остальных уничтожил гранатами. Это – Василий Казаченко, который в наступательном бою пробрался наперерез отступающему противнику и уничтожил из ручного пулемета более 20 солдат, отбил пушку и две автомашины. И подобных примеров славных дел наших земляков не перечесть.

- В такие грозные дни, как сегодня, - размышляет партийный работник, - каждый патриот спрашивает себя, что я должен сделать сейчас, сию минуту? Фронтовик знает: для победы он должен защищать рубеж, на который его поставило командование. Рабочий знает: для победы он должен вырабатывать больше танков, самолетов, пушек, минометов, автоматов, снарядов и пуль. Именно так работает коллектив Томского завода режущих инструментов, коллективу которого из рук гвардейца вручено переходящее Красное знамя Государственного Комитета Обороны. Это величайшая правительенная награда. Дело чести всех фабрик и заводов Томска, всех трудящихся удержать это знамя в нашем городе.

Газета сообщает, как изменился старейший сибирский университетский город за месяцы войны. Приобрел индустриальный облик. Продукция фабрик и заводов играет значительную роль в приближении разгрома фашистских бандитов. К станкам встали десятки тысяч жителей Томска, которые знают, что от их самоотверженной работы на любом участке зависит успех наших бойцов и командиров на фронте.

В этой же подборке опубликовано замечательное стихотворение поэта Василия Лебедева-Кумача, где есть такие строки: «Заботы мелкие пускай уходят прочь! Пусть сердце полнится одной большой заботой, скорей и лучше Родине помочь ударной, боевой, невиданной работой! ... Клянусь тебе, мой брат, товарищ и герой, клянусь, как патриот, всей матери-

Отчизне: отдам для фронта все – весь пыл и опыт свой, а если жизнь нужна - не пожалею жизни!»

Каждый номер газеты был заполнен потрясающими статьями, обращениями, призывами, сводками Совинформбюро, в которых буквально по часам, дням сообщалось о подвигах советских воинов, о победах и потерях, о том, где нужно искать «ключи» к победе. Одним из таких выдающихся обращений стало письмо фронтовика красноармейца А. Андреева «Тем, кто остался в тылу», опубликованное 27 сентября 1942 года.

«Мы знаем, - пишет красноармеец, - ключи к победе в наших руках. От того, насколько умело, насколько искусно, насколько храбро и самоотверженно мы будем воевать, зависит все. Но вместе с нами отвечают за завтрашний день Родины и те, кто работает в тылу, кто кует огненный меч победы... Друзья, работающие в тылу! Представьте на миг поле битвы. Представьте цепи вражеских солдат в зеленых куртках, с автоматами в руках неумолимо прут на наши позиции. Представьте себе молоденького русского паренька, который, припав к пулемету, скашивает горячим ливнем эти немецкие цепи одну за другой. Но вот он поворачивает взволнованное разгоряченное лицо и повелительно кричит: «Патроны! Эй, патроны, живо!» Это он кричит и вам. Скорее дайте ему патроны, иначе он перестанет стрелять. Тогда немецкие цепи поднимутся, подойдут и растерзают его... Они прорвутся, полезут дальше, и тогда растерзают вас, ваших детей, ваших отцов и матерей...».

Просто, проникновенно, убедительно ведет разговор мудрый русский солдат Андреев.

«Немцы – без чести, без совести и без сердца. Их не убедить словами, не тронуть чувствами. Их можно свалить ударом, раздавить гусеницей... Сегодня бой идет за славную Волгу, за мудрый и величественный Кавказ – немец лезет сюда. Давайте же нам быстрее и больше мин, снарядов! Мы с вами – единая семья. Без вас нам нечем бороться, нечем жить, нечем дышать. Снайпер Коля Христенко, убивший уже 60 фрицев, неразрывно связан с девушкой из Ленинграда Тоней Линьковой, которая сейчас собирает урожай в заволжских степях. Танкист Иван Федосеев, подбивший несколько вражеских бронированных машин, с гордостью рассказывает товарищам о Вале Гиньковской, которая делает на военном заводе важные детали... Воюем не только мы, воюете и вы, входя в цех торжественно, с открытой душой, как выходим мы на поле битвы...».

Он знает и о том, что в тылу есть люди, которым живется легко за чужими спинами, они порхают как мотыльки, приговаривая: «Война все спишет!»

«Нет, война ничего не спишет, запомните это, пожалуйста, – убеждает воин. – Война только припишет: одним славу и бессмертие, другим – вечный

позор... Война – огромная тяжесть. Она не под силу одиночкам – ее должны нести все. Девушки! Хорошие, чудесные, милые наши девушки! Мы знаем – трудно вам сейчас, очень трудно. Какими словами выразить боль расставаний? Как рассказать о дружбе, нити которой растянуты на тысячи километров. Вы работаете от восхода до заката солнца... Но сейчас нам не обойтись без ваших рук. Руки ваши, заботу, ласку мы чувствуем везде: в письме, в противотанковом патроне, в банке консервов, в моторах танка, в славных полушибаках, в которых не страшны любые морозы. Красноармейское спасибо вам! После войны вернемся, погладим ваши маленькие руки. После войны долюбим, допоем, догуляем. А теперь надо работать, работать и воевать ради наших будущих встреч».

Даже сегодня, спустя три четверти века, нас, людей XXI века, поражают сила убежденности в своей правоте, провидческая вера в грядущую победу рядового красноармейца, настоящего человека с сердцем, открытым ненависти к врагам и большой любви к людям.

- Когда мы разгромим немцев, - мечтал он еще в 1942 году, - народ будет сооружать памятники своим героям. И тогда воздвигнут величественный монумент в честь русской женщины, которая терпеливо и героически перенесла все невзгоды, все лишения, все пытки войны».

Миллионы таких твердых и убежденных в своих принципах людей, как красноармеец Андреев, воевали, а миллионы тех, кто оставался в тылу, всеми фибрками души и физических сил, кто и чем мог, помогали фронту.

В небольшой зарисовке В. Лариной «Для семьи хватит и еще бойцам пошли» идет речь о том, что дал огород стахановцу Страхову, и как он работает маляром на гормолзаводе, выполняя норму на 400 процентов. Его в шутку прозвали на заводе «искателем работы», потому что никогда не сидит без дела, исполняя самое нужное и необходимое. Такой он и дома. Когда у его жены Марии Васильевны погиб брат, всю семью с матерью пятерых детей приютили Страховы. Уединенная жизнь закончилась, дом наполнился шумом и смехом, детской возней и заботой о племянниках. Все лето Мария Васильевна не уходила со своего огорода, вечерами помогал Дмитрий Николаевич.

Урожай 1942 года выдался на славу. Словно сама природа компенсировала людям часть лишений первой полуголодной военной зимы. Большие белые картофельные клубни лежали в гнездах, как пороссята. Не остались без урожая и такие труженики, как семья Страховых.

«У государства и без нас есть о ком заботиться и думать, - говорил Дмитрий Николаевич. – Раз я

сам со своей старухой заготовил себе картофеля да всякой всячины, значит, государству легче, больше на фронт можно послать родненьким сынкам. А их надо кормить, сильно, хорошо, без отказу. Они наши защитники, за нас кровь проливают. Без них и этих бы давно не было – и он широким жестом указал на пятерых племянников».

Не забывали своих земляков томичей бойцы, командиры и политработники 19-й гвардейской стрелковой дивизии. 12 апреля 1942 года газета опубликовала обращение «Трудящимся города Томска», подписанное командиром полковником Булановым, военным комиссаром Строевским, начальником штаба Артеменко, начальником политотдела Романенко и военкомом штаба Плясуновым.

«В боях с фашистскими захватчиками, - писали они, – дивизия заслужила себе неувядаемую славу, выковались замечательные кадры сталинских командиров и политработников. Вот их имена: командир батальона лейтенант Милованов, будучи тяжело ранен, не оставил поле боя и продолжал командовать батальоном, пока силы не оставили его. Батальон Милованова первым ворвался в населенный пункт. Храбрость и мужество проявил старший лейтенант, уроженец Томска Земских. Верный воинской присяге он погиб смертью храбрых, но память о нем живет в сердцах командиров и бойцов нашей дивизии... Политруки Филатов, Чернобай, красноармеец Карнаев, военфельдшер Валя Гладовская, пулеметчики Андреев и Кожан и многие другие создавали и создают славу нашей дивизии».

Партия и советское правительство высоко оценили боевые дела наших людей. Постановлением Государственного Комитета Обороны 366-я стрелковая дивизия переименована в 19-ю Гвардейскую стрелковую дивизию. За боевые подвиги, отвагу и мужество 190 бойцов и командиров награждены орденами и медалями Союза ССР.

Подписав это письмо по поручению бойцов и командиров дивизии, авторы призвали рабочих, работниц, колхозников и колхозниц, представителей интеллигентии работать на трудовом фронте так, как на фронте борьбы с немецкими оккупантами борется наша доблестная Красная Армия... «Больше оружия, больше боеприпасов, больше хлеба, мяса – все для фронта! Вот лозунг вашей работы и борьбы с фашистскими захватчиками».

Война многому научила советских людей. Они прошли суровую школу жестоких испытаний и закалились в огне войны. Теперь они знают: победа не придет сама, ее нужно завоевывать героическим напряжением всех сил на фронте и в тылу. Враг почувствовал силу ударов Красной Армии. Скоро он почувствует эти удары еще сильнее. Будет и на нашей улице праздник!

«ГАЗЕТНАЯ» АЗБУКА,

или Игра в «чику» как способ выбрать будущую профессию

Начиналось мое приобщение к таинствам газетного цеха достаточно трагикомично. Отец попал под автобус. Слава Богу, тот ехал пустой, но все равно трещина в ноге заставила его изрядно повалиться в постели. Изнывающий от праздности и от собственной беспомощности, заведующий отделом информации газеты «Красное знамя» Б. Бережков решил поучить своего шестилетнего оболтуса А. Бережкова грамоте. Для чего была куплена обычная тогда разрезная азбука. Отрок был, извините за нескромность, смышленый, и занятия шли достаточно гладко. Пока не взбрело на ум вынужденному педагогу выставить в картонных кармашках роковое «ПРАВДА».

- Ну, давай вместе. Слово простое, - ничего еще не подозревая, отец доброжелательно улыбался: - ПРАВ-ДА...

Я послушно пролепетал вслед за ним два коварных слога.

- Ну, что получилось?

- Газета.

Конечно, сначала домочадцы весело смеялись. Но раз за разом атмосфера в «классной» комнате все больше накалялась.

- Нет, ты только послушай и повтори: ПРАВ-ДА. Понял? Какое слово получилось?

Отцовский вопрос уже позванивал железом. А я бычился, набухал слезой и упрямо бубнил: «Газета».

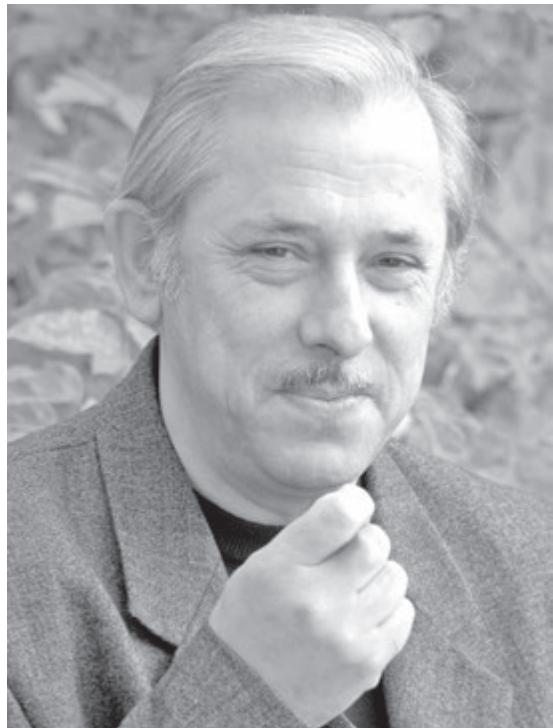
Где-то раз на десятый в воздух полетело азбучное конфетти, раздались громкие проклятия на русском и почему-то грузинском. Испуганная мать подхватила обиженное чадо и увела от разъяренного папаши. Словом, урок грамоты удался.

Шли годы. Особой «журналистской» атмосферы в нашем старом деревянном доме я не припомню. Но частенько, отправляясь спать, видел, как отец доставал стопку аккуратно нарезанной бумаги, изрядно измятые и разрисованные блокноты и что-то писал. Свет из-под двери родительской спальни иногда долго не давал мне заснуть.

- Хочешь, пойдем на работу?

- Конечно.

В гулких редакционных коридорах, в здании на Ленина, 66 (напротив главпочтамта), можно было кататься на велосипеде. Я, робея, заглядывал то в один кабинет, то в другой. Везде сидели мордатые и не очень дядьки, курили, зубоскалили, звонили

ли по телефону и в промежутках чего-то выступали на машинке. Если приложить ухо к стене, где-то внизу было слышно глухое уханье и рокот. Там я еще не был, но уже знал: шумят типографский цех, где и печатают газету. Конечно, среди моих личных карманных «богатств» были уже и литеры, и шпонны, и марзаны. Но все это - как раковины без моря.

В тот день отец дежурил и прихватил в цех с собой и меня. По крутой винтовой железной лестнице спустились в «преисподнюю». В подвале было пасмурно и жарко. И шум стоял ужасный. Я с почтением глядел, как из недр станка выползала лента свежих номеров. Поудивлялся ловкости, с которой потные и подозрительно раскрасневшиеся мужики закрепляли на барабане тяжеленные матрицы. «Твой», - не слишком почтительно ткнул в меня пальцем какофоний ражий детина. Отец согласно кивнул. И тот, загадочно улыбаясь, поманил за собой: «В «чику» играешь?» Я опасливо покосился на родителя.

На нашей достаточно шпанской улице это была известная забава. Шкеты, вроде меня, играли по копеечке. А к вечеру собирались уже профессионалы, и на кон ставились высокие «колбаски» металлических рублей и полтинников. Иногда страсти разгорались совсем не шуточные. Среди сверстников считалось весьма почетным владеть битой, или по-другому «катей». Вот толь-

ко с этим были проблемы - свинец, который шел на ее изготовление, достать было весьма сложно.

- Айда, я тебе сейчас «катю» сделаю, - слишком громко, на мой взгляд, предложил новый типографский знакомец.

Он зачерпнул откуда-то из внутренностей наборного станка полный черпак дымящегося гарта (свинцово-оловянной смеси) и вылил ее в приготовленную заранее форму. Домой я летел, как на крыльях, карман приятно оттягивала и грела еще не совсем остывшая блестящая заветная «подушечка»...

Вот так, вместе с первыми слогами, вместе с «железными игрушками» детства впитывал я

газетную отправу, входил, как говорят, в клан. Где та азбука? И где та «катя»? Нет отца. И никак не избавиться от странной смеси ненависти и любви к своей работе. Ко всей этой жуткой мешанине строчек, звонков, встреч, споров до хрипоты о вечных и не очень истинах, о поисках своей газетной правды. Не знаю, поймет ли меня дочь. Но только и она уже чуточку прикоснулась к газетной азбуке, опубликовав в «Красном знамени» первую в своей жизни заметку. Что-то из этого всего выйдет?

Александр БЕРЕЖКОВ.

Материал опубликован к 80-летию газеты.

БОЛЬШАЯ УДАЧА

Несколько выпускников Томского государственного университета из первой группы журналистов, пришли работать в областную газету «Красное знамя» по распределению.

В то время это была большая удача. Шел 1981 год. И попасть в «Красное знамя» было непросто. Я готовился к работе в этой авторитетной газете уже на 3-м и 4-м курсах, печатался активно и в итоге защитил так называемый «практический» диплом. Тогдашний главный редактор Александр Николаевич Новоселов, зубр и патриарх томской журналистики и просто хороший человек, меня заметил... и в добрый путь благословил. Еще в газету пришли одногруппники – Евгений Фролов и Владимир Калинин. Женя со временем стал известным в Томске обозревателем и репортером, Володя недолго проработал фотографом в газете и как-то тихо-тихо слинял в какое-то фотоателье или многотиражку...

Мне сразу же «повезло»: я попал в отдел промышленности, где руководителем был бывший директор шахты, человек по-своему несчастный, потому что занимался не своим делом. Для него работа в газете была голгофой и мучением. В то время ответственным секретарем газеты была Виктория Францевна Брындина, женщина суровая и беспощадная. Помню, как она приносила в отдел моему заведующему испещренные красным карандашом или ручкой листы статьи

и небрежно бросала на стол с отрицательным вердиктом. За выполнением плана в газете следили тогда строго, и кто не выдавал 3000 печатных строк, того наказывали и срамили на летучках. И весь тот негатив, который рождался у Брындина в общении с моим заведующим отделом, она переносила на меня, молодого журналиста. Со временем я понял, что эта была школа строгого отношения к слову, поэтому сейчас с благодарностью вспоминаю Викторию Францевну. А тогда дело доходило до того, что я собрался даже уходить из газеты, слава богу, что этого не сделал.

Через некоторое время ушел из нашего отдела в отдел писем Владимир Федоров, и освободилось место журналиста, который курировал лесную промышленность, и меня направили на этот участок. А это бесконечные командировки по леспромхозам области. Мои репортажи попадали на первую полосу газеты как горячие пирожки. Как-то легче стало дышать. Тогда я довольно часто летал в командировки на лесоучастки с замечательным Николаем Потаповым. Такого фотожурналиста и фотохудожника я потом не встречал никогда. Его снимки были событием в газете. И на его примере я понял, как нужно любить свою профессию, чтобы добиваться такой глубины и художественного воплощения задуманного. Вот один пример. Мы должны были уже уезжать с лесоучастка. Но Коля уже около часа гонял рабочих с бревнышком (как в известной клунаде Никулина и Шуйдина), они, естественно, ругаются, но ему ни почем, ему нужно добиться настоящего снимка. И он добивался.

Еще один интересный персонаж газеты, это тогдашний заведующий отделом партийной жизни (где я работал впоследствии), бывший партийный работник Геннадий Качушкин. Было такое впечатление, что он писал только отчеты с партийных собраний и больше ничего. Были в отделе два корреспондента – суховатый и добросовестный Николай Чуков и наш покорный слуга. Через некоторое время этот отдел возглавил многомудрый Соломон Выгон, в отдел пришла замечательная Валя Ваккер. И это уже был другой отдел партийной жизни. Хорошая рабочая атмосфера, доброжелательные отношения способствовали работе. Соломон немало помогал молодым журналистам, в том числе и мне. Многому у него научился, прежде всего умению писать отчеты с партийных собраний, очерки о партийных ра-

ботниках. Помню один из таких очерков. О Нелли Степановне Кречетовой, тогдашнем секретаре Томского горкома партии. Я тогда долго с ней разговаривал, не раз встречался, мне она нравилась. Если герой твоего материала тебе нравится, то очерк получится интересным. Так и было.

В этом отделе у меня тоже было немало историй. Вот одна из них. Звоню ночью главному редактору Нестеренко (он сменил Новоселова), поднимая его с постели. Говорю: «Николай Григорьевич, ко мне из Бакчара только что приехали друзья-охотоведы, там браконьеры отстреляли около десятка лосей. Просят выехать с ними и написать об этом». Николай Григорьевич дает добро, прибавляя – «доброе-добре» - это была неизменная и даже классическая фраза, при которой он обычно правой рукой в это время поглаживал свою лысину.

Выехал, написал статью с названием «Двойная мораль», вышла подвалом в газете. Что тут началось! В этой истории был замешан заворот-делом райкома. Единственno, жалею, что доставил неприятностей Виктору Купрессову, в будущем моему товарищу, а тогда первому секретарю райкома, недавно приступившему к обязанностям после учебы в Москве. Надо отдать должное нашему редактору Николаю Григорьевичу, он стоял крепко на защите журналистов. Газета тогда была настоящим организатором и пропагандистом политической, экономической и культурной жизни области, поэтому любой критический материал имел большой резонанс. Его обсуждали на всех уровнях, в партийных, профсоюзных организациях, в трудовых коллективах. Поэтому на десять раз проверишь, чтобы, не дай бог, не допустить напраслины или какой-то другой ошибки. Активно работала рубрика «Газета выступила, что сделано».

Николай Григорьевич Нестеренко стал главным редактором газеты случайно. Его прочили в председатели областного народного контроля. Но место было еще занято, и временно он стал заместителем Новоселова. Но человек он был с большими амбициями, вкушив журналистского хлеба, он решил остаться в газете, сделал для этого немало и прижился на новом месте.

Большинство журналистов тогдашних областных газет сотрудничали с центральными

средствами массовой информации в надежде, если повезет, стать собкором, пусть и в другом регионе. Немало журналистов «Красного знамени», таким образом, вырастали до центральных газет. Такое желание было и у меня. Я долго сотрудничал с собкором ТАСС по Томской области Сашей Русским. И успешно, занимал первые места среди внештатников телеграфного агентства. Меня заметили и предложили переехать собкором ТАСС в Киров. Подготовили все документы, было решение руководства ТАСС, но этот переход не утвердил наш обком партии. Почему это было сделано, наверное, знает Николай Петрович Кириллов, тогда зав. отделом пропаганды обкома. Работаю дальше, освобождается место в Туве. Опять не проходят документы через обком. Тогда руководитель собкоровской сети ТАСС предлагает мне ехать собкором в Карабах, здесь мы не будем спрашивать разрешение у вашего обкома. Но я отказался, так и закончилась моя не состоявшаяся журналистская карьера.

На исходе моего служения в газете случилось памятное для меня событие. Владимиру Моисееву, тогдашнему заместителю редактора, надоело формировать и выпускать сатирическую страницу в газете, она выходила один раз в месяц, называлась «Филин» и занимала целиком четвертую страницу, я стал ответственным за выпуск этой страницы. И был счастлив, это было интереснейшее занятие. У «Филина» был большой штат внештатных корреспондентов, да и я напечатал там немало своих фельетонов. Читатели, может быть, помнят их: «Сколько голосов у директора», «Муё» и другие.

В 1991 году мы с Юрий Молодцовым ушли из «Красного знамени» и стали выпускать первую частную газету под названием «Деловой Томск» в надежде заработать на рекламе.

Но я никогда не терял связи с газетой «Красное знамя». Здесь работали и работают мои товарищи, с которыми находился в постоянном общении. А с 2008 года областная писательская организация, где являюсь председателем, выпускает свою газету «Мастерская», она выходит один раз в два месяца как приложение к «Красному знамени». Вот таким образом я снова вернулся в свою родную газету.

Геннадий СКАРЛЫГИН

«КРАСНОЕ ЗНАМЯ» - ПЕРВАЯ ГАЗЕТА!

Исполнилось сто лет моей главной газете - «Красному знамени». Она была первой в моей жизни во многих отношениях – первой газетой, которую я вообще взяла в руки и сама прочла заголовки... Это была первая газета, в которой я еще школьницей с восторгом обнаружила свою фамилию, напечатанную под моей небольшой публикацией.

Для всей нашей страны 2017 год долгое время ассоциировался с юбилеем Октябрьской революции, а для меня и моих коллег этот год, прежде всего, год столетия родной газеты. Тридцать лет назад, когда я была первокурсницей кафедры журналистики, я пыталась представить, какой будет газета, когда настанет юбилейная дата? И вот эта дата наступила, а газета живет, развивается и по-прежнему интересна читателям. Она выходит под тем же названием, на тех же листах большого формата... и по-прежнему любима читателями. Газета выдержала испытание временем, сменой эпохи и государственного строя.

Я томичка, и в нашей семье всегда выписывали «Красное знамя», моя мама всю свою жизнь читала эту газету и очень ее любила. Под любым псевдонимом узнавала строки, написанные ее любимыми журналистами Эдуардом Стойловым, Соломоном Выгоном, Владимиром Федоровым. Часто вслух читала интересные публикации – Виктории Брындина, Нину Маскиной, Бориса Бережкова. А самые трогательные статьи, в основном с жизненными историями «на тему морали», вырезала и хранила в старом ридикюле, уцелели они и по сей день.

Я работала в этой газете пятнадцать лет, которые пришлись на очень интересное время – с 1989 по 2004 год. Перестройка, гласность, бурные, переломные девяностые... Было очень интересно работать в главной газете области в то время. Особенно если учесть, что это было мое первое в жизни рабочее место. Начинать профессиональную деятельность в таком издании – большой подарок судьбы, я это и тогда, еще студенткой, понимала, хваталась за любое задание. «Красное знамя» ставило перед нами поистине высокую планку, и если ты смог соответствовать его высоким требованиям, потом будет легче справиться с дальнейшими трудностями, которые выпадут тебе на долю.

Считаю, что мне очень повезло попасть сразу в эту редакцию, работать в этой газете. Впер-

вые я оказалась там, когда потребовалось для поступления на отделение журналистики ТГУ подготовить несколько публикаций. С трепетом входила в огромный, многоэтажный «Дом печати» на проспекте Фрунзе, 103, где тогда располагалось несколько редакций и типография «Красное знамя». Принесла свою первую информационную заметку о школьной жизни, которую заведующий отделом науки и образования Соломон Львович Выгон тут же отредактировал, попросил перепечатать на пишущей машинке. Через некоторое время она появилась в газете. Потом были другие публикации, это так окрыляло, что нас ждут, с нами работают, дают шанс опубликоваться. Конечно же, став студенткой, я выбрала для сотрудничества именно эту редакцию. Журналисты этой газеты дали мне первые уроки мастерства, и всем моим старшим товарищам по редакции я благодарна за них.

У каждого из коллег было чему поучиться. Тактичности, вежливости мы учились у нашего художника Владимира Марьина. Интеллигентности, ответственности - у старейшего фотокорреспондента Александра Васильева, а умению интересно рассказать массовому читателю о любом культурном событии – у Бориса Бережкова... Соломон Выгон, Нина Губская, Евгений Фролов, Валентина Ваккер, Петр Колотовкин, Виктория Брындина, Александр Бережков – все они и своим собственным примером, и посредством разбора газеты на летучке, учили нас, как надо работать в журналистике.

В моей первой редакции я получила уроки жизненной мудрости. Старшие сотрудники что-то рассказывали о своей жизни и работе, исподволь обучали нас, молодых... Помню, как отлично играл на аккордеоне Эдуард Викторович Стойлов, какие рассказывал байки, каким неувыдающим был! Эпиграммы и шутливые стихи хранятся у многих «краснознаменцев» в память об Евгении Зырянове, а звуки гитары Александра Бережкова тоже трудно забыть. Все наши мероприятия по проведению свободного времени остались в памяти как радостные, приятные события, драгоценные минуты общения с близкими по духу людьми, настоящими коллегами.

Коллектив нашей редакции был тогда большой, мы занимали в Доме печати несколько этажей. Кто-то с кем-то дружил более плотно, кто-то знал друг друга меньше, но все были единым

Журналисты «Репортера» слева направо: О. Чайковская, Н. Шеремет, А. Бережков.

сплоченным коллективом, и я с радостью в него вошла. Мы могли многому поучиться у настоящих профессионалов, и не упускали такой возможности. Было такое замечательное явление в нашей студенческой жизни, как «Творческий день». Один день в неделю мы шли не в университет, а сразу в редакцию. Я записалась в «Красное знамя», на спецсеминар к Соломону Выгону. К тому времени я уже работала в газете на полставки, и он был моим непосредственным начальником.

Соломон Львович ответственно относился к работе со студентами, нам и в голову не приходило лениться, отпрашиваться уйти пораньше, или не выполнить задание. Наградой за усердие был регулярный выход публикаций в газете. Многие подопечные нашего семинара, получив хорошую закалку, до сих пор остались в профессии, стали интересными журналистами.

А когда пришла пора защищать диплом, по стране гуляли «ветры перемен», и у нас в газете, где я уже работала в штате, полным ходом шел интереснейший процесс – реализация нового проекта «Репортер». На первой странице нашей газеты, чуть ли не единственной в стране, появилась целая полоса интересной, оперативной информации. Эта страничка называлась «Репортер» и содержала самую свежую, самую живую информацию из жизни города и области. Благодаря

«Репортеру» первая страница газеты была яркой, неожиданной, привлекала внимание читателей. Информационные заметки «о жизни» перекочевали с четвертой и третьей полосы на первую, подавались с броскими заголовками и «врезками». Все журналисты могли предложить в «Репортер» свои материалы, но для постоянной работы над этой полосой создали группу, ответственную за его выпуск. Я вошла в нее, специализировалась на определенных рубриках оперативного реагирования. Тогда впервые появилась у нас в газете рубрика происшествий «От 01 до 05», прежде о таких событиях газета почти не сообщала, а тут вдруг рубрика стала выходить ежедневно, обо всех ЧП люди теперь узнавали очень быстро. Была также рубрика «Коммунальные напасти», оперативно реагировавшая на тревожные звонки читателей, реально помогавшая людям. А «Колонка дежурного обозревателя», каким интересным, искренним и важным для людей был этот разговор ее автора с читателями! Каждый мог написать о том, что его волнует, эта рубрика была откровенной, и на наши колонки читатели часто присыпали столь же искренние отклики.

Мне очень нравилось в «Репортере», я работала в нем с основания и до своего ухода в декретный отпуск, даже сейчас интересно перечитывать те старые публикации, они погружают в прошлое. Журналисты старались, работая над

этой страницей, и читатели «на ура» приняли это нововведение. Наш отдел даже был награжден за работу над «Репортером» журналистской премией имени Виля Липатова.

Для работы над дипломным проектом, который был посвящен «Репортеру», я весной 1991 года поехала в Москву, взяв на работе «отпуск без содержания», а в университете – направление в библиотеку имени Ленина. Там сделала запрос на областные газеты других регионов и проанализировала содержание первой страницы чужих изданий. Выбирала для большего интереса чаще именно те областные газеты, что были тезками нашего «Красного знамени». По всему Советскому Союзу их набралось немало! В ходе работы выяснила, что наша газета в сравнении с ними кажется особенно интересной благодаря смене облика первой страницы. Многие газеты еще и не думали перестраиваться... Я защитила диплом на примере своей родной газеты и получила распределение в отдел «Репортер».

Началась интересная работа с полной отдачей. Сначала «Репортером» руководил Соломон Выгон, а потом этот отдел возглавил тогда еще довольно молодой журналист, Александр Борисович Бережков. Отдел расширили до пяти человек и перевели в самый большой кабинет на четвертом этаже Дома печати. Вход в наш кабинет был через приемную редактора, и мы получали важную информацию раньше всех, работали слаженно и оперативно.

Александр Борисович продолжил династию Бережковых, его отец, Борис Ростиславович, работал в «Красном знамени» почти тридцать лет, став одним из легендарных «краснознаменцев»-корифеев. Александр окончил наше отделение журналистики в 1982 году, и с 1990-го работал в редакции «Красного знамени». Он уже имел опыт работы в отраслевых многотиражных газетах, и к информации предъявлял свои требования: она должна была быть деловой и конкретной, без лишней лирики. Поэтому мои информации на темы, касающиеся не производства, а досуга, детско-школьной тематики, к которой я тяготела всегда, подвергались правке. Они сокращались, делались стройнее и конкретнее, мы находили компромисс - главное всего было содержание газеты, ее качество. Многие журналисты ставили это выше своих амбиций. Увлеченных, творческих людей в редакции всегда было много, работали с душой, писали такие материалы, которые интересно было читать и перечитывать

Александр Борисович был старше всех остальных сотрудников «Репортера», недавних выпускников университета. Тогда под его началом в нашем отделе работали Сергей Макиенко, Елена Уткина, я и Владислав Михайлов, у каждого была своя ниша, своя тематика. Все сотрудники отдела информации работали и над большими материалами для других полос, и для наших спецвыпусков, но главной задачей был «Репортер». Он делался «с колес», оперативно, основные материалы собирались заранее, но с утра в день выпуска добавлялась свежая информация, последние сводки. Нельзя было что-то упустить, подвести коллектив. Александр Борисович держал все под контролем, планировал выпуски «Репортера», следил за своевременным выполнением заданий и сам немало писал самой сложной, производственной информации. Тогда было много конфликтов на предприятиях, задерживали зарплату, сокращали работников, следовало тщательно разбираться во всех конфликтах. Бережков был нашим наставником. А не очень большая разница в возрасте допускала неформальное общение. Он был коммуникабельным человеком, интересно рассказывал истории из опыта своей работы, когда требовалось, дотошно разбирал материал, который подвергал критике и указывал на его слабые места. После доработки статья обычно принималась, и радовала меня уже гораздо больше, когда я находила ее на газетной странице.

У нас сложился коллектив, в котором была особая обстановка. Требовались сплоченность и готовность заменить любого члена группу при необходимости. Я рада, что довелось начинать свою взрослуую работу в областной газете именно в таком отделе. Он помог каждому из молодых сотрудников сформировать свой творческий почерк. Постоянно работая с информационными материалами, мы с особым душевным порывом отдавались работе над большими, очерковыми материалами для субботнего номера.

Конфликтов, обид сейчас не припомню, было много шуток, придумок, устраивались небольшие «капустники». Чаепития с разными печенюшками после окончания рабочего дня иногда затягивались, Александр Борисович доставал свою гитару, и было так приятно слушать, как он поет под собственный аккомпанемент замечательные песни и романсы.

В наш отдел постоянно кто-то заходил. Приходили фотокорреспонденты с готовыми снимками, сотрудники со всей редакции, приносили свои

Чуть ли не единственная коллективная фотография тех, кто не был в этот момент в командировке: (конец 70-х) слева направо в верхнем ряду: А. Соловьев, Ю. Щербинин, Э. Коган, В. Сердюк, М. Новосельцева, В. Марьин, В. Якушев, Э. Леонова, В. Заплатин, Ю. Гришаев, в нижнем ряду: Н. Гоцуцура, А. Хромова, В. Лойша, Ю. Макшеев, Б. Бережков, С. Выгон.

Слева направо: редактор газеты А. Новоселов, Р. Романов, зам редактора И. Мизгирев, Н. Нестеренко, журналист В. Моисеев, художник В. Марьин, журналисты В. Лойша, Э. Стойлов, С. Зайцев, Б. Бережков, В. Антошин, Ю. Гришаев, директор издательства В. Петлин, журналисты С. Балашов и В. Заплатин (начало 80-х).

В гостях у журналистов редакции - известные политики Григорий Явлинский...

...Владимир Лукин....

...Владимир Жириновский....

...начальник департамента финансов области Александр Феденев.

Фотокорреспонденты
газеты разных лет:
Ф. Хитриневич...

...Владимир Казанцев...

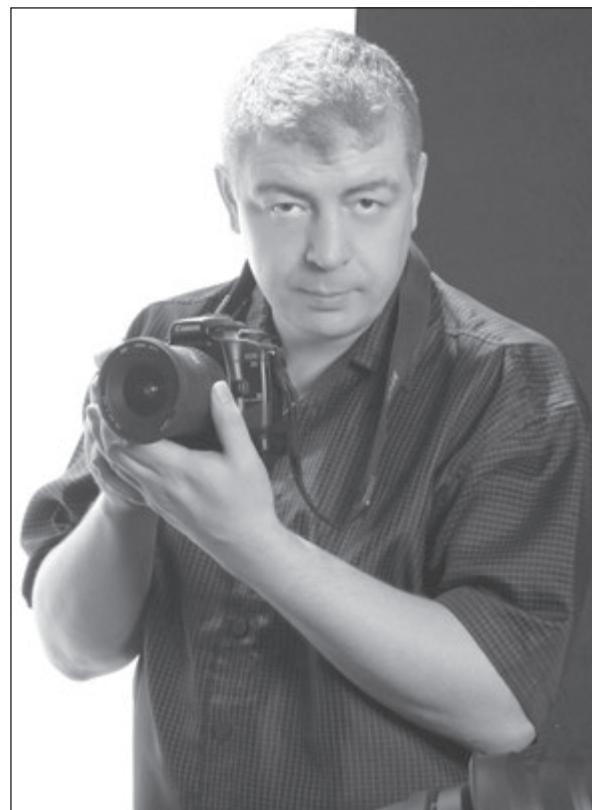
...Владимир Вейлерт...

...Александр Семенов и Евгений Лисицын...

...Николай Потапов...

...Андрей Кунгурев...

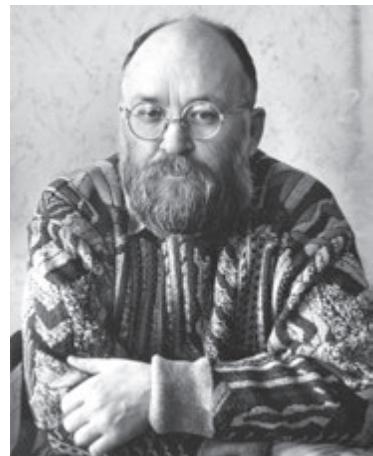
...Алексей Смирнов...

...Никита Пикалёв...

 Борис Бережков с другом редакции
Моисеем Мучником.

 Журналист Виктор Фефелов.

 Журналист Елена Уткина.

 Журналист
Владислав Халин.

 Т. Кондрацкая и С. Выгон.

Журналист
Валентина Ваккер.

Е.Лисицын, Т.Кондрацкая, В. Казанцев, А. Бережков
в редакции газеты.

Маргарита Вагина -
инспектор, а затем
начальник отдела объявлений.

Журналист,
коммерческий директор
Ринальда Скрипникова-Эльман.

Журналист
Владислав Разманов.

Академик Геннадий Месяц и журналист
Соломон Выгон.

Председатель Законодательной
Думы Томской области трех созывов
Б. Мальцев и журналист Н. Губская.

 Замредактора Александр Бережков, дизайнер Дмитрий Травин, журналист Ринат Мифтахов.

 Надим Касимов, дизайнер газеты, создатель дизайна приложений к «Красному знамени» - «Ева», «Бизнес.com», «Выходной».

 Журналист Геннадий Горчаков.

 Журналист Лариса Недоговорова.

 Журналист Андрей Белоус.

 Восьмимартовский снимок женщин редакции: А. Гуляева, Т. Багаева, Л. Лоскутова, З. Потапова, С. Екимова, Ю. Перковская, И. Винникова, И. Воробьева, В. Бобышкина, Н. Хмелюк, Е. Попова, В. Зубрицкая, Т. Кондрацкая, Н. Маскина, Т. Томрачева.

Нина Амельянчик, заместитель ответственного секретаря.

Бессменный корректор Светлана Чернякова (работает в редакции более 35 лет).

Журналисты Александр и Ирина Яковлевы.

Журналист Сергей Негодин.

Журналисты Владислав Михайлов и Мария Симонова.

Журналист Татьяна Ермолицкая.

Журналист Ольга Булгакова.

Главный бухгалтер И. Карташова, менеджеры А. Желиховская, Л. Черновская, журналист Н. Шеремет, дизайнер, фотокорреспондент Н. Пикалёв, корректор М. Черепова.

Журналист
Марина Боброва.

Журналист
Андрей Остров.

Бухгалтер
Татьяна
Мочкина.

Зав. рекламно-
коммерческим отделом
Анна Букреева.

Почти 20 лет работают вахтерами
в редакции Альбина Блинова (слева)
и почти 10 лет Галина Вялова.

Журналист Андрей Карыпов.

Менеджер, корреспондент Денис Куликов.

Журналисты Юлия Климичева, Сергей Макиенко,
Оксана Чайковская и Тамара Дроздова.

 К 100-летию газеты в областной библиотеке им. Пушкина была открыта юбилейная выставка.

 Краснознаменцы: председатель Томской писательской организации Г. Скарлыгин и начальник департамента информационной политики администрации Томской области А. Севостьянов.

 Экспозиция старых подшивок газет.

 Краснознаменец писатель С. Заплавный.

 Спикер облдумы О. Козловская наградила журналиста В. Федорова Почетной грамотой Думы.

 Почетную грамоту обладминистрации журналисту С. Макиенко вручил замгубернатора А. Рожков.

 Почетную грамоту журналисту газеты Ю. Климичевой вручил мэр Томска И. Кляйн.

 Почетная грамота от председателя Думы г. Томска С. Панова корректору С. Черняковой.

 А это на праздновании 80-летия «КЗ» три редактора - А. Новоселов, Э. Бурмакин и Н. Нестеренко.

информации, узнавали новости. Просто забегали в наш густонаселенный отдел, в нем всегда было многолюдно. Остальные журналисты сидели в кабинетах по два человека и даже по одному, а нас было пятеро. Жизнь в нашем кабинете бурлила!

Менялись времена, менялись условия работы. Один из первых редакционных компьютеров дали журналистам нашего отдела, и мы начали сами набирать свои материалы, минуя отдел секретарь-машинисток, что очень ускоряло дело. Мы сами отправляли их по внутренней редакционной сети прямо на верстку, а во время дежурства по газете сверяли уже не оттиски - «синьки», а отпечатанные на кальке или на прозрачной пленке будущие полосы свежего номера.

Тогда возникло несколько интересных авторских рубрик, реализовывались новые проекты – стали выходить спецвыпуски «Пятница», «Выходной», «Предприятие» и «Ева». В «Еве» и «Выходном», у меня были свои рубрики, посвященные старым фотографиям, истории Томска, людям с интересными биографиями и увлечениями. Я с удовольствием вела редакционные конкурсы, в которых участвовали читатели - «Игрушка» и «Фото из семейного альбома», они проводились из года в год. Люди присыпали свои архивные фотографии, рассказывали истории из прошлого.

О разных эпизодах своей любимой работы я могу вспоминать бесконечно. Наверное, надо уже писать свою книгу «журналистских баек». Столько поездок, знакомств с замечательными людьми подарила мне газетная работа! Областная газета дает для этого огромные возможности. Вспоминаю многочасовую поездку в Могочино вместе с нашими «корифеями», корреспондентом Эдуардом Викторовичем Стойловым и фотокорреспондентом Евгением Константиновичем Лисицыным. Дело было зимой, выехали затемно, очень рано, а вернулись только к полуночи. Я собирала материал в знаменитом школьном музее Пушкина, Стойлов поехал в монастырь, а наш фотокор снял фото для обеих статей и еще наделал снимков «в запас». Все успели! А на обратном пути, коротая время в дороге, мы много разговаривали с Эдуардом Викторовичем, он рассказывал случаи о своей работе журналиста, о поездках. Лисицын вообще всегда больше молчал, у меня с ним не было душевного контакта, но работали вместе мы часто – тогда у журналистов не было своих фотокамер, и на репортаж мы ехали обязательно с фотокорреспондентом. Помню и других фотокоров – Николая Потапова, Александра Васильева,

Александра Семенова. От того, какой тебе в пару достанется фотокорреспондент, зависело «лицо» будущего репортажа.

Я не могу выразить словами тот душевный трепет, который охватывает меня, когда вижу «Красное знамя». Оно осталось моей первой любовью, главной среди множества газет. Храню все свои публикации в этой газете и подборки разных рубрик из «Евы» и «Выходного», в которых печаталась. Это рубрики «Переулки памяти», «Образ», «Абажур», «Детский угол»... И статьи коллег - Э. Стойлова, С. Выгона, М. Бобровой, Н. Шеремет... В 1990-е годы издавался интересный спецвыпуск «Красного знамени», назывался он «В конце месяца». Весь месяц журналисты работали над ним, а потом печаталась очень интересная, толстая газета журнального формата. «Красное знамя» в конце ИЮНЯ, «Красное знамя» в конце АВГУСТА и так далее. Такая практика работала несколько лет, и столько интересных статей было создано в это время моими коллегами!

Я долго могу рассказывать о «Красном знамени» и годах работы в этой газете, о своих замечательных коллегах. Каждый из них достоин отдельного рассказа. И за каждой публикацией в газете стоит судьба ее героя или даже несколько судеб. Я знаю, что во многих библиотеках в Томске и в области бережно хранят подшивки нашей газеты. Небольшую часть своего архива, касающуюся работы в этой газете я представила на выставке в библиотеке «Сибирская», которая прошла в июне, приуроченная ко дню рождения нашей газеты, она знакомила всех посетителей библиотеки с вехами истории газеты. Мы благодарны читателям за то, что они с нами, что газета востребована. В киосках уже к полудню обычно нет ни одного номера!

История нашей газеты перешагнула столетний рубеж. Вот ей уже сто лет и еще почти полгода. Надо полагать, и следующие сто лет существования «Красного знамени» будут не менее интересными.

После своей первой газеты я работала во многих томских изданиях, в разных газетах и журналах. Каждое издание дарит уникальный опыт, запоминается чем-то особенным. Но мне кажется, что человек, работавший в нашей газете, остается «краснознаменцем» навсегда. Во всяком случае, про себя я могу так сказать. Эта газета оставила след в моей судьбе и в моем сердце. Спасибо ей за то, что дала верное направление и научила профессии.

Оксана ЧАЙКОВСКАЯ

В НОМЕР, НА ПЕРВУЮ!

В отдел информации газеты «Красное знамя», или как все его называли «Репортер», я пришла в январе 1996 года. В профессиональной журналистике к тому времени работала более десяти лет, и возраст был явно больше традиционного репортерского, однако как хорошо, что «Репортер» был в моей жизни!

...Хорошо помню первый день работы: Нина Ивановна Маскина, заместитель главного редактора, завела меня в самый большой редакционный кабинет, где размещался «Репортер», представила. Александр Бережков, зав отделом, сказал, что пока нет свободного компьютера, но информация очень нужна, и протянул мне телефон. Я начала звонить: по своим контактам, наработанным ранее.

(Стоит отметить, что в то время информацию добывали только так: звонили, расспрашивали, записывали, обрабатывали, и она сразу же шла в номер. Так что и без помощи интернета все последние новости из жизни города и области попадали в завтрашний номер.) В первый день мне не повезло, я написала всего одну информацию, и Бережков недовольно заметил, что нужно хотя бы три! Вот такое «боевое крещение»...

В отделе в то время работали Сергей Макиенко, Елена Уткина, Татьяна Подласова, чуть позже пришел Владислав Разманов, а затем Лариса Лоскутова. «Репортеру» принадлежала вся первая полоса газеты, и она должна была быть информационно насыщенной, интересной, и все важные новости должны были появиться первыми именно в «Красном знамени»!

Александр Борисович Бережков, сын знаменитого краснознаменца Бориса Ростиславовича Бережкова, к тому времени уже ушедшего из жизни, был настоящим лидером отдела и асом информационного жанра. Вскоре мы все усвоили требования завотделом: заметка должна быть очень краткой, информативной, написанной хорошим русским языком. Оптимальный размер — 20 строк, если 50 — то для этого должен быть важный информационный повод. Например, в роддоме № 1 врачи выходили девочку, родившуюся весом 777 граммов. Ехали с фотокором в роддом, говорили с врачами и мамой, и все это в 50 строк! Репортаж или зарисовка - 100-120 строк.

Бережков был замечательным редактором, правил он нас всех поначалу нещадно, однако щадил самолюбие подчиненных, не зачитывал

вслух некоторые «перлы». Все быстро учились... В отделе была замечательная рабочая обстановка: никаких личных разговоров по телефону, никаких эмоций вслух (я иногда грешила тем, что вернувшись из командировки, рассказывала об интересном человеке или необычной ситуации, но Бережков обрывал одним возгласом : «Тома!» Продолжения не требовалось... А об интересном человеке следовало написать интересно, а не рассказывать коллегам, отрывая их от работы. К концу дня, когда «Репортер» уже был сделан, наш Борисыч (между собой мы его звали так), умел снять напряжение анекдотом, беззлобно пошутить над кем-нибудь из молодых коллег.

Работать в «Репортере» было интересно, потому что Бережков постоянно предлагал что-то новое. Так, по утрам он, кто-нибудь из парней и непременно фотокорреспондент садились в редакционную машину и ездили час-два по городу. Из каждой поездки привозили информацию или репортаж с фотографиями под рубрикой «Мимоходом».

Затем на первой полосе, вотчине «Репортера», появилась рубрика «Дежурный репортаж». Около полугода мы бывали в тех местах — в организациях, на предприятиях, где люди дежурили. Назову лишь некоторые адреса наших репортажей: травмпункт горбольницы № 3, где врачи, в перерывах между гипсованием сломанных рук, ног, зашиванием ран, рассказывали нам о цикличности травм от времени года; справочная железнодорожного вокзала; дежурное отделение милиции (теперь - полиции); бригада рабочих ГРЭС-2, обеспечивающая город теплом... Порой мы были первыми журналистами, побывавшими у этих людей, и репортажи получались интересными, так как на наш неподдельный интерес к их профессии, к ним самим, наши герои отвечали искренностью.

Еще одно общее дело «Репортера» - рубрика «Звездный час». Ее героями становились томичи и жители области, получившие признание, государственную награду, добившиеся успеха в своем деле. Иногда такие материалы готовили чуть заранее, была возможность пообщаться с героями будущей зарисовки, а иногда материал шел в номер «с колес». Однажды планируемый материал слетел, и уже после 14 часов Бережков отправил меня на АРЗ, в библиотеку, где наша героиня проработала чуть ли не полвека! Фотокор Александр Семенов сделал чудесное фото интеллигентной

Команда «Репортера» слева направо: В. Разманов, В. Логинов, С. Макиенко, Л. Лоскутова, Т. Дроздова.

женщины, я поговорила с ней, мы вернулись в редакцию в 17 часов, и номер не сдавали только из-за «Репортера». Бережков отправил всех из кабинета, а я села писать. Он не подгонял, терпеливо ждал текст, прочитал, похвалил (что бывало нечасто, и не только по отношению ко мне) и дал зарисовке замечательный заголовок: «И в книгах — счастье».

Александр Борисович (я тоже называла его по имени-отчеству, хотя мы ровесники) был «играющим тренером»: великолепно писал сам, причем во всех жанрах. Информации, репортажи — в «Репортере», а его серьезные статьи на экономические темы выходили в ежемесячном приложении газеты «Предприятие».

Работу информационного отдела отметил руководство газеты, и Бережкову и мне в начале 1998 года предложили участвовать в первом областном журналистском конкурсе «Акулы пера» в номинации «Репортер». Конкурсные материалы читали журналисты из других городов, мы стали финалистами конкурса. И вот мы с Бережковым стоим на сцене театра драмы, рядом коллега из газеты-конкурента. Я была уверена, что победителем в номинации будет Бережков: мастерски

сделанные материалы, великолепный русский язык... Но победу отдали коллеге из другой газеты за шутливый репортаж, рассказывающий о том, как он просил милостыню с плакатом «Подайте бывшему депутату Госдумы».

...И еще о Бережкове как руководителе: он защищал журналистов, переживал за нас. Однажды подруга-учительница рассказала, что в одной из пригородных школ глава администрации поселка в ответ на вопросы учителей, как жить без денег, заявил: «Переходите на подножный корм!» Такой ответ возмутил учителей, а я написала реплику (это было время, когда учителям, врачам зарплату не выдавали по нескольку месяцев). В день выхода газеты я с утра была на задании, появилась в редакции к обеду и узнала, что на меня поступила жалоба. Оказывается, глава администрации поселка, прочитав утром газету, возмутился, что я, не поговорив с ним, посмела написать о собрании и его совете учителям переходить на подножный корм... Он требовал наказать меня и опубликовать опровержение.

Как поступают в подобных случаях: нужно было ехать в школу и разбираться. На собрании

учителя поначалу молчали, и выходило, что чуть ли не журналистка придумала фразу о подножном корме и вложила ее в уста главы администрации. Но затем начался откровенный разговор, и одна учительница сказала примерно так: «Мы понимаем, что денег в бюджете нет, но на то вы и власть, чтобы честно сказать, когда они будут, а не обижать нас оскорбительными советами».

Собрание проходило в пятницу, я вернулась домой поздно вечером, и каково же было мое удивление, когда в субботу утром позвонил Бережков: «Как съездила? Как прошло собрание?» И от его слов поддержки стало так тепло на душе...

... Как хороший руководитель, он понимал, что со временем из отдела информации люди должны уходить. Так, Елена Уткина стала заниматься экономикой промышленности, Влад Разманов — вопросами экономики нефтегазового комплекса, я — темами села, да и сам Бережков стал экономическим обозревателем. А три года работы в «Репортере» запомнились журналистским братством, радостью общего дела, общением с интереснейшим человеком и талантливым журналистом Александром Бережковым.

Тамара ДРОЗДОВА.

ГОСТИ РЕДАКЦИИ —————

Епископ Томский и Асиновский отец Аркадий.

О ЧЕМ МЫ ТОЛЬКО НЕ ПИСАЛИ —————

«Война, беда, мечта и юность...»

Врачи и медицинские сестры томских госпиталей воистину творили чудеса

Чем дальше уходит от нас военное лихолетье, тем дороже становятся документальные свидетельства того времени, в том числе и газетные репортажи, статьи, письма, написанные по следам трагических событий, которыми был переполнен каждый день и каждый час. Тысячи бойцов на фронте получили ранения и были отправлены в госпитали для лечения. Тыловой город Томск с его сильнейшей медицинской школой стал одним из главных опорных пунктов такой специализированной помощи, о чем сразу стала писать газета «Красное знамя».

«Уже в июле 1941 года, - сообщал корреспондент, - в наш город стали приходить военно-санитарные поезда. А вскоре эвакуационные и сортировочные санитарные составы пошли из Киева, Харькова, Прокопьевска (нынешний Хмельницкий). Томские госпитали специализировались на лечении челюстно-лицевых ранений, осложнений при сложных полостных повреждениях. Сюда же направлялись раненые для оказания протезной, психиатрической и многопрофильной помощи...».

За время войны в городе находилось от 18 до 25 госпиталей. Для исцеления раненых были отданы лучшие здания Томска: Научная библиотека

и общежитие студентов ТГУ на ул. Никитина, 4, школы, включая № 8 и 12, гостиница «Северная», педучилище на ул. Крылова, помещения областного суда на пл. Соляной и Дом науки Макушина, клиники мединститута на Московском тракте, просторнейший корпус на пр. Кирова, 49, где позднее разместился военно-медицинский факультет, и другие дома, ставшие по воле властей и обстоятельств центрами выздоровления тысяч раненых.

Вот как компетентно сообщала об этом газета своим читателям в репортаже В. Томилова «В одном из томских госпиталей»: «При взгляде на этот большой и тяжелый кусок металла не верится, что он прошел в такое узкое отверстие в щеке. Тем не менее это так. Поступив в госпиталь, Александр Жуков не мог ни есть, ни говорить, ни дышать. Осколок мины, попав в левую щеку, разбил верхнюю челюсть и застрял в мягких тканях левой боковой стенки глотки. Раненому угрожала двойная опасность: осколок лежал в непосредственной близости от дыхательных путей, что грозило удушением, либо в любой момент могло начаться смертельное кровотечение из-за нарушения целостности крупных сосудов – сонной артерии и яремной вены...».

Приступить к операции было очень сложно, так как раненый не открывал рта. И тогда, сообщает корреспондент, профессор Яков Александрович Шварцберг, отогнув верхнюю губу, проник в носоглотку через гайморову полость и благополучно извлек осколок. Два бесконечно долгих месяца провел боец в мучениях, ожидая квалифицированную помощь, и только в Томске получил ее. Своей жизнью и выздоровлением он обязан профессору Шварцбергу и его медицинскому персоналу.

Узкая специальность ЛОР-хирургии стала в условиях военного времени чрезвычайно широкой. Помимо усложненных операций приходилось заниматься и восстановительной пластикой при обезображивании лица. «При взгляде на бойца Колегаева, быстро идущего на поправку, - пишет автор, - никак не скажешь, что у него был изуродован нос. Взял кость от ноги больного, Яков Александрович подставил ее в качестве подпорки для носа, а умело сделанные швы совершенно сжились с кожей лица. Никаких следов обезображенности на лице нет.

Красноармеец Рыбаков, которого все ласково зовут Ваня, еще очень слаб. И врачи, и сестры, и обслуживающий персонал, помня, что его привезли полуторупом, радуются каждому его слову, движению, и особенно улыбке. Это нужно видеть, как ласковы глаза и мягки движения этих людей в белых халатах, когда они обращаются к Ване. Он был доставлен в госпиталь в бессознательном состоянии с абсцессом правой височной доли мозга. Сделав широкую трепанацию черепа, врачи разожгли угасавшую искру жизни...».

Работа ЛОР-хирурга требует обязательного контакта с нейрохирургом, невропатологом, глазником, стоматологом. И советская военная хирургия выдержала в годы войны не один самый серьезный экзамен, решая задачи неизвестной сложности. Красноармейцу Ивану Кодаку минный осколок выбил правый глаз, пробил лобные пазухи черепа и застрял в мягких тканях левого глазного яблока. Развился процесс, угрожавший уцелевшему глазу и мозгу. Глазные врачи оказались бессильны помочь и передали больного в этот госпиталь.

- Мы все волновались, - вспоминал профессор Шварцберг, - не знали, можно ли «лесть» за осколком. И все-таки «полезли». Осколок с задней поверхности глазного яблока удалили, лобные пазухи вычистили, процесс, угрожавший мозгу, ликвидировали...

Профессор и его помощники Борис Наумович Шланн и Сусанна Иосифовна Козлова держат

связь с другими тыловыми госпиталями, изыскивают и пропагандируют новые методы лечения, организуют конференции по ЛОР-травмам.

«Как бойцы на фронте вырабатывают в ходе военных действий новую тактику, - считает профессор, - так и мы применяем новую тактику лечения. Наша первейшая задача – в условиях военного времени быстрее и радикальнее излечивать больных, возвращая их фронту».

С началом войны томская медицина была переориентирована на нужды фронта, и в теории, и на практике. Под руководством блестящего хирурга Андрея Григорьевича Савиных в госпиталях делались сложнейшие операции на грудной клетке, пищеводе, желудке. По его инициативе сотрудники ТПИ Кашкин и Одинцов создали электромагнитный прибор для обнаружения металлических предметов в ране. Профессор С.П. Ходкевич разработал методику протезирования раненых с амputированными конечностями, под его руководством готовили витаминные препараты из дикорастущих растений. Хирург доцент Б.А. Альбицкий успешно применил разработанный им метод лечения огнестрельных ран, осложненных остеомиелитом. Профессор К.Н. Черепнин, работая ведущим хирургом протезного госпиталя и консультантом Томского протезного завода, разработал модификации конструкций протезов для инвалидов и шин для лечения переломов, а также лично провел множество операций в госпиталях. Газета отмечает и выдающуюся роль врача профессора Д.Д. Яблокова, главного терапевта эвакогоспиталей Томска, для которого не было мелочей в деле лечения тысяч раненых воинов.

Насколько высок был авторитет томской медицины, можно судить по корреспонденции Г. Метельского «Возвращенные жизни», опубликованной в «Красном знамени» 1 января 1942 года. В госпитальную клинику из Московского института имени Склифосовского пришла телеграмма от профессора Юдина, который просил срочно выехать в столицу профессора А.Г. Савиных. Только один хирург во всем мире мог сделать операцию безнадежно больному, и профессор Савиных выехал в Москву со своим штатом ассистентов и медсестер. Взял с собой инструменты, сделанные по особому заказу.

- В операционной тишина. Лучшие хирурги Москвы собрались, чтобы впервые видеть эту операцию, похожую на чудо. И вот она закончена. Профессор вытирает со лба крупные капли пота. Благодарит ассистентов, принимает поздравления профессоров. Спасен больной, которого называли смертником.

Казалось бы, нет уже ни одного уголка человеческого тела, куда бы не мог проникнуть благодетельный нож хирурга. Но до Савиных оставалось одно «белое пятно» - недоступная область средостения, расположенная между легкими над диафрагмой. Еще в 1888 году русский хирург Насилов выдвинул эту проблему, но многочисленные попытки туда проникнуть неизменно заканчивались неудачей. Здесь расположены сердце, легкие, крупные кровеносные сосуды и пищевод. Раньше, чтобы попасть сюда, хирург должен был удалять часть ребер, вскрывая грудную клетку сзади. Профессор Савиных первый в мире вошел со своим скальпелем в средостение – в эту святое святых человеческого организма. Он сделал это, разрезая брюшную стенку обычным образом, как это делается при любой сложной операции. И перед хирургом все открыто. Он может спокойно работать, не задевая жизненных центров». Это и есть область тяжелой хирургии, область, в которой профессору Савиных нет равных. Величайшая заслуга Андрея Григорьевича Савиных, которая навсегда войдет в историю русской и мировой хирургии, – это разработка метода надежного и почти безопасного доступа в средостение.

«Современная война безжалостна и жестока, – продолжает автор, – десятки тысяч людей гибнут на фронте. Но многих из тех, чьи ранения раньше считались смертельными, хирурги возвращают в строй, ибо в их руках есть теперь могучее средство – метод профессора А.Г. Савиных... В военное время важно все, там нет мелочей. Фронт потребляет огромное количество марли и ваты для перевязок. Чем заменить их? Где найти вещество, доступное, дешевое и равноценное по качеству? По заданию Савиных профессор Геблер и ассистент Карпенко получили новое вещество, по гигроскопическим свойствам далеко превосходящее марлю. Вату заменил стерильный мох – прекрасное всасывающее средство. Вот и все. Дешевая высококачественная повязка системы А.Г. Савиных готова...».

Прифронтовым госпиталям нужна консервированная кровь. Ее надо доставлять очень быстро, чтобы спасти человеческую жизнь. Но кровь, когда ее без предосторожностей везут по тряской дороге, теряет свои ценные качества. Профессор Савиных предложил перевозить кровь в специальных сконструированных им ящиках-амortизаторах. Опыты обнадеживают. Кровь возили по проселочной дороге за сорок километров, и она не потеряла своих свойств.

В статье Э. Канделя «Патриот Родины», опубликованной 17 ноября 1942 года, профессор-новатор А.Г. Савиных так говорит о своем открытии: «Наша наука почти не знала многих патологических процессов, которые разыгрываются в этом ранее недоступном уголке нашего организма... Перед нашими глазами открылись новые интереснейшие картины, о существовании которых мы раньше даже и не подозревали. Казалось, предо мной раскрылась новая содержательная, еще никем не прочитанная книга. Но книга эта написана мелким шрифтом, не так-то легко ее прочесть... В ней еще немало темных, непонятных мест, но я убежден, что мы стоим на верном пути. И нам теперь удается спасать те жизни, которые раньше неминуемо были обречены...».

Андрей Григорьевич сделал уже свыше 200 сложнейших операций средостения при раке нижнего отдела пищевода. Предложил новые способы хирургического лечения многих, связанных со средостением заболеваний, таких как кардиоспазм, аневризма аорты и другие. Его метод оказывает неоценимые услуги при лечении соответствующих ранений военного времени. Многочисленные ученики профессора, хирурги армии и флота, успешно оперируют по его методу. Спасая драгоценные жизни раненых бойцов и командиров, они с любовью и благодарностью вспоминают имя своего замечательного учителя.

Самоотверженность томских врачей, ученых, санитаров и медсестер творила чудеса. 99,4 процента прибывших в Томск раненых выздоровели, 45 процентов вернулись в строй. По данным статистики, за время войны в томских госпиталях находились на излечении свыше 50 тысяч раненых.

Но не только старания медиков помогали выздоравливать раненым. Газета сообщает, что у каждого госпиталя были свои шефы с промышленных и сельскохозяйственных предприятий. В то труднейшее время они помогали с оборудованием госпиталей, снабжением, хотя и самим было очень нелегко. В тыловом Томске было голодновато. Рабочий получал на карточку 800 граммов хлеба, иждивенцы – 400 граммов. Школьники и студенты постоянно ухаживали за ранеными, помогали писать им письма родным, выступали с концертами и спектаклями.

В 1942 году госпитальное радио еще не могло порадовать раненых сводками с фронта. Нередки были смерти, но молодость брала свое. Двадцатилетние парни, выздоравливая, готовы были помечтать и разные шутки придумать. В мае 1942-го перед выпиской в палату одного из госпиталей зашел главный врач и уловил спирт-

ной запашок. Проверил все тумбочки, кровати – ничего горячительного. И попросил: «Ребята, мы с вами завтра прощаемся, скажите все-таки, где прячете?» Переглянулись соседи по палате и решили уважить главврача, раскрыть «секрет», указав на банку с «водой», в которой красовался черемуховый букет. Вот где наркомовская прячется! И дружно, громко, взахлеб смеялись все: и выздоровевшие фронтовики, и хронически уставший врач, и медсестры, знавшие секрет. Смеялись и радовались весне, тому, что еще живы, что есть надежда вернуться с фронта с победой. Тогда они еще не знали, что из их сверстников, родившихся в начале 20-х годов прошлого века, выживет на войне лишь каждый третий...

– После выписки из госпиталя отца Бориса Михайловича Сесюнина с его инвалидностью направили преподавателем в то же Томское артиллерийское училище, которое он окончил в 1941 году, – рассказывала уже гораздо позже об этом времени в нашей газете томичка Ирина Сесюнина. – Потом была военная кафедра ТПУ и 50 лет работы в ин-

ституте. В военные годы на танцах в Доме офицеров отец познакомился с моей мамой, и после войны они поженились. Вот так вихри времени определили судьбу отца: комсомольская путевка на учебу в наш город, война, санитарный эшелон, госпиталь. Все воедино: война и боль, молодость и сбывающаяся мечта о мирной жизни. И затем – вся жизнь в Томске, ставшем судьбой. Точно как у поэта Давида Самойлова: «Как это было! Как совпало – война, беда, мечта и юность! И это все в меня запало, что лишь потом во мне очнулось...».

Томск и томичи внесли свой неоценимый вклад в общую Победу. Наш суровый край – часть Сибири, о которой в тяжелейшем 1942 году Илья Эренбург написал такие пронзительные строки: «Сибирь – большая, суровая и ласковая, веселая и грозная. Сибирь все давала Родине: хлеб и золото, ученых и рабочих. Теперь Сибирь дает Родине лучших бойцов, мужество, сибирскую верность. Кто впереди? Сибирь. Она гонит немчуру на Запад».

ГОСТИ РЕДАКЦИИ

Директор Института фармакологии СО РАМН, академик Евгений Гольдберг.

ТРАВА У ДОМА

Это уже история. И не только в документах, но и в душе. Каждый раз, проезжая мимо монументального здания по проспекту Фрунзе, 103, я словно перемещаюсь на мгновение лет на тридцать назад. Когда была зеленым специалистом, когда впервые переступила порог газеты «Красное знамя», а потом стала здесь «своим человеком».

И странное дело (а может, и не странное, а вполне закономерное?), что вспоминаются в первую очередь не трудности и не успехи на трудовом поприще, и не идеологические штучки того времени, которых было предостаточно в коммунистической общеполитической «взрослой» газете, а особая, «краснознаменная» атмосфера. Как в песне про то, что «снится нам не рокот космодрома, а трава у дома, зеленая-зеленая трава».

Впрочем, чему я удивляюсь. Любому выпускнику вуза важно оказаться в такой атмосфере, где есть возможность чему-то и у кого-то учиться, расти профессионально, ставить перед собой карьерные цели и достигать их. Всего этого в том «Красном знамени» было предостаточно, по крайней мере, для хорошего старта в профессию. И, конечно, мне повезло, что в 1987 году для меня, студентки 4-го курса отделения журналистики филфака ТГУ, нашлось полставки, чтобы уделять газетной практике больше времени на законных и оплачиваемых основаниях. А после защиты диплома и выпускных экзаменов повезло распределиться в единственную в регионе ежедневную областную общественно-политическую газету с тиражом в 200 тысяч экземпляров. Вакансий свободных туда, надо отметить, практически не было.

Погружение в редакцию для меня началось со знакомства с настоящей журналистской работой и настоящими личностями. Причем личностями как по эту сторону «кулис», с журналистами «Красного знамени», так и по ту, с героями газетных материалов. Это, я считаю, особый дар небес и судьбы – наши интервьюируемые, трактористы, бригадиры, ученые, педагоги, спортсмены, доярки и швеи, руководители разного ранга. Все те, с которыми за прошедшие десятилетия мне удалось познакомиться сквозь призму работы журналистом.

И хоть к моменту поступления в ТГУ у меня за спиной были годы работы в школьных стенгазетах и опыт юнкора (юного корреспондента)

местной прессы нашего казахстанского городка и детских всесоюзных изданий типа «Пионерской правды», а потом и работа в корпоративной газете крупной строительной компании в Казахстане, приобщение к секретам журналистского мастерства, конечно, было необходимо. И оно было – в ходе практик после каждого курса университета. А со второго семестра третьего курса для студентов-журналистов обязательной дисциплиной был «творческий день». Мы могли выбрать маститых журналистов «Красного знамени» (тогда рынок СМИ Томской области не был настолько насыщен, как это случилось позже, уже в 1990-х годах) и ходить к ним по средам на мастер-классы, семинары, в общем, назовите, как хотите, сегодня для этого формата придумано гораздо больше терминов.

Темы образования, науки мне всегда были близки, поэтому, не колеблясь, я выбрала Соломона Львовича Выгона, он к тому времени возглавлял соответствующий отдел и занимался этим направлением. Да и имидж у него на отделении журналистики был что надо – «классный препод», успешный журналист. Что и подтвердились в ходе занятий. Некоторые другие согруппники, попавшие кто к кому, жаловались, что их ничему особо не учат в этот творческий день или просто отпускают на «вольные хлеба». Нас же Соломон Львович заставлял «скрипеть мозгами», тренируя в работе с интервьюируемыми и в вы-

боре заголовков и жанров материалов. Мы готовили списки вопросов, которые пригодились бы на воображаемом задании. Одно из журналистских ноу-хау «от Соломона» засело в памяти на долгие годы. Если не знаете, как начать материал, говорил нам Солomon Львович, представьте, что пишете письмо другу из поездки или с какого-то события. Мол, привет, Андрей, удалось мне сегодня побывать на слете рыболовов-любителей... При таком повороте повествование на удивление продвигалось легче и быстрее. Потом только вычеркиваешь «привет, Андрей», «подсушиваешь» стиль, где надо, и текст готов.

Быстро вливаться в большой коллектив тогда, в конце 1980-х – начале 1990-х, помогал и корпоративный расклад жизни редакции в целом и многочисленных отделов. Каждый из них скрупулезно занимался своими сферами экономики, культуры или общественной жизни, знал в них почти «всех и вся», держал, что называется, руку на пульсе. В каждом отделе работало несколько человек, свою деятельность мы планировали и на месяц, и понедельно. По понедельникам проходили обязательные планерки, собравшиеся прикидывали, какие темы должны быть в «тренде», какие можно инициировать, а какие, что называется, сами позвали в дорогу, по письмам и звонкам многочисленных читателей.

И, конечно, несмотря на снобизм молодости (нам же горы по плечу и моря по колено!), было лестно получать положительную оценку старших товарищей по цеху, когда раз в неделю на «летучке» шло голосование за лучшие материалы. Подмечалось все: и хороший заголовок, и стилистические приемы, и удачное раскрытие темы, и эффективность статьи, если после ее выхода «летели головы» и раздавались наказания от соответствующих органов местной власти. Была и награда: повышенный гонорар, список авторов и вырезки с самими текстами вывешивались на всеобщее обозрение. Это подстегивало, хотелось творить, работать еще креативнее, тщательнее. Хотя, конечно, были и обиды, когда казалось, что вот, не заметили твою очередную взятую «высотку», а она была. Профессия же творческая, нам были присущи, как ни крути, и субъективность, и предвзятость, были и свои мелкие подковерные игры, ведь каждый отдел претендовал на высшее место на пьедестале. Творческое соревнование поддерживалось и руководством редакции.

Подпитывало самомнение и то, с каким пытетом относились к нам, представителям

СМИ, в коллективах и организациях, куда мы приходили.

А в целом редакция того времени вполне просилась на страницы какого-нибудь учебника по социологии в качестве примера полноценного коллектива со своими лидерами, пофигистами, наблюдателями, революционерами и так далее – по социоролям. Были в этой раскладке и мэтры: внимательно и уважительно относящийся к любому мнению редактор Николай Григорьевич Нестеренко, заведующие отделами, опытные журналисты, суперсекретарь Эстер Хаимовна Этис, творцы в душе и по роду деятельности фотокоры Евгений Лисицын и Николай Потапов, талантливейший художник Владимир Марьин, корректоры, снимающие по три шкуры за стилистические и грамматические ошибки в наших текстах.

Само собой, была и молодежь, уже несколько лет поработавшая в газете. У Сергея Балашева всегда можно без всяких эquivок спросить дельного совета, на корпоративных гулянках мы веселились, расслаблялись под баян представителя лагеря мэтров Эдуарда Стойлова. Текла насыщенная, полная перспектив и перемен жизнь, а впереди нас ждали трудные 1990-е и 2000-е, перекроившие газету вдоль и поперек. Но это уже, как говорится, другая история.

Наверное, поэтому теперь, когда я вспоминаю период своей работы в редакции с 1987 по 1994 годы, мне кажется, что эти 6-7 лет жизни по насыщенности вместили в себя, по меньшей мере, пять десятилетий. Командировки в районы становились целой экспедицией, было традицией привозить из поездок фактического материала сразу на несколько статей и информаций. Вот и мотались мы с фотокорреспондентом по селу весь день, успевая и на ферму заехать, и в местный комитет партии, и к селянину, который отличился на посевной\сборе урожая\в школе или мастерской.

А еще, оглядываясь назад, удивительно осознавать, что на моих глазах свершалась в несколько этапов техническая революция, результаты которой значительно облегчили нам, журналистам, повседневный труд. Не представляю, как на нынешних конференциях и форумах можно было бы работать с блокнотом и ручкой, записывая выступления десятков людей, запоминая массу названий компаний, технических терминов и цифр. А ведь так и трудились мы тогда, в конце 1980-х, и задолго до этого мои старшие коллеги. Помню восторг, испытанный при

покупке первого диктофона. Размером с книгу, буро-светло-коричневого цвета, с огромными кнопками, с большой кассетой. Партию этих изделий с названием «Томь» выпустил Томский радиотехнический завод. Они быстро ломались, но все-таки это был прогресс. Карусель производства гаджетов для записи аудиофайлов потом завертелась быстро. Импортные диктофоны с большими кассетами сменили их аналоги с микрокассетами, затем цифровые диктофоны, память которых уже в сотню-тысячу раз превышает всего-то час записи на микрокассете. А вместо печатных машинок сегодня – персональные компьютеры, ноутбуки и планшеты.

Да и сам процесс выпуска газеты изменился кардинально. Ушли в далекое прошлое цеха с ротационными печатными машинами и линотипами, на которых линотипистки превращали наши слова и предложения в боевые металличе-

ские строчки. С дежурства по выпуску очередного номера «Красного знамени» мы, «свежие головы», как называли тогда тех, кто вычитывал отиски газетных страниц вслед за корректорами и выпускающими редакторами, могли возвращаться и в одиннадцать часов вечера, и в час ночи. Сейчас в арсенале полиграфистов, конечно, иные способы печати, сократившие производственную цепочку в несколько раз и намного увеличившие возможности дизайнеров.

В эту реку точно второй раз уже не войдешь. Но в своих снах мы ведь вольны возвращаться туда, куда стремится наше сердце. И снятся мне не сегодняшние проблемы и заботы, а та «трава у дома», те дни, когда «Красное знамя» перемахнуло в свое восьмое десятилетие, а я только начинала в ней свой путь.

Наталья ШЕРЕМЕТ

ГОСТИ РЕДАКЦИИ

Мэр Томска Юрий Ковалев, заместитель губернатора Владимир Пономаренко и начальник департамента финансов обладминистрации Антон Джашаи.

РЕПОРТЕР ПОЛУЧИЛ ЗАДАНИЕ

В «Красном знамени» я проработала четыре с половиной года. Пришла сюда еще будучи студенткой журфака ТГУ. И именно эта газета, ее коллектив стали для меня школой журналистики.

В то время там работали лучшие томские журналисты: Евгений Фролов, Александр Бережков, Эдуард Стойлов, Соломон Выгон, Владислав Халин... Мне также довелось учиться у Владимира Логинова, Тамары Дроздовой, Сергея Макиенко, Андрея Соколова, Владислава Размanova и других. Они научили меня искать новости, писать репортажи, разговорить собеседника, готовиться к интервью, редактировать свои и чужие тексты. Это была та самая практическая журналистика, которую нельзя преподать в теории.

В «Красном знамени» была огромная редакция со своими ритуалами и правилами. Например, в конце недели общим голосованием выбирался лучший материал, автор которого премировался. А мы, редакционная молодежь, тянулись за мэтрами. Помню свой первый материал, опубликованный в «Красном знамени». Было это в 1997 году. Редактором отдела информации, который между собой «краснознаменцы» именовали «Репортер», был Александр Борисович Бережков. Я, студентка первого курса, пришла на практику и получила задание: написать заметку с комментариями экологов. Накануне в редакцию позвонил томич и пожаловался на следы мазута на берегу Томи. Надо сказать, что для меня журналистика была борьбой с собой, своей стеснительностью и неумением выражать мысли. Но задание было получено, и оно должно было определить мое будущее в редакции. Поэтому, собрав волю в кулак, я позвонила в областной департамент природных ресурсов. Мне потребовалось много времени, чтобы сформулировать, какой комментарий мне нужен.

«Ни каких разливов нефтепродуктов на Томи не было, все показатели в норме», - вздохнул в трубке уставший голос сотрудника департамента... «А следы мазута откуда?» - не унимался начинаящий журналист. «Да машину кто-то помыл», - прозвучало в ответ.

Юлия Перковская, Надежда Белоус,
Андрей Соколов и Елена Попова.

Этот довод устроил и меня, и редактора . Дело оставалось за малым - написать заметку. Потратив часа три, я накатала 15 строк. Бережков прочитал «творение» и, оглянувшись на сидящих рядом коллег, вынес вердикт: «Все бы у меня такие заметки писали!». Конечно, это был огромный аванс и «путевка в жизнь» для студентки. И, конечно, вторую заметку А.Б. покромсал вдрызг. Но его слова заставили меня поверить в себя и в возможность своего будущего в этой профессии. Поэтому Бережков всегда будет для меня учителем в журналистике. Надеюсь хоть немного мне удалось воздать ему уважение за это еще при его жизни.

Конечно, за время работы в редакции таких историй было множество, но этот эпизод всегда имел для меня особое значение.

Надежда БЕЛОУС.

ПОЛЕТЫ ВО СНЕ И НАЯВУ

Опять проснулась ни свет ни заря. Еще часик-другой можно поваляться, но приснившееся теперь уж точно не даст заснуть. Опять летала. Сначала в вертолете над горящей тайгой. Потом над Памиром - одна, плавно размахивая руками. А через пару дней на самолете санитарной авиации буду во сне кружить над Белым Яром...

Такого количества командировок, как во время работы в газете «Красное знамя», связанных с полетами – реальными и образными, - за 40 лет журналистской жизни у меня не было никогда. А чувство полета я очень люблю. Оно заводит. Оно заставляет дышать полной грудью. Оно всегда дает надежду на будущее. Наверное, поэтому эмоции, связанные с воспоминаниями о «краснознаменных» годах, всегда накрывают с головой.

«Красное зн...»

«Пассажирский поезд № 38 «Москва - Томск» прибывает на первый путь», - сонно промямлил женский голос из динамика... Железнодорожный состав черепахой подполз к вокзалу. Я, умудрившись высунуть голову в узкую и длинную форточку вагонного окна, рассматривала все, что попадалось на глаза, и уговаривала сердце так бешено не колотиться. Радость, тревога, волнение, нетерпение, предчувствие, трепет – все кувыркалось в этом сердце. Приехала учиться на журналиста за тридевять земель от дома, в совершенно незнакомый город, название которого впервые услышала недели три назад.

- Эй, студентка, - окликнула меня пожилая женщина с огромной кастрюлей, укутанный байковым одеялом, - пирожков купи, а то когда еще перекусить придется.

В чемодане у меня было чего «перекусить» - каралька домашней колбасы, внушительных размеров шмат сала и даже баночка сгущенного молока. Но обращение «студентка» подействовало как дудочка на змею – я радостно полезла за кошельком. Купила – с капустой и еще сладенький.

- Держи, - и женщина протянула кулек из газеты. В этот момент кто-то крикнул: «Троллейбус!» Все побежали. И я побежала.

Первые минут пять растерянно глазела по сторонам. Узнав, что остановка «Университет» еще не скоро, принялась за пирожки. По газете, в которую они были завернуты, расположились жир-

ные и вкусно пахнущие пятна. Но это совсем не мешало читать напечатанное. Красное зн... Клок газеты был оторван. Наверное, знамя. Разделавшись с первым пирожком, я уже знала, что недалеко от Каргаска капитан водомета спас тонущего в реке мальчишку. В Кожевниковском районе колхозники раньше всех в области заготовили сено на зиму. В городе Асино районный комитет исключил из партии коммуниста, потому что он поколотил свою жену. А в Стрежевом состоялась планерка, в которой приняли участие представители работавших там строительных отрядов со всего СССР – из Томска, Москвы, Казани, Баку... Как мне в тот момент захотелось видеть в этой газете свою фамилию!

И это была моя первая встреча с газетой «Красное знамя». С газетой, которой было суждено оставить в моей профессиональной судьбе неизгладимый след.

Всего два месяца понадобилось для того, чтобы я пусть и неожиданно, но увидела в «Красном знамени» свою фамилию. 4 октября 1978 года в газете появилась подборка «Вступление в журналистику». Среди пяти работ абитуриентов, опубликованных редакцией, была и моя. На спице, где-то под лопатками засвербело. Крылья редутся... Полетели!!! Журналистика началась.

А чуть больше четырех лет спустя, когда писала диплом в газете «Заветы Ильича» Первомайского района, «Красное знамя» опять стало для меня знаковым изданием. Критическая статья «Джаз на гвоздях» - о колхозе, в котором копыта целого стада коров элитной на то время чернопестрой породы (привезли их издалека) были изранены... гвоздями, торчащими из настилов на летней площадке. У 80% буренок надои катастрофически упали, а зоотехники и ветеринары только пожимали плечами. Редакция «Красного знамени» оперативно перепечатала статью с мощным комментарием областных ветеринаров. В дело тут же вмешался обком коммунистической партии. Пол на площадке был немедленно перестелен, больные коровы (а гниющие копыта – это вам не насморк, в подавляющем большинстве болячки приводят к гибели животного) прошли полный «педикюр».

А статья эта - «Джаз на гвоздях» - стала победителем конкурса имени Виля Липатова. В те годы этот конкурс был самым престижным профессиональным соревнованием журналистов. И опять благодаря «Красному знамени» на крыльях счастья я летала где-то высоко-высоко, в поисках седьмого неба...

Когда мысли материализуются

Пятнадцать лет после этого промелькнули как один день. Работа главным редактором областной газеты «Молодой ленинец», альманаха «Наука» (выпускал ТНЦ РАН с распространением на всю Сибирь), собственным корреспондентом Агентства судебной информации по Сибири и даже начальником отдела общественных связей администрации Томской области... Везде было очень интересно, везде требовалось думать, а порой идти напролом. Но постоянно хотелось писать. Не о птичках, рыбках и цветочках... Хотелось реально делать жизнь лучше. Хотелось в бой. Хотелось настоящей журналистики.

Тогдашний телефонный звонок Татьяны Кондрацкой, главного редактора «Красного знамени», сегодня я расцениваю как яркую иллюстрацию существования материализации мысли. Абсолютно согласна с философами в том, что мысль – это часть нашего сознания и без нее существование человека было бы совершенно невозможным. Кондрацкая будто залезла в мою голову, в мои мысли. Отсканировала и – позвала в свою команду.

- Делай, что хочешь. Но это должно быть интересно, остро и честно. Об остальном я позабочусь, - сказала она.

Сказала и ни разу не изменила этим договоренностям.

И я опять – теперь уже «по-взрослому» - полетела!

Татьяна Евгеньевна выбрала один единственно верный алгоритм действий, гарантирующий появление в «Красном знамени» эксклюзивных острых материалов «на грани». Однажды я невольно услышала ее телефонный разговор с одним из очень высокопоставленных чиновников.

- Она же безбашенная. Если бы я этот материал не опубликовала у себя, так вы бы увидели его в центральной прессе – она же член Гильдии судебных репортёров! Оно вам надо? – убедительно говорила Татьяна. После чего на другом конце провода с ней согласились...

И эта ее позиция была гарантией появления в областной газете серьезных журналистских расследований. Как-то с полковником Зайцевым, возглавлявшим Управление по борьбе с организованной преступностью Томского УВД, попытались посчитать, сколько громких уголовных дел было возбуждено после моих публикаций в «Красном знамени»? Навскидку оказалось 12. Только два закончились условными наказаниями. В остальных случаях бюджетные мошенники, коррупционеры, казнокрады и иные нечистые на руку люди получили по решению суда реальные сроки лишения свободы. Кроме этого, вернули государству присвоенное. Но главное – в структурах, попавших под пристальное внимание правовых органов, менялись годами сложившиеся противозаконные связи, ликвидировались условия, при которых преступление стало возможным.

Ликвидаторы совести

Однажды порог моего небольшого кабинета попыталась переступить компания из трех десятков мужчин. Договорились, что они делегируют для разговора со мной пятерых, а остальные пока покурят на улице. После четырех часов разговора я четко представляла суть визита обиженных, раздраженных мужчин на взводе. Участники ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС были до глубины души возмущены. Нет, не тем, что законом гарантированная им социально-материальная поддержка осуществляется процентов на 10-15. Они наперебой кричали о гражданке О., возглавляющей отдел «Чернобыль» в мэрии Томска и получающей (как ее муж и вся семья) в полном объеме все (!) льготы. При этом мужчины были уверены, что О.ника-

кого отношения к ликвидации аварии не имеет и нагло лжет, что работала в Чернобыле. Эмоции, эмоции... Но я нутром почувствовала, что это не наговоры, надо искать истину и немедленно восстанавливать справедливость. «Немедленно» растянулось на полтора года. Но каких!

- Если действительно чувствуешь, что это дело стоящее – вперед, - только и сказала тогда Татьяна Кондрацкая.

Не знаю, пожалела ли она об этих своих словах когда-нибудь. Другой бы редактор не просто пожалел, а турнул бы меня... Журналист, который занят расследованием одного дела пусть даже самого громкого, но с непредсказуемым финалом, делом, которое требует немалых финансовых затрат – это всегда камень на общей шее. Я старалась не быть камнем, писала много других материалов. И все же чернобыльское дело занимало большую часть времени моих суток.

С первыми итогами журналистского разбирательства чернобыльцы пошли в Управление по борьбе с организованной преступностью. Уголовное дело в отношении О. и ее мужа было возбуждено. Потом – закрыто. Потом опять возбуждено. Причина – якобы невозможность доказать виновность или невиновность О. Якобы никаких документов нигде не сохранилось...

Все это время я бомбила запросами архивы Чернобыля, Киева, Подольска, Одессы, Москвы, Кишинева – там должны были скапливаться данные об участниках ликвидации аварии. Из ответов было понятно, что О. не значилась ни в одном списке. Кондрацкая только вздыхала, давая распоряжение бухгалтерии обеспечить меня еще одной пачкой конвертов. К тому времени было уже очевидно, что среди томских чернобыльцев – десятки «мертвых душ».

Меня насторожила знакомая фамилия в реестре томских чернобыльцев – соседа, который давным-давно уехал на ПМЖ в Германию. По документам он все годы после эмиграции исправно пользовался льготами, ездил семьей в санатории, получал бесплатные медикаменты. Во что бы то ни стало, необходимо было найти его. Да простят меня наши силовики – они очень неохотно занимались делом, ссылаясь на невозможность доказать вину О. Я делала это из принципа. Сколько редакционных денег было угрожано на междугородные и тем паче на международные телефонные разговоры в поисках моего бывшего соседа! Телефонистки в Новосибирске (в то время там базировалась единственная на всю Сибирь международная телефонная справочная) уже уз-

навали меня по голосу. Мне то воинскую часть в Кишиневе надо было, откуда якобы О. командировали в Чернобыль, то военный архив в Одессе. И когда однажды я взмолилась, упрашивая найти в немецком городе Вандебурге Александра Кнака (какого труда стоило узнать, куда конкретно мой сосед эмигрировал!), телефонистка просто отключилась. С третьей попытки удалось договориться. Девушки обзвонили все семь семей Кнаков в Вандебурге и нашли-таки мне Александра.

В тот момент я больше всего боялась, что главный редактор, глядя на телефонные счета, не просто укажет мне на дверь, но и высчитает эти затраты из заработанного мной. Но Кондрацкая только поверчала и выдала:

- Хоть в Чернобыль с Кишиневом лети, но дело до конца доведи!

Как в воду смотрела. Тогдашний губернатор Томской области Виктор Кресс был в курсе происходящего вокруг городского отдела «Чернобыль», и свистопляска по поводу открытия-закрытия уголовных дел его явно раздражала. И он решил (думаю, не без стараний Татьяны Евгеньевны) вмешаться в ситуацию. Он командировал в Кишинев своего помощника по правовым вопросам подполковника милиции Владимира Шевченко и меня – специального корреспондента газеты «Красное знамя».

История О.

На окраинах молдавской столицы иногда постреливали, но это никак не мешало нам до-скончально выяснить историю О. Окончательную точку в нашем расследовании поставил полковник Ботнаревский – военный комиссар военно-административного департамента Министерства обороны Республики Молдова. Вержил Иванович когда-то служил в наших краях и очень ответственно отнесся к просьбе разобраться в деле: «Если ваш губернатор считает необходимым все выяснить и сразу двоим находит деньги на командировку за шесть тысяч километров, значит, это действительно важно для томичей». О. никогда не бывала в Чернобыле, никто ее туда не командировал. Документы у нее, как еще у десятка томичей, оказались поддельными. О. сотоварищи пошли под суд.

Правда, в период между уголовными делами она подала на меня в суд иск о защите чести и достоинства (дескать, оговариваю ее) по тем деньгам аж на 250 млн рублей. Но после моей командировки в Кишинев иск быстренько отозвала. Хотя в подобных ситуациях у меня в «Красном знаме-

ни» всегда были надежные тылы. Мало того, что я никогда не пишу того, чему нет железобетонных доказательств. Татьяна Кондрацкая всегда обеспечивала журналистов лучшими адвокатами. Ни одного сколько-нибудь серьезного иска из более чем 10 заявленных по моим материалам проиграно не было.

Опубликованное в «Красном знамени» расследование «Ликвидаторы совести» привлекло большое внимание Гильдии судебных репортёров. Мне предложили на недельку-другую приехать в Москву и доработать материал до общероссийского уровня. Гильдия брала на себя оплату дороги, комфорtnого жилья, автомобиля, организацию встреч с высшими чинами. Но мне было неловко перед главным редактором, и я написала заявление с просьбой дать мне эти две недели в счет отпуска. Татьяна хмыкнула, вернула заявление и позвонила в бухгалтерию: «Командировочные выдайте».

Со ссылкой на «Красное знамя» через месяц вышла моя большая статья в популярнейшем тогда еженедельнике «Московские новости». Историю томских лже-чернобыльцев в ней обсуждали члены правительства, депутаты Государственной Думы. Итогом этой работы стала серьезная корректировка Федерального закона «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС». Изменения закона сделали невозможным появление лже-чернобыльцев, подобных О. и ее подельникам, и ужесточили требования защиты интересов истинных ликвидаторов аварии. Это журналистское расследование – моя профессиональная гордость, и я искренне делю ее со всеми коллегами, кто в то время был рядом.

Время спустя в «Красное знамя» пришло из столицы письмо. От министра МЧС Сергея Шойгу. Он благодарили за инициативу, за глубокое эффективное расследование. Это письмо висит в рамочке на самом почетном месте в моем сегодняшнем кабинете. Как напоминание о возможностях журналистики, о главном ее смысле – действенности в самом широком понимании этого слова, и о том, что журналистика – работа командная.

Мы с тобой одной крови

О команде отдельно. «Краснознаменцев» тех лет – с нами они или уже очень далеко – обожаю. Командный дух тогда царил на каждом сантимetre редакционных площадей. Так сложилось, что моими напарниками долгое время были фо-

 МИНИСТР РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ДЕЛАМ ГРАЖДАНСКОЙ ОБОРОНЫ, ЧРЕЗЫЧАЛНЫМ СИТУАЦИЯМ И ЛИКВИДАЦИИ ПОСЛЕДСТВИЙ СТИХИЙНЫХ БЕДСТВИЙ (МЧС России)	Обозреватель областной еженедельной общественно-политической газеты «Красное знамя» г. Томска Петуниной В.К.
11.05.1998 № 55-746, 1/3 На № _____	
<i>Уважаемая Вера Константиновна!</i>	
С большим интересом прочитал Ваш материал «Ликвидаторы совести», опубликованный в газете «Красное знамя» и еженедельнике «Московские новости».	
Очень рад факту появления такой статьи-расследования, которая освещает проблемы чернобыльцев прямую и непосредственно. Вопросы, поднятые Вами, крайне важны и актуальны. Все мы обязаны обеспечить достойную жизнь людям, честно выполнившим свой долг при ликвидации последствий чернобыльской катастрофы, отдать дань уважения умершим.	
Надеюсь, что проведенная Вами работа не только всколыхнет общественное мнение, но и сыграет немаловажную роль в скорейшем усовершенствовании Федерального закона «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС».	
<i>С благодарностью и уважением,</i> <i>Буду Родимому Жизнью</i>	
<i>С. Шойгу</i> 000006	

токорреспондент Александр Семенов и водитель Михаил Корф. Каждый раз я слегка паниковала, когда в разгар воскресенья вдруг раздавался телефонный звонок, и кто-то (какое счастье, что журналисты «Красного знамени» всегда имели в окружении множество таких «кто-то!»), сообщал – на озере Беленьком под Томском санэпидстанция только что нашла палочки брюшного тифа. Я уже летела, правда, в мыслях, за репортажем на Беленькое, но надо было убедить водителя и фотокора поработать. Но убеждать никого никогда не приходилось – парни всегда были готовы мчаться куда угодно, как будто их тоже в свое время укусила за указательный палец Муз творчества.

Приехали в поселок Комсомольское Первомайского района написать о том, как действительно героически борется местное население с лесными пожарами, сами влились в число огнеборцев. Поселок практически оказался в кольце огня, и надо было спасать людей, их жилье, производственные строения... Нам быстренько дали полевые костюмы, чтобы переодеться. Мои босоножки пришлось заменить на кроссовки, которые были больше размера на два-три. Поначалу ажиотаж отвлекал от неудобства. Ноги тонули в

глубоком лесном мху и чтобы вытащить их, приходилось прилагать серьезные усилия. Да и не до ног было. Вода в пожарном ранце за спиной то и дело заканчивалась, и надо было бежать на дозаправку, на просеку. Уже через час мои ноги были напрочь сбиты в кровь. Чтоб хоть как-то спасти их, мои напарники – Саша с Мишней – обмотали каждую ногу своими носовыми платками. Был в те времена у мужчин такой атрибут – носовой платок размером с детскую косынку. И это меня очень выручило.

А однажды мы втроем сидели в засаде на замороженном Бактинском кладбище в надежде выследить потрошителей могил. Была в те годы такая «профессия» – обворовывать свежие могилы, чтобы на утро уже использованные цветы и венки запустить в новую продажу. Милиция только пожимала плечами, кладбищенское руководство тоже расписывалось в бессилии. Дескать, бороться с ворами невозможно. И тогда за дело взялась наша троица. В первый же день мы поймали криминальный дуэт с полными сумками траурных букетов. Доставили в Октябрьский РОВД, вызвали родственников усопших, могилы которых были обворованы, что чуть было не закончилось дракой. По утверждениям правоохранителей, впервые в современной истории региона было тогда возбуждено дело по очень редкой для всей России статье - 244 УК РФ «Надругательство над телами умерших и местами их захоронения, выразившееся в изъятии отдельных украшений... предметов, имеющих особое значение для религиозной или светской церемонии».

Уже на следующий день мы вышли на дежурство между могилами с нарядом милиции. Еще через неделю мэрия, выразив благодарность «Красному знамени» за внимание к такой сложной теме, провела большой рейд по кладбищам города и объявила о начале работы над концепцией современного похоронного дела.

Зачем россиянам горы Памира?

И все же работа над каким материалом в «Красном знамени» больше других тронула душу? Их два – привезенных из одной командировки. Комитет солдатских матерей собирался в Таджикистан. Навестить томичей, служивших там в российской 201-й мотострелковой дивизии. Военным самолетом из Новосибирска с дозаправкой на Байконуре мы должны были лететь в Душанбе. Гуманитарный груз для военных собирали всем миром. Лекарства, теплые вещи, продукты, книги. В качестве особых подарков везли письма от

родителей, черный хлеб и варенье из смородины. Я намеревалась написать о службе наших мальчишек в республике, где, по сути, шла война. Тот полет над горами Памира стал началом познания новой истины. О смысле жизни. О войне и мире. О смертельных пристрастиях человека...

На заставах, в погранотрядах нас встречали как самых дорогих гостей. Позволили участвовать в учениях. Разрешали сунуть нос в любые закоулки в местах дислокаций военных. Накормили шашлыком из... дикобраза. Правда, куда бы я ни шла, где бы ни находилась – рядом все 24 часа в сутки был автоматчик. Резали и стреляли тогда россиян в Таджикистане чуть ли ни каждый день. Взятые из дома 20 газет «Красного знамени» разошлись по томичам за пару дней. Бывает же такое – у парнишки из Молчаново, служившего на дальней заставе, в день нашего прилета случился день рождения. Мы подарили ему письма от родителей и любимой девчонки, толстенный теплый свитер, конфеты, булку черного хлеба и номер «Красного знамени». А там – как будто по заказу материала об его отце-животноводе, прекрасном работнике. И фотография. Солдатик долго не отпускал мою руку. А когда наша вертушка начала стремительно уходить в сторону Куляба, маленький человечек внизу отчаянно махал и махал нам руками...

А вечером третьего дня командировки один из офицеров, дожевывая котлету, спокойно сказал:

- Мы сегодня пойдем на границу с Афганом, брать наркографик. Интересно?

Я чуть со стула не упала. В «Красном знамени» только-только вышла моя статья «Яма», наделавшая много шума. Статья о наркотиках, буквально захлестнувших город. Тема для Томска новая и страшная. Я так закричала офицеру в ответ «Да!», что на нас обернулась вся столовая.

Ночь выдалась ледяной – середина августа, а на термометре минус 12. Казалось, что зад окончательно примерз к охапке сухой травы. До трех ночи со сном еще можно было бороться, а под утро каждая минута бодрствования казалась пыткой. В пятом часу утра военные зашушкали. Куда-то исчезли. Окрики на непонятном языке. Автоматная очередь. И вот уже трое афганцев, с наркотическим грузом перешедшие границу, связанные лежат аккуратным штабельком неподалеку. Ближе к обеду мне разрешили с ними пообщаться. Но переводчик только разводил руками – курьеры из крестьян. Заработать хотели. Ничего и никого не знают. Но в этот же день в Душанбе мне дали возможность пообщаться с людьми, профессионально занимающимися темой поставки наркотиков. Объемы, наркографики, практически «явки-пароли», фамилии наркодельцов... Я узнала если не всю подноготную афганской наркоты, то большинство ее тайн уж точно. Появившееся затем в «Красном знамени» расследование «Боль-

шой наркотический путь: Кабул – Душанбе – Ош – Томск», по утверждениям представителей местных правоохранительных органов, долгое время был для них своеобразным справочником, помогающим в борьбе с наркоторговцами.

Картошкой, по окнам – пли!

При всей серьезности работы в «Красном знамени» случалось немало моментов, которые и сегодня вызывают улыбку. В середине 1998 года Томск накрыла проституция. Город буквально тонул в объявлениях недвусмысленного содержания. И если с женщинами легкого поведения милиции хоть как-то удавалось бороться, то с мужчинами, продающими любовь, дело обстояло совсем плохо. Правоохранители знали, что я всегда готова поучаствовать в интересном деле, о котором можно будет рассказать в газете.

- А слабо сыграть клиентку, жаждущую продажной любви? – спросил как-то один из оперативников.

Мне было не слабо не только сыграть такую даму, но и предложить для операции свою собственную квартиру. До сих пор не понимаю, как трое оперативников, тележурналист и телеоператор с камерой смогли спрятаться в двухкомнатной квартире?! Меня снабдили жгуче-черным длинноволосым париком, темными солнцезащитными очками. Я вырядилась в ярко-синий брючный костюм и – операция началась. По за-

Вера «допрашивает» начальника Томского УВД генерала Виктора Гречмана.

думке, мне необходимо было позвонить по определенному номеру и заказать для себя и мнимой подруги молодых симпатичных парней. Часика на два. Как только на другом конце провода мне отвечали, я начинала не смеяться – ржать. И бросала трубку. После третьей попытки один из моих «подельников» сам вызвал мальчиков, до неузнаваемости изменив свой бархатный баритон на женский писклявый голосок.

Мальчики не заставили себя долго ждать. Красивые, накаченные приехали в сопровождении смачной мамки, которая начала с пристрастием меня допрашивать – где подруга, почему стол не накрыт (по условиям «контракта» мальчиков надо было сначала накормить-напоить), на сколько часиков оформлять заказ и все такое. Обговорили все детали. А как только дело дошло до денег – непонятно откуда нарисовались оперативники. Троицу задержали, бумаги оформили и укатили с задержанными в отдел.

Жила я тогда недалеко от редакции. И отдел этот находился в пяти метрах от «Красного знамени». Лечу утром на работу. В голове уже весь материал о мальчиках написался. Осталось в университет позвонить, где они учатся, поговорить с одногруппниками, преподавателями. И вдруг на переходе через Комсомольский у Дома книги оба красавца идут мне навстречу. Их только что отпустили. Поравнявшись со мной, оба в удивлении затормозили. Я даже глазом не повела – была уверена, что вчерашняя маскировка на всегда оставит в тайне мою персону. Но модный ярко-синий костюм выдал меня с потрохами.

Вечером смотрела телевизор и неожиданно вздрогнула – бахах, и тут же звон разбитого сте-

кла. Среди осколков на полу кухни лежали три внушительных размеров картофелины.

- Ты картошку-то не выбрасывай, на пару супчиков хватит, - смеялся сосед, вставляя стекла в раму.

А в прошлом году на рынке подходит молодой мужчина:

- Здрасьте. Я – Игорь.

- Здравствуйте, - говорю, не имея понятия – кто это.

- Мы вас в заложники брали, в Тимирязево, в колонии. Помните?

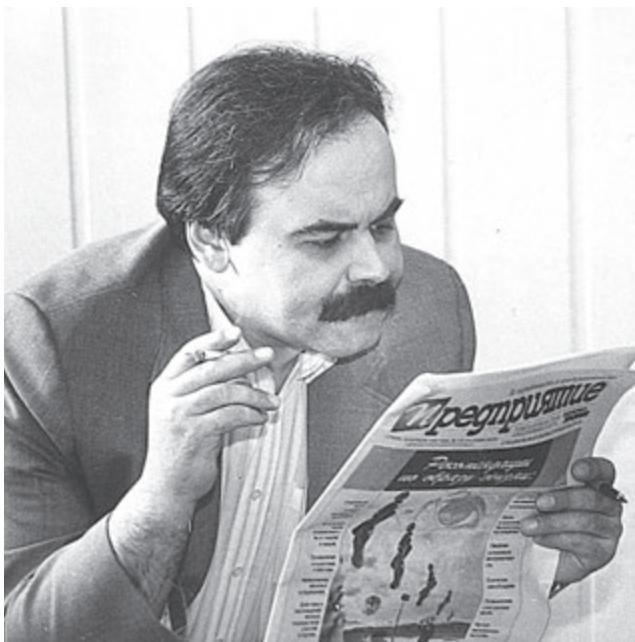
Как же такое забудешь! Тогдашний начальник областного управления исполнения наказания полковник Сальников повелся на мои уговороны и разрешил поучаствовать в учениях по обезвреживанию заключенных, захвативших заложника из обслуживающего персонала. Но не просто разрешил, а дал добро выступить в качестве этого самого заложника журналисту «Красного знамени». С Сашей Семеновым мы тогда пять часов провели взаперти наедине с отывающими наказание пацанами. Пока переговоры, торги, то да се...

- Извиниться хочу, - продолжал Игорь, - я вам тогда на платье наступил – черное такое, длинное и оторвал подол немножко. Неудобно как-то вышло. А вы почти не изменились. Да, я потом газету, где про учение и захват написали, родикам отправил. Там фотография моя была. У них до сих пор вырезка лежит. Больше я никогда в газету не попадал. Ну, ладно, я полетел. Сына меньшего надо из садика забирать...

Вера ДОЛЖЕНКОВА

МОЙ ДРУГ ЕВГЕНИЙ ФРОЛОВ

Мой друг Евгений Фролов (для меня – так просто Женька, Джонни) был человеком удивительных качеств. Сейчас, оглядываясь на 23 года, прожитых рядом с ним, и уже 17 – без него, понимаешь, что таких людей теперь встретить практически невозможно.

Почему? Ну, во-первых, нет уже той эпохи, последней советской эпохи, откуда мы были родом. Да, отчасти это были особые, оранжерейные условия, до предела закрытые от «тлетворного влияния» Запада. У прессы был жесткий фарватер, проложенный нашим рулевым – Коммунистической партией Советского Союза. С другой стороны, в отличие от нынешней пишущей и снимающей братии, мы были освобождены от поиска проявлений низменных человеческих пороков, сенсаций на крови и грязного белья.

С точки зрения тех времен Женека был практически идеальным журналистом. Из книг, газет, журналов и скучного телевидения (не поверите – тогда интернета не было вообще!) он черпал массу полезной и ценной информации и все это умудрялся держать в своей голове. История и литература, культура (особенно – театр и кино) и спорт – во всех этих самых популярных тогда темах он был большой дока. Его эрудиция не знала границ и очень помогала ему в журналистской и редакторской работе. Если возникал какой-то вопрос, спор, то проще всего было решить его, позвонив Женеке. Признаюсь, за почти 25 лет общения мне удалось лишь однажды (специаль-

но!) подловить Фролова на ошибке, чем я потом очень гордился (речь шла о том, что режиссером знаменитого фильма «Джентльмены удачи» был Александр Серый, а не автор сценария вместе с Викторией Токаревой и великий режиссер Георгий Данелия, как думали все, – и я случайно наткнулся на этот факт в Кинословаре). Остальные его познания и ответы были точны и безупречны.

Во-вторых, его незаурядные человеческие качества и таланты оборачивались большим достоинством в профессии журналиста. У Женеки была бездна обаяния. Заразительная улыбка, добрый юмор, живой, умный взгляд. Возможно, в чем-то помогало актерское мастерство, но главное шло от природы и души. Уже через несколько минут после знакомства люди чувствовали в нем родную душу, начинался откровенный разговор, шли живые детали, яркие фразы. Человек раскрывался во всем своем блеске. А что еще нужно для журналиста, готовящего статью, очерк или интервью?! Но самое удивительное (ведь журналистика – это море встреч, утекающих, как отливы, из памяти), что герои его публикаций оставались и дальше его близкими друзьями, каковых, как известно, много не бывает. Но ведь Женека-то был!

Я знаю, что его любили и считали родным человеком многие парни и девчонки из его студенческой группы и с родного филфака, и с Литературно-художественного театра, а потом – в редакции и в футбольной команде «Фомич». Но ведь у него было по жизни еще столько друзей из самых различных сфер. Причем он всегда искренне сопереживал, что-то советовал, поддерживал, прекрасно помнил все твои истории, проблемы и трещинки, радовался твоим успехам. Я знал многих его друзей из нашего круга. Но когда я открыл книгу «Сердце друга», выпущенную после его внезапной, оглушительной смерти в 41 год, то с удивлением прочел, что такой же родственной душой его считали и народный артист России, и заместитель мэра Томска, и ректор вуза, и известный спортивный деятель, и преподаватель филфака, и тренеры, футболисты, руководители команды «Томь». Думаю, в книге были собраны далеко не все.

Он был из первого набора кафедры журналистики, только что открывшейся тогда при Томском государственном университете. Женека был самым младшим в группе, где костяк составляли люди с жизненным опытом, работой в экспедици-

ях, на заводах, в журналистике, службой в армии. Но и в этой талантливой плеяде Фролов – с виду домашний, ухоженный мальчик из провинциального Колпашево – быстро выдвинулся в число самых ярких личностей. Не только потому, что стал одним из лучших актеров факультета (исполнитель главных ролей и один из руководителей знаменитого Литературно-художественного театра, ведущий актер киностудии филфака), лауреатом конкурса чтецов и постоянным участником факультетской агитбригады. Женяка быстро рос и как журналист – начиная со студенческой стенгазеты «Журналист», вузовской многотиражки и продолжая этот процесс на производственных практиках в газетах Колпашево, Тюмени и Томска, где он зарекомендовал себя сложившимся профессионалом.

Получив диплом об окончании университета, Фролов был распределен в главную газету области – «Красное знамя», которой он отдал 18 лет творческой жизни. Причем в газете он был самым молодым сотрудником, а в «Красном знамени» тогда работало целое созвездие великолепных журналистов. И практически каждый из них мог украсить любую ведущую

газету страны (ну, кроме официозной «Правды»). И, кстати, многие потом успешно работали в крупнейших изданиях и агентствах. Но вчерашний студент (как и в вузе – вчерашний десятиклассник) смог уверенно вписаться в такой коллектив, а потом стать равным среди сильных. Женяка умел учиться, быстро впитывать полезные знания, творчески подходить к делу. Плюс к тому – за его плечами был отличный, свежий багаж, полученный в Томском университете. Не только на кафедре журналистики, естественно, но и на лекциях, семинарах (и, безусловно, в живом общении!) блестательного преподавательского состава филологического факультета, а это Фаина Зиновьевна Канунова, Вера Михайловна Яценко, Эмма Михайловна Жилякова, Александр Сергеевич Янушкевич, Владимир Михайлович Костин и многие другие. Думаю, не случайно именно выпускники ТГУ стали достойной сменой корифеям «Красного знамени», принесли в газету не только молодой творческий запал, но и плоды того «разумного, доброго, вечного», что посеяла Альма-матер. И Евгений Фролов тут был, несомненно, в числе успешных первопроходцев.

Я помню, как нам вместе посчастливились брать интервью в гостинице «Томск» у великого голкипера и человека Льва Яшина, кумира миллионов людей – в том числе и нашего с Женькой (мы оба болели за московское «Динамо», мечтали в детстве стать Яшином и играли в воротах). Лев Иванович поразил своей простотой, человечностью, абсолютной «не звездностью» - не в пример большинству нынешних российских футболистов, и в подметки ему не годящемуся. 55-летний Яшин искренне рассказывал и про детство, и про карьеру, и запросто говорил: «Дядя Володя Чечеров поставил меня в ворота» или «Сандро Маццола перед пенальти дрожал, и я – тоже».

Редакционное задание от молодежной газеты у меня было: интервью на 200 строк. Утрамбовав продолжительный человеческий разговор в 5-6 вопросов, я рад был, что выбил еще 30 строк на полосе у ответственного секретаря, макетировавшего газету. А вот Женька, чуть повременив, выдал шикарное эссе (раз в 5 больше по объему моего интервью), куда вместили и откровения Льва Ивановича, и свое детское поклонение, и любовь болельщиков, и вратарские подвиги, и человеческие достоинства. Для меня это был очень полезный журналистский урок: как надо творчески подходить к делу, как надо уметь доказать руководителям редакции право на серьезную площадь в газете для такой статьи. Ведь у меня львиная доля разговора с самим Яшином (!), кстати, единственный раз побывавшим в Томске, просто улетела в корзину.

Да, Женька умел ярко подавать свои материалы, и многие из них вызывали большой резонанс у читателей. Повторюсь, для той эпохи он был почти идеальным журналистом. Его эрудиция и знания позволяли ему на равных вести диалог с губернатором Виктором Крессом и с первым Президентом СССР Михаилом Горбачевым, с суперпопулярным депутатом Степаном Сулакшиным и с прогнозируемым тогда преемником Ельцина Борисом Немцовым, с американским писателем Майклом Давидоу, с известными артистами и знаменитыми спортсменами. А беседа с яркой звездой тех лет, певцом Валерием Леонтьевым, вдруг приобретала непривычный для эстрадных кумиров философский оттенок. Даже о скучном – про какие-то идеологические мероприятия и партийные дела – Женька умел написать интересно. В редакции это заметили, и Фролова «двинули» в зав. отделом пропаганды, позже он был и заместителем редактора бывшей партийной газеты, ставшей после путча

1991 года самостоятельным изданием. Но Женька всегда оставался в первую очередь пишущим журналистом.

Его статьи заставляли задуматься: например, развернутый репортаж из очереди в винный магазин во времена «сухого закона» и суровой борьбы с алкоголизмом. Впечатляли уже сами по себе живо описанные картины того, как народ загнан в узкий туннель с металлической оградой, турникетами и милицейским кордоном, как живет очередь, как некоторые люди теряют человеческое достоинство. Автор показывал всю абсурдность командно-административных методов борьбы с «зеленым змием». И сожалел, что страдают, ломая ребра о турникеты и ограду, обычные томичи, совсем не пьяницы и алкоголики – но поставленные в такую ситуацию жизнью и властью. И Женьке было искренне жаль этих людей, и он, как журналист, боролся своим пером против такого унижения.

Людей Женька любил. Вообще, многие его статьи были словно пронизаны теплотой, и это тоже было продолжением его человеческих качеств. Женька был удивительно добрый человек. Помимо сопротивления и мудрых, дальних советов, он всегда был готов помочь и материально, деньгами. Некоторые должники так и не возвращали долги (порой и крупные суммы), а ему было неловко напомнить об этом. Интеллигенция, что тут скажешь... А он и был настоящий русский интеллигент в самом лучшем и теперь уже, увы, раритетном понимании этого слова. И когда надо было отстоять честь родной газеты и справедливость, естественно, то Евгений Фролов блестяще выступал на судебных заседаниях по защите чести и достоинства (модное поветрие тех лет – иски к газете на кругленькие суммы) и выигрывал все дела!

А еще, при всей своей эрудиции и остроте ума, Женька всю жизнь оставался удивительно доверчивым человеком, в его душе жил большой ребенок. И поэтому он был идеальным объектом для первоапрельских розыгрышей и прочих шуток. Я помню, как Фролов долго, в ущерб вкусному обеду, диктовал по телефону отчет о лыжных соревнованиях для якобы корреспондента «Советского спорта» или, добросовестно прихватив с собой шахматную доску, ехал в нашу редакцию «Молодого ленинца», чтобы принять участие в сеансе одновременной игры с гроссмейстером из Грузии. И клюнувший на розыгрыш Женька сначала эмоционально выплескивал на шутников свое возмущение, но потом смеялся вместе с нами, обиды не таил и... снова попадался на удочку.

У самого Женьки, кстати, была целая куча историй из собственной жизни - а рассказчик он был великолепный, артистичный. Например, как он играл, реализовав свою мечту, на одной сцене со знаменитыми вахтанговцами и самим Михаилом Ульяновым (театр тогда гастролировал в Томске и набирал массовку из местных любителей сцены), а главное - что он услышал от великого актера, когда допустил оплошность во время спектакля. Но это уже отдельный том, да и самого исполнителя историй давно нет.

На сороковом году жизни Женька решил круто поменять свой жизненный маршрут: он шагнул в неизвестность - дал согласие возглавить с нуля одну абсолютно новую газету, да еще толком не зная людей, предложивших ему новое дело. Для человека, все же любящего основательность и стабильность, это выглядело авантюрой, буквально шагом в пропасть. Очень сложно было и уходить из газеты, где он заработал и имя, и авторитет. Однако Женька шагнул и, к восхищению и уважению друзей-журналистов, сумел преодолеть все. Свой огромный опыт, приобретенный за 18 лет в газете «Красное знамя», он стремился реализовать в новом деле, сумел за короткий срок сделать интересную городскую газету. И если прежде у него были какие-то ограничения тем в рамках отдела или направления, то на новом редакторском посту (не забывая про прямые обязанности руководителя) он многое и в удовольствие писал буквально обо всем. А круг интересов у него был чрезвычайно широк и откликался он на многие темы - от его любимейшего футбола (Женькина известность среди болельщиков тогда не уступала популярности игроков и тренеров «Томи») до потонувшей и умиравшей на глазах у всей страны подводной лодки «Курск», от большой политики до сугубо томских бытовых проблем.

Как журналист, он, конечно, выиграл в плане творчества, но сердце... Оно уже не выдерживало такого ритма, ведь «пахал» трудоголик Женька буквально за пятерых. Оказалось, он уже начал пить таблетки без особого разбора. Сильными ударами стали смерть матери и трагическая гибель, пожалуй, главного друга студенческих лет, журналиста «Новой газеты» Игоря Домникова. Не мог Женька и не помнить того, что мужчины из его семьи (отец, старший брат) умирали, едва перейдя порог сорока лет. А когда

ему внезапно пришлось уйти из созданной им газеты, можно сказать, его детища, даже - ребенка, не материализованного в обычной жизни... Вот тут его сердце совсем не выдержало... И мы, не веря в реальность, хоронили его в лютый мороз.

Я не знаю, как сложилась бы его дальнейшая жизнь, будь со здоровьем по-иному. Возможно, он создал бы новую газету, возможно, вернулся бы в «Красное знамя». Или реализовал свою давнюю мечту и стал кинорежиссером (Женька писал сценарии и даже подспудно готовился к поступлению на Высшие режиссерские курсы). Одно знаю точно: без него самого, без его газетных публикаций в мире стало меньше добра. В том числе и на страницах томской прессы.

Но все-таки это не некролог, а воспоминания о друге и журналисте. Поэтому, вспомнив Женькину улыбку, его глаза (а в отчаяние он не впадал даже в самую трудную минуту), хочу завершить их на оптимистической ноте. Газета «Красное знамя» живет и здравствует, перешагнула уже 100-летний барьер. У нее немало журналистских удач, и, как пелось в те времена, «будут новые победы, встанут новые бойцы». Ну, а Женька, вернее, Евгений Милославович Фролов, останется с нами в своих статьях и очерках. Как общественное достояние.

Сергей СИМОНОВ

БУДЕМ ЖИТЬ

Лихие и веселые, девяностые... И не только они

В первой половине 90-х годов редакция «Красного знамени» жила в состоянии встревоженного улья. Время было такое - бурное, неспокойное. Газета потеряла свой монопольный статус ежедневки. К 1993 году в области на пятиразовый выпуск в неделю перешли еще две областные газеты, рожденные в перестройку, - «Народная трибуна», орган областного Совета депутатов, и горсоветовский «Томский вестник». И хотя ни по тиражу, ни по качеству журналистских кадров они пока не дотягивали до флагмана томской прессы, у них было немалое преимущество - бюджетные дотации. «Красное знамя» выживало как могло за счет нарождающегося рынка коммерческой рекламы, который, впрочем, был так же нестабилен, как и вся финансово-экономическая ситуация в стране.

Из газеты ушел ряд журналистов, многие из которых еще вчера составляли костяк редакции. Кто-то решил заняться собственным бизнесом: Геннадий Скарлыгин - строительством, Дмитрий

Барчук - торговлей, Сергей Балашев создал свою страховую компанию. Кто-то «переметнулся» к конкурентам или стал сотрудником пресс-служб каких-либо официальных контор. Кто-то, наоборот, вернулся из странствий по другим изданиям, как Александр Соловьев, например, после ликвидации корпункта столичных «Известий» в Томской области.

Память - странная штука. Я ведь и сам весной 1992 года ушел из корреспондентов «Красного знамени» на вольные хлеба, редактировать частную деловую газету «Дело», но вспомнить, какие конкретные обстоятельства побудили меня сделать этот шаг, хоть убейте, не могу! Денег не хватало? Хотелось чего-нибудь нового? Не помню. Страна была в стрессе, народ в стрессе. Журналисты тоже люди, тоже стрессовали и бросали насиженные места в поисках лучшего.

Через год я вернулся, а вокруг все по-прежнему гудело, искрило и никак не могло устаканиться. Под зарплату в редакционной подсобке можно было набрать хороший ассортимент « успокаивающего » - от спирта «Ройял» до невероятных расцветок ликеров (наличных денег не хватало, царил бартер, рекламодатели расплачивались «натурой»), но - покой нам только снился, ведь, кроме питья, надо было еще чем-то закусывать.

В 93-м редакция «Красного знамени» сама представляла собой удивительную кадровую комбинацию - от ветеранов-мастодонтов до едва проклонувшихся «вьюношей». Старшее поколение представляли Виктория Францевна Брындина, которую еще Виль Липатов описывал в романе «Лев на лужайке» под именем «ответственного секретаря газеты «Знамя» Виктории Бубенцовой», могучий и громогласный Петр Федорович Колотовкин, обаятельный Эдуард Викторович Стойлов (с обоими мне довелось делить пространство рабочего кабинета), хитромудрый Солomon Львович Выгон (к тому времени уже женатый на моей одногруппнице Наташе Шеремет), педантичный Владимир Иванович Федоров, талантливейший художник-график Владимир Алексеевич Марынин (вскоре переехавший в Германию на ПМЖ вместе с супругой Эрной). Мастер слова Валерий Иванович Верютин. Два фотографа - один круче другого - Евгений Константинович Лисицын и Николай Григорьевич Потапов.

Из «срединного» поколения тонус газете давали две Нины - Маскина и Губская, вечно сос-

редоточенный Василий Антошин, редакторствующий на тот момент Владимир Иванов со своими однокашниками из первого выпуска отделения журналистики Томского университета Евгением Фроловым и Александром Бережковым, строгий ответсек Валентина Ваккер, добытчица рекламы Татьяна Кондрацкая, говорливый и ироничный Евгений Зырянов, колпашевский собкор «Красного знамени» Екатерина Залогина, улыбчивая Елена Сидорович, собкор в Северске...

Себя я к этой плеяде блестящих журналистов не мог причислить, мы с Наташой Шеремет еще только подходили к «тридцатнику». А рядом усердно трудились еще более молодые – вчерашние выпускники ТГУ Влад Михайлов и Оксана Чайковская.

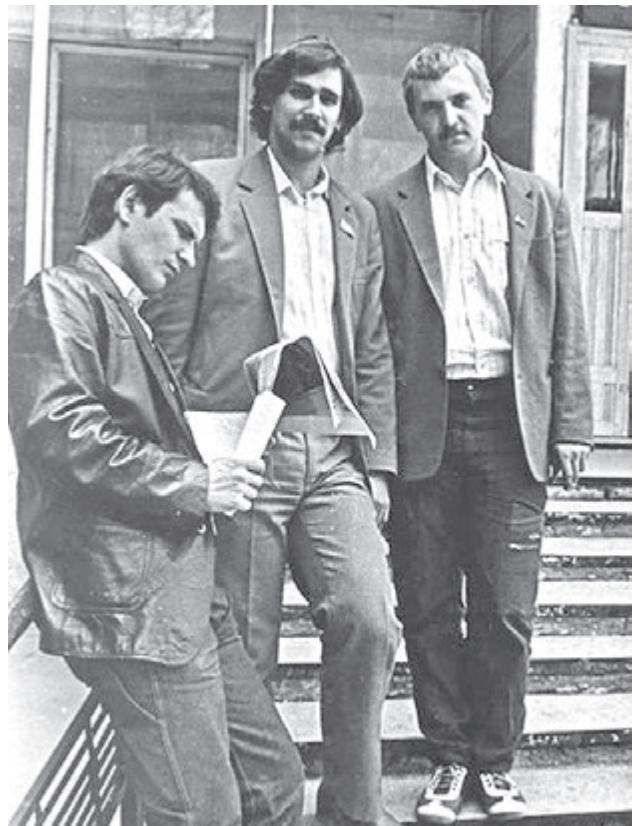
Тридцать человек насчитывал тогда журналистский коллектив редакции. По нынешним меркам – целая армия! Но это многоцветие разных личностей, настоящих, калиброванных профи – позволяло выпускать газету отменного качества. Тираж – под 90 тысяч экземпляров. Письма читателей – мешками. Общественная приемная, куда никогда не заастала «народная тропа»...

В декабре 93-го решили выбрать нового редактора. Впервые самостоятельно, без утверждения в вышестоящих инстанциях. По моде тех времен образовалась инициативная группа под предводительством Соломона Выгона, писались внутриредакционные письма-обращения: надоде кардинально все менять, жить по-другому. Демократия во всей красе!

Возник вопрос: кого ставить у руля газеты? У меня сохранились записи с одного из заседаний комиссии по подготовке собрания по выборам главного редактора и редколлегии от 20 декабря 1993 года. Выступает Верютин (как сейчас вижу, невысокого роста, под мышками костили, волнуется, голос слегка дрожит): «В новом уставе пункт о недоверии редактору должен быть четко оговорен... Расширить права редколлегии... Редактор возглавляет редколлегию, но подчиняется ее решениям...». Стойлов: «Предлагаю не выборы, а перевыборы редактора». Никифоров: «Выборы провести в два тура, на изложение программ кандидатов – 10 минут...». Стойлов: «Предварительно провести рейтинг кандидатов...»

Провели мягкое рейтинговое голосование. Выявились лидеры – Фролов и Кондрацкая. Позже на собрании большинство журналистов проголосовало за Татьяну.

Выбор большинства был вполне обоснованным. Татьяна Кондрацкая, выпускница отделения журналистики ТГУ, работала в «Красном знамени» с середины 80-х. Писала на темы торговли,

Журналисты три Сергея:
Никифоров, Балашов и Чернояров.

общепита. В перестройку участвовала в создании первой томской рекламной газеты «Вам!». С начала 90-х руководила рекламно-коммерческим отделом «Красного знамени», по сути, кормившим газету, редактировала рекламно-информационный спецвыпуск «Пятница», вела переговоры с руководителями крупных предприятий и небольших коммерческих фирм, знала все нюансы печатного рынка. В редакторы особо не рвалась, пришлось даже уговаривать.

Выбирали на три года, оказалось – почти на четверть века! То, что Татьяна Евгеньевна смогла сберечь газету, несмотря ни на что и вопреки всему, и сегодня она, газета, празднует свое 100-летие, живя и здравствуя (в отличие, увы, от своих конкурентов из 90-х), лучшее подтверждение правильности выбора, сделанного в зыбком декабре 93-го...

Просматриваю сейчас пожелтевшие экземпляры газеты 1995, 1996 годов... Песня! По пятницам выходит пухлый спецвыпуск одноименного названия, с телепрограммой и рекламными объявлениями. В субботу – «Выходной», с увлекательными «Переулками памяти» от Эдуарда Стойлова, социальными историями от Нины Губской и Лены Сидорович, миром науки от Андрея Карыпова, заметками о культуре Оксаны

Приложения к газете.

Чайковской... Раз в месяц выпускается популярное приложение для женщин и о женщинах «Ева» (редактор выпуска - Нина Маскина), где публикуются Марина Боброва, Лариса Недоговорова, Вера Петунова (еще не Долженкова!), Владислав Халин, Татьяна Багаева, Владимир Марынин, Валентина Ваккер, активно пишут материалы авторы со стороны.

А вот обычный номер, 15 февраля 1995 года, среда. Газета сообщает: «Восход солнца – 8.56. Заход – 17.34. Полнолуние». Здесь же: «Губернатора разбудили в час ночи». Вчера в час ночи главе областной администрации сообщили по телефону, что на ГРЭС-II что-то взрывается. В.М. Кресс связался с областным штабом ГО... Тревога, к счастью, оказалась ложной. На станции произошел обычный сброс пара».

На первой полосе реплика А. Борисова (Саши Бережкова) с иллюстрациями Евгения Лисицына «Город-бомж» - о мусорных свалках на улицах Томска. Пара заметок под увлекательной рубрикой «Из жизни инфекций», о том, что «зима чесотке не помеха». Информация о том, что премьер-министр Черномырдин, наконец, подписал распоряжение о придании федерального статуса Томскому научно-образовательному комплексу. Здесь же начало статьи вашего покорного слуги «Камо грядеши» под рубрикой «Анатомия власти». Анализ стиля руководства регионом губернатором Крессом, не очень приятный для Виктора Мельхиоровича.

На развороте газеты проблемы томского водозабора исследует Владимир Федоров. Критикует аграрную политику областной администрации Александр Соловьев. Вопросом «Быт или не быт?» задается Нина Губская, ругая власть за отсутствие в городе услуг химчистки. С народной артисткой России Александрой Стрельченко беседует Елена Сидорович.

Вся четвертая полоса – в рекламе. Вверху с гордостью сообщается: «Тираж нашей газеты - 70 тысяч экземпляров». Да, были времена! Обыч-

ный номер, наполненный жизнью, такой, какой она была тогда – без прикрас, без черноты, без искажений...

Вслед за Ахматовой можно повторить: «Я была тогда с моим народом, там, где мой народ, к несчастью, был». Газета тоже была с народом, и журналисты писали для людей, для жителей Томска и Томской области, и сами жили-выживали, как могли. И ведь выжили же, выстояли...

Может быть, благодаря тому, что в те трудные годы была одна отдушина – писать и говорить можно было о чем угодно и как угодно. Свобода! Запретных тем нет, неприкасаемых персон – тоже. Доставалось тогда от газеты и губернатору, и мэру, и депутатам, и директорам крупных предприятий. В политической сфере – полнейший плюрализм.

Политзвезда тех лет – Степан Сулакшин. В 1995 году Татьяна Кондрацкая отдала мне целую полосу под его политический портрет. Не очень благостный, надо сказать, для Степана Степановича. Назвал я его тогда «перекатывающимся политиком», меняющим свои идеологические установки в зависимости от преобладающих настроений в обществе. В перестройку – радикальный демократ, на дне реформ – ярый их противник и отъявленный «центрист»... Помню, Женя Фролов, тоже любивший политику, хорошо в ней разбиравшийся и много на эти темы писавший, после выхода в свет материала про Сулакшина пожал мне руку и сказал: «Сильно!. Было приятно, ей Богу!

Еще один резонансный материал – «Мазутный след». Это о предпринимательской деятельности профессора ТУСУРа Анатолия Кобзева. Анатолий Васильевич тоже был фигурой известной, еще не ректор, но – экс-депутат российского парламента, пламенный демократ-либерал, борец за радикальные экономические реформы. Ну и коммерсант хороший, как выяснилось из материалов контрольно-ревизионного управления, которые мне попались в руки. Квоту на мазут, выделенную совету ректоров Томска, удачно конвер-

тировал по формуле «квота-деньги-товар-деньги». Шуму вышедшая статья наделала много, впрочем, без особых последствий для главного героя. С Анатолием Васильевичем позже мы не раз сталкивались по различным делам, и всякий раз он мне с укоризной напоминал эту статью: «Ну как же так, Сергей Иванович! Ведь не было ж никакого криминала, никаких злоупотреблений, а – оставил на всю область!» Что было, то было.

Представляю, какие накаты делались после этой и подобных материалов на

Кондрацкую, но она держала удар, и если журналист ничего не переврал, опирался на факты, защищала его и ограничивала от негативных воздействий со стороны.

Как-то Татьяна поручила мне разработать тему советников Кресса. Вот, мол, набрал губернатор в эту команду кого ни попадя, непонятно, кто чем занимается, за что отвечает, чего советует? Я начал набирать материал, крутить-вертеть эту тему – ни в какую не идет! Так бывает, когда не вполне понимаешь задачу и пытаешься неоднозначную картину действительности впихнуть в какую-то жесткую схему. Кое-как все-таки написал. Кондрацкая прочитала, говорит: «Сережа, никуда не годится! Подумай еще». Думал-думал, потом взял десятитомник Салтыкова-Щедрина и начал искать какую-нибудь цитату в качестве эпиграфа. Почему именно Салтыков-Щедрин? Кто его знает, наверное, интуиция. Интернета тогда не было, все делали вручную – по книжкам, по блокнотам, по записям. И ведь нашел! Именно то, что нужно! Из его «Мелочей жизни»: «Впрочем, я отнюдь не хочу утверждать, чтобы нынешняя администрация была плоха, нерасторопна и не способна к утиению слез; я говорю только, что она... лишена творческой силы». Прямо в точку! И мои внутренние оценки работы тогдашней администрации Кресса сразу получили опору: сказать, что чиновники ничего не делают – язык не поворачивается, сам губернатор – трудоголик, рубашки после рабочего дня хоть выжимай, а вот ее, творческой силы, умения приподняться над суетой и сиюминутностью – вот этого нет!

Статья написалась заново легко и красиво. Кондрацкая, прочитав, написала что-то на бумажке, дала мне и сказала: «Иди в бухгалтерию».

С. Никифоров и Т. Кондрацкая.

На бумажке было написано указание главному бухгалтеру газеты Вале Зубрицкой: «Выдать Никифорову премию ... рублей» (сумму не помню, но – по тем временам очень приличная). И это до публикации!

После выхода статьи в редакцию приехал Кресс вместе со своей советницей Нелли Кречетовой. Татьяна Кондрацкая позвала меня, и мы часа два говорили и рассуждали о том, что же такое – творческая сила власти...

Вообще, для политической журналистики 90-е годы – это было райское время. Разнообразие личностей и характеров, политических структур и течений, череда всевозможных выборов разного масштаба... В этом многоголосии газета «Красное знамя» занимала выверенную, спокойную, взвешенную позицию, стараясь давать оценки происходящему объективно, непредвзято. Возможность высказаться предоставлялась и коммунистам, и либералам, и всем остальным. Но и аморфности не было. Курс на экономические реформы газета поддерживала и назад возвращаться не призывала. Поэтому и на выборах президента России 1996 года, например, «Красное знамя» поддержало все-таки Ельцина, а не Зюганова.

А на первых выборах мэра Томска, проходивших параллельно президентским, случился казус. Газета во главе с редактором вовсю работала на тогдашнего главу города Геннадия Коновалова, а я, полуподпольно, помогал его сопернику Александру Макарову. Татьяна Кондрацкая наверняка знала об этом, но оргвыводов не делала. Может быть, и зря, потому что после своей победы Макаров сделал мне предложение, от которого я не мог отказаться.

В ноябре 1996 года я во второй раз ушел из «Красного знамени», как сказали бы в официальных релизах, «в связи с переходом на другую работу». Был назначен редактором газеты мэрии «Томский вестник». Краснознаменцы (кажется, это сделал Евгений Фролов) откликнулись на это событие ехидной заметкой под заголовком «Карьера товарища». Впрочем, не обидной и очень даже приятной.

В дальнейшем наши пути с «Красным знаменем» пересекались уже на дорогах сначала конкурентной борьбы (уважительной, конечно). Каюсь, перетащил в «Вестник» целую бригаду краснознаменцев, поскольку все, кто прошел школу этой газеты, были журналистами экстра-класса, работать с ними я почитал за честь. Так, в «ТВ» со временем оказались Александр Соловьев, Марина Боброва, Александр Бережков, Влад Михайлов, Андрей Карыпов и многие другие питомцы «Красного знамени». Догнать «КЗ» по подписному тиражу нам, впрочем, так и не удалось. «Вестник» все время отставал в количестве подписчиков тысячи на десять-пятнадцать, и я, как редактор, ничего с этим не мог поделать. Хотя, тиражи были тогда все-таки у обеих газет приличные – 40-60 тысяч экземпляров...

Затем судьба вывела меня на чиновническую стезю, и с «Красным знаменем» у нас установились хорошие партнерские отношения. Когда я работал в мэрии, тряхнув стариной, написал большую статью «Бюджет на заклание» - о сложностях межбюджетных взаимоотношений между областью и городом, естественно, весьма критическую по отношению к «Белому дому». Татьяна Кондрацкая приняла статью к публикации, не поведя бровью, хотя с областной администрацией газету связывали какие-то договора и обязательства. С мэрией, правда, тоже.

Во времена, когда все СМИ Томской области на корню скупал «ЮКОС», «Красное знамя» устояло – во многом благодаря твердой позиции «Нет!», занятой Татьяной Кондрацкой и ее коллегами, и поддержке Виктора Кресса и Сергея

Жвачкина, который был тогда руководителем «Востокгазпрома». Устоять-то устояло, но в результате этой коллизии в Томске появилась еще одна областная газета – еженедельник «Томские новости» со стопроцентным государственным участием. В условиях, когда ТВ-2 и «Томский вестник» стали «юкосовскими», а «Красное знамя» едва-едва удержало свою самостоятельность, Кресс не хотел больше рисковать и создал «свой» печатный орган, полностью подконтрольный областной власти. Возглавил «Томские новости», кстати, еще один выходец из «Красного знамени» – известный томский журналист Алексей Трофимов. Мне же, во время работы руководителем департамента по информационной политике администрации области, довелось возглавлять совет директоров этой газеты.

В последние годы печатным изданиям, особенно ежедневным, живется несладко. По некоторым прогнозам, они давно уже должны были вымереть как мамонты, не справившись с конкуренцией в виде интернета, мобильной связи и электронных СМИ. Но «Красное знамя» живет. И газету выписывают, читают, хвалят, ругают, цитируют, размещают в ней рекламу, несут туда материалы для публикации. Грешен, и я, нет-нет да и попрошу Татьяну Кондрацкую: а не написать ли мне статью о... «Пиши!» - говорит Татьяна. И я пишу. И снова вижу свою фамилию на пропахшей типографской краской бумаге.

Я до сих пор с томящей ностальгией вспоминаю годы своей работы в «Красном знамени», одни из самых счастливых в моей жизни. Я благодарен судьбе за то, что в моей жизни была эта газета. Это начало, это фундамент, это близкие люди, друзья, учителя, природные, истинные журналисты, без которых мой мир был бы не полон. Жаль, многие уже ушли, и не в другую газету... Но - пока не сотрется типографская краска с газетных страниц, их имена и их голоса будут звучать. И потому – да здравствует «Красное знамя», виват, краснознаменцы! Будем жить!

Сергей НИКИФОРОВ

ВТОРОЙ РАЗ «С ГОЛОВОЙ» В РЕКУ

В то лето горела тайга. Вся Сибирь была охвачена лесными пожарами. В городе стоял смог, из-за которого першило в горле. Мой первый месяц работы в «Красном знамени» подходил к концу, когда мне предложили поехать в командировку в Бакчарский район. Нет, не в «пекло к черту», но в зону пожарной тревоги.

Однако задание, с которым я ехала, никак не предусматривало мой десант на линию огня. Оно было расплывчатым и неохватным, как поля в сизой дымке, – отыскать формулу успеха, найти людей, благодаря которым эта формула складывается, понять механизмы, которые приводят в движение экономику района. Словом, чистой воды «заказуха».

Далее хорошо было бы дать рассуждения на тему «приказных» и «заказных» материалов. Первые были обычным делом в годы моей профессиональной юности. Но тогда я находилась «в ошалелом состоянии» и мало что понимала в профессии и в себе. Вторые стали реальностью в расцвет моей журналистской жизни. Заказные статьи на глазах разрастались. Очень быстро стали вести себя, как кукушонок в гнезде, – выдавливать и выкидывать с полосы обычные, традиционные материалы. Отечественная журналистика не просто коммерциализировалась, но она делала меня и моих коллег соучастниками этого процесса.

Поэтому я совершенно спокойно восприняла это задание, за которым маячила «тень отца Гамлета», – менеджера. Даже какой-то творческий азарт испытала: написать по-человечески об этой пресловутой формуле успеха. Надо сказать, в то лето я вообще пребывала в состоянии творческого подъема. Вкусом радости возвращения в профессию пропитаны материалы моего «краснознаменного» двухлетия.

Говорят нельзя войти в одну реку дважды. А я вошла. Правда, река называлась не «Томский вестник», а «Красное знамя», и все-таки это была родная, понятная мне стихия. Два года работы в ведомственном музее только казались отдыхом от журналистского «конвейера». А на самом деле... я скучала по обычным газетным будням. Поэтому с таким интересом и даже с радостью нырнула в «краснознаменную реку». И за это благодарна газете и, прежде всего, Татьяне Кондрацкой и Нине Маскиной, которые настояли на моем возвращении в журналистику. Они сделали невозможное возможным.

Почему? Да потому что почти двадцать лет профессиональной жизни я следила за газетой со стороны, более того, с позиции журналиста из конкурирующего издания. И, конечно, ревностно следила. Может быть, это и кажется сегодня смешным и наивным, но в 90-е лозунг «Догнать и перегнать «Красное знамя» был главным стержнем деятельности молодой и задиристой газеты, где я тогда работала. Позже стала понимать, что уже в самой формулировке было засвидетельствовано «первородство» и превосходство газеты, которая долгие десятилетия была единственной большой газетой в области. И даже когда «Красное знамя» перестало быть органом обкома КПСС (поскольку обком ушел в прошлое), оно оставалось лидером среди печатных изданий. Однако идеологическая установка «Вестника» «догнать и перегнать» всегда корректировалась личной симпатией к журналистам-«краснознаменцам».

Первым в этом списке был Эдуард Стойлов. Фактически для меня он стал «проводником» в профессию. «Ты подойди к нему и скажи, что окончила вторую школу, – наставляла меня моя завуч по учебной работе. – Эдик тоже учился у нас». Накануне творческого конкурса я, стесняясь, сбиваясь, кое-как вышептала этот условный пароль, и – о чудо! – он сработал. Я получила не просто квалифицированный совет, но настоящий мастер-класс: как собирать материал, как расположить героя к себе, как работать с факта-жом, что такое кольцевая композиция, почему не надо злоупотреблять восклицательными знаками и эпитетами в превосходной степени. Второй

урок мастера получила уже на практике, которую проходила в «Красном знамени». Из него запомнилась фраза: «Ну, что ты переживаешь, опубликуем. Зарисовка о человеке – нестареющий материал».

Советы Эдуарда Стойлова до сих пор не потеряли актуальность, я сегодня повторяю их своим студентам. Рассказ об Эдуарде Викторовиче хочу закончить одним символическим эпизодом. Однажды в споре со мной один застройщик, снесший самовольно дом-памятник (в 90-е и такое могло быть), сказал в сердцах: «Вы совсем, как Стойлов, тот тоже за каждую деревяшку готов был морду бить». Этот окрик, как награду, принял. Значит,циальному научилась.

«Ты будешь ездить по всей области, такое увидишь, чего раньше и не видела», - вспоминала я слова Александра Бережкова, когда ездила по Бакчарскому району, выводя ту самую формулу успеха. Сбылись его слова. Увы, когда он уже не работал в редакции. Саша давно и настойчиво звал в «Красное знамя», а я все раздумывала. Решилась, когда он уже сильно болел. Но ту самую фразу «ты будешь ездить по всей области», которую он произносил с интонацией, будто обещал зарубежные командировки, я вспоминала всякий раз, когда по воле редакции оказывалась в Каргаске, то в Колпашево, то в Асино, то в Нарыме, то на горе Кулайка, в сакральном месте, в Стрежевом, то в деревне Татьяновка, на родине Иннокентия Смоктуновского. Конечно, это были уже не те легендарные времена, когда «корочки» областной газеты открывали двери во все кабинеты, но уважение к газете чувствовала на себе, когда разговаривала с главами районов, генеральными директорами предприятий, чиновниками областного и городского масштабов.

Мой очередной «заезд» (этим термином музыканты обозначают период репетиций до перерыва) в профессию существенно расширил диапазон тем и жанров. Сельское хозяйство, лесная промышленность, охрана природы, медицина, образование, пищевая промышленность, строительство и архитектура, социальная защита и, само собой, культура каким-то чудесным образом выстраивали мой график жизни, определяли векторы моих мыслей. Не пускали меня только в политику, суды и силовые структуры.

В суды ходил и ходит Владимир Иванович Федоров – нестареющий и неутомимый «краснознаменец». О полиции, армии и других силовиках писал и пишет мой одногруппник Сергей

Макиенко. Что касается политики, то... «Таня, ну что ты понимаешь в политике?!» - весело укоряла меня Нина Ивановна Маскина, когда я ненароком забредала на чужую территорию. И только в крайнем случае меня отправляли к депутатам на заседания. Должна признать, Нина Ивановна права. Политическая аналитика – не мой удел. Другое дело, культурная политика. Здесь было где развернуться. И меня никто не ограничивал ни в темах, ни в объемах.

К слову, объемы имели для меня едва ли не главное значение, когда принимала решение выйти на работу в «Красное знамя». Это единственная газета в Томской области, которая вопреки модным тенденциям остается верна «большому стилю», ее не пугают «кирпичи». Со своей привычкой писать в духе «издалека долго течет река Волга» я отлично вписалась в формат издания. Не забывая завет Чехова о сестре таланта, старалась изготавливать свои «кирпичи» все-таки «ажурными», легкими для чтения. Понятно, «ажурность» была не самым главным достоинством больших материалов.

Однажды статью «Чемодан без ручки» о том, как межрегиональный фестиваль свели к местечковому событию, прочел губернатор Сергей Жвачкин. В день выхода газеты с материалом я была вызвана в областную администрацию к заместителю губернатора, курирующему культуру, для объяснения причин, что меня не устроило в празднике «Золотая береста». Звонок из обладминистрации совершенно не напугал. Напротив. Приятно было думать, что тебя читает губернатор и не просто читает, но предпринимает какие-то меры, что твои слова достигли цели. Кроме того, я понимала: власть этим приглашением подтверждала действенность газеты, и что никакие новые времена не отменили одну из главных функций газеты. Кстати, разговор пошел на пользу фестивалю.

Разговоры о том, что газеты как вид СМИ скоро вымрут как мамонты, я слышу вот уже лет двадцать, как появились компьютеры. Но печатное слово, как ни хотелось бы adeptам новых технологий, упорно продолжает свою жизнь. Более того, это слово все еще отзывается в сердцах читателей. Быть может, по этой причине я и продолжаю писать для «Красного знамени». Признаюсь, мне приятно видеть свою фамилию под опубликованным материалом. Газетное слово зримо подтверждает твою нужность на этой земле.

Татьяна ВЕСНИНА.

О ЧЕМ МЫ ТОЛЬКО НЕ ПИСАЛИ —

«Великое, светлое, радостное слово «Победа!»

Это слово молнией облетело нашу страну и народы всех стран земного шара. Не было более долгожданной и всеобщей мечты для любого советского человека, чем это грандиозное событие. Сотрудники «Красного знамени» отдали всю газетную площадь, чтобы экстременно рассказать своим читателям во всех деталях и подробностях о наступившем празднике победы, великому дне справедливости и всенародного торжества.

«Великая Отечественная война победоносно завершена, - сообщала передовая под заголовком «Праздник победы». - Гитлеровская Германия полностью разгромлена Красной Армией и армиями наших союзников. В покоренной советскими воинами германской столице, в Берлине, Маршал Советского Союза Г. Жуков и представители экспедиционных сил союзников продиктовали немецкому верховному командованию условия капитуляции. Немецко-фашистская армия прекратила свое существование. Гитлеровское разбойничье государство разбито вдребезги...».

Нужно было найти высокие слова, соответствовавшие великому моменту истины. И они,

конечно, нашлись в богатейшей сокровищнице русского языка. «...Начата новая страница в истории человечества. Золотыми буквами вписаны в нее подвиги героев Красной Армии. Слава ей, освободительнице народов! Святое, правое дело свободы народов, их независимости, их сотрудничества и дружбы восторжествовало над фашистским зверством. Тщетны были попытки врага разъединить народы в их борьбе против гитлеровской Германии. Провалились провокаторские уловки. Красная Армия разрушила черные замыслы врага. Велико торжество советского народа. 9 Мая солнце озаряет праздничную страну. Товарищ Сталин в трудные дни войны говорил, что придет и на нашу улицу праздник. И вот этот праздник пришел в блеске весны, в ярких лучах победы!

Безмерны радость и счастье наши! Мы приветствуем вас, наши герои на фронте, бесстрашные защитники нашей Советской Родины! Вы прославили ее в веках. Вы показали всему миру, что может совершить Красная Армия, выпестованная большевистской партией, руководимая

генералами сталинской школы. Мы приветствуем вас, самоотверженные работники тыла! Вы прославили свою Родину беспримерным трудом, Вы показали всему миру, на что способно советское государство...».

В «Обращении тов. И.В. Сталина к народу» подчеркивалось, что «Великие жертвы, принесенные нами во имя независимости нашей Родины, неисчислимые лишения и страдания, пережитые нашим народом в ходе войны, напряженный труд в тылу и на фронте, отданный на алтарь Отечества, - не прошли даром и увенчались полной победой над врагом. Вековая борьба славянских народов за свое существование и свою независимость окончилась победой над немецкими захватчиками и немецкой tiraniей... Три года назад Гитлер всенародно заявил, что в его задачи входит расчленение Советского Союза и отрыв от него Кавказа, Украины, Белоруссии, Прибалтики и других областей. Он прямо заявил: «Мы уничтожим Россию, чтобы она больше никогда не смогла подняться». Это было три года назад. Но сумасбродным идеям Гитлера не суждено было сбыться - ход войны развеял их в прах. На деле получилось нечто прямо противоположное тому, о чем бредили гитлеровцы. Германия разбита наголову. Германские войска капитулируют. Советский Союз торжествует победу, хотя он и не собирается ни расчленять, ни уничтожать Германию...».

Здесь же опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об учреждении медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 г.г.» Этой награды будут удостоены миллионы тружеников тыла.

К подборке сообщений «Праздник победы в городе Томске» подверстан репортаж капитанов К. Сухина и Б. Афанасьева «Берлин сегодня». «Улицы, которые еще недавно были ареной борьбы, сегодня не узнать. Франкфуртерштрассе, Александерштрассе, Кайзерштрассе заполнены людьми. Жители Берлина непрерывным потоком идут к центру к своим домам. И если три дня назад все эти улицы были забиты пленными, то сегодня их заполняют берлинцы... Могло видеть матерей, гуляющих с детьми, хозяек, стоящих в очередях у водоразборных колонок – они уже не смотрят в небо – они знают: налетов больше не будет. И когда мы беседуем с ними, в один голос говорят: «Война закончилась, хорошо». Жители убирают мостовые и тротуары, разбирают баррикады... Машины с пехотинцами, летчиками, артиллеристами, танкистами стремятся к рейхстагу, где враг упорно и жестоко сопротивлялся, чтобы увидеть объект мечта-

ний в тяжелые годы войны, увенчанный завоеванным знаменем победы, развевающимся над Берлином...».

Праздничную подборку открывает «Митинг на площади Революции». Корреспондент сообщает: «Томск никогда, кажется, не видел столь впечатльной демонстрации, такой величайшей радости на лицах людей. Полыхают знамена в колоннах, высоко поднимаются портреты величайшего вождя и полководца товарища Сталина, который привел нашу страну к победе, на вершину славы и могущества. Секретарь Томского горкома ВКП(б) тов. Федосеев открывает общегородской митинг. С приветственной речью выступил секретарь Томского обкома ВКП(б) тов. Семин, поздравив трудающихся с великим праздником победы. Выступившие затем генерал-майор Леднев, инженер завода тов. Усподская, рабочий завода тов. Кальцов, заслуженный деятель науки профессор-доктор тов. Кузнецов выразили чувства благодарности товарищу Сталину, готовность трудиться еще более упорно, чтобы залечить нанесенные врагом раны, укрепить могущество великой Советской Державы... Участники митинга приняли текст письма Верховному Главнокомандующему. Гремят орудийные салюты в честь Победы...».

О том, как отмечали День Победы, рассказала сотрудник редакции С. Пугачева в отчете «Великое торжество». «... Вот идет колонна заводских рабочих. Они только что от станка. Неважно, что замазаны куртки и руки покрыты машинным маслом. До самой последней минуты эти люди ковали победу над врагом. И это – их победа! Впереди колонны шесть девушек в замасленных комбинезонах несут каждая по букве из живых цветов. Из этих букв складывается слово, которое у всех на устах: «Победа»... Отовсюду несутся радостные песни. Рабочие электромеханического завода образовали круг – под гармонь, под рукоплескания, под дружную песню кружатся в пляске и молодые, и старые... Сквозь толпу усиленно пробирается старушка в цветном платке, говоря каждому сквозь слезы радости: «Пропустите, родные, поближе. Я ведь одна. У меня три сына на фронте...». И каждый уступает дорогу матери воинов-победителей. Позднее видим ее в первых рядах у трибуны, там, где стоят бойцы, офицеры, раненые красноармейцы из госпиталей... Начинается митинг. Гордо и торжественно звучит гимн Советского Союза. Мощное «ура!» и артиллерийские залпы салютов звучат над Томском. Вместе со всем советским народом томичи празднуют день Победы...».

Прошло полтора месяца, и в столице состоялось чествование Красной Армии – исторический парад армии-победительницы. Под стенами седого Кремля реяли овеянные пороховым дымом, простреленные в боях знамена армии-победительницы. Под этими знаменами шли воины, деяниям которых дивится весь мир. Тут были солдаты, поднявшиеся до вершин героизма. Тут были военачальники, показавшие высокие образцы полководческого искусства. Они шли по Красной площади как славные сыны Отечества, пронесшие с честью его священное знамя по тяжелым и опасным военным дорогам... Один из прославленных полководцев – маршал Г.К. Жуков в своей речи подвел итог боевых дел Красной Армии: «Отстаивая каждую пядь родной земли, проявляя в боях чудеса героизма, советские войска настойчиво учились бить врага наверняка, бить по всем правилам сталинской военной науки... Так подлые немецкие захватчики разделили участь всех прочих захватчиков, посягавших на нашу священную землю. Подняв меч против нас, немцы нашли гибель от нашего меча...».

Уже разгромом немецких полчищ на нашей земле и освобождением ее от оккупантов Красная Армия совершила всемирно-историческое дело. Но ее меч не только отсек щупальца чудовищного спрута, протянувшегося к нашим городам и селам. Меч Красной Армии отрубил голову германского империализма. Соединенными усилиями Красной Армии и армий наших союзников фашистская Германия повержена в прах. Наши воины пришли в логово зверя для того, чтобы осуществить свою благородную миссию, указанную Верховным Главнокомандующим. Они избавили от немецкого ига свободолюбивые народы. У них сегодня ореол славы воинов-освободителей. Где сегодня знамена со зловещей фашистской свастикой? Немецкие дивизии, спесиво маршировавшие под этими знаменами по площадям европейских столиц, разгромлены, уничтожены, погребены под Москвой и Сталинградом, на Днепре и на Висле, под развалинами Кенигсберга и Берлина, в Вене, Будапеште и Праге. А знамена немецких разбойничьих орд были брошены к ногам победившего советского народа! Двести таких знамен доставлены в нашу столицу как свидетельство поражения врага и как свидетельство нашей победы.

Армия нашей страны вписала новую главу в книгу мировой истории. Сегодня ей отдают благоговейную дань признания и уважения все народы. Они видят в воинах Красной Армии своих освободителей, знают, какими жертвами было достигнуто это освобождение. Они полны

чувств благодарности к русскому, советскому солдату, который с присущей ему скромностью и простотой совершил великое дело спасения мировой цивилизации.

И как итог всей этой словесной дани признательности и уважения - главный вывод: «Парад на Красной площади – триумф могучей, самой закаленной и передовой армии в мире».

Между тем солдаты-победители стали возвращаться домой. Газета «Красное знамя» публиковала репортажи, сообщения и даже стихотворения, посвященные этим незабываемым минутам. Филипп Гопп, довольно часто публиковавшийся в газете в те годы, написал очередное стихотворение в честь возвращения воинов-сибиряков, назвав его «Дай руку, друг». «Ты воевал четыре долгих года, ты до Берлина гнал врага, боец. И вот, вернувшись с дальнего похода, теперь ты с нами дома, наконец! Дай руку, друг, пойдем с тобою вместе, давно мы летним не гуляли днем...».

М. Субботина в репортаже «Встреча защитников Родины» рассказывает, как чествовали фронтовиков, прибывших на поезде на станцию Томск-I. «Звуки оркестра заглушают паровозный гудок. Усталые, но весело улыбающиеся, выходят один за другим на платформу воины-победители. Среди них бывший рыбак колпашевец П.С. Фатеев. Его грудь украшена орденом Славы III степени и орденом Красной Звезды. Гвардии младший сержант И.А. Баранов едет в родное село Монастырку Шегарского района. Его мундир украшают медали «За оборону Ленинграда» и «За боевые заслуги». Старшего сержанта И.Ф. Лапина ждет семья в селе Воронино. Среди прибывших много девушек-воинов: Ксения Иванова, Шура Медведченко и другие.

Духовой оркестр исполнил гимн Советского Союза. Митинг, посвященный встрече долгожданных дорогих гостей, открыл председатель облисполкома тов. Куперт. Заведующий военным отделом обкома ВКП(б) тов. Шабальников сердечно поздравил воинов с возвращением в родные края. От областного Совета депутатов трудящихся выступил тов. Вайнберг: «Грудящиеся Томской области гордятся вами. Вам, дорогие воины, выпала великая честь принять активное участие в окончательном разгроме врага и водружении знамени Победы над Берлином. Вместе с вами боролись за победу колхозники, рабочие, интеллигенция области. Они сделали все возможное и невозможное, чтобы снабжать фронт всем необходимым для полной победы над врагом...».

Бережно сжимая в руках большой и красивый букет от девушек-томичек, от имени фрон-

товиков выступил В.К. Тищенко. Он поблагодарил за теплую встречу и выразил уверенность, что вернувшиеся с фронта воины-победители примут самое активное участие в созидательном труде в колхозах, на заводах и фабриках для восстановления разрушенного войной народного хозяйства и процветания нашей великой Родины.

Прошли торжественные митинги, приостыла радость встреч возвратившихся домой воинов-победителей, начались суровые будни. Тут-то и открылось, какие тяжелейшие и глубокие раны нанесли гитлеровские изверги советской земле. Особенно там, где оккупанты прошлись по ней кованым сапогом. Через многие десятилетия невозможно представить, как мы могли все это выдержать? Цифры потерь потрясают воображение, их надо знать и помнить всем и всегда. «Красное знамя» перепечатало сообщение чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодейств немецко-фашистских захватчиков, о материальном ущербе, причиненном государственным предприятиям и учреждениям, колхозам, общественным организациям и гражданам СССР. Немецкому нашествию подверглись богатейшие и цветущие районы, на территории которых проживало до войны 88 миллионов человек, то есть почти половина населения страны. Валовая промышленная продукция составляла 46 миллиардов рублей, сельское хозяйство располагало 71 млн. гектаров посевов,

109 миллионами голов скота. Протяженность железнодорожной колеи – 122 тысячи км. Страшные цифры приводят Государственная Комиссия. Захватчики разрушили 1710 городов и более 70 тысяч сел и деревень, лишили крова 25 млн. человек. Они уничтожили 32 тысячи промышленных предприятий, 84 тысячи школ и других учебных заведений, разграбили 98 тысяч колхозов. Наибольшим разрушениям подверглись дорогие и близкие сердцу каждого советского человека города Сталинград, Севастополь, Ленинград, Киев, Минск, Одесса, Смоленск и многие другие. Общий ущерб народному хозяйству и населению составил 679 миллиардов рублей в ценах 1941 года. Это только поддающийся прямому учету, а фактически он неизмеримо выше. Каждая человеческая жизнь бесценна. Поэтому совершенно особый счет - почти 17 миллионов мирных граждан, погубленных захватчиками в годы войны. Военные же потери с обеих сторон составили по 10-10,5 миллиона человека.

Опубликованное сообщение Государственной Комиссии с исключительной ясностью показало, какой страшной уничижения подвергся бы наш народ, если бы Красная Армия не разгромила гитлеровскую Германию. Речь шла о полном порабощении народа, физическом истреблении самой активной и жизнеспособной его части, превращении остальных в вековечных немецких рабов.

ГОСТИ РЕДАКЦИИ

Бывший редактор газеты Николай Нестеренко пришел к журналистам как директор Томского ОГУПа.

ОДНАЖДЫ И НА ДОЛГИЕ ГОДЫ

Борис Мальцев на очередной встрече за «круглым столом» в редакции.
Рядом с ним А. Бережков и А. Соловьев.

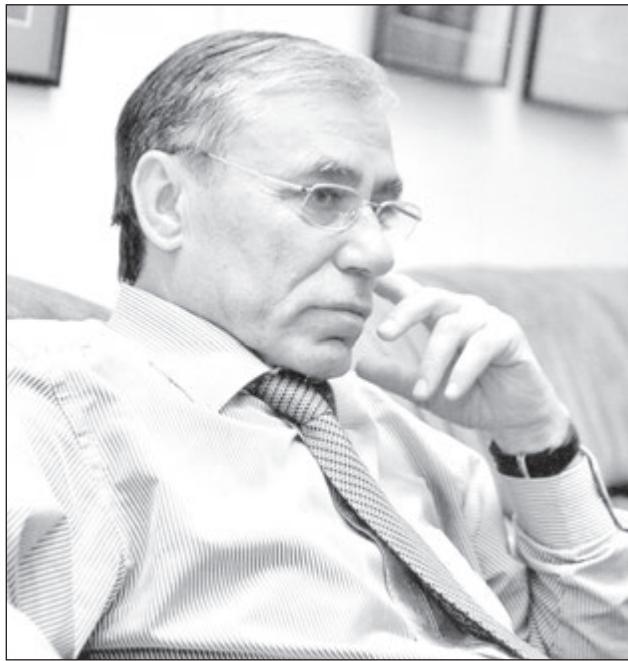
Нашим отношениям с «Красным знаменем» уже много лет. В 1951 году мой отец по просьбе всесильного Берии вместе с семьей переехал в Северск начальником военного госпиталя. Понятно, что город тогда так не назывался, да и не было его еще, он только начинал строиться.

Я хорошо помню, что отец вечерами читал газеты, и чаще всего в его руках я видел «Красное знамя». В силу своего тогдашнего возраста я, разумеется, газет не читал, зато много занимался спортом, участвовал в соревнованиях. И в школе, и потом, когда учился в строительном институте. Собственно, спорт и сделал меня героем одной из публикаций. Героем, конечно, сильно сказано, но моя фамилия впервые появилась на страницах газеты «Красное знамя». Это была маленькая заметка, в которой рассказывалось о соревнованиях по конькобежному спорту на первенство области. А я занял на нем второе место! Это был настоящий успех. Мне сказали, что в газете напечатана заметка, нашел, прочитал и... вырезал. Правда, по-

сле этого еще долгое время моя фамилия в «КЗ» больше не появлялась. Ведь после окончания института я работал в «почтовом ящике», а про нас в те годы писать было нельзя, соблюдалась строгая секретность.

В 1970 году меня перевели на работу в Томск, совсем еще молодого специалиста назначили на ответственную должность заместителя начальника «Главтомскстроя». Громадное предприятие – более 2 тысяч инженерно-технических работников, около 13 тысяч рабочих, множество техники... Строили жилье, школы, детсады, предприятия, магазины, больницы, словом, все что нужно было построить. Мне всего 32 года, поручено заняться материально-техническим обеспечением. Взялся за это со всем усердием и горячностью молодости. И быстро пришел к выводу, что попал на абсолютно первобытное производство, надо многое менять, модернизировать, хотя не уверен, применялся ли тогда такой термин.

Прежде всего разработал систему обеспечения строек раствором, чтобы не было простоев,

и раствор поступал четко, вовремя и с гораздо меньшими транспортными и другими расходами. Но нашлись те, кому эта система сильно не понравилась, хотя выгода со всех сторон была налицо.

На меня посыпались жалобы, прежде всего, в партийные органы: Мальцев все разрушил! Настроили жалобу и в «Красное знамя». И в газете вскоре появляется критическая статья на весь подвал под названием «Супермальцев». А такая статья в то время грозила большими неприятностями – могли и с работы снять, и по партийной линии наказать. Что делать, как поступить? Не в моем характере – сидеть и ждать. Я привык действовать в любой ситуации.

Беру газету со статьей обо мне, все свои разработки по доставке раствора на стройки и отправляюсь в редакцию. Нахожу там автора публикации Леонида Левицкого, знакомимся и начинаем разбирать каждый ее абзац. Он внимательно слушает мои доводы, задает вопросы, чувствуя, что журналист на самом деле хочет досконально разобраться в обстоятельствах, понять, в чем был не прав. После моего устного рассказа садимся в машину и отправляемся постройкам. Всю анекдотичность ситуации показал в реальности: возили раствор 29 машин, и его не хватало, при моей системе стали возить 8-9 машин, и хватало! Левицкий поступил как настоящий профессионал: разбравшись, написал по этому поводу еще одну статью, рассказал, в чем суть предложенной мной системы. Теперь все было не на эмоциях, а на фактах, и полу-

чалось, что Мальцев на самом-то деле просто герой. Но главное не это. Во мне говорила не личная обида, ведь не ради собственных амбиций я провел эти расчеты, внедрил новую схему, используя знания, полученные в институте, и уже накопленный производственный опыт. Самое главное, что это было на пользу делу. Предприятие от этого существенно выиграло.

Словом, я доказал свою правоту, а журналист проявил принципиальный подход, не побоявшись признать, что допустил поспешность в выводах. Кстати, эта самая система, предложенная когда-то мной и вызвавшая такой переполох, действует до сих пор. Почти 50 лет!

Так началось мое близкое знакомство с газетой и краснознаменцами. Могу сказать, что оно переросло в дружбу. Это не значит, что Мальцева больше никогда не критиковали на страницах газеты. Было. Но уже не огульная критика, а по делу. Ведь того, кто много работает, всегда есть за что поругать. Только бездельника не за что!

Много и продуктивно мы сотрудничали с Виктором Лойшей, случалось, что коллективно вырабатывали общую позицию. И появлялись яркие талантливые аналитические статьи, которые всегда имели резонанс. Мне импонировали в Викторе Андреевиче его эрудиция, профессионализм, понимание того, о чем он пишет. Я ценю это в журналистах, но главное – честность и порядочность. А вот этих качеств современной журналистике, к сожалению, как раз и не хватает.

Рад сказать, что на протяжении всех долгих лет нашего сотрудничества – в периоды моей строительной и депутатской работы – отношения с «Красным знаменем» в целом были конструктивные, деловые и дружеские. Я ценю ту поддержку, которую оказывали журналисты газеты строителям в непростые для нас переходные годы начала революции 90-х, когда все валялось, не было денег... Впрочем и газета переживала свои трудности. А когда я ушел в политику, стал председателем Думы, то все томские СМИ сразу захотели со мной дружить. Но, должен сказать, «Красное знамя» было вне конкуренции. И понятно почему: я умею ценить порядочность, честность и профессионализм. Чем мог, помогал и поддерживал все годы.

Сегодня моя любимая газета таковой для меня и остается. По-прежнему читаю, уже почти 60 лет – с тех пор, когда однажды вырезал из нее заметку.

Борис МАЛЬЦЕВ

НЕ РАСТЕРЯТЬ ПАМЯТЬ О ПРОШЛОМ

Газете «Красное знамя» исполнилось ровно сто лет. Я считаю, что это один из самых значимых источников истории города Томска. Вспоминаю себя. Мне когда-то, на втором курсе, довелось писать курсовую работу по теме: «Журнал «Сибирские огни» как источник истории Гражданской войны в Сибири». Прочел все журналы 20-х годов и выборочно более поздние издания, касающиеся моей темы. Узнал про годы Гражданской войны в Сибири столько, сколько не знал ни до, ни после. Профессор М.Е. Плотникова поставила мне оценку «хорошо». Представляю, насколько я бы знал и понимал больше и лучше, если бы Мария Ермолаевна оценила мой труд на «отлично».

Еще о газете. С 21 декабря 1919 года она стала органом территориальной организации Губернского комитета РКП(б). С августа 1944 года «Красное знамя» - орган Томского обкома КПСС.

В конце 1991 года президент Российской Федерации запретил деятельность КПСС. Газета, естественно, перестала быть органом обкома партии. Учредителем газеты стал коллектив редакции. За ней был оставлен статус областной общественно-политической. Таким образом, «Красное знамя», старейшая газета Сибири, Томской области, кото-

рая стала не только зеркалом событий, но остается современником тех, кто жил, работал, творил в разные периоды истории Томска.

Представьте себе, какое поле деятельности откроется для краеведов, для всех, кто интересуется историей родного края, и не только. Газета, знаю, сохранилась практически во всех районных и городских библиотеках. Полные сканы есть в областной библиотеке им. Пушкина, Научной библиотеке Томского госуниверситета. Возможно, во многих библиотеках школ, техникумов, профтехучилищ. Да и во многих личных библиотеках.

Конечно, профессиональные историки могут возразить, что источников у историков много: архивы, другие многочисленные документы, мемуары и так далее. Дело в том, что литература, история, обществоведение – краеугольные предметы, которые изучаются в школе, помогают школьникам стать гражданами и патриотами. А самое, возможно, главное - творческими людьми. Самостоятельные поиски истин – лучший способ самовоспитания и самообразования. Другая причина: историческое сознание подвергается буквально кипению негодований с разных позиций. Думаю, томичи наблюдают по телевидению за дуэлью между Никитой Михалковым с его «Бесогоном» и Николаем Сванидзе с его Ельцинским центром в Екатеринбурге. Другое кипение страстей по поводу научной несостоятельности докторской диссертации министра культуры России В. Мединского, с одной стороны, и 20 академиков Российской академии, с другой, подписавших известное письмо об антинаучности трудов Мединского. Это только то, что лежит на поверхности сознания. А какие страсти кипят в интернете! Не хочу, да и не могу встать на чью-то позицию. Но я философ. На позициях диалектического метода познания. Метод советует увидеть, понять проблему, заняться поиском причин, выдвинуть гипотезу, найти ответ. И при внимательном всего лишь анализе нетрудно понять, что за разными подходами затаились политические интересы.

Складывающаяся новая, в кавычках «идеология» – идеология рынка и капитала - пытается выразить интересы олигархического капитала, коррумпированного чиновничества, отбрасывает принципы научности, объективности. Поэтому и процветает субъективизм. Ушли от одной идеологии, пришли к другой: к эклектике. Сме-

шению разных по своей природе идей, хаотичных способов их изложения. Без систематизации и отбора. Я полагаю, выход один: историческое сознание следует вырабатывать самостоятельно. Как, впрочем, формировать и собственное мировоззрение. Каждый сам приходит к самопознанию, самореализации.

Оригинальный источник.

Не только информировать или обсуждать, но и побуждать к конкретному делу. Замечательные люди возглавляли газету. Так уж случилось, что я был знаком и дружил с рядом редакторов газеты: Кузьмичев, Новоселов, Бурмакин...

Кузьмичев Владимир Александрович, участник Великой Отечественной войны, штурма Берлина. После войны стал редактором газеты «Красное знамя» (1949-1963 гг.). В Томск он приехал, будучи членом Советской социологической Ассоциации Академии наук СССР. В Томске он стал известен как первый в стране социолог журналистики. Уже в 20-е годы им были опубликованы книги: «Организация общественного мнения» - 1929 г., «Печатная Агитация» - 1930 г.

Новоселов Александр Николаевич. Уникальная личность. Уже в 7-м классе в 13 лет публикует свои заметки в областной газете. В семнадцать работает ответсекретарем асиновской газеты. В 18 лет ушел добровольцем на фронт. Были награды и ранения. Раненым вернулся в Томск, в газету. Окончил тогда очень престижное учебное заведение – Высшую партийную школу ЦК КПСС, отделение журналистики. Стал профессиональным журналистом. Весьма эффективно и достойно управлял творческим коллективом газеты.

Бурмакин Эдуард Владимирович – крупный советский писатель, ученый-философ, деятель культуры. Его наследие поражает. Он написал более 40 художественных произведений, 20 книг, опубликовал более сотни научных статей.

Три этих редактора заняли почти пятьдесят лет в истории томской прессы.

Если перечислить имена журналистов, представляющих газету, то получится такое собрание талантов, людей творческих, достойных, авторитетных. Станет понятно, какую профессионально-грамотную, ответственную за результаты экономического, культурного развития Томской области представляло «Красное знамя». Без всякого преувеличения можно сказать, что публикации в газете всегда близки простым томичам и многочисленному отряду томской интеллигенции. Обратная связь с читателями просто поражает. Печатались аналитические материалы, очерки о

людях труда, ученых, учителях, врачах, культурной жизни, коллективах техникумов, школ, вузов, глубокие рецензии. Газета была награждена орденом Трудового Красного Знамени. Опыт газеты был обобщен и представлен на ВДНХ, в Москве.

Перелистывая газеты, я обратил внимание еще на одну деталь. Ответы разных должностных лиц на конструктивные, в том числе и на критические письма читателей, бытовые и просто болезненные ответы на переживания людей. Невольно на ум пришло недавнее собрание Совета старейшин г. Томска. Слушали вопрос «О доступности медицинского обслуживания в Томске». Об актуальности этой проблемы свидетельствует переполненный зал в зале заседаний мэра. Прямо скажем, отчеты руководителей областного департамента здравоохранения были формальным изложением достижений, структуры медучреждений и какие новации предложены в работе регистратур. Оказывается, проводились даже опросы пациентов. Они показали, что все очень хорошо в здравоохранении Томской области. Оперируют цифрами по области. И когда прозвучал вопрос о состоянии дел в городе, получили очень умный ответ. В городе живет половина населения. Значит, цифры коррелируются в таком соотношении. Когда стали выступать старейшины, а выступило почти 15 человек, картина и оценки резко поменялись. Даже опросы оказались с подборками явно некорректно организованными. Опросы проходили не только там, где медицина бесплатная, но и в учреждениях платных, там, где медицина коммерциализована. Цифры, прямо скажем, - оптимистические. Поэтому настоящие оценки прозвучали во время выступлений присутствовавших. Не буду перечислять их фамилии. Лучше о темах. Попасть к врачу в некоммерческих поликлиниках можно через десять дней, минимум до одного месяца, как правило. Выступления были вежливыми и корректными. Жалели не обязательно себя, обделенного доступностью. Жалели врачей! Передавали слова благодарности. Ликвидатор чернобыльской аварии благодаря своим врачам. Пожилая женщина нарисовала картинку: «Хожу к терапевту уже тридцать лет. Пришла. Врач сидит, пишет. «Присаживайтесь. На что жалуетесь. Раздевайтесь по пояс». - «Вы хоть посмотрите на меня». И пишет, пишет, пишет. Потом взглянула, начала извиняться, рассказывать о том, сколько надо принять и сколько надо переписать. «Наказывают нас только за то, как заполняем документы». Словом, по мнению всех, кто пришел на это заседание, медицина в Томске

перестает быть доступной. Надо много времени и нервов, чтобы попасть к врачу. Многие считают, что ликвидация городского департамента здравоохранения повлияла отрицательно на доступность медицины.

Я не случайно в статье о «Красном знамени» вдруг переключился на старейшин и медицину. Предлагаю восстановить традицию: отвечать газете на критические статьи и письма жителей. А что если глава областного департамента здравоохранения ответит старейшинам на их вопросы о доступности медицинского обслуживания в Томске. А может быть, вице-губернатор, курирующий здоровье народа, снизойдет до старииков...

Дорогие родители, вместе со своими детьми изучайте историю своей малой родины самостоятельно. Хорошим источником в таком случае может послужить газета, 100-летие которой в июне отметила томская общественность. Занимайтесь самообразованием. Или вы считаете, что главная цель ваших детей сдавать ЕГЭ. С историей России за последние годы столько накосячили. Русофобы подменяют идеалы, искажают историю, вредят делу патриотического воспитания детей. Это

самое прискорбное. Гражданский долг каждого россиянина помочь своим детям полюбить историю своей родины. Любить свою Россию и свою малую Родину, наш родной и любимый Томск! В этом смысл и пафос моей статьи.

Изучая опыт газеты, ее авторов и героев, понимаешь, что в нашем городе живут исторически очень активные люди. Скажу больше, очень результативные люди. Люди, которые очень быстро добиваются тех целей, которые ставят перед собой. Доказательства - годы войны, послевоенные пятилетки, эпоха освоения нефти и газа. Развитие большой академической или медицинской науки, или восторженная поддержка бессмертного полка! Но так бывает только тогда, когда понятны смыслы жизни. В данном случае смысл состоит в том, чтобы сердцем и разумом понять, как важно на историческом опыте строить воспитание детей и самих себя в любви к родной стороне. Возможно, ответить самим себе на вопросы: как, почему и зачем?

**Николай КИРИЛЛОВ,
профессор ТПУ.**

ВАШ ВНЕШТАТНЫЙ АВТОР...

Буквально с первых номеров, вышедших летом незабываемого 1917 года, газета «Красное знамя» на протяжении десятилетий поддерживала самую тесную и дружескую связь с читателями – рабкорами и селькорами. Владимир Александрович Полев – один из таких нештатных корреспондентов, кто успешно сотрудничает с редакцией многие годы.

Удивительно, но и по сей день испытываю это чувство каждый раз, когда в номере выходит моя статья, несмотря на то, что сотрудничаю с редакцией более 40 лет.

Почерк у меня до того неразборчивый, что и сам порой затрудняюсь прочесть, что написал, но сотрудники редакции – когда-то Виктория Францевна Брындина, а позднее и до сих пор Владимир Иванович Федоров – много лет легко читали и правили мною написанное, но всегда оставляя при этом мысли и рассуждения. Высокое чувство такта, внимательное отношение к людям, требование к точности фактов, цифр и дат, правдивое освещение событий – всему этому я учился у них. Напрямую они не требовали этого, но понималось без слов.

Как-то принес Виктории Францевне материал о работниках исправительно-трудовой колонии. Прочитав, она захотела побывать там, чтобы лучше представить себе обстоятельства истории, о которой шла речь. Позднее было напечатано несколько статей о проблемах деятельности системы исправления и перевоспитания осужденных. А большая публикация в номере 29 декабря 1990 года так и называлась «Солнце в погонах не отражается». В ней утверждалось, что погоны – не украшение. Нелегок труд тех, кто постоянно имеет дело с людьми, нарушившими закон, оступившимися в жизни. Печатали рассказ о свадьбе в колонии, о роли психолога, о проблемах тех, кто лечится в ЛТП. И, конечно, о чести мундира сотрудников в самом высоком смысле этого понятия.

Работа в отделе кадров УВД, заместителем начальника отдела внутренних дел Октябрьского райисполкома г. Томска, служба в ОИТУ, работа в горисполкоме позволяли узнавать уникальную информацию и рассказывать на газетных полосах о людях самых разных профессий и специальностей.

Каждый рассказ – частичка души. Например, очерк «Судьба», опубликованный 5 мая

1985 года. Это рассказ о фронтовике Михаиле Ивановиче Конюке. Он хотел стать музыкантом, да помешала война. В марте 1944 года, выписавшись из госпиталя после тяжелого ранения, приехал в Томск и связал всю жизнь со службой в УВД. «Если вы пройдете ранним утром мимо здания управления внутренних дел, – говорилось в очерке, – то можете встретить немолодого, грузноватого, но с хорошей выпрской офицера. Чуть прихрамывая, идет подполковник милиции Михаил Иванович Конюк на службу, которая продолжается бессменно пятый десяток лет». Важен и дорог мне рассказ о полковнике милиции Дмитрии Дмитриевиче Нестерове «Не переводя дыхания», бывшем начальнике отдела охраны общественного порядка УВД. Его знал практически весь город, о преданности службе ходили легенды. В подчинении Д. Нестерова находились все службы, которые были на виду у томичей: патрульно-постовая, участковые инспекторы, конвойное подразделение, спецкомендатуры. Виктория Францевна сначала была против такого заголовка. Пришлось убеждать, что это его стиль, работа на одном дыхании.

А вот мое интервью «Возвращение контролеров», напечатанное 13 мая 1992 года по случаю назначения начальником контрольного отдела горисполкома. Плодотворным было сотрудничество в период моей работы в избирательной комиссии Томской области. В те бурные годы шло становление нового законодательства, формировалась другие общественные отношения. Редакция охотно печатала размышления на эти темы, знакомила читателей с новыми нормами и правилами проведения выборов. Жаркими были и политические дебаты, что отражалось на газетных полосах. «Красное знамя» поместило мои размышления о тех днях.

Я благодарен редакции, ее журналистам за то, что меня понимали, всегда принимали, хотя порой и не соглашались с моей точкой зрения. И пусть я был внештатным корреспондентом, но все-таки давним автором старейшей газеты «Красное знамя». Пожелаем редакции новых успехов и творческого долголетия, как и уже в почти минувшие сто лет.

**Владимир ПОЛЕВ,
член Совета старейшин города Томска,
ветеран МВД.**

НАМ НЕ ОБОЙТИСЬ ДРУГ БЕЗ ДРУГА

Газета отличается от книги уже тем, что всякий раз рождается заново, почти полностью меняя свое содержание с каждым очередным номером, зеркально отражая злободневные события дня, произошедшие в области, городе и стране. На ее полосах регулярно выступают читатели, и этот голос народа, его рупор помогает установить обратную связь, обратить внимание власть предержащих на нерешенные проблемы как в городе, так и на селе.

Связав свою судьбу с большевиками, с новой властью журналисты редакции газеты, выходившей поначалу под названием «Знамя революции», удивительно быстро и политически точно сориентировались в бурных событиях, происходивших между двумя революциями 1917 года – Февральской и Октябрьской. Сильнейшая политическая турбулентность не помешала найти верный курс редакционного корабля, выступать до октября с общедемократических позиций, а с ноября решительно и бесповоротно трактовать и освещать события, происходившие в стране перемены с учетом требований пришедших к власти большевиков. И с первых номеров установилась добрая традиция, много внимания уделять своим читателям, помогая решать самые неотложные и острые проблемы. Поэтому отрадно видеть, что и через столетие, а это убедительно показал проведенный конкурс, обратная связь с читателями остается неразрывной и крепкой.

«Твой город – твоя газета» - под таким названием с 10 января по 30 апреля проходил городской и областной литературно-краеведческий конкурс в муниципальных библиотеках, посвященный 100-летию газеты «Красное знамя». В нем приняло участие около 50 наших читателей в возрасте от 14 до 97 лет. Призовые места присуждались в двух возрастных категориях: от 14 до 30 лет, с 31 года и старше. Четверо участников конкурса отмечены поощрительными премиями.

Организаторами конкурса стали муниципальное учреждение «Муниципальная информационная библиотечная система» (МАУ «МИБС») города Томска, муниципальная библиотека «Сибирская», ООО «Редакция «Красное знамя». Конкурс проводился при поддержке администрации Советского района г. Томска.

Решение о победителях принимали члены жюри в составе: Владимир Иванов (председатель) - член Союза журналистов России, сотрудник,

главный редактор газеты «Красное знамя» в начале 90-х годов; Владимир Федоров - член Союза журналистов СССР и России, сотрудник, ветеран газеты «Красное знамя»; Виктор Лойша - писатель-публицист, член Союза журналистов России, сотрудник газеты «Красное знамя» в 70-80-х годах; Александр Карауш, директор МАУ «МИБС».

Председатель оргкомитета конкурса - Наталия Яткина, заведующая МБ «Сибирская». Члены оргкомитета: Виктория Левашова, методист, Юлия Фролова, зав. сектором рекламы.

Церемония награждения состоялась 14 июня в муниципальной библиотеке «Сибирская», где нередко проводятся торжественные мероприятия. Но это, не похожее на других, с первых минут отличалось приподнятым настроением участников, было проникнуто атмосферой особой духовной ауры, проходило в ожидании новой информации, каких-то ранее неизвестных фактов. И было о чем поговорить, ведь 100 лет, целый век, прожила одна из старейших сибирских газет, рожденная Февральской революцией 1 июня 1917 года.

Большинство участников конкурса, конечно, не имело возможности знакомиться с номе-рами «Красного знамени» революционных лет. Однако нашлись энтузиасты поиска, успешные ученики Кисловской средней школы Анастасия Гимас и Елизавета Алексеева, которые сделали это. Активисты музея школьного образования под руководством Светланы Вершининой сумели заглянуть в далекое прошлое, подготовив интересную конкурсную работу на тему «О чем писали томские газеты 100 лет назад». И только излишняя строгость одного из членов жюри не позволила этим любознательным участникам конкурса завоевать одно из призовых мест.

Зал библиотеки «Сибирская» едва вместил участников, собравшихся сюда, чтобы выразить свое дружеское отношение к газете, поддержать, поблагодарить и сердечно поздравить с таким выдающимся юбилеем.

- Я думаю, - сказала исполняющая обязанности главы администрации Советского района Оксана Рубцова, - что наша газета, вне всяких сомнений, остается по-прежнему самой ведущей и любимой своими читателями в Томске и Томской области. Это подтверждает ее тираж и большое количество подписчиков на регулярной основе. Проведенный юбилейный конкурс еще раз

показал, что не скучеет талантами наша область. Я ознакомилась со многими конкурсными работами и должна отметить: если члены жюри - заслуженные в журналистике люди, то некоторые участники конкурса, мне кажется, уже «наступают им на пятки». Поздравляю газету «Красное знамя» и всех нас с праздником!

Депутат Думы города Томска Виктор Носов проявил большую осведомленность в знании исторических вех столетнего пути редакции.

- Журналисты «Знамени революции», а затем и «Красного знамени» сразу установили тесный контакт с читателями, - отметил он, - на страницах газеты часто публиковались репортажи с мест, критические статьи и заметки, острые сигналы. Появилась обратная связь, что было крайне важно и в те революционные годы. Журналисты добивались, чтобы голос народа, информация с мест доходила до властей в неискаженном виде, а по следам публикаций принимались конкретные решения.

Сегодня XXI век, мир изменился. Новости люди узнают из интернета, но потребность в газетных новостях и материалах осталась, обратная связь существует и сейчас. Она важна. Газета «Красное знамя» актуальна, востребована и по-прежнему остается в тренде. На нее подписываются либо читают в интернете, ее покупают в киосках. Мы регулярно получаем ее в рассылке депутатской почты. И это здорово, хорошо, замечательно!

Поздравляю коллектив редакции с юбилеем и наступившим новым газетным веком. Выражая огромную благодарность коллективу библиотеки «Сибирская», которая своей деятельностью способствует укреплению связи между газетой, читателями и библиотекой. Как ее наладили в 1917 году, так она и продолжается до сих пор для всех томичей и жителей области.

Выступления перемежались чудесными музыкальными номерами. Прозвучала песня на слова секретаря Томской писательской организации Геннадия Скарлыгина, музыку и аккомпанемент преподавателя Томского музыкального колледжа имени Э.В. Денисова Татьяны Леденевой. Тепло и лирично исполнил ее председатель Союза томских композиторов, заслуженный работник культуры России Андрей Груздев.

Интересный и профессиональный взгляд на роль газеты высказал директор МАУ «МИБС» Александр Карапаш:

- Весь интернет завален информацией, констатирующей факты, и очень не хватает аналити-

ческих материалов. Чтобы провести грамотный анализ, в газетах всегда работали предметники, специалисты по каждому направлению. Этого как раз и не хватает сегодня пишущей прессе, и дай Бог, чтобы это направление возродилось. А то клиповое мышление, быстрота реакции у молодежи направлены лишь на восприятие фактов, информационного шума, словесного мусора. Будем надеяться, что новое поколение, которое сейчас приходит, правильно разберется в этих потоках информационной сети, которые сегодня существуют. Воспримут опыт, который передает газета «Красное знамя», очень хороший по современным меркам. Это я говорю как библиотекарь, как человек, как руководитель, который входит в разные российские ассоциации по библиотечному делу. Хочу сказать, что в Томске журналистика пока очень и очень сильна. И дай Бог, чтобы так продолжалось, и то поколение, которое придет на смену клиповому поколению, усвоит те знания, которые вы имеете. Желаю «Красному знамени» накопления опыта, хороших перспектив, творческого процветания и результатов.

Прежде чем объявить имена победителей конкурса поощрительными премиями, отметили работы Галины Киселевой из Рыболова, Екатерины Рябчиковой из пос. Светлого и Ольги Мужиновой. Получать награду Галина Киселева вышла с номером газеты «За томскую нефть и газ» за 1967 год, где была помещена статья о 50-летнем юбилее «Красного знамени». Расчувствовавшись, вспомнила, как жила и работала после окончания университета в 1978 году в пос. Средний Васюган Томской области. Как много внимания уделяла газета простым жителям, нефтяникам и газовикам. «Упоминалась и моя фамилия. С тех пор «Красное знамя» стало моей родной газетой. У нее по-прежнему сотни друзей и почитателей на севере области, в отдаленных селениях, где так не хватает сегодня добрых вестей, рассказов о людях труда. Спасибо журналистам газеты, сотрудникам библиотеки «Сибирской» за это выдающееся, и просто незабываемое событие».

Настал волнующий момент, которого так ждали. Объявляют победителей в возрастной категории от 14 до 30 лет. Третье место присуждено Андрею Музыке, который обстоятельно рассказал, как менялся облик газеты «Красное знамя» в течение десятилетий. Еще одно золотое перо - Надежда Климова представила отменную работу «Память о Степане Сосулине: Степановка и «Красное знамя». Всего три десятых балла отделили ее от победителя – Анастасии Музыка,

так хорошо и душевно написавшей статью «Имя журналиста на страницах газеты», посвященную нашему замечательному коллеге Эдуарду Викторовичу Стойлову. За работу в стихотворной форме в этой возрастной категории отмечена Мария Шаманаева.

После первой церемонии награждения прозвучали новые музыкальные паузы. Андрей Груздев мастерски исполнял песни на слова Геннадия Скарлыгина и томского поэта Владимира Крюкова. «И летело волшебное слово, пели ангелы и соловьи, но осеннею горечью снова наполнялись сосуды мои...».

Председатель жюри Владимир Иванов объявляет победителей в старшой возрастной категории. Получая третий приз за работу «Главная газета жизни», Оксана Чайковская не удержалась от ответного слова: «Конечно, «Красное знамя» была и остается главной газетой моей жизни. Могу 300 раз подписаться под этими словами, потому что, как только я научилась хорошо читать, я стала читателем и почитателем этой газеты. Потом мне повезло стать ее корреспондентом. Это была моя первая газета, в которой я работала. Судьбы складываются по-разному, кто-то уходит из редакции, но бывшие краснознаменцы всегда остаются верными своей Alma mater. Работал в газете замечательный художник, экслибрисист Владимир Марьин. У меня сохранились две его книги экслибрисов, изданные в 1974 году. Одна с автографом, вторую я дарю сегодня замечательной библиотеке «Сибирской».

Конкуренция в старшой возрастной категории была очень острой. Особенно трудно было определить победителя. Сошлись две работы «Кружева» известного краеведа Людмилы Демидовой и капитальное основательное мощное исследование Зои Стрельцовой. Опять все решила статистика, сорые балла. «Уж сильно расхвалила членов жюри, Людмила Васильевна», - заметил Владимир Иванов, вручая приз за второе место. «Есть вещи, которые местом не определяются, - ответила Людмила Демидова, - есть вещи святые. Это подтверждает и наша газета «Красное знамя». Посмотрите вокруг, сколько здесь необыкновенных, творческих людей! И все они сплотились вокруг своей редакции, они знают ее историю, журналистов прошлых лет, которые в ней творили, пишут, невзирая на возраст, оставаясь не только читателями и почитателями, но и активными нештатными авторами. Каждый из здесь сидящих участников конкурса мог бы, я полагаю,

написать книгу о родном городе и газете, с которой так много связано в нашей жизни. Спасибо за оценку моей работы. Я охотно разделю баллы с заведующей библиотекой Наталией Викторовной Яткиной, которая так много помогает краеведам в исследовательской работе...».

Вручая приз победителю Зое Викторовне Стрельцовой, Владимир Иванов не сдержал эмоций, сказав, что «работа великолепно оформлена, да еще с такой любовью и душой, богато иллюстрирована репродукциями...». «Спасибо моей команде, - отвечала взволнованная победительница, - всем, кто мне помогал: Наталии Викторовне Яткиной, Виктории Ивановне Левашовой, Юлии Валентиновне Фроловой. Разделяю свой успех с ними».

Рассказ был бы неполным без упоминания творчества двух самых опытных участниц конкурса, вдов инвалидов Великой Отечественной войны – Агриппины Александровны Кованцевой и Прасковьи Сергеевны Гордейчук. Агриппина Александровна, несмотря на свои 97 лет, написала воспоминания-эссе о прошлом «Томск в моей жизни». А Прасковья Сергеевна рассказала семейную историю «Моя бабушка», о Прасковье Емельяновне, родившейся в 1872 году в селе Иванково Курской области. К сожалению, им не разъяснили, что надо было бы что-то сообщить и о газете «Красное знамя». Поэтому они не попали в число призеров, хотя были отмечены сертификатами за участие и получили альбомы.

Однако при подведении окончательных итогов конкурса Оксана Рубцова взяла слово и объявила, что родился еще один приз – зрительских симпатий. И мы вручаем двум самым «юным, самым талантливым и перспективным участникам, двум прелестным женщинам» - Агриппине Александровне и Прасковье Сергеевне по коробке конфет.

В завершение праздника композитор и лауреат международных конкурсов Татьяна Леденева порадовала участников конкурса своими новыми произведениями.

Под вкуснейшие пирожки с чаем и фирменными томскими конфетами «Птичье молоко» участники праздничной встречи еще раз поблагодарили ее устроителей и согласились с высказанным пожеланием – в год столетия «Красного знамени» провести еще один конкурс на тему, связанную с юбилеем.

Владимир ФЕДОРОВ

О ЧЕМ МЫ ТОЛЬКО НЕ ПИСАЛИ —————

СЛЫШАТЬ ГОЛОС ЧИТАТЕЛЯ

Вместе с развитием области и города рос тираж «Красного знамени»

Легких дней в газете с первых дней ее столетнего существования не было никогда, начиная с роковых минут революции 1917 года и бойни Гражданской войны. С первых своих номеров, посвященных главной теме – революции, газета отличалась от прочих изданий остротой и актуальностью публикаций, умением сотрудников найти нужные слова, убедить, призвать к действию своих читателей идеями социальной справедливости и равенства. Правда, в годы 20-е в период нэпа появлялись какие-то отдушины, элементы творческой вольницы, но партийные комитеты направили работу печатных изданий в идеологически выверенном направлении. Деятельность местных журналистов, особенно в военные и послевоенные годы, да и все последующие десятилетия вплоть до перестроечных 90-х годов, контролировали областная и городская партийные организации.

Уязвимым местом редакции оставались кадры. Сотрудников катастрофически не хватало, в лучшем случае приходили люди с высшим образованием самого неожиданного профиля, а чаще и вовсе без оного. По этой причине случались серьезные ошибки и тогда редактора и членов редколлегии вызывали «на ковер». На заседании бюро Томского горкома ВКП(б) 9 февраля 1944 года в повестку дня шестым был включен вопрос «О политической ошибке в газете «Красное знамя». Вот ее суть. 28 января 1944 года в разделе «телеграммы из-за границы» напечатали корреспонденцию «Военные действия в Италии». Сообщалось, что союзные войска расширили предмостное укрепление южнее Рима, не встречая значительного сопротивления противника. Телеграмма заканчивалась следующим абзацем: «Одновременно продолжались успешные операции против торовых судов противника в Эгейском море. Так, за последнюю декаду было потоплено три судна и много других повреждено».

Элементарная опечатка легко устранилась возвращением буквы «г», но, оставшись за редактора, ответственный секретарь В.Д. Томилова поступила по-своему. Она сократила два слова «против торовых», не задумавшись, что при этом в корне меняется содержание. Политический смысл телеграммы был искажен, и победы наших союзников отнесены на счет немцев. Причем Томилова не дала поправки в газете, не сделала запрос о повторении телеграфом текста телеграммы...

18 августа 1945 года бюро обкома партии посвятило основное время заседания «Работе газеты «Красное знамя». Постановление обязывало редактора В.И. Смирнова «перестроить работу редакции на основе указаний ЦК от 26 июня сего года «Об улучшении качества областных газет» и настоящего решения. Глубже вникать в хозяйствственно-политическую жизнь области, освещать вопросы хозяйственного и культурного строительства и улучшения быта трудящихся. Перестроить работу отдела партийной жизни, превратив его в основной и ведущий отдел газеты. Активно поддерживать и широко пропагандировать инициативу и опыт передовых людей области, развивать острую критику недостатков, разоблачать людей, нарушающих трудовую и государственную дисциплину. Изжить небрежность в оформлении газеты, особое внимание обратить на воскресные номера. Много внимания уделено организации систематической политической учебы и повышению деловой квалификации работников редакции...».

Кроме того, бюро обязывало в месячный срок укомплектовать аппарат редакции по утвержденному штату, Томскому горисполкуму выделить для работников шесть квартир, а облисполкуму – две лошади для разъездов, провести подготовительную работу к переходу на выпуск газеты в четыре полосы.

Тираж постепенно увеличивался, достигнув с созданием области в 1944 году 35 тысяч экземпляров, однако запросы населения не удовлетворились. И тогда 21 марта 1950 года секретарь Томского обкома ВКП(б) А. Семин направил письмо секретарю ВКП(б) М. Суслову. Упор делался на своеобразие местных условий, удаленность от Томска на 800-1000 километров северных районов, где большинство населенных пунктов не радиофицировано, а центральные газеты доставляются со значительным опозданием.

Вследствие малого тиража из областного бюджета отпускается дотация 276 тысяч рублей. При тираже 50 тысяч редакция будет работать без дотаций, да еще и давать отчисления в пар-

тийный бюджет. Забегая вперед, отметим, что вскоре с увеличением тиража газета действительно стала рентабельной и отчисляла в партийную кассу около миллиона рублей.

Шло время. С августа 1949 года редакцию возглавил новый, хорошо образованный редактор, участник войны, большой специалист по социологии Владимир Александрович Кузмичев. С 1950 года его заместителем стал Александр Николаевич Новоселов, гвардии майор, командир лыжного батальона, награжденный боевыми орденами. Вскоре он выехал на трехлетнюю учебу в Новосибирскую ВПШ, а в его отсутствие обязанности заместителя исполнял Степан Арсентьевич Кропачев. Кадровый состав редакции укреплялся. На заседании бюро обкома КПСС 10 октября 1953 года утвердили новую редакцию: Кузмичев, редактор, Кропачев, заместитель, Семенов, ответственный секретарь, Мизгирев, заведующий отделом пропаганды, Мурzin, заведующий отделом партийной жизни.

Все важнейшие для жизни города и области вопросы рассматривались и решались на бюро обкома партии, где довольно часто обсуждались редакционные дела, начиная с утверждения редактора до членов редакции. Особенно частыми и плодотворными такие отношения с редакцией «Красного знамени» и другими средствами массовой информации установились с утверждением на должность первого секретаря обкома КПСС Егора Кузьмича Лигачева, что произошло в 1965 году.

С января 1966 года стали издаваться специальные выпуски газеты «Красное знамя» под названием «За томскую нефть и газ», периодичностью 3 раза в месяц и тиражом 1000 экземпляров. А 18 января 1966 года на бюро рассмотрен важный вопрос «О повышении действенности материалов, публикуемых в газете «Красное знамя». Отмечено, что чаще стала появляться рубрика «По следам наших выступлений». К голосу газеты внимательно прислушивается большинство руководителей партийных, советских, общественных организаций, промышленных предприятий, колхозов, совхозов, учреждений и учебных заведений, своевременно информируют общественность о принятых мерах, используют печать для устранения недостатков в работе, для успешного решения хозяйствственно-политических задач.

Одобрена деятельность газеты, опубликовавшей ряд материалов об организации соревнования двадцати тысячников в лесной промышленности, почине бригады Владимира Корнеева из Ергайского леспромхоза. Однако ценная инициатива не поддержана в комбинате «Томлес» и

обкоме союза рабочих лесной и деревообрабатывающей промышленности. Не принимают должных мер по устраниению недостатков, вскрытых газетой, областное и некоторые районные управления сельского хозяйства. Есть факты замалчивания критических выступлений со стороны Кривошеинского и Верхнекетского райкомов партии. Иногда отделяются от критики ничего не значащими отписками работники Томского горисполкома. Высокомерное бюрократическое невнимание к сигналам печати проявил председатель Ленинского райисполкома И.И. Храмов. Игнорировал справедливую критику, пытался выгородить работников, виновных в незаконных действиях. Досталась доля критики и редакции, которая «не проявляет должной настойчивости в борьбе за повышение действенности публикуемых материалов, недостаточно информирует о мерах по критическим выступлениям, редко пишет о руководителях, которые отделяются бюрократическими отписками, не принимая действенных мер по выступлениям печати и жалобам трудящихся...».

Типичный пример отношения к средствам массовой информации и главной газете области «Красному знамени», уверенно набирающей тираж, авторитетной и популярной среди томичей и жителей области.

Опыт томичей вскоре был обобщен и распространен на всю страну после принятого ЦК КПСС постановления «О руководстве Томского обкома КПСС средствами массовой информации и пропаганды». На него ссылались выступавшие на заседании бюро 11 ноября 1977 года, обсуждая тему «Об освещении в областных газетах «Красное знамя» и «Молодой ленинец» вопросов rationalного использования свободного времени и развития массового спорта». Отмечено, что областные газеты энергично взялись за выполнение постановления, помогая молодежи выработать активную жизненную позицию, осознать права и обязанности перед обществом в свете Конституции СССР, правильно распорядиться таким общественным богатством, как личное время граждан.

Практически каждое заметное выступление газеты находило отклик не только у наших читателей, но и в городском и областном комитетах партии. Характерна оценка статьи «Пока шумит Михайловская роща...», опубликованной 2 августа 1980 года за подписью Э. Быковой, И. Лаптева, В. Афонина и Л. Мерцаловой. Бюро обкома под председательством Е. Лигачева отметило, что «газета подняла актуальный вопрос сохранения крупного зеленого массива в г. Томске и воспитания людей в духе бережного отношения

к природе». Как всегда были сделаны обобщения и выводы, поставлены задачи разработать перспективный план зеленого строительства на 11-ю пятилетку, установить шефство комсомольских организаций над зелеными массивами пригородной лесопарковой зоны...

С 1 января 1984 года уже при редакторе Н.Г. Нестеренко началось издание рекламного приложения «Томская неделя» тиражом 50 тыс. экземпляров. Его редактором утвердили сотрудника «Красного знамени», участника Великой Отечественной войны С.Н. Андреева.

В 80-е годы прошлого века в Томске проводилась целенаправленная работа по улучшению жилищных условий томичей. На бюро обкома 6 апреля 1984 года под председательством первого секретаря А.Г. Мельникова рассматривали вопрос «О письмах трудящихся в обком КПСС, редакцию газеты «Красное знамя» по жилищным вопросам». Были названы впечатляющие цифры: за годы 11-й пятилетки жилищные условия улучшили 53 тысячи семей, выполнена важная социальная задача – переселение граждан из бараков и подвалов, 1300 квартир получили инвалиды войны и семьи погибших, начат планомерный снос ветхого жилья. Редакция газеты «Красное знамя» использовала эту почту для подготовки критических статей при выявлении недостатков в решении проблемы.

Работа с письмами была всегда отличительной, так сказать, фирменной чертой «Красного знамени». Даже на заре существования газеты голос читателя, его мнение, мысли в слух, предложения старались использовать на газетных полосах в первую очередь. В «лигачевские времена» почта редакции была серьезнейшим источником информации. Заведующий отделом писем был обязан готовить в обком ежемесячные обзоры с указанием самых существенных тенденций, тем, жалоб с «криком души», затяжных конфликтов, неразрешимых квартирных вопросов. Причем все, что попадало в обзор, имело высочайшую действенность: неразрешимое – решалось, конфликты, как правило, заканчивались мировым соглашением. А какое раздолье для широкого использования богатой редакционной почты в обзорах писем наступило в 90-х годах! Достаточно назвать несколько красноречивых заголовков: «Как живешь, ненька Украина?», «Обрушился мир, во сне хмельном пробормочу я, скатилось, кажется, ячменное зерно...», «Не попить вам молочка, господа хорошие...», «И, как рощу в сентябрь, осыпает мозги алкоголь», «Эх, пить-гулять будем, чашки-плошки разобьем, новые добудем...».

Работу с письмами в редакции рассматривали как одно из решающих направлений демократизации газеты. Редактор Н.Г. Нестеренко 1 марта 1988 года издал приказ «О порядке работы с письмами в редакции газеты «Красное знамя». Была поставлена, задача упорядочить работу с письмами, усилить контроль действенности публикаций и писем, посылаемых для принятия мер в различные организации и учреждения. Был даже установлен ежемесячный минимум опубликованных материалов нештатных авторов – 600 писем. Конечным результатом считалось принятие исчерпывающих мер по сути письма. Все отделы принимали участие в подготовке полосы «Действенность газетной строки», которая выходила раз в месяц. Публиковались подборки действенности. Волокита с письмами, отсутствие работы с авторами, равнодушие к действенности наказывалось строгим выговором.

Публикации на основе писем были самыми востребованными читательской аудиторией. И до сегодняшних дней публикация на газетных полосах читательских мнений остается действенной мерой воздействия на общественное сознание. Нигде, кроме как в «Красном знамени», нет больше подписчиков и читателей с 30-40 и даже с 50-60-летним стажем. Здесь умеют беречь и ценить своего читателя, интересы которого всегда широко представлены на газетных страницах. Одно из главных достоинств газеты во все времена своей столетней истории – близость к трудящемуся человеку. И в то же время на ее полосах представлены абсолютно все социальные слои населения города Томска и области.

Жизнь круто изменилась с началом перестройки. Большинство журналистов редакции в декабре 1993 года утвердило Татьяну Кондрацкую-Винтизенко главным редактором ЗАО «Редакция «Красное знамя». С первых дней руководства она ориентировала журналистов на поиск социально значимых тем, ярких личностей, учила умению раскрыть деловую тему, сочетая с рассказом о чем-то экстраординарном, необычном в повседневной жизни.

Объединив полномочия редактора и директора ООО «Редакция «Красное знамя», Татьяна Евгеньевна внесла решающий вклад, способствовала тому, что коллектив редакции выжил и

сохранил высокий тираж даже в трудные 90-е годы, а журналисты находили современные формы подачи газетного материала, увлекали, тем самым, сохраняя своих читателей, новыми темами, острыми публикациями. В частности, были созданы два оригинальных, интереснейших специальных выпуска «Красного знамени» - «Ева» и «Бизнес», которые отражали профессиональные и житейские интересы многих тысяч читателей. В том числе и по этой причине тираж газеты за последние два десятка лет стабильно превышает 22 тысячи экземпляров, оставаясь самым высоким среди СМИ Томска и области.

Газета «Красное знамя» - alma mater для многих журналистов, попавших в свое время в Томск. Они успешно работают в различных изданиях, в том числе и центральных, стали писателями. Несмотря на финансовые осложнения, вызванные кризисами, санкциями и сложной международной обстановкой, нынешнему редактору удалось собрать и сохранить высококвалифицированный, работоспособный, творческий коллектив журналистов. За свою многолетнюю работу редакция награждалась Почетными грамотами и дипломами, орденом Трудового Красного Знамени, а ее сотрудники неоднократно становились лауреатами премии Союза журналистов СССР и России, награждались значками ВДНХ всех достоинств, правительственные отличиями. Сама газета, журналисты и сегодня становятся победителями и призерами престижных общероссийских, межрегиональных и региональных, ведомственных конкурсов, получают различные награды.

Завершая тему, хотелось бы подчеркнуть один удивительный факт: за целое столетие еще никому из 45 редакторов, кроме Татьяны Кондрацкой, не удавалось оставаться в редакционном кресле такое продолжительное время – 25 лет. Подобное постоянство вселяет надежду, что «Красное знамя», вступив в новый век, сохранит профессиональный коллектив, славные традиции и сердечную близость к своим многочисленным читателям. А богатая, насыщенная событиями история, обширный послужной список наград и достижений коллектива, высокий профессионализм сотрудников, позволят редакции по-прежнему быть в первых рядах печатных СМИ региона и Сибирского федерального округа.

Редакторы газеты за 100 лет

Газета «Известия Совета солдатских депутатов Томского гарнизона»

Вегман Вениамин Давидович – *март 1917 – май 1917*

Газета «Знамя революции»

Вегман Вениамин Давидович – *июнь 1917 – май 1918*

Газета «Знамя революции»

Елькович Яков Рафаилович – *1919 (с 19 по 31 декабря)*

Газета «Сибирский коммунист»

Елькович Яков Рафаилович – *1920 (с 1 по 7 января)*

Эмолин Арнольд Генрихович – *1920 (с 10 по 30 января)*

Газета «Знамя революции»

Вегман Вениамин Давидович – *февраль – июнь 1920*

Молотов (Эйсмонт) Константин Михайлович – *июнь – сентябрь 1920*

Константинов Андрей Андреевич – *1920 (со 2 по 24 сентября)*

Соболевский Г. – *сентябрь – октябрь 1920*

Гоберман Георгий Платонович – *октябрь – декабрь 1920*

Молотов Константин Михайлович – *декабрь 1920 – июль 1921*

Канцельсон Лев Наумович – *август – октябрь 1921*

Стуков Василий Николаевич – *октябрь – ноябрь 1921*

Газета «Красное знамя»

Канцельсон Лев Наумович – *декабрь 1921 – март 1924,*

на время его отсутствия редакторами были:

Городецкий – *август 1922 – февраль 1923*

Стуков Василий Николаевич – *февраль 1923*

Баров – *февраль – март 1923*

Шафранский Валерий (Валериан) Николаевич (подпись в газете: Д. Шафранский)
– *март 1924 – октябрь 1925*

Зайцев Василий Лукьянович – *январь 1926 – декабрь 1929*

Степанов Николай Евдокимович – *март 1930 – октябрь 1930*

Тихонов Сергей Григорьевич – *январь 1931 – октябрь 1931*

Босых Василий Петрович – *январь 1932 – июнь 1932*

Васильев Дмитрий Иванович – *октябрь 1932 – февраль 1933*

Прошляков Анатолий Павлович – *февраль 1933 – октябрь 1933*

Фоменко Яков Михайлович – *октябрь 1933 – январь 1935*

Михайлов Михаил Андреевич – *февраль 1935 – сентябрь 1936*

Портянкин Иван Акимович – сентябрь 1936 – октябрь 1937
 Ледскалнин Альфред Карлович – февраль – август 1938
 Кореневский Иван Лукич – август 1938 – январь 1939
 Брызгалов Наум Васильевич – январь 1939 – октябрь 1939
 Ледскалнин Альфред Карлович – октябрь 1939 – март 1940
 Брызгалов Наум Васильевич – апрель – ноябрь 1940
 Ледскалнин Альфред Карлович – декабрь 1940 – май 1941
 Земсков Николай Петрович – май 1941 – август 1941
 Пронин Петр Зиновьевич – сентябрь 1941 – ноябрь 1941
 Черкасский Соломон Борисович – январь 1942 – сентябрь 1943
 Ельцов Георгий Александрович – сентябрь – ноябрь 1943
 Черкасский Соломон Борисович – декабрь 1943 – май 1944
 Ельцов Георгий Александрович – сентябрь – ноябрь 1944
 Смирнов Василий Иванович – ноябрь 1944 – март 1947
 Качев Петр Никифорович – январь 1947 – июнь 1949
 Кузьмичев Владимир Александрович – август 1949 – февраль 1963
 Новоселов Александр Николаевич – февраль 1963 – сентябрь 1981
 Нестеренко Николай Григорьевич – сентябрь 1981 – апрель 1989
 Бурмакин Эдуард Владимирович – октябрь 1989 – июнь 1990
 Иванов Владимир Александрович – сентябрь 1990 – декабрь 1993
 Кондрацкая Татьяна Евгеньевна – декабрь 1993 – по настоящее время.

Для установления крайних дат исполнения обязанностей редакторов использованы следующие источники – сведения в выпусках газет, данные учетной картотеки кадров Томского окружкома (образца 1926 г.), протоколы заседаний коллегиальных органов РКП(б) – КПСС за 1920–1991 гг., личные дела редакторов. В случае расхождения сведений приводится информация из выпусков газет.

В начале 1920 г. назначение редакторов производилось томскими партийными органами.

С укреплением партийной вертикали решения о назначении стали принимать в Сиббюро РКП(б), позже в Сибкрайкоме и т.д. С образованием Томской области решение о назначении редактора принимала томская партийная власть, обязательно согласуя кандидатуру с ЦК ВКП(б) – КПСС. Из этого правила могли быть исключения, так В.А. Кузьмичев был направлен в Томск по решению ЦК ВКП(б).

Подготовлено сотрудниками Центра новейшей истории Томской области
специально к 100-летию газеты «Красное знамя».

Редакция благодарит сотрудников Центра документации новейшей истории Томской области – директора ЦДНИ ТО Л.А. Гребневу, заместителя директора Л.Н. Приль, заведующую сектором использования документов Е.Г. Маркову за колоссальную работу по поиску архивных материалов, связанных с «Красным знаменем» (многие из них не вошли в эту книгу, но будут опубликованы на сайте газеты).

СОДЕРЖАНИЕ

Людмила ПРИЛЬ <i>Всегда с людьми</i>	4
Владимир ФЕДОРОВ <i>Рожденная в «минуты роковые»</i>	6
Сергей НИКИФОРОВ <i>«В горячий, боевой момент...»</i>	18
О ЧЕМ МЫ ТОЛЬКО НЕ ПИСАЛИ <i>Мир хижинам, война дворцам</i>	20
Нина ГУБСКАЯ <i>Он набирал первый номер</i>	23
Аркадий БРУСКИН <i>Лицом к огню</i>	24
О ЧЕМ МЫ ТОЛЬКО НЕ ПИСАЛИ <i>Губернский Томск в трагические дни</i>	27
Виктория БРЫНДИНА <i>Пером и сердцем</i>	30
Владимир ФЕДОРОВ <i>Осень патриарха</i>	34
О ЧЕМ МЫ ТОЛЬКО НЕ ПИСАЛИ <i>Октябрь 1917 года: от Петербурга до Томска</i>	35
Виктор ЛОЙША <i>Майскими короткими ночами...</i>	38
Александр СОЛОВЬЕВ <i>Школа Новоселова</i>	39
Соломон ВЫГОН <i>«Неудобный» редактор</i>	39
Нина МАСКИНА <i>«В честь лицедея Калика»</i>	40
Александр СУХАЧЕВ <i>Везде и всегда — за справедливость</i>	42
О ЧЕМ МЫ ТОЛЬКО НЕ ПИСАЛИ <i>По убийственным волнам революций</i>	44
Виктор ЛОЙША <i>Диверсант (Аркадий Брускин, сержант невидимого фронта)</i>	47
Сергей НИКИФОРОВ <i>«Чтобы дать четыре строчки...»</i>	49
О ЧЕМ МЫ ТОЛЬКО НЕ ПИСАЛИ <i>«Наш музей изумительных людей...»</i>	52
«НАСТОЯЩАЯ ГАЗЕТА НЕ СТАРЕЕТ...»	55
Виктор ЛОЙША <i>«Как? Вы не читаете собственную газету?!»</i>	57
Сергей ЗАПЛАВНЫЙ <i>Время Лигачева</i>	60
О ЧЕМ МЫ ТОЛЬКО НЕ ПИСАЛИ <i>Начало большого террора</i>	63
Вадим МАКШЕЕВ <i>Деревенские вехи</i>	66
Светлана СЫРОВА <i>Семейная эстафета</i>	71
О ЧЕМ МЫ ТОЛЬКО НЕ ПИСАЛИ <i>Обреченные умереть</i>	85
Владимир ФЕДОРОВ <i>Команда молодости нашей...</i>	88
Сергей ЗАПЛАВНЫЙ <i>И это все о нем</i>	90
Виктор ЛОЙША <i>Дворянин во мещанстве</i>	94
Николай КИРИЛЛОВ <i>Человек своего времени</i>	97
О ЧЕМ МЫ ТОЛЬКО НЕ ПИСАЛИ <i>Бессстрашный оппонент Сталина</i>	100

Виктор ЛОЙША Умереть не встать.....	103
Соломон ВЫГОН Со второй попытки.....	107
Мария СМИРНОВА Заметки на полях большой газеты.....	113
ИМЯ В «КРАСНОМ ЗНАМЕНИ» И... ЕВРОПЕЙСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ.....	117
Виктор ЛОЙША Человек с аккордеоном.....	118
О ЧЕМ МЫ ТОЛЬКО НЕ ПИСАЛИ «Всевидящий глаз» государства.....	121
Владимир ФЕДОРОВ Крестные мои отцы и... матери.....	124
Юрий ИВАНОВ Министр тоже прочитал.....	131
Лев ПИЧУРИН Страницы моей жизни.....	132
О ЧЕМ МЫ ТОЛЬКО НЕ ПИСАЛИ «Вставай, страна огромная...».....	135
Владимир ФЕДОРОВ «Я не умру, я разорвусь струной...».....	139
Нина МАСКИНА И снова в путь.....	143
О ЧЕМ МЫ ТОЛЬКО НЕ ПИСАЛИ «Отдам для фронта все...».....	147
Александр БЕРЕЖКОВ «Газетная» азбука.....	150
Геннадий СКАРЛЫГИН Большая удача.....	152
Оксана ЧАЙКОВСКАЯ «Красное знамя» - первая газета!	154
Тамара ДРОЗДОВА В номер, на первую!.....	170
О ЧЕМ МЫ ТОЛЬКО НЕ ПИСАЛИ «Война, беда, мечта и юность...».....	173
Наталья ШЕРЕМЕТ Трава у дома.....	177
Надежда БЕЛОУС Репортер получил задание.....	180
Вера ДОЛЖЕНКОВА Полеты во сне и наяву.....	181
Сергей СИМОНОВ Мой друг Евгений Фролов.....	188
Сергей НИКИФОРОВ Будем жить.....	192
Татьяна ВЕСНИНА Второй раз «с головой» в реку.....	197
О ЧЕМ МЫ ТОЛЬКО НЕ ПИСАЛИ «Великое, светлое, радостное слово «Победа!».....	199
Борис МАЛЬЦЕВ Однажды и на долгие годы.....	203
Николай КИРИЛЛОВ Не растерять память о прошлом.....	205
Владимир ПОЛЕВ Ваш внештатный автор...	208
Владимир ФЕДОРОВ Нам не обойтись друг без друга.....	209
О ЧЕМ МЫ ТОЛЬКО НЕ ПИСАЛИ Слышать голос читателя.....	212
РЕДАКТОРЫ ГАЗЕТЫ ЗА 100 ЛЕТ	216

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

ВЕК С ЛЮБИМОЙ ГАЗЕТОЙ

Редактор-составитель - Н.И. Маскина.

Материалы рубрики «О ЧЕМ МЫ ТОЛЬКО НЕ ПИСАЛИ» подготовил В.И. Федоров.

Корректура, вычитка - С.А. Чернякова, М.А. Черепова.

Дизайн и верстка - Н.Ю. Пикалёв.

Формат издания 60x84 1/8. Печ. л. 27,5.

Гарнитура Minion Pro. Тираж 200 экз. Заказ № 26811.

Отпечатано в ООО «Томская полиграфическая компания»

г. Томск, ул. Пушкина, 40/1.